



АЛЬМАНАХ

НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА,
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ЗАБАЙКАЛЬЯ



СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие к «Альманахам современной художественной литературы народов России (проза и поэзия)»</i>	
---	--

ЧАСТЬ 1. ПОЭЗИЯ

ПОЭЗИЯ БУРЯТИИ

Нина Артугаева

Стихи мои.....	13
Танец листьев.....	14
Ожидание счастья	14

Галина Базаржапова

Дар Алтарганы. Мини-поэма	15
Небеса искусные радуя	16
Предок	17

Амгалан Будаев

Братчанка	
Песнь Джиде	18
Тулунчанка.....	18

Сергей Доржиев

На братской могиле	20
Бурятия	20
Ода Ольхону	21

Дарима Николаева

Сегодня мне на грудь упало небо.....	23
--------------------------------------	----

Туяна Очирова

Шесть братьев.....	24
--------------------	----

Людмила Семенова

Триптих. Доржи Банзаров	25
Вальс Победы	26
Четырнадцатое декабря... ..	27
Благословенный, Избранный Матвей.....	28
Казачья песня	28

ПОЭЗИЯ ТЫВЫ

Юрий Дарбаа

Прощание с морем	29
Фонтан слёз	29
Успокоюсь только дома	30

Кашпал-оглу

Стальная птица	31
Дорога войны	31
Угли войны	31
Враг	32
Я устал бояться	32

Светлана Ондар

Старая скамья	33
Орлы там летают	33
Звон бубна	33
Имя на песке	33
Солнышко твоё куда пропало	34
Тоска по детству	34
В ожидании	34

Мэнги Ооржак

Мой наказ сыну Лопсан-Доржу	35
Деревья родины моей	35
Хойтпак	36
Слово матери моей	36
Дочери – художнице	37
Млечным пухом летит первый снег	37
Тувинский мой язык	37
Всенародный дар Тувы	37

Юрий Тун-Оол

Ода сонету	38
Облако моей мамы	38
Золотое кольцо	38
Голос моей души	38

ПОЭЗИЯ ХАКАСИИ

Игорь Мамышев

Песнь живых струн	39
Есть сакральное место, где звёзды так близко... ..	40
Оберег	40

Ветер, бродя по крутым косогорам.....	40
---------------------------------------	----

Валентина Татарова

Великий бубен	41
Кукушка	41
Я плачу	42
Караваны великой степи	42

Сибдей Том

Хайджи и поэт.....	43
--------------------	----

ПОЭЗИЯ ЧУКОТКИ

Юрий Абраменко

Сыны Чукотки	45
Русский солдат!	45

Наталья Гониева

Возвращайся домой, мальчишка.....	46
У России – женская душа	46

Зоя Ненлюмкина

Человек и земля	47
-----------------------	----

Андрей Носков

По велению совести	48
Вспомним	49

Татьяна Асадова (Тнатвааль)

Биография.....	49
----------------	----

ПОЭЗИЯ ЯКУТИИ

Саргылана Гольдерова-Саргы Куо

Я в глубокой древности была	50
Природа-колыбель.....	50
Я высоко летала над землей	51

Наталья Харлампьева

Мой дед олонхосutom был	51
Сон в гобийской степи	52
В земле гниют обломки грозных копий	52
Утешение.....	53
Я сильная женщина. Я из якуток	53

Услышу звук, услышу звон.....	53
-------------------------------	----

ЧАСТЬ 2. ПРОЗА

ПРОЗА БУРЯТИИ

Сергей Доржиев

На льдине	55
Звезда наша путеводная	74

ПРОЗА ЗАБАЙКАЛЬЯ

Елена Чубенко

Апостол Пётр... Филиппыч.....	95
На море-окияне.....	102

ПРОЗА ТЫВЫ

Юрий Дарбаа

Оживший снимок	104
----------------------	-----

Зинаида Серен-Чимита

Огоньки надежды	120
Девушка на волшебном белом коне. Судьба Саяны.....	122

Шангыр-оол Суван

Олененок Эзирек	138
Мальчик из страны сказок	141

ПРОЗА ХАКАСИИ

Анатолий Султреков

Фрагменты из двух легендарных биографий. Подарок для матери	146
В подземельях Бреслау	152

ПРОЗА ЧУКОТКИ

Самира Асадова

Сказки канчаланских чаучу. Мудрая старуха	159
Собака-воротник.....	159
О вечной жизни	160
Глупый ворон	161
Тынмай	161

Лиса и евражка	162
Куропатка и олень	163
Танец журавлей	163
Важенка и телёнок.....	164
Одинокий волк	165
Омрувье I.....	166
Враги.....	167

Валентина Вэкэт-Итевтегина

Люди, спящие на нерпичьих шкурах – танойгайкотльят. Мужественная женщина. Часть 1.....	168
--	-----

ПРОЗА ЯКУТИИ

Ангелина Васильева-Дайыына

Лосёнок.....	184
--------------	-----

Евдокия Иринцеева-Огдо

Землянички на чашке	191
---------------------------	-----

Михаил Сиванков

Когда вскроются реки.....	197
---------------------------	-----

Константин Эверстов

Плач лошадей.....	206
-------------------	-----

ЧАСТЬ 3. ДРАМАТУРГИЯ

ДРАМАТУРГИЯ ХАКАСИИ

Илья Топоев

Волшебный чатхан	210
------------------------	-----

**АЛЬМАНАХ
НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР
НАРОДОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА,
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И ЗАБАЙКАЛЬЯ**

ПРОЗА, ПОЭЗИЯ, ДРАМАТУРГИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

к «Альманахам современной художественной литературы народов России (проза и поэзия)»

Уважаемые коллеги!

Дорогие друзья!

2026 год объявлен в России Годом единства народов России. Президент РФ В. В. Путин подписал Указ «О проведении в Российской Федерации Года единства народов России». В Указе, в частности, сказано: «В целях укрепления национального единства, мира и согласия между народами Российской Федерации постановляю:

1. Провести в 2026 году в Российской Федерации Год единства народов России».

Союз писателей России отреагировал на это важное для страны событие собственной культурной инициативой. С целью изучения современного состояния национальных литератур народов нашей страны было решено провести ряд межрегиональных научно-практических Конференций национальных литератур народов России. Подобные Конференции предложено было провести в г. Грозном (Конференция национальных литератур народов Северного Кавказа, юга России и Крыма, июнь 2026 г.), в г. Казани (Конференция национальных литератур народов Поволжья, Урала, Северо-Запада и Алтая, июнь 2026 г.), а также провести в формате онлайн Конференцию национальных литератур народов Дальнего Востока, Восточной Сибири и Забайкалья (июль 2026 г.).

Итоговая Всероссийская Конференция национальных литератур народов России запланирована на ноябрь 2026 г. в г. Москве.

В рамках подготовки конференций был дан старт проекту, целью которого было объявлено создание в электронном виде региональных «Альманахов современной художественной литературы народов России (проза и поэзия)».

На основе региональных Альманахов мы планируем издать ко времени проведения Общероссийской Конференции один итоговый «Альманах», куда войдут лучшие произведения авторов, составляющих гордость национальных литератур.

С целью отбора лучших произведений национальных авторов в профессиональных переводах было создано многоступенчатое Специальное жюри, включающее в себя сеть региональных Экспертных Советов, возглавляемых авторитетнейшими специалистами. В составе Советов шесть докторов наук из разных регионов нашей страны, а также известные всей читающей России писатели и поэты.

Если посмотреть на наш проект в контексте реформирования функций СПР, следует отметить, что СПР поставил перед собой весьма амбициозную задачу. Она заключается не в том, чтобы просто издать «Альманахи» и провести Конференции, посвященные Году единства народов России; это, безусловно, важно, но мы не хотим ограничиваться выставочными и, так сказать, одноразовыми мероприятиями. Наша задача, как мы ее себе представляем, состоит в том, чтобы создать инструменты и, в идеале, технологию диагностики, дающей представление об объективном состоянии национальных литератур народов России здесь и сейчас.

Это не только амбициозная, но и очень сложная задача. Каким должен быть механизм первоначального сбора и отбора материалов? Кто должен за это отвечать? Кто должен назначать ответственных? Какими должны быть критерии отбора произведений (объем, качество, жанровый состав)? Какими должны быть критерии качества переводов? Кто должен их утверждать? Как распределить полномочия федеральных и региональных структур СПР? Создание технологии требует выстраивания организационной структуры с прозрачным и понятным функционалом.

Писательское сообщество — это сообщество талантливых и, как следствие, чувствительных и рани-

мых людей; любой «конкурентный» проект в таком сообществе — это система весьма тонких настроек. А если учесть, что мы ставим целью укрепление национального единства разных народов, степень сложности задачи кратно возрастает.

Никто не знает, как решать эти задачи, все приходится создавать и изобретать самим; и проблемы, и способы их решения постоянно возникают и варьируются в процессе продвижения нашего проекта. Собственно, анонсированные Конференции для того и нужны, чтобы создать эффективную технологию диагностики и передать ее в руки тех, кто собирается продолжить наше дело дальше.

В идеале, конечно, мы хотим создать такой проект, который будет действовать на долгосрочной основе, постоянно, на протяжении многих лет.

Зачем нужен проект, который условно можно назвать «Альманахи современной художественной литературы народов России как отражение литературного процесса»?

Альманахи и Конференции, повторим, — это не самоцель, а инструменты определенной технологии. Если СПР собирается хотя бы отчасти управлять многонациональным литературным процессом, если мы хотим понимать его природу и тенденции развития, нам необходимо иметь представление о том, что сейчас пишут в регионах, почему пишут именно это, что сегодня читают, почему читают именно это, кто это читает и что надо сделать для того, чтобы писали и читали то, что нужно писать и читать. Как развиваются национальные литературы и языки в процессе взаимодействия с великой русской литературой и великим и могучим русским языком? Что надо сделать для того, чтобы процесс взаимодействия стремился стать процессом взаимообогащения?

Сами по себе эти вопросы не решаются, ими надо заниматься, если мы хотим иметь гармоничное соцветие национальных литератур, где всем комфортно и где само понятие «многонациональное» осознается как культурный ресурс.

Создаваемые нами «Альманахи» будут доступны и самым разным читателям, и широкой общественности, и специалистам-исследователям. Это, в свою очередь, должно пробудить интерес к национальным литературам.

Уже сам процесс создания «Альманахов» обострил многие проблемы, требующие безотлагательного решения. Например, проблему переводческих школ — точнее, их отсутствия. Переводческие школы — это ведь не только про перевод выдающихся образцов национальных литератур на русский, это и про перевод образцов русской классики на национальные языки. Перспективы и возможности здесь очевидны — как очевидно и то, что эти возможности пока не востребованы.

Теперь несколько слов о конкретных «Альманахах» — «Альманахе современной художественной литературы народов Северного Кавказа, юга России и Крыма (проза, поэзия, драматургия)», «Альманахе современной художественной литературы народов Поволжья, Урала, Северо-Запада и Алтая (проза и поэзия)» и «Альманахе современной художественной литературы народов Дальнего Востока, Восточной Сибири и Забайкалья (проза, поэзия, драматургия)».

При составлении «Альманахов» эксперты руководствовались не чутьем и наитиями, а вполне определенными принципами, которые мы сейчас прокомментируем.

Во-первых, согласно нашему писаному и неписаному уставу, в каждом конкретном «Альманахе» могут быть представлены только ныне здравствующие писатели (дай Бог им здоровья на долгие годы!). Это положение очерчивает концептуальные рамки «Альманаха»: в нем представлены не лучшие писатели всех времен, определившие лицо той или иной литературы (это уже задачи иного проекта), а лучшие из живущих, что дает представление об актуальном состоянии литературы.

Во-вторых, писатели должны быть членами СПР, ибо: проект финансируется из бюджета СПР.

Могут быть исключения? Из второго пункта могут. Но они не отменяют принципов.

Следующий принцип — критерии художественности.

Обратим внимание: в «Альманахах» представлены проза и поэзия, но почти нет драматургии (она представлена двумя произведениями только в «Альманахе современной художественной литературы народов Северного Кавказа, юга России и Крыма (проза, поэзия, драматургия)» и одним в «Альманахе современной художественной литературы народов Поволжья, Урала, Северо-Запада и Алтая (проза, поэзия, драматургия)»). Значит ли это, что в обозначенных национальных литературах напрочь отсутствует драматургия как таковая?

Нет, это значит совсем другое. Изначально мы предусматривали номинацию «драматургия», однако в процессе экспертного обсуждения содержательного состава «Альманахов», мы пришли к выводу, что уровень и качество драматургии не соответствует высокому уровню требований Экспертного совета. Это ни хорошо, ни плохо; это то, что мы имеем здесь и сейчас. Кстати, предложенные пьесы не назовешь плохими, они обладают определенными литературными достоинствами, некоторые весьма мастеровиты и креативны; однако сложно представить, что они могут стать основой театрального и общественного события. Мы пришли к выводу, что такого рода пьесы не стоит делать предметом широкого литературного обсуждения.

При желании наше экспертное сообщество можно упрекнуть в том, что оно не всегда руководствовалось исключительно критериями высокого художественного качества (хотя и не скрывало, что критерий этот — решающий). Поэзия и проза в отдельных случаях представлены текстами проходными, чтобы не сказать заунывными. Можно было их убрать, чтобы общий уровень «Альманахов» стал заметно выше? Можно. Но вместе с текстами ординарными мы убрали бы и то, что можно назвать маркером актуального уровня развития национальной литературы. У нас, как говорится, нет других писателей, а те, что есть, пишут то, что могут. Зачем же приукрашивать положение вещей, «лакировать действительность», как говаривали раньше?

Нам кажется, что такого рода информация, такие литературные «сигналы» тоже очень важны для понимания сути литературных процессов. Здесь тот самый случай, когда «на зеркало неча пенять», — напротив, зеркало стоит поблагодарить, хотя на это, будем откровенны, трудно надеяться.

С другой стороны, иногда приходилось отказываться включать в «Альманах» произведения, по качеству вполне соответствующие нашим требованиям, но при этом не проходящих цензуру здравого смысла и моральных запросов общества. В авторских книгах такие произведения «с картинками и перчиком» вполне уместны, поскольку в них автор отвечает сам за себя. Что касается наших «Альманахов», то это особого рода издание, рассчитанное на широкий общественный резонанс, издание, которое будут пристально рассматривать в разных ракурсах, и даже один «неоднозначный» или дискуссионный момент может отразиться на репутации всего «Альманаха» и всего нашего проекта.

Во всяком случае, эксперты подошли к данному вопросу именно так, а не иначе.

Наконец, остановимся еще на одной проблеме, решить которую однозначно совсем не просто. В каждом национальном образовании есть ряд авторов, пишущих на русском языке, которые при этом вполне вписываются в национальные реалии (национальная принадлежность в этом случае не имеет решающего значения).

Вынуждены признать: права таких авторов были несколько ущемлены, хотя мы старались в каждом конкретном случае подходить к проблеме индивидуально. Общий наш протокол, свод правил («Альманах литератур народов России») приоритет отдает переводной литературе; однако иногда именно пишущие на русском являются лицом и «брендом» национальной литературы. Это тоже наши реалии, и это еще одна проблема, которую предстоит решать. Пока в концепции наших многонациональных «Альманахов» никак не представлены области и регионы, где пишут только на русском. В перспективе с этим, конечно, надо что-то делать.

Работа над «Альманахом» вскрыла ряд проблем как в работе центрального аппарата СПР, так и в работе региональных структур СПР. Решение этих проблем, несомненно, будет способствовать

укреплению нашего писательского сообщества. Но это, как говорится, уже совсем другая история. В целом нельзя не отметить: проведена огромная, прежде всего — черновая, подготовительная, невидимая глазу работа. Но и эта работа — лишь следствие той подвижнической деятельности наших писателей и поэтов, которые работают не за деньги, а за совесть, прославляя нашу Родину, обогащая светом Истины, Добра и Красоты культурный код нашей российской цивилизации. В результате наш многонациональный культурный фонд имеет достойные наших традиций «Альманахи современной художественной литературы народов России (проза и поэзия)», которые не стыдно представить «граду и миру».

Мы доказали, что литература народов России — это не пропагандистский миф, а реальное достижение нашей культуры.

Мы доказали, что наши «малые» народы в лице своих знаменитых земляков (кстати, без исключения великолепно владеющих русским языком) по-прежнему способны создавать на своем родном языке блистательные шедевры, которые могли бы украсить любую литературу мира.

Мы доказали, что литература народов России — это наш культурный потенциал, который следует изучать, преумножать и грамотно развивать.

Мы поздравляем всех, причастных к работе над «Альманахами» как ключевым звеном нашего большого литературного проекта: поэтов, прозаиков, драматургов, критиков, литературоведов, корректоров, верстальщиков, руководителей всех уровней.

Особая наша благодарность региональным отделениям СПР Чечни, Татарстана и Читы, взявшим на себя основной труд по сбору материала, его структурированию, оценке и подготовке к публикации.

Первым быть труднее всего, поэтому первым часто многое прощают. Первый блин комом, как говорят в таких случаях. Но мы абсолютно убеждены, что наш пилотный проект не нуждается в снисхождении; мы убеждены, что нам есть чем гордиться по результатам нашей работы. Мы уверены, что анализ материалов «Альманахов» будет представлен в скором будущем в монографиях и статьях литературоведов.

И еще мы убеждены в том, что многонациональные «Альманахи» следует издавать регулярно, с периодичностью в два-три года, — и, соответственно, проводить Конференции, где должны оперативно осмысливаться реалии, отраженные в «Альманахах».

Всем мира и добра.

ХАЛИЛОВ М. Г.

Сопредседатель Совета по национальным литературам и переводческому делу СПР, руководитель всероссийского Проекта конференций национальных литератур народов России

АНДРЕЕВ А. Н.,

Председатель общероссийского Экспертного Совета по национальным литературам, доктор филологических наук, профессор

ЧАСТЬ 1

ПОЭЗИЯ

ПОЭЗИЯ БУРЯТИИ

НИНЫ АРТУГАЕВА

БИОГРАФИЯ

Артугаева Нина Токтохоевна родилась 1 января 1953 г. в селе Харгана Улан-Удэнского района Бурятской АССР. Окончила Бурятский государственный педагогический институт им. Доржи Банзарова в 1976 г. Работала с 1976 г. по 2011 г. в школах Бурятии учителем родного языка и литературы. Заслуженный учитель Республики Бурятия, член Союза писателей России, Народный поэт Бурятии, поэт-песенник, автор 180 песен. Из 180 песен — 87 написаны в сотрудничестве с известными композиторами Бурятии, Монголии, Внутренней Монголии, Якутии. Удостоена бронзовой медали в Монголии на фестивале «Алтаргана 2024» за книгу по детской литературе «Бороо бороохон» («Дождик дождичек»). Награждена медалями и орденами Бурятии, России и Монголии.

Автор 11 книг: «Благословения матери», 2002 г., «Песни, мои крылья», 2006 г., «Волшебное сияние звезд», 2011 г., «Юный художник», 2013 г., «Весенние звезды», 2014 г., «Селенгинская весна», 2016 г., «Крылатый конь — 1, 108 песен», 2018 г., «Крылатый конь — 2, 144 песни», 2022 г., «Из Афганской тетради» — 1, 2020 г., «Ветерок родной земли», 2023 г., «Дождик, дождичек», 2024 г.

СТИХИ МОИ...

Перевод Баира Дугарова

Стихи, стихи мои
Откуда вы приходите, стихи?
От синих гор или от степи -
Простора журавлиного,
Или берут исток стихи
Из глубины души
Любимого...
Или от грусти неземной
И затаенной нежности,
Вобравшей жизни свет родной
И отсвет звездной вечности;
Или от уст ребенка,
Прижавшегося к маме
И первыми словами
Свой мир озвучивая громко;
Или от щебета веселого
Весенней птицы,
Что целый день кружится
Под небом дня зеленого...
Иль от волшебных лепестков
Цветка степного,

Напоминающего снова
О мире детских грез и снов;
Или от музыки небесной
Высоких гор,
Хранящих с давних пор
Ключи от тайн вселенной...
Стихи, стихи,
Кто знает, как рождаются они?
Не в золоте ли солнечных лучей,
Их вечного сиянья,
Что наполняет мироздание
Теплом и светом дней;
Не в юных ли сердцах
Растущих поколений,
В полете устремлений,
Надеждах и мечтах;
Не в круговерти ли грозой
Исполненных мгновений,
Небесной влагой в летний зной
Земле несущей облегчение:
Не в материнском молоке ли,
Чья животворной силы суть
Младенца подымает с колыбели,
Благословляя в дальний путь;
Не в синеве ли отчего Байкала

И глубине его священных вод,
Где красоты своей начало
Моя Бурятия берет;
Не в песнях ли, летящих к свету
На все четыре стороны земли,
И обнимающих планету
Дыханьем жизни и любви...

ТАНЕЦ ЛИСТЬЕВ

Перевод Светланы Нестеровой

Танцуют листья во дворе, танцуют листья.
Пришла осенняя пора и ей я рад.
Дождь золотой у нас так долго загостился,
И сны волнуют в голове, как листопад.
Шатёр небесный приоткрылся нам для
взгляда,
Упавших листьев тихий шепот удивил.
И на закате солнца кумачом — награда —
Охапки листьев ветер во дворе кружил.
Деревья мерзнут, ежатся, их ветки гнутся,
Тоскуют по весне и слезы льют свои.
А вспоминая лето — верят, что вернутся
Их листья, певшие мелодию любви.
А танец листьев, как бурятский ёхор, длится
Не час, не два, осенний, длинный полный день,
Кружатся листья, грациозно, словно птицы,
Ложась, как плед красивый, на плетень.
Весна моих песен с надеждою доброй,
Вновь пришла к нам с живительной силой
И счастьем, и песнями нас одарила.
Закружимся в ёхоре весеннего гула.
Лето песен моих сладких и нежных,
Лето любви моей, стихов и мелодии
Опять ты колдуешь на этом свете.
Друзья мои милые, поговорим о счастье,
Постоим под небом открытым.

ОЖИДАНИЕ СЧАСТЬЯ

Перевод Надежды Гармаевой

Осень песен моих тайных,
Осень песен моих печальных,
Кружит осень в садах и в парках,
Друзей жду я милых и славных —
Греться у золотого костра.
Зима моих белых стихов свободных,
Зима моих сладких снов беззаботных,
Небо хмурое, холод, ненастье,
Жду вас, чтоб вдоволь наговориться,
Тост поднять за удачу и счастье.
Весна моих песен веселых и звонких
Весна моих песен с надеждою доброй,
Вновь пришла к нам с живительной силой
И счастьем, и песнями нас одарила.
Закружимся в ёхоре весеннего гула.
Лето песен моих сладких и нежных,
Лето любви моей, стихов и мелодии
Опять ты колдуешь на этом свете.
Друзья мои милые, поговорим о счастье,
Постоим под небом открытым.

ГАЛИНА БАЗАРЖАПОВА (ДАШЕЕВА)

БИОГРАФИЯ

Базаржапова (Дашеева) Галина Хандуевна родилась 24 апреля 1952 г. в селе Улекчин Бурятской АССР. После окончания Бурятского государственного педагогического института им. Доржи Банзарова, с 1974 года по настоящее время работает в Издательском доме «Буряад үнэн». Сейчас возглавляет литературно-художественный журнал «Байгал» на бурятском языке.

Галина Хандуевна — народный поэт Бурятии, заслуженный работник культуры Республики Бурятия, заслуженный работник культуры Российской Федерации, лауреат литературной премии имени И. Калашникова, лауреат журналистской премии имени Я. Гашека, награждена медалью Монголии «Найрамдал», медалью Агвана Доржиева.

Галина Хандуевна — автор более 20 книг, в том числе по поэзии, прозе и художественной публицистике. Участник фестиваля современной литературы народов России (2017). По итогам фестиваля ею выпущена книга детских переводов «Многоликая лира России» на бурятском языке. Поэт ратует за единство и сплоченность народов России, за взаимопроникновение культур и литературных достижений.

ДАР АЛТАРГАНЫ¹

Мини-поэма

Авторизованный перевод

С почтением я посетила Гэгэтуйский дацан²,
По гороо³ ходила, преклоняясь перед ушедшими
временами,

Восходящему солнцу поклонилась от души,
Желая переполниться светом исцеления.

И привиделись будто блеск золотых ганжаров⁴,
Атласным шелком обернутые Ганжуур
и Данжуур⁵,

Раздались будто великолепие звуков бүрээ
бишхүүр⁶,

А следом -громогласное чтение молитв...
Духовные открытия, бодхисаттвы⁷ прозрение
Мой свекор почувствовал ли, защитив ранг
гэбшэ⁸,

Когда на север в ссылку угоняли,
Пустотность⁹ на себе испытал ли воочию?

...И ощутила — я во власти тайных сакральных
сил,
Стало зябко, по спине пробежала дрожь,
Надо ли вызывать давно ушедшую старину,
Лучше посолонь по кругу тихо пройду.

И успокоила мятежную песню мою,
Дух бунтарский оставлю, утихомирюсь,
Поскольку не дано познать вселенной суть
Не дано понять, уловить крылатый смысл её.

Сделала шаг, один, два, три, четыре, пять...
О, волшебное видение передо мной —
Алтаргана¹⁰... да, да, алтаргана золотистая,
Как чудо, по наитию мне встретилась.

¹ Алтаргана — название кустарника, имеющего мощную корневую систему. Он символизирует бурятский дух, неразрывную связь с родной землей. Его именем назван Всебурятский национальный фестиваль.

² Гэгэтуйский дацан — дацан в Джидинском районе Бурятии.

³ Гороо — молитвенное хождение посолонь вокруг дацана, его ограды.

⁴ Ганжар — позолоченные наверху символы на дацанах.

⁵ Ганжур и Данжур — обширные сборники священных книг.

⁶ Бүрээ бишхүүр — буддийские музыкальные инструменты.

⁷ Бодхисаттва — в буддизме существо, стремящееся к просветлению.

⁸ Гэбшэ — высокая монашеская ученая степень.

⁹ Пустотность (санскр. шунья, шуньята) — одна из центральных категорий буддизма.

¹⁰ Алтаргана – растение из семейства карагана, отличающееся сильной корневой системой, выдерживает бураны и засухи. Признана культурным и национальным символом бурятского народа.

Чудодейственная, истинно чистая алтаргана
Как будто впервые вас увидела, обрадовалась,
Вы истинно олицетворяете спасительную силу,
Вы как культ иль реликвия, ниспосланная с высот.

Побаиваюсь, не улетучилась бы как блеск
мгновенный,
Мощные корни как сорняки не исчезли бы,
На маслянисто желтые, сверкающие лепестки
Неожиданная не нагрянула бы беда.

Откуда во мне поселилась такая тревога?
Силы теней, улечутьтесь, отдадитесь!
Никогда не угаснет дыхание мощное алтарганы,
Символ сей связан с судьбой народа моего.

Моё тоонто¹¹, мой очаг вспомнились живо,
Как будто я вкусила үрмэ-пенку, приготовленную мамой,
А плечи мамы, как надежная опора Дара Эхэ¹²,
А взгляд ее подобен музыке Янжинлхам¹³.

Бабушка готовила вкуснейшую черемуху
с маслом,
Лик ее именитую родословную олицетворял.
Может Вы — небесная прародительница
Манзан Гурмэ¹⁴?
С сердечно теплым именем Тожоон төөбии?

И когда на душе тягостно, и когда хочется петь,
Образы ваши обожествляя представляю,
Ведь так же каждый из нас всегда
Материнское начало, отцовский род почитает.

Как остановить поток моих светлых слез
Как увековечить этот миг, подобный Солнцу
и Луне,

В состояние медитативное вошла ли я — от видения алтарганы,
Бодхисаттвы¹⁵ душа пробудилась во мне?

В лепестке, в вашем малюсеньком лепесточке
Соревнуясь с росинкой, попыталась увидеть себя,
О, волшебница она, моя алтаргана, волшебница
В зеркале будто мой лик она ясно показала.

Не сумевшая еще раскрыть природные задатки,
Интуицией не постигшая явлений значение,
Суть книги судьбы даже малость не раскрывшая,
В дороге длинной себя не закалившая —

Вот такая ты есть, таков твой портрет —
Показало наяву зеркало алтарганы.
И бесценно озарение, что этот цветок
Владеет ясновидением и магией астрологии.

...Дождевые капли нехотя вскоре засохли,
Лепесток улыбнулся, свой лик проясняя,
Затем сообщил: «Подарю тебе снова свои семена:
Предназначенное небом тебе солнце еще
не подоспело».

И вправду подарил свои семена в то же лето:
В Национальном празднике «Алтаргана»
В Монголии участие приняла я
В книгу жизни вписав высокие помыслы.

НЕБЕСА ИСКУСНЫЕ РАДУЯ

Авторизованный перевод

Небеса искусные радуя,
Родился мальчик-умелец,
Его чары волшебные приветствуя —
Распустился красный цветок.
Небеса кузнечные радуя,

¹¹ Тоонто — место рождения, малая родина.

¹² Дара Эхэ — божества Белая Тара, Зеленая Тара — наиболее популярные женские образы-спасительницы в буддизме.

¹³ Янжинлхам — богиня-покровительница искусств, науки и ремесел.

¹⁴ Манзан Гүрмэ — в фольклоре Верховная небожительница — богиня.

¹⁵ Янжинлхам – богиня-покровительница искусств, науки и ремесел.

Родился посланник Дара-Эхэ.
Магическую его силу приветствуя —
Развевался сакральный флажок.

ПРЕДОК

Девять поколений назад
Мой незаурядный предок
Спас от неминуемой смерти
Сорок человек.

В таежном урочище,
Вызвав в себе шаманский дух,
Осилил сильное наводнение,
Тем спас целый клан сородичей.

Мой предок далекий,
Не знаю, как тебя величать,
Прославляю этими строками
Твой мужской безымянный подвиг.

Баро, баро-оо¹⁶ — так прославляют
Богатырей своих лучших,
Приносящий благоденствие

Ты — посланник западного Тэнгэри¹⁷.
Спасенные сорок человек
Умножились до четырехсот,
За прошедшие с той поры времена

К четырем тысячам приблизились, наверняка.
Последствия этого благодеяния,

Его неубывающую значимость-силу
Черпаю как вдохновение

И облакаю в форму сказания.
И теперь потомкам нашим
С любовью притчу передаю,
Поднимаю духовное знамя,

Продолжая суть родословной.

И в символе девяти белых знамен,
В сверкании девяти драгоценностей,
На страницах газеты «Үнэн»¹⁸

Сохранилась щедрота предка.
И давний мой предок,
Благодеяние совершивший
В порыве духовном,
Остался в душе народа.

¹⁶ Баро, баро-оо — восхваление борцов.

¹⁷ Тэнгэри — небеса.

¹⁸ «Үнэн» — общенациональная газета «Буряад Үнэн».

АМГАЛАН БУДАЕВ

БИОГРАФИЯ

Родился в 1979 году в селе Утата Закаменского района Республики Бурятия. В 2008 г. окончил Международную академию традиционной тибетской медицины. Член Союза писателей России с 1999 г. Лауреат премии Комитета по делам молодежи Правительства Республики Бурятия (1999), гранта «Мир литературы» Министерства культуры Республики Бурятия (2012). В 2014 г. удостоен звания лауреата 2-го Международного фестиваля «Подношение десяти драгоценно-стей 12-му Пандидо Хамбо-ламе Даши-Доржи Этигэлову». В 2017 г. стихи вошли в антологию современной литературы народов России в Книгу поэзии. В 2020 г. окончил медицинский кол-ледж им. Э. Э. Раднаева. Во время второй и третьей волны пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 работал в ковидном стационаре, детско-взрослом отделении, Детской республиканской клинической больницы. Член Всероссийской ассоциации иглорефлексотерапевтов Традиционной Китайской медицины. В знак уважения и почитания дружбы между братскими народами и под-держки развития родного бурятского языка, культуры, традиций и обычая основал ежегодный конкурс стихов, посвященный Чингисхану. А также основатель Бурятского межрегионального литературно-творческого, вокально-фольклорного, художественного онлайн объединения «Буряад-монгол аялга», который работает на международном уровне, сотрудничает поэтами монгольского мира — Внутренней Монголии КНР, Монголии, Узбекистана и регионов России: Чеченская Респу-блика, Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Забайкальский край, Иркутская область и Республика Бурятия. Создатель медалей «Уран Душэ», «Булган Хатан»-(Тут-халтын тообии), «Лэвээнтэй Баатар», «Лопсон Тапхаев» — народного поэта Бурятии, внутри «Буряад-монгол аялга», которым награждают тех, кто трудился за развитие родного бурятского языка и культуры. За создание «Скифо-монгольского календаря», известного в буддийском в мире в странах Таиланд, Лаос, Камбоджа, Шри-Ланка, и Бирма награждён медалью «Слава культуры» Монголии. За отличие в большом поэтическом мире монголов награждён медалью «Монгольская эра» Монголия в 2023 г. Стихи поэта переведены на десятки языков народов России, а также на четырех языках за пределы страны. Сейчас медик-поэт ведёт приём в разных городах России.

БРАТЧАНКА

О, драгоценная, о, неподкупная,
О, красота неземная моя!
Я пою о тебе, братчанка подлунная,
Сгусток энергии, рассвета заря!
Сияньем твоей красоты я ослепну,
В бездонных глазах я утону.
Кто духом ослаблен, он вечно окрепнет,
И тот оживет, кто в вечность канул.
Царица миров, красоты королева!
Тебе поклонились земные цветы.
И ангела флейта с небесами запела,
А поэта рука написала... стихи.

ПЕСНЬ ДЖИДЕ

Подноводная Джиды
Начинается с ключа,
Что у гор Уран-Дүшэ
Бьется струями, спеша.
Там Батор хана бариса
Все являет чудеса:
Оберегает все вокруг,
И сыновей, что в бой идут,
И весь народ, и стар и млад,
Всем помочь всегда он рад,
И землю всю,
Что рОдна сердцу моему.
И там, где плещется Цакир,
Батор хан рукой достиг

В благословениях своих.
Юных дев, что на чужбине,
И солдат, что в пули ливне,
Ая-ганги цветенье,
Судьбы счастливое сплетенье —
Все-все он вечно дарит нам,
О, Великий Батор хан!

ТУЛУНЧАНКА

В окне вагона ты явилась,
Тулунчаночка моя,
Вся прекрасна, блеск и диво,
Разноцветья красота.

Так извилиста долина,
Своенравен бег реки,
Что, похоже, даже Ия
В колдовстве твоей руки.

Ты раз махнешь чудесной ручкой,
И сменю я стук колес
На рай земной, на мир цветущий,
На лоно девственных берез.

И образ твой со мной повсюду,
Я брежу ночью, средь бела дня
Тобою, милая, одною,
Сотворенье Тулуна.

В ряду созвездий небесных
Твоя волшебная звезда.
Ты в платье облаков нежнейших,
Ты и в рогоже хороша.

В мире есть чудные врата —
В теснине гор краса-река
И град Тулун со слов бурята,
И тулунчаночка моя.

СЕРГЕЙ ДОРЖИЕВ

АВТОБИОГРАФИЯ

26 октября 1956 года рождения, с. Харьяска Мухоршибирского района Бур. АССР, образование высшее, женат, член Союза писателей России, председатель правления республиканской общественной организации «Союз писателей Бурятии», регионального отделения Союза писателей России.

Окончил Хошун-Узурскую среднюю школу в 1974 году, той же осенью призван в СА.

1977–1982 гг. — историко-филологический факультет БГПИ им. Д.Банзарова.

С 1982 г. журналистская деятельность в редакции газеты «Буряад Үнэн» по приглашению руководства центрального издания Бур. АССР.

Первые публикации относятся к студенческим годам — газетные жанры и рассказы «Үнгэрһэн дай-най шарханууд» («Раны прошедшей войны»), «Түрүүшын дуран» (Первая любовь), напечатанные в газете «Долина Кижинги» в 1980 году.

Не увидевшие свет из-за политической цензуры повести «Гансаардалга» («Одиночество») и «Шэршүү сэмбын шэрүүниинь бэ» («Шинельная юность моя»). Журнал «Байгал» в лице писателя Цырена Галанова отказался от публикации: «Вещи стоящие, но не пропустит цензура». Это был 1979 год.

С 1984 по 1990 гг. — оперуполномоченный ОУР и следователь Ольхонского РОВД Ольхонского района Иркутской области и Советского ОВД г. Улан-Удэ.

Уволился по собственному желанию. Работал в коммерческих структурах, редактором в журнале «Байгал», внештатным корреспондентом Издательского Дома «Буряад Үнэн», вел отдельную рубрику — хронологию правонарушений по линии полиции и прокуратуры, интервьюировал руководителей отделений, начальников Следственного Управления и Следственного Комитета РФ по РБ.

В то же время начал печататься как прозаик. Так, в 2005–2006 гг. были изданы в журнале «Байгал» рассказы «Байгалай басаган» (Дочь Байкала), «Мүльһэн дээрэ» (На льдине), которые нашли широкий отклик читателей. Затем последовали книги «Эмнин байгаа мүшэмнай», «Звезда наша путеводная»,

пьесы «Дочь Байкала», «Когда рушился мир», которые с большими успехами ставились народными театрами республики и ждут постановки в Государственном театре бурятской драмы.

Книги включены в языковой корпус бурятского языка отделом языкознания института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН г. Улан-Удэ, вошли в хрестоматию литературы в среднеобразовательных школах Бурятии.

2015 г. — сборник его стихов «Сэдьхэлэй үгэ» (Слово души).

С. Доржиевым написаны очерки и путевые заметки на злободневные темы, сценарии к документальным фильмам по вопросам лечения онкологических заболеваний и духовных начал, которые выставлены в социальных сетях, рецензии на новые книги других авторов, выставки художников, также на соискание научных званий ученых. Переведены произведения других авторов, эпос бурятского народа «Гэсэр», (в том числе на бурятский язык первый том (первая и вторая книги) романа А. С. Гатапова «Тэмуджин» в 2021 г.).

С. Доржиев — лауреат многих литературных премии Монголии, Бурятии и России. Основные из них — республиканская литературная премия им. И. Калашникова, общероссийская литературная премия «Дальний Восток» им. В. Арсеньева в 2023 г.

НА БРАТСКОЙ МОГИЛЕ

*9 мая 2025 г. на братской могиле деда – снайпера
ВОВ Цырендаши Доржиева. с. Мануйлово Пер-
финского р-на Новг. области*

Тишина здесь иная,

Тревожна она.

Осина согнулась,

Ива всплакнула,

Встрепенулась трава.

На братских могилах

Мрамор впитал

Имена, имена,

Имена, имена

Из спирали в спираль.

В огне рыже-белом

Погибали бойцы

За землю родную,

Отчизну святую,

Живота не жалея,

Костями полегли.

В покое лежат

Солдаты страны,

Скрепившись костями,

Схватившись руками...

Всегда они с нами,

Отчизны сыны...

БУРЯТИЯ

Жаворонком петъ

о земле моих предков,

Предков отцов, прапредков дедов

Хотел бы я песни,

вечные песни петъ

До скончанья веков.

Пел бы кукушкой

о земле благодатной,

Материнской доброй земле,

Бабушек близких и дальних,

Пел бы и днем

и даже во мгле.

Хочу я воспеть.

Вот и песня созрела,

Я певчею птицей спою.

Хочу я воспеть,

Но голос мой, нежностью тая, немеет

И вытянуть ноты никак не могу.

Стихами скажу,

слова да словечки,

Складно я вам расскажу,

Стихами скажу,

Однако душа трепещет, как свечка,

И слов я высоких никак не найду.

Ни с чем несравнима,
ни с чем неделима,
С тобой и печали светлы.
Родимой Бурятии милее Отчизны,
степной и таёжной,
Нигде никогда не найти.

В пурпуре вершин
величавой тайгою
И степью судьбу ты вершила,
Святою Байкальской водою
Слово бурята крепила,
Душу его окропила!

О, Бурятия моя!

ОДА ОЛЬХОНУ

В суровой прелести священного Байкала,
В свечение вод, лесов и ковыля,
О, мой Ольхон, ты преддверье рая,
Ты древняя бурятская земля!

Бесценная Вселенной Середина,
Тебя Творец когда-то сотворил,
Принес нам в дар, как мудрый старец сыну,
И в добрый путь вовек благословил!

Омытый волнами Куркута и Ташкая,
Возвышенный гольцами и Ольтриг,
Ая-гангой освященный Тажерана,
Ольхона Дух свободен и велик!

В необъятном северном пространстве
Тринадцати бурханов впереди,
Отец Ойхон со Святой Шаманки
Морской водою душу окропил.

Штормов и бурь с рождения любимцы,
С благословенья древних Белых Скал
Под клетотом мы встали под орлиным
За вверенный нам предками штурвал!

Попутный ветер в парусах игривый!
Несемся без предательской волны!
На дальние мы курсом на вершины,

Чтоб каждый был избранником судьбы!

Нам дали силы тысяч солнца блики,
Сарминский ветер мысли освежал!
Байкала синь – барометр по жизни,
Шэбэй нас в непогоду укрывал!

Полыни горечь распылив в дороге,
Вручив потомкам славные дела,
В прекрасное несется недалеко
Пурпурная Кобылья Голова!

Вперед, друзья, на новые зарницы!
Откроем гавань в золотых огнях!
Как деды наши, твердые граниты,
Ковали мир в героических боях!
Зовут глаза звездой путеводной,
Румяных дев лучистые глаза...
Божества нет на земле подобной -
Коснулся ангел девичьи сердца!

О бочке слышатся напевы омулевой,
Наплывы песен радостны, нежны,
Но стихнет всё, устыдись собою,
Перед величием Ольхона красоты!

Вьется быть со сказочною явью -
Царственно-волшебная страна!
И мать-земля, с синевой венчаясь,
Ласково целует небеса.

Я стою на кромке вод зеленых,
Полон дум о таинствах судьбы:
Пусть капелькой, но чистой и достойной,
Раствориться б в дымке синевы.

И навеки мир наш украшая,
Посвятить все песни красоте
И дождинкой, Божьей благодатью,
Напоить травинку на земле.
Преклоняю пред тобой колени
И глажу бархат зелени степей...
Только б вовремя мы выразить сумели
Всю благодарность верных сыновей!
Родимой Бурятии милее Отчизны,
степной и таёжной,

Нигде никогда не найти.

В пурпуре вершин
величавой тайгою
И степью судьбу ты вершила,
Святою Байкальской водою
Слово бурята крепила,
Душу его окропила!

О, Бурятия моя!

ОДА ОЛЬХОНУ

В суровой прелести священного Байкала,
В свечение вод, лесов и ковыля,
О, мой Ольхон, ты преддверье рая,
Ты древняя бурятская земля!
Бесценная Вселенной Середина,
Тебя Творец когда-то сотворил,
Принес нам в дар, как мудрый старец сыну,
И в добрый путь вовек благословил!

Омытый волнами Куркута и Ташкая,
Возвышенный гольцами и Ольтриг,
Ая-гангой освященный Тажерана,
Ольхона Дух свободен и велик!

В необъятном северном пространстве
Тринадцати бурханов впереди,
Отец Ойхон со Святой Шаманки
Морской водою душу окропил.

Штормов и бурь с рождения любимцы,
С благословенья древних Белых Скал
Под клекотом мы встали под орлиным
За вверенный нам предками штурвал!

Попутный ветер в парусах игривый!
Несемся без предательской волны!
На дальние мы курсом на вершины,
Чтоб каждый был избранником судьбы!

Нам дали силы тысяч солнца блики,
Сарминский ветер мысли освежал!
Байкала синь - барометр по жизни,
Шэбэй нас в непогоду укрывал!

Полыни горечь распылив в дороге,
Вручив потомкам славные дела,
В прекрасное несется недалеко
Пурпурная Кобылья Голова!

Вперед, друзья, на новые зарницы!
Откроем гавань в золотых огнях!
Как деды наши, твердые граниты,
Ковали мир в героических боях!

Зовут глаза звездой путеводной,
Румяных дев лучистые глаза...
Божества нет на земле подобной -
Коснулся ангел девичьи сердца!

О бочке слышатся напевы омулевой,
Наплывы песен радостны, нежны,
Но стихнет всё, устыдясь собою,
Перед величием Ольхона красоты!

Вьется быль со сказочною явью -
Царственно-волшебная страна!
И мать-земля, с синевой венчаясь,
Ласково целует небеса.

Я стою на кромке вод зеленых,
Полон дум о таинствах судьбы:
Пусть капелькой, но чистой и достойной,
Раствориться б в дымке синевы.

И навеки мир наш украшая,
Посвятить все песни красоте
И дождинкой, Божьей благодатью,
Напоить травинку на земле.

Преклоняю пред тобой колени
И глажу бархат зелени степей...
Только б вовремя мы выразить сумели
Всю благодарность верных сыновей!

ДАРИМА НИКОЛАЕВА

БИОГРАФИЯ

Родилась в Ангарске. Окончила «Восточно-Сибирский государственный технологический университет». Дипломант Международного поэтического турнира им. Намжила Нимбуева. Участница Всероссийской школы писательского мастерства ДФО (2020–2021), Межрегиональной мастерской для писателей ДФО (2023–2024), акселератора «ВПрофессии» (Санкт-Петербург, 2021), Международного форума молодых писателей «Липки» (2021, 2025). Проходила семинары студии издательства «СТИХИ»: поэзия (2022–2023) и критика (2024–2025). Публиковалась в журналах «Байкал», «Аврора», в сборниках «Новые писатели» и студии издательства «СТиХИ» (Москва). Автор сборника стихов «Стрижи слов», изданного по итогам «ВПрофессии» (2021).

* * *

Сегодня мне на грудь упало небо
и, всхлипывая ребёнком,
искало молоко,
мешая в воздухе тяжёлый вздох и песню,
я потихоньку накормлю его:
пусть синие реки пополнятся,
пусть к звёздам взбегут седые ручьи,
вставай, осеннее солнце,
а ты мое небо — расти!

* * *

И говорю я святой горе:
— Богд-Хаан Уул, на этой земле
я принимаю твои дары,
всё разноцветье твоей травы,
города желто-оранжевый гул,
монгольскую речь быстрой Туул,
Гаруды железное перо,
теперь всё это моё.
Богд-Хаан Уул отвечает: — Бери,
только с Гарудой поговори,
чтобы вонзила в тебя легко
железное своё перо.

* * *

На старом кладбище уже не побывать,
своих прапрапрабабушек не сыщешь,
и в вакуум себя не поместишь,
и голос твой как прежде не услышишь,

не смоешь клетки, линии, чертёж,
всё звук, всё ритм, музыка и слово,
и ты, конечно, в этом не умрёшь,
начнешь всё заново и снова, снова, снова.

* * *

Сначала гул и плотный красный цвет,
потом на время я оглох, ослеп,
потом я веточкой от дерева тихонько
тянулся, человечьи руки осознав,
точней, кулак, рассматривая долго,
я перешёл эфир уже настолько,
что слышу речь своих родных,
как будто слышал их и слышал их,
когда был раковинкой, завитой у Бога.
Потом вдруг небо, воздух и трава,
и голос матери всегда, всегда, всегда,
и я как будто центр всей земли,
и мудрое молчание в груди,
и понимание всеобщей красоты,
и волшебство натянутой струны,
с которой падает в пространство слово.
И ритуалы каждодневных дел,
где банка, кружка, ложка, стол, окно
стремительно моё, моё, моё,
как в темноте, в сених одно седло,
как юрты дым и морин-хуура звук,
и память человечьих детских рук,
когда я тут, когда я тут проснулся.
И человеком мне сейчас расти,
и веточкой расти, расти, расти,
нет разницы у ответвлений Бога.

Сознанием я помню и могу,
сознанием я помню и могу
быть кем угодно
во Вселенной.

* * *

У старого песка
и каменистой глади,
где нет сейчас воды
и жизней тех существ,
что плавали когда-то, выползали
и потеряли свой
тяжелый вес.
Я азбукой сомкнуть
пытаюсь это место,
но все концы
бесчисленно длинны,
и вдруг плыву,
так плавно и не резко,

по дну, по дну,
ловя то «а», то «у»,
то «ы», то «о», то «и»,
плыви, плыви, плыви
Но возвращаюсь в явь,
где эти во́ды
засохли
и сейчас
поют пески
пустыни
желто-красно-черной Гоби,
прими меня, пожалуйста, прими.
И моя кровь и кость
ещё остались,
смотри, перед тобой стою,
я — гол,
и чувствую,
как продирает радость —
с пустыней вместе
вдруг запел монгол.

ТУЯНА ОЧИРОВА АВТОБИОГРАФИЯ

Очирова Туяна Александровна (псевдоним Билигун Туяа) родилась 30 мая 1974 года в селе Оронгой Иволгинского района Республики Бурятия. Имеет высшее филологическое образование и 25 лет педагогического стажа.

С 2023 года пишет стихи, выпустила сборники «Путь в счастье», «Путь в счастье. Книга вторая» и «В волшебном мире поэтической души» на русском и бурятском языках. Автор более 10 авторских песен (слова и музыка собственные).

Её стихи публиковались в журналах «Байгал», «Улирал ба зохиолч», альманахе «Русь моя» и Антологии русской поэзии. Перевод книги Надежды Очировой «Уг залгамжын туух», выполненный Туяной Александровной, получил серебряную медаль на фестивале «Алтаргана2024» в Монголии. Является лауреатом разных литературных конкурсов.

Номинант премий «Поэт года2024», «Русь моя», «Наследие». Награждена медалями «С. Есенин. 125 лет» (Москва) и «Соёлын алдар» (УланБатор). В 2025 году была ответственным секретарём Союза писателей Республики Бурятия.

ШЕСТЬ БРАТЬЕВ

Никто не забыт, ничто не забыто...

Ушли шесть братьев с благородной целью
С краёв сибирских, где родник, тайга

Широкой грудью защитить святую
Россию родину, прогнать врага.

В дорогу дальнюю собравшись, парни
Решили слово брата вместе дать:
Кто жив останется, поддержкой в жизни

Для всех родных опорой должен стать.

Война всех братьев раскидала вскоре
По флангам разным, армиям, фронтам:
Служить в пехоту, в санитарный поезд,
Бомбить по вражьи техникам, складам.

Израненный Дагба вернулся первым,
Бавасан, пятый брат, погиб в бою.
И вести о Бальжиниме пропавшем
Навек лишили радости семью.

Сражаясь доблестно с проклятым фрицем,
Шойнзон, Дамба, Доржо пришли с войны
С огромной радостью лихие братцы
С Победой славной, проехав полстраны.
Придя, про слово не забыли братья,

Друг другу данное когда-то вшестером-
Родным погибших посвятили вместе
Свои года до смерти вчетвером.

Не всем Победу повезло отметить,
Но память будет вечно жить о них
В сердцах потомков о геройстве, чести
Солдат советских, подвигах былых.

ЛЮДМИЛА СЕМЕНОВА

БИОГРАФИЯ

Родилась в 1964 году в селе Нижний Торей Джидинского района Бур. АССР. Член Союза писателей России. Образование-1985 год - Бурятский педагогический институт им. Доржи Банзарова. 1999 -2002 гг. - Институт образовательной политики «Эврика», г. Москва.

Издана книга стихов Л.Семёновой «Где алеют жарки». В своих стихах она прославляет свою малую родину и людей, прославивших свой край. Ёе стихи положены на песни. В 2011 году издан сборник «Стихи и песни о Джиде», куда включены её стихи-песни «Мой Торей» и другие.

Автор поэтических сборников. Лауреат Международной поэтической премии на русском языке им. Этигэлова. Автор переводов с бурятского языка стихов Нины Артугаевой. («Весенние звёзды»). Лауреат региональной поэтической премии «Я воспеваю Родину свою». Дипломант Международной конференции им. А.С. Макаренко. Почетный работник общего образования РФ.

ТРИПТИХ ДОРЖИ БАНЗАРОВ

*Переводы стихов с бурятского языка
Нины Артугаевой*

1

На той земле, что я живу,
Я в пояс поклонюсь курганам.
На той земле, что я дышу,
Я прокурлычу с караваном.

Я облаком над синью рек,
Скользя, умчусь в лесные дали...

Моя земля! моя навек
Её мне деды завещали.

В цветы рососою упаду—
Пусть в них играют акварели.
Тихонько ветерком пройду
По травам, где звучат свирели.

2

Моя земля могучих сыновей!
Уж сколько песен сложено о ней...

В степях Джиды Банзаров возмужал,
Он красоту души из родников питал.

Доржи — алмаз. И в жизни был алмазом.
С Ичетуя в Казань — нелегкий, сложный путь.
А он сумел, дошел. Увы! За доброту наказан,
И аромат полей не сможет он вдохнуть.

В праздник Месяца Белого,
Лютой февральской стужей,
Люди! Что вы наделали?!
Беда метелями кружит...

Но губы коснулись яда...
И взор становится мутным...
А сделать еще много надо!
Уходят жизни минуты...

...и вновь материнские руки
Ласкают смолистые волосы,
А ожидания муки
Предательски слышатся в голосе:

«Сыночек! Доржи мой вернулся!
Пятнадцать лет дожидалась.
Вот счастье мне улыбнулось.
Внуков дожидаться осталось».

С взором орлиным — зорким,
С походкой стремительной лани
Вернулся с Казани далекой
Банзаров. Бурин-Хану возложим дани!

...Он полог юрты распахнул,
Навстречу матери шагнул,
Прижал к груди свою Эжи:
«Как вы? Как все? Мне расскажи.

Как в детстве мне тараг налей,
Урмэ, хурууд подай скорей.
Согрей гутулы у огня,
Кумысом угости меня.

Как долго я бродил по свету,
На многое искал ответы,

И все заклатья Харалтура
Не преградили путь Сартула.

А вы родные не гневитесь.
Эсэгэ-Малану помолитесь,
Вы обряд свершите пред Огнем,
А я иду своим путем...»

3

Хоть пал ты подстреленной птицей.
Свет знаний несет твое имя.
Бурятия — мать гордится
Делами, трудами твоими.

Не плачь, утри слезу Эржен-Дари, мужайся.
Крепись, уставшая, седая Солиндой.
Банзар, отец, в сыновней гибели не кайся.
Он жил — звездой! Сгорел — звездой!

Много лет менялось в Джиде течение.
Много ливней омыло степные камни.
Он выполнил в жизни свое назначение.
Банзаровский свет в сердцах и в памяти!

«Банзаров» — шепчут колосья в поле.
«Банзаров» — луки звенят тетивой.
«Банзаров» — стучат копыта на воле.
Банзаров! Джиды с тобою!

Солнечной Бурятии — Слава!
Цветущей Джиде — Слава!
Ичётую Светлому — Слава!
Доржи Банзарову — Слава!

ВАЛЬС ПОБЕДЫ

Над Родиной весна зажглась салютами.
Победным вальсом кружит белый май.
Мы вновь идём солдатскими маршрутами...
«Прощание славянки», друг, сыграй!

За Крым и Луганск,
Херсон и Донбасс,
Донецк и Бугас —
За всех за нас, за всех за нас!

С Победою вернуться и счастливыми —
И это каждый себе сердцем загадал...
Мы в Май идём рассветами дождливыми,
И на шевроне позывной «Сибирь — Байкал».

За наших ребят —
Отважных солдат,
За землю отцов,
За жизни всех сибиряков!

Страна героев — так зовется моя Родина.
Мы за неё, как наши деды, до конца!
Солдатам снится черная смородина,
Вкус сладких ягод вместо чёрного свинца...

За нашу Весну
Я знамя несущу.
За Правду и Честь!
Всегда мы были, и мы — есть!

* * *

Чойбонову Матвею Рабдановичу

Четырнадцатое декабря —
Рождение Нострадамуса —
В истории памятный день,
А для меня запомнился
Мудрым твоим советом:

— Живи уважением к людям
И дорожи друзьями.
Друзья — это боги в жизни,
Они будут рядом в горе,
Они — твой попутный ветер.

— В литературном Олимпе
Пусть каждый шаг будет мудрым!
Умей выбрать главное, важное! —
То были слова Учителя.
Пред ним склоняю я голову...

Как долго блуждала, путалась —
Дорога была тернистою,
И люди встречались разные,
но Ангел-Хранитель был рядом,
Привел к тебе, мой Учитель.

Как летним ласковым утром
К цветку прекрасному яркому
Стремится наивная бабочка,
Спешу к тебе, мой Учитель,
Согреться в лучах мудрых мыслей.

С рождения перед каждым
Много дорог открыто,
Но выбрать одну лишь можно.
А выбрав не ту, что надо,
Виним других в своих бедах.

Вглядываюсь в людей,
Вслушиваюсь в слова —
Удивляюсь все больше:
Одни, как с завязанными глазами
Живут, не замечая солнца,

Не замечая цветов,
Ни ласточек, скользящих по небу,
И понимаю причину
их неоправданных слез,
их напрасных страданий.

Вглядываюсь в людей,
Вслушиваюсь в слова —
Удивляюсь все больше:
Другие — должны бы сломаться
От тяжести пережитого.

Откуда черпают силы?
Другим дарят свет и солнце!
В глазах доброта и ласка!
Наверно их наделила
Природа — Мать своей мощью.
Они сравнимы с богами.

Благодарю всевышних,
Что иду по своей дороге,
Что глаза, ум и сердце
Умеют быть в жизни зрячими,
Душа — любить бескорыстно.

Я — всего лишь бабочка,
Летающая к цветам и свету...
Поэтому каждым мгновеньем

Живу, как самым последним,
Следуя совету:
Умей выбрать главное, важное.
Поэтому у меня есть
Ты, мой Учитель.

* * *

Чойбонову Матвею Рабдановичу

Благословенный, Избранный Матвей,
Ты не брани меня, послушай.
Тепло твоих святых очей
Излечивает людям души.

К тебе спешат, идут, бредут
За помощью и за советом,
И исцеленья непременно ждут.
А как тебе живется в мире этом?

Твоя дорога очень не проста
В людском тысячелетье,
Но свыше нам определены места,
И Будда мудростью Тебя отметил.

Отметил Он и ясностью ума,
И чистотою помыслов сердечных,
И крыши возвышается волна
Дацана — верований вечных.

Священный храм, возведенный тобой,
О, сколько здесь различных судеб:
Бурят и русский, нации иной
Энергии исток в себе пробудит

Явление твое на свет —
То было не случайно.
Случайности в природе нет!
Цветок не может расцвести нечаянно.

Полузакрытые, уставшие глаза,
В святых руках святые чётки,
И древнего Тибета письма
В устах твоих тихи, нечётки.

Мне эти звуки не постичь, не разобрать —
В них глубочайший смысл бытия.
Под эту песнь Богов хочу понять,
А Что есть в мире Я?

Склоняю голову пред красным одеяньем,
Пред золотом священным Божества
И верю, что молитвой и страданьем
Облегчу участь естества.

Еще за тех я попрошу у Бога,
Кто ежечасно молится за нас,
Пусть в жизни будет светлой их дорога,
Не меркнет свет их мудрых, ясных глаз.

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

Когда это сложилось, на каком веку —
Известно только Господу — Богу одному:

Недруга — бить.
Отчизне — служить.
Верой и правдой,
Честью дорожить.

Выйду в степь широкую - под уздцы коня.
Дева светлоокая, верно жди меня.

Шашка, не гнишь.
Коник, не споткнись.
Вера и Отечество -
Вот моя жизнь.

Маменьку родимую крепко обнимаю.
И походы ратные, друже, вспоминаю.

Богу — душа.
И быть посему:
Честь казака —
не дам никому.

Разудалых песен требует душа.
Мать моя — Россеюшка, как ты хороша!
Колосы хлебов.

Заветы отцов.
Дружба нерушимая —
От наших дедов.

Помним Ермака.
Россейское братство —
Это — на века!

Разлетайся, чёрное, вражье воронье!
Знайте: бьёт без промаху острое копье.
Не дрогнет рука.

ПОЭЗИЯ ТЫВЫ

ЮРИЙ ДАРБАА БИОГРАФИЯ

Родился 9 сентября 1963 года. Свою трудовую деятельность начал в 1988 году в республиканской молодежной газете «Тыванын аныяктары» («Молодежь Тувы») после окончания факультета начального обучения Кызылского государственного педагогического института. Прошел годичную переподготовку в Сибирской академии государственной службы.

Работал в газетах «Шын» и «Тыва Республика», на радио ГТРК «Тыва». С 2013 года работает начальником информационно-аналитического управления Аппарата Верховного Хурала (парламента) Республики Тыва.

Автор семи краеведческих книг, среди которых издания документальной прозы «Воинский долг исполнен с честью» (42 «афганских» историй), «ТНР: министр огненных сороковых» (о полковнике Суваке М. Ч.), «Патриотизм. Родина. Честь» (о подполковнике Кара-оол Ю.В — воине-интернационалисте).

Семь лет назад начал размещать свои рассказы и стихотворения на своей странице в ВКонтакте. Печатается в СМИ республики.

Член Союза журналистов СССР с 1990 года.

Член Союза писателей России с 2025 года.

Действительный государственный советник Республики Тыва 1-го класса.

Женат. Имеет 3-х взрослых детей и трёх внуков.

ПРОЩАНИЕ С МОРЕМ

Ну, что же, море, пора прощаться?!
Пора! Родимая земля зовёт.
Но как и прежде, в предстоящий год
Я вновь приму объятья твоих вод.

Зачем волнуешься, как будто сердце ноет?
Волны бушуют - тревоги не скроют.
Или, мой друг, я ошибся случайно,
Или не понял я ласки прощальной.

Прошу тебя, дай мне сил по роду,
Из недр души дарованной природой.
Что ждёт меня вдали, в Отчизне милой?
И потому прошу, дай сил неутомимых.

ФОНТАН СЛЁЗ

Бахчисарайский есть фонтан,
Воспетый Пушкиным безмерно,
Любовью преданной и верной
В веках прославленный фонтан.

Но живы розы гения,
Став вечным символом любви,
Несостоявшейся любви
Мучений хан-Гирея.

Прошли столетия...
Сердец тех нет среди живых,
Но слёзы горькие о них
Живут тысячелетия.

Когда б любовь не покорить
Ни златом, ни высоким чином,
Любовь, влекущую к вершинам,
Скажи, чем можно разбудить?

УСПОКОЮСЬ ТОЛЬКО ДОМА

В другой стране я на войне,
Здесь нахожусь уже немало.
Ничто в той чуждой стороне
Привычным для меня не стало.

К тебе ласкаюсь я, Тыва.
Ждёшь сыновей своих, страдая.
Нет крепче твоего родства,
Навеки ты для них родная!

И дети, и жена моя,
И мать с отцом, и все родные
Ждут доброй вести от меня,
Часы считая, дни пустые.

Я, наслаждаясь бы, вдыхал
Целебный воздух мест родимых,
Испил бы – парочку пиал –
Молочный чай из рук любимых.

Коль головы мне не сложить,
Пусть сердце бьётся громче грома...
Вернусь с Победой! Может быть,
Я успокоюсь только дома.

*Перевод на русский язык Лилии Агадулиной
Февраль 2024 г.*

КАШПАЛ-ОГЛУ

БИОГРАФИЯ

В Туве вышел сборник стихов специальной военной операции на Украине, вышедшего под псевдонимом Кашпал-оглу. Настоящее имя Сат Бежендей Робертович (1998 г.р.)

Автор — сирота, родители погибли, вырос с тремя братьями в семье родственников, он средний из братьев. Военный разведчик «Кашпал-оглу».

Кашпал (ущелье) — суровые гористые места Чаа-Холя, отошедшие под заповедник Саяно-Шушенской ГЭС. Это места, где братья росли летом на чабанских стоянках, как большинство тувинских детей, оседлав коней и работая пастухами.

Выпускник Челябинского юридического техникума. Стихи пишет, как все тувинцы, естественным потоком мыслей, настроения, размышлений, нигде специально не обучался стихосложению.

Петь и писать стихи — это естественно, как дыхание для тувинцев состояние. Стихи поражают остротой наблюдений и передачи мыслей, несоразмерной возрасту глубиной. Недавно прошла презентация сборника, стихи пришли в Туву к родным из окопа с оказией.

Автор книг стихов «Чаалыг шөлдөн чагаалар» («Письма с поля войны» на тувинском 2023 г.) «Угли войны» (на русском).

СТАЛЬНАЯ ПТИЦА

Они не строят гнёзд на скалах.
Не бегают — нет ног у них,
Но далеко летят... Настало
Сегодня время птиц стальных.

Хоть есть глаза, но не похожа
Стальная птица на живых,
Дышать, как прочие, не может,
А мощью превосходит их.

Когтей нет острых, чтоб держаться
На ветках средь чащоб лесных.
Нужна площадка, чтоб подняться...
Сегодня время птиц стальных.

В полёте видит всю округу
И коршун не сравнится с ней.
Летает хищная по кругу...
Стальная птица всех сильнее.

ДОРОГА ВОЙНЫ

Стремительно, как рысь на Даш-Хурене,
Поскачет на войну отцовский сын.
Он — воин и присяге не изменит,
Пойдёт упорно сквозь огонь и дым.

Араты резвых скакунов седлают,
Им предстоит пройти нелёгкий путь,
Дорожную поклажу нагружают.
До расставанья — несколько минут.

Родные провожают, сострадав,
Не хочется им сына отпускать.
Сыновний запах трепетно вдыхая,
Целует в голову заплаканная мать.

Когда-нибудь в историю, быть может,
Запишут имя и твоё, солдат.
Пока же грусть отцово сердце гложет,
Он сна лишится — будет сына ждать.

Борись за правду, в ней одной лишь — сила,
Не смогут одолеть её враги.

Ты за народ воюешь, за Россию.
От ненависти сердце сбереги.

И даже если близкий друг изменит,
Устанет от кровавого пути,
Узнаешь дружбе истинную цену,
Но должен храбро путь войны.

Тебя в слезах родные провожали,
Всё не могли от сердца оторвать.
Наполнись их любовью в час печальный
И ты сильнее намного сможешь стать.

Не отступай, перед врагом пасуя,
Ты — воин правды, крепче нет брони!
Воюешь ты за Родину святую,
Превыше жизни честь свою храни!

УГЛИ ВОЙНЫ

Опять на земле и на небе ненастье,
Но ствол оружейный не будет ржаветь...
В походной треноге дождь пламя погасит,
А угли войны продолжают гореть.

Под звуки хомуса средь дивной природы
Танцем веками мы танец орла.
Отважных орлов кочевого народа
Немало война из Тувы забрала.

Победу в Берлине и мы приближали,
И стал СССР нашей общей страной.
Среди ветеранов на братской скрижали
Тувинцы есть тоже в семье боевой.

Хозяева юрт день и ночь создавали
Молочные реки на радость стране,
А пули душманские жизнь обрывали
Десяткам сынов на Афганской войне.

Табунщики наши — джигиты лихие,
На скачках летят, не сменяя цветов,
Но сколько в Чечне потеряла Россия
И, посланных в помощь ей, наших сынов?!

Идёт операция на Украине,
Здесь сотни бойцов из Тувы погибли.
Когда вижу гибель их, кровь в жилах стынет,
Я слышу плач нашей тувинской земли.

А угли войны вновь и вновь полыхают,
Огонь этой жизни солдатские жжёт,
Он много веков на земле не стихает
И ливень кровавый его не зальёт.

ВРАГ

Долго следил за тобою и всё же
Выследил, где неприметный твой схрон.
Если мой выстрел тебя уничтожит,
Станешь желанной добычей ворон.

Здесь — на окраине тихого става,
Если я первым нажму на курок,
Кровью своей обогришь разнотравье,
Значит, платить по грехам вышел срок.

Да, ты хитёр и жесток беспощадно,
Веришь в удачу свою, может быть?
Только и я наловчился изрядно,
Верю, что коршунов будешь кормить.

Я всю неделю тебя караулил,
Ты же, как призрак, всегда исчезал.
Только сегодня найдёт моя пуля
Сердце врага, что я долго искал.

Служит тебе безотказно винтовка —
Ты продырявил немало голов,
Но угодил на прицел сыну волка,
Не избежать тебе волчьих зубов.

Вот и конец твоим жертвам отныне,
Пуле отведишь последний поклон,
Не попрощавшись с женой и родными,
Здесь ты бесславно заснёшь вечным сном.

Выстрел увидят лишь камни немые,
Ивы прибрежные, стайка берёз...
Длится война — роковая стихия.
Долго ль ещё? Без ответа вопрос.

Я УСТАЛ БОЯТЬСЯ

Было безоблачным детство моё,
Слово «война» знал я только по книжкам.
И беззаботное наше житьё
Радость дарило тувинским мальчишкам.

Шумно плескались в прогретой реке.
Солнце струило лучи золотые.
Степью привольной мы шли налегке
К зрелости будущей в дали иные.

Ныне забыл я про давний покой,
Резко судьба бытие изменила —
Стал я солдатом в семье фронтовой,
С укронацистами меряюсь силой.

Редко стихает мой друг-автомат.
Небо-Отец, мать-Земля негодуют —
Рвутся снаряды, деревья горят,
Как одержимые, люди воюют.

Степь обезлюдила и города.
Трупы валяются без погребенья.
В сердце мне когти вонзает беда,
Застит мечты мои чёрною тенью.

Близости смерти бояться устал,
Вида, как вороны жадно пируют.
Много друзей я в боях потерял,
Их вспоминаю и сердце тоскует.

Ночью жестокая схватка была,
Снова — потеря братьев хороших,
Речь их предсмертная душу ожгла,
Став для меня непосильною ношей.

Наперебой пулемёты строчат,
Пули, осколки, как град, бесконечны.
Страшные звуки разрывов звучат,
Землю и судьбы людские калеча.

СВЕТЛАНА ОНДАР

БИОГРАФИЯ

Член Союза писателей России. Родилась 4 мая 1984 года в селе Кара-Холь Бай-Тайгинского района Тувинской АССР. Поэт, переводчик. Стихи начала писать с детских лет. В 2021 году вышла её первая детская книга «Тывыңарам, кым-дыр бо?» («Отгадайте, кто это?»). В настоящее время — автор четырёх детских книжек. Перевела с хакасского детские стихи И. Топоева, вышедшие отдельным изданием на тувинском языке.

СТАРАЯ СКАМЬЯ

Перевод В. Латынина

Жалуется каждая доска
На скамье, что извела тоска —
Нет влюблённых парочек давно,
Видно, интересней им в кино?..

Красит горы в алый цвет закат,
Листья облетают и шуршат.
Не спеша, влюблённые идут,
Сердцем обозначен их маршрут.

Их сама аллея приведёт
В место, где скамья влюблённых ждёт
Рада услужить скамья гостям
И поведать тайну фонарям.

ОРЛЫ ТАМ ЛЕТАЮТ

Перевод В. Латынина

Саянские горы Туву окружают,
Высокой стеной, будто стражи, стоят.
Дозором орлы край родной облетают,
Как дети небес, грациозно парят.

Просторные степи, тайга вековая,
Могучие реки, небес синева,
Сыгыт с хоомеем народ распевает,
Всё это — жемчужина наша — Тува.

На склонах крутых эдельвейсы сверкают,
А иволга песни лесные поёт.
Энергией нас Эне-Сай¹ заряжает,
Чтоб духом силён был тувинский народ.

В Туве проживают радушные люди,
С восторгом встречают желанных гостей,
Кадак² белоснежный дарить они любят
И потчевать чаем молочным друзей.

ЗВОН БУБНА

Перевод В. Латынина

Предки кланялись духам земли и воды,
Так ведётся в Туве из далёких времён,
Свято веря — они защитят от беды,
Будет каждый, кто к ним обратился, спасён.

Звоном бубна шаман прогоняет чертей,
Обращается с просьбой к высоким богам.
И магическим пением стал хөөмей —
В нём хвалебная песня звучит небесам.

Для тувинцев святая гора — Бай-Тайга,
По старинным преданьям народной молвы —
Бай-Тайгу коронует из света дуга,
А под ней обитает хозяин Тувы.

Обереги там дарит шаман-чародей,
Чтоб Тува без беды год за годом цвела,
Чтоб была благодатной жизнь наших людей
И народы планеты не ведали зла.

¹ Эне-Сай — тувинское название реки Енисей, которое переводится как «Мать-река».

² Шелковый ритуальный шарф - кадак преподносят в знак почтения и особого уважения.

ИМЯ НА ПЕСКЕ

Перевод В. Латынина

На песке написала я имя твоё —
Мысли грустные душу томили.
Заросло наше место свиданий быльём,
Мы дорогу сюда позабыли.

Солнцеликие здесь красовались цветы,
А теперь их не видно на склоне.
Ненаглядной своей называл меня ты,
Но недолго слова эти помнил.

Вновь встречает Алаш меня песней речной
И, тревожным раздумьям внимая,
Набегает на берег весёлой волной
И с песка твоё имя смывает.

СОЛНЫШКО ТВОЁ КУДА ПРОПАЛО

Перевод В. Латынина

И в горах высоких таял лёд
Только от твоих горячих взглядов.
Что ж сейчас взгляд сердце мне не жжёт,
Запропала искорка куда-то?..

В цветнике моём, что был душист,
Улыбались все цветы, как солнце,
От мелодии твоей души,
Почему сейчас она не льётся?..

А, когда ты рядом шёл со мной,
Ласково лицо твоё сияло.
Где твоя улыбка, милый мой,
Солнышко твоё куда пропало?..

ТОСКА ПО ДЕТСТВУ

Перевод В. Березева

Я скучаю по детству, по школе, по друзьям моим
верным,
По звонкам, что звенят и зовут, и зовут на урок.
В этом счастье далёком, в этом беге годов

беспримерном —

И любовь, и печаль, и тоски неизбывный порог.

Жизни сроки уходят вослед за ребячьим восторгом,
Нету рядом друзей, память давит, а ночи длинны,
Я во снах не летаю, как прежде, по звёздным просторам,
Лишь в делах и заботах — по небу великой страны...

Если будет агентство путешествий во времени
прошлом,
Позовите меня, улечу за годов окоём,
Без билета обратно, все грузы и горести брошу —
Улечу навсегда, чтоб остаться мне в детстве моём.

В ОЖИДАНИИ

Перевод Н. Переяслова

Спеша, я брюки до колен приподниму,
Свои сандалии держа в одной руке.
Течёт река, как день уходит в полутьму,
Тебя я жду, любимый, молча на реке.

Для встречи время наше быстро пронеслось,
Диск солнца в дом свой за горами тихо сел.
Что ж у тебя даже минутки не нашлось,
Чтоб ты меня своим дыханием согрел?

Большой Медведице всё видно с высоты,
Бурлит река, с горы сбегая по камням.
Мне о тебе молчит трава, молчат кусты,
Меня вода лишь нежно гладит по ступням.

Природа прячет от меня тебя весь день,
Простая муха — даже та не прожужжит!
Приди ж ко мне, родной, неужто стало — лень?
Послушай, как в волнение всё во мне дрожит.

МЭНГИ ООРЖАК

БИОГРАФИЯ

Поэт, переводчик, член Союза писателей России (2004), член Правления Союза писателей Тувы (с 2014). Окончил Тувинский государственный университет, учитель тувинского языка и литературы. Автор трёх книг стихотворений. Стихи публиковались в литературно-художественных альманахах «Улуг-Хем» Республики Тыва, «Енисейская Сибирь» (Минусинск), в журнале Союза писателей Республики Крым «Под знаменем времени» (том I, Симферополь), в газетах «Литературная Россия»; «Орто дойду» (Республика Саха-Якутия); «Алтайдын чолмоны» (Республика Алтай); «Авам» (Монголия).

Участник семинара молодых писателей «Эхо Саян» (Кызыл 2004), лауреат премии Министерства культуры Республики Тыва (2014), дважды лауреат «Национальной литературной премии Республики Тыва» (2020, 2025). «Почетный работник сферы образования РФ» (2024), «Заслуженный учитель Республики Тыва» (2025).

МОЙ НАКАЗ СЫНУ ЛОПСАН-ДОРЖУ

*Перевод с тувинского языка на русский Николая
Переяслова (Москва)*

Тут всё твоё –
Твоё жильё,
Твой луг,
Твой плуг,
Твой мир вокруг.
Ты на планете — не один,
Ты — мой родной,
Ты старший сын.

Вот юрта, где родился ты,
Вокруг — цветут в траве цветы,
Везде струятся песни птиц —
Весёлых зябликов, синиц...

Взгляни на жертвенный курган -
Вокруг него стоит туман.
Конь бьёт копытом, в путь спеша,
Как в нетерпении дыша.

Остерегайся ям, болот,
Отвесных круч и быстрых вод,
О том — что дышит жаром грудь...
О Родине не позабудь.

Отважным воином в бою
Отчизну защищай свою,
Она — любимая страна,
Одна у каждого она.

В большом дворце и в шалаше
Всё время думай о душе,
Запомни отчий свой простор,
Земля — твой ласковый ковёр.

Ну как ещё, сойдя с крыльца,
Напутствует отец юнца?
Скажу лишь: «Путь твой впереди —
Как песня, рвётся из груди!

Тут всё — твой край,
Твой дом и рай,
Твой мир вокруг,
Твой лес и луг.
Тебе дана
Твоя страна,
Только она
Тебе нужна...»

ДЕРЕВЬЯ РОДИНЫ МОЕЙ

*Перевод с тувинского языка на русский Николая
Переяслова (Москва)*

Дуб и берёза, ель с сосной —
Друзьями стали меж собой.

Разора нет среди ветвей –
Растут все из одних корней.

Единый образуя круг,
Ель тянется к сосне, как друг,
И хоть иголки их остры –
Их не разделят две сестры.

Сестра с сестрою – в лад живут,
Смеются вместе и поют,
Но если ж засвистит пурга –
Ничья не ступит в снег нога!

Под песни выйдя за дома́,
Повяжем ленты-чалама³,
Смотри, как лентами обвит,
Стоит среди берёз Хам-Дыт⁴!

Всех веселит весна в Туве –
В лесной листве, в степной траве,
Всем рады – рощи и кусты,
Весной деревья – не пусты.

Хоть в поле, хоть в глуши лесов –
Хватает звонких голосов,
Хрипит, звенит, поёт, звучит
Хор, что на миг не замолчит!..

ХОЙТПАК⁵

*Перевод Ирины Игнатовой
(г. Феодосия, Республика Крым)*

Зимним морозным утром в юрте простой я родился,
У чабана среди степи маленький сын появился.
Плач мой разнёсся с ветром, и ледники на вершинах
Мне в этот час пожелали стать настоящим мужчиной.

Сын пастуха, я с детства к зною и стужам приучен,
В степь уходил бесстрашно, бегал горным кручам.

Ноги мои босые и травы и камни топтали,
Козы, сарлыки и кони на спинах меня катали.
Хвори, болезни, усталость валили меня не однажды,
В знойной степи порою почти погибал я от жажды.

Не раз унести могли бы стремительных рек потоки,
Но силу во мне взрастили тайги и пустыни соки.
Судьбы ураганы и ветры не сбили меня с пути.
Уже поседел, но всё же готов ещё долго идти!
Хойтпак, ты от болезней, от голода, жажды спасал.

Хойтпак, тебе поклоняюсь – в дорогах мне помогал,
Немного нас, но я знаю, что наш не кончится род.
Счастье быть вместе с Тывою! Спасибо тебе,
мой народ!

СЛОВО МАТЕРИ МОЕЙ

Перевод Ирины Игнатовой

Камни, что путь преграждают, нужно всегда убирать —
Этому ты учила сына, любимая мать.
Только теперь понимаю, как же была ты мудра,
Детям своим желая только любви и добра.
Время так быстро мчится, но сквозь вереницу всех лет
В сердце своём пронёс я, мама, твой славный завет.
Помню наказ твой поныне, в горы иду иль в тайгу ...
Много теперь я умею, много теперь я смогу.

³ В представлении древних тувинцев священная шаманская лиственница (чалама́) — это разноцветные ленты, которые в Туве привязывают на специальных сооружениях в определённых местах (оваа). Как правило, это сложенные наподобие чума или ограды деревянные жерди, расположенные на перевалах или в источниках воды. Для тувинцев чалама́ — это молтва, подношение, дань уважения к природе и предкам.

⁴ Название «Хам-Дыт» означает «шаман-лиственница» и распространено в Туве из-за того, что на дереве много скученных ветвей. В представлениях тувинцев такое дерево считалось долголетним, высоким, стройным и крепким. Над веткой шаманской лиственницы образовывался круглый пучок из переплетённых между собой живых веток, который был виден издалека. Рубка дерева «Хам-Дыт» считалась большим преступлением и приравнивалась к убийству шамана.

⁵ Хойтпак — это традиционный тувинский кисломолочный напиток.

Но до последнего вздоха буду я помнить о том,
Как ты мой путь окропила белым парным молоком.

ДОЧЕРИ – ХУДОЖНИЦЕ

Перевод с тувинского на русский язык Нины Поповой (Москва)

Доченька-художница
кисточку берёт,
Дружно
оживает линий хоровод.
— Дай листочек чистый — и лукавый смех,
Для меня дороже он сокровищ всех!
Так светло и радостно от смешной мольбы,
— Ты сама — листочек чистый у судьбы!

* * *

Перевод с тувинского на русский язык Нины Поповой
(Москва)

Млечным пухом летит первый снег,
Обесцветив долины и горы.
Зазвенел над землёй детский смех,
Разукрасив весельем просторы.

Но снежинки нежны и легки,
Миг на солнце – и капля простая.
Первый снег бросит жизнь на виски,
Никогда он уже не растает...

ТУВИНСКИЙ МОЙ ЯЗЫК

Перевод Ольги Прилуцкой

С тобой я родился, родной мой язык,
Впервые услышав «Авай!» по-тувински.
Так мама кричала. Вплетался в тот крик
Младенца ответ, словно рёв исполинский.

Гортанный, певучий, я слышал твой слог —
Он плыл выше гор, он плутал между елей.
А я познавал, я — иначе не мог! —
Любовью проникся к тебе с колыбели.

Я рос — ты, как друг, был всегда за меня,
Берег от ошибок, мой нрав умиряя.

Как мудрый учитель, ты день ото дня
Мне жизнь открывал, не боясь, доверяя.

Однажды красиво сказать мне помог
О светлой любви. Стал я мужем счастливым!
Тувинский язык мой, великий твой слог
Тувинцу всегда будет самым родимым!

ВСЕНАРОДНЫЙ ДАР ТУВЫ

*Перевод Ольги Прилуцкой
(Крым)*

Я шёл по Кызылу, тувинской столице —
Шумел город песней речных перекастов.
Увидел тувинцев прекрасные лица —
Мои земляки собирались в бригады.

Работали люди в них дружно и споро —
Так песня единым рождается хором.
Парнишка молоденький был «дирижёром»...
Решился отвлечь я его разговором.

Пожав крепко руку, не скрыл интереса:
«Далёко ль свой груз повезёте обозом?»
Он мне улыбнулся: «Разбить мракобеса
Поможем Донбассу и всем малороссам.
Отечеству помощь и письма солдатам —
Поклон от тувинцев и вера в победу.
Вот так же ковали её в сорок пятом
В тылу и на фронте. Достойны мы дедов!»

Я обнял парнишку за всех, кто трудился —
Запомню навеки их светлые лица.
Смотрел на Саяны и долго молился:
«Пусть дар всенародный бойцам пригодится».

Летел самолёт выше гор стальной птицей.
Слова йорээла⁶ послал я вослед.
И в небе сверкнула победы зарница,
А сверху пилоткой махнул мне мой дед...

⁶ Напутствие.

ЮРИЙ ТУН-ОЛ

БИОГРАФИЯ

Член Союза писателей России, поэт, прозаик. Родился в селе Чаа-Холь Тувинской АССР. Окончил Кызылское медицинское училище, работает зубным врачом. Выпустил три сборника стихов. Пишет стихи в разных жанрах: сонеты, венок сонетов, четверостишия, трёхстишия, семистишия, танка, хайку, поэмы, триолеты, рубайи и рассказы.

В 2025 году в межрегиональном конкурсе среди профессиональных писателей занял 2 место, а также входит в число победителей конкурсов среди прозаиков и поэтов Республики Тыва.

ОДА СОНЕТУ

Перевод Валерия Латынина

Особый жанр есть в стихотворном мире,
Оставленный нам много лет назад
Великими Петраркой и Шекспиром,
И я ему раскрыть объятья рад.
Горел во тьме мой беспокойный разум –
Гармонию в укладке слов искал,
И этим жанром покорён был сразу,
Как будто бы обрёл родной причал.
Не просто зарифмованные строчки
Несёт в себе классический сонет –
Порядок слов там выверен и точен,
Но без ключа не вскрыть его секрет.
Кто в мысль вдохнуть огонь духовный сможет,
Четырнадцать волшебных строчек сложит.

ОБЛАКО МОЕЙ МАМЫ

Перевод Валерия Латынина

Облако плывущее, постой,
Раздели печаль мою со мной.
Где-то в небе есть приют богов,
Расскажи о нём – где он, каков?
Говорят, там чудный аромат,
Лотосы цветут, тенистый сад,
Зеленее травы, чем у нас,
Всё вокруг там восхищает глаз.
Есть ли во вселенной тот приют
И дороги, что к нему ведут?
Говорят, коль много нагрешил,
Дверь туда закрыта для души.
Правда ль это, облако, скажи?
И в приют дорогу укажи.

Говорят, что обитают там
Те, кто был угоден небесам,
Что живут там вечно, смерти нет,
Что не существует лучше мест.
Если так, то в дивных тех краях
Ныне мама милая моя!

ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО

Перевод Валерия Латынина

Хотел кольцо любимой подарить,
Хранил его, помолвки нашей ждал.
Но отношения начали сбоить...
И выбросил я свадебный металл.
Кольцо блеснуло, полетев в сугроб,
Усмешкой о потерянной любви.
Мы не достойны оказались, чтоб
Связать кольцом две разные судьбы.
Как талисман для девушки другой,
Кольцо на снежном насте расцвело,
Оно и сердце тоже за собой
В сугроб в порыве горьком унесло.
Вслед за отарой девушка идёт,
Поёт о чём-то, светится лицо,
Пусть пастушка милая найдёт
На счастье обручальное кольцо.
Заносит ветер снежную пылью
Твои следы и мне метёт в глаза.
Я знаю, что пропавшее кольцо
Уже не сможет снова нас связать.

ГОЛОС МОЕЙ ДУШИ

Перевод Валерия Латынина

Снова окреп, стал звонче голос души моей,
Целому миру спеть он песню свою желает.

Радостно скачут мысли — день ото дня резвей,
Сердце затрепетало, в небо взлететь мечтает.
Тихо любовь подкралась, хоть я её не ждал,
И не уму, а чувствам больше сейчас внимаю,
Я ей свои желанья, словно цветы, отдал,
И этих строк рожденье с радостью посвящаю.
Строятся строки снова, будто солдаты, в ряд.
Грусть же моя былая скрылась, как ветром сдуло.
Тёплые письма милой слать бесконечно рад,

И теплоту сторицей милая мне вернула.
Чувствую, как храбреет, робкий с рожденья
нрав,
Слово «люблю» созрело выпорхнуть, словно
птица,
Скоро тот день наступит, слову свободу дав,
Пусть душа звонкой песней досыта насладится.

ПОЭЗИЯ ХАКАСИИ

ИГОРЬ МАМЫШЕВ

БИОГРАФИЯ

Поэт. Многие свои произведения создаёт на хакасском и русском языках одновременно. Переводит произведения других авторов с хакасского на русский, с русского на хакасский. Переводы с иных языков осуществляет, как правило, в двух вариантах — на хакасском и русском. Член Союза писателей России. Родился 6 ноября 1965 г. в селе Верх-Аскиз Аскизского района Хакасии. Образование: Московский технологический институт. Стихи публиковались в региональной хакасской и русскоязычной периодике, журнале «Юрта» и альманахе «Ах Тигей» (Абакан), альманахе «Енисейская Сибирь» (Минусинск), центральном писательском еженедельнике «Литературная газета» (Москва) и др. Как автор и переводчик участвовал в сборнике военно-патриотической поэзии «ZOV СЕРДЦА» (Минусинск, 2024 г.), в котором стихи поэтов разных национальностей были представлены в оригиналах и переводах на четырёх языках — хакасском, тувинском, русском, марийском. Выпустил три книги стихов и переводов. Победитель II Республиканского конкурса художественного перевода произведений хакасских авторов на русский язык (Абакан, 2022 г.), лауреат XI Литературно-поэтического конкурса им. М. Ф. Величко (Красноярск, 2023 г.); финалист I сезона Национальной литературной премии «Слово» в номинации «Перевод поэзии» (Москва, 2024 г.), лауреат Всероссийского литературного конкурса «Твои защитники, Россия» в номинации «Перевод поэзии» (2025 г.), лауреат XVIII Открытого межрегионального конкурса им. Ю. С. Рытхэу в номинации «Поэзия» (Анадырь, 2026 г.).

ПЕСНЬ ЖИВЫХ СТРУН

(На древних словах основано)

Воспаряет, звеня, к Небесам
Голос мудрого старца Чатхана⁷,
Струны песню поют неустанно,
Вознося к Чайаанам-творцам⁸:

«Плоть моя — вся от плоти Земли,
Словно корни древесные — жилы,
Кости — камни гранитной скалы,
Что венчает седые тасхылы⁹.

От стремительных горных ручьёв —
Кровь моя, животворная влага.
В гордом взоре таится отвага

⁷ Чатхан — хакасский музыкальный струнный инструмент.

⁸ Чайааны — творцы мира в хакасской мифологии.

⁹ Тасхыл — высокая гора, увенчанная скалой, утёсом.

Не боящихся солнца орлов.
Крылья ветра смогли подарить
Мысли вольной свободу паренья,
И душа моя, Неба творенье,
Так же вольно способна творить!»

* * *

Есть сакральное место, где звёзды так близко,
Что возможно до них дотянуться рукой
Где, в волшебном сиянии лунного диска,
Серебристые травы склоняются низко,
Где, напившись воды родниковой аскизской¹⁰,
Колдовские туманы плывут над рекой...

Согревают лучи восходящего солнца
Серо-бурые камни — курган Чаатас¹¹.
Но сквозь насыпь высокую свет не пробьётся,
Луч истлевших костей никогда не коснётся,
Под замшелой плитой вовек не проснётся
Павший в битве, воитель неистовый Ас.

Над курганом, сверкая двуглавой вершиной,
Небосвод подпирает хребет Читы хыс¹².
У подножья его, средь обширной долины,
Есть селенье, достойное песен былинных,
Где красавицы — девы, герои — мужчины.
Мироздания центр, мой Чоғархы Асхыс¹³!

Неспроста его Верхним — Чоғархы — назвали:
Близок к солнцу, купается в ярких лучах!
Викинг счёл бы его воплощеньем Валгаллы,
Но увы, скандинавские гордые скалы
Показались бы путнику холмиком малым
У подошвы седого тасхыла Сахчах¹⁴!

Здесь находится главная ось Ойкумены,
Здесь тасхылов гранит племя Асов исторг.
Непреложной, незыблемой и несомненной:
Здесь — подножие Неба, начало Вселенной,
Созидающей силы древнейший исток.

ОБЕРЕГ

Ковыль, спалённый степным пожаром,
Ковром зелёным взойдет опять.
Кондовым кедрам, сожжённым палом,
Кольём горелым вовек стоять.

Кричат безмолвно в мольбе напрасной:
Кора опала, стволы черны.
Копчёной плотью, на срезе красной,
Кормить личинок теперь должны.

Деревьям юным кормильцы корни
Даруют силы земли сырой.
Доспех народа — обычай древний,
Да песни степи, язык родной.

Когда свирепый кабан, оскалась,
Кромсает корни, наш кедр — умрёт.
Когда мы речи хакасской сладость,
Кичась, забудем — умрёт народ.

Коней, впряжённых в повозку парой,
Кривым дорогам не утомить.
Когда сплочённость — обычай старей,
Крепка защита, народу — жить.

По горным кручам влача повозку,
Падёт каурый на пир зверям.
Презрев единство, замшелой, плоской,
Плитой курганной не стать бы нам...

* * *

Ветер, бродя по крутым косогорам,
Зиму пророча, поёт.
Кличет меня, по осенним просторам
Вновь прогуляться зовёт.

Я, позабыв череду своих вёсен,
С ветром пройду средь полей.

¹⁰ От Аскиз — река, левый приток Абакана.

¹¹ Чаатас (хак.) — древнее воинское захоронение с курганной насыпью, ограждённой по периметру каменными плитами.

¹² Читы Хыс (хак.) — горная гряда, название которой в переводе на русский язык означает «Семь дев».

¹³ Чоғархы Асхыс (хак.) — Верх-Аскиз, населённый пункт в Хакасии.

¹⁴ Сахчах (хак.) — в переводе «Сторожевая гора».

Пусть он растреплет мне волосы вовсе,
Словно пучки ковылей.

Пусть он в лицо мне горстями швыряет
Стебли пожухлой травы,
Я ведь беспечно судьбою играю,
С юности ранней, увы!
О сумасбродствах — куда ж от них деться —
Право, не стану тужить.
Эхо струны, оборвавшейся в сердце,
Песней останется жить.
Ветер, бродя средь крутых косогоров,

Треплет меня по плечу:
Знает скиталец, что, поздно иль скоро,
Следом за ним полечу.

ВАЛЕНТИНА ТАТАРОВА

БИОГРАФИЯ

Поэт, прозаик. Член Союза писателей России (1984 г.). Родилась 15 июня 1952 года в селе Аршаново Алтайского района Хакасии. После окончания Хакасской национальной школы и Абаканского педагогического института работала в школе, журналистом, заведующим литературной частью в театре, научным сотрудником республиканского научно-методического центра, заместителем председателя правления Союза писателей Хакасии. Автор семи книг поэзии, прозы и методических работ на тему национальных хакасских праздников. Публиковалась в региональной периодике, альманахе «Ах-тасхыл» (Абакан), на русском языке — в журнале «Улуг-Хем» (Кызыл), центральном писательском еженедельнике «Литературная газета». Лауреат Литературной премии Главы Республики Хакасия — Председателя Правительства Республики Хакасия имени М. Р. Баинова. Заслуженный работник культуры Республики Хакасия.

ВЕЛИКИЙ БУБЕН

Куранты снова полночь бьют,
Гудят полночные экспрессы.
В конце концов, давай всё взвесим,
Осмелясь всё перечеркнуть,
Осмелясь всё перекурочить,
Перекромсать, перекроить
И над костром горящих строчек
В великий бубен снова бить.

КУКУШКА

За тёмным бором, в сизой мгле,
Над той черничною опушкой
Ещё не прожитые мною на земле
Мои года кукует мне кукушка.

Слепа она в своей лесной тоске
И одинока в дебрях тающего лета.
Но отчего же на моём виске
Забилась жилочка? Ах, это!

Считай, считай, кукушка, не молчи!
Плеснув отливом в бронзовой ночи,
Шаманским звоном плачут где-то бубны.
Я окроплю росой полночной губы.

Считай, считай, кукушка, не молчи!

За тёмным бором, в сизой мгле,
Над той черничною опушкой,
Взмахнув крылами сонными в листве,
Замолкла вдруг кукушка.

Я ПЛАЧУ

Я плачу сухими глазами,
Приехав на родину матери.
Здесь начиналась песня,
Которую ей не допеть.
Здесь она босоногой
По гладким камням бежала,
Острый поранил ногу,
Которой уже не болеть.

Не бойтесь, деревья, не стану
Вас упрекать за это,
Что выросли вы на месте
Старой деревни Тастар.
А на месте того колодца
Кукурузное поле,
И не скрипит уключина,
И не поёт, как встарь.

Не бойся, тайга, не стану.
Просить у тебя и травинки,
Помятую следом матери
В тот сенокосный миг.
Её давно уж скосили,
Её уж давно скормили,
И телёнка от той коровы
Давно уже нет в живых.

Давно уж стада другие
По склонам горы пасутся.
У тех, кто помнит маму,
Давно уже седина.
Я плачу сухими глазами,
Приехав на родину матери.
А время Белым Июсом¹⁵
Течёт, даже камни сдвигая
С песчаного дна.

КАРАВАНЫ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ

Незримы простым человеческим глазом,
Караваны плывут по степи.
Динлины, гяньгуни, а, может быть, азы —
В зыбкой этой туманной цепи.

Под ними холмы, и лощины, и яры,
Горизонт перед ними земли.
То гунны, то скифы, а, может быть, ары —
Вслед которым склоняются ковыли.

Мимо них пробегают косули, сайгаки,
Им не видимы стремена.
Уйгуры, кидани, в, может быть, саки —
Той дорогой плывут, что теперь одна.

Владевшие тайной Солярного знака,
Этой истиной искони,
Кыргызы, тюркуты — в своих каганатах
Тайной Вечности дорожили они.

Неведомы нам их извечные тропы —
От кострищ не мерцают огни.
С Уйбата, Орхона до самой Европы
В дымке времени проплывают они.

Давно не скрипят в дымке той колесницы —
И прозрачны кибитки, шатры.
Давно и дорожная пыль не клубится,
Вслед за ними на спусках с горы.

Но солнце возносит над ними с рассветом
Ту великую Жизнь, во мне что жива.
По тропам Июса, по тропам Тибета
Проложена эта живая тропа

И зримые мной, покоряются гласу
Караваны Великой степи.
То предки мои, мне дав имя хакаса,
В зыбкой той проплывают цепи.

¹⁵ Белый Июс — река в Хакасии. Протекает по территории Орджоникидзевского и Ширинского районов. Истоками являются мелкие горные озёра.

Плывут по Великой степи караваны,
Знак Солярный единый таит закон.
И вижу я Предка великим каганом,
Что однажды взошёл на свой трон.

СИБДЕЙ ТОМ БИОГРАФИЯ

Поэт-блогер, прозаик, музыкант, член Союза писателей России, лауреат литературной премии Главы Республики Хакасия – Председателя Правительства Республики Хакасия имени М.Р. Баинова. Родился в 1963 году в улусе Усть-База Аскизского района Хакасии. Образование: Абаканское музыкальное училище, Абаканский педагогический институт. Работал учителем, научным сотрудником, веб-корреспондентом, радиожурналистом. Стихи публиковались в региональной периодике, альманахе «Ах-Тасхыл» (Абакан). В переводе на русский язык — в журнале «Улуг-Хем» (Кызыл), альманахе «Енисейская Сибирь» (Минусинск), журнале «Сибирские огни» (Новосибирск), еженедельнике «Литературная газета» (Москва), антологии «Современная литература народов России. Поэзия и проза тюркских и монгольских народов». Автор шести поэтических сборников и монографии, посвящённой проблемам хакасского стихосложения. Ведёт литературный сайт на хакасском языке и онлайн-курсы хакасского языка. Выступает, сопровождая исполнение своих стихотворений игрой на хомусе (струнный национальный инструмент).

ХАЙДЖИ И ПОЭТ

*Отрывок из стихотворного медиа-романа «Хан
Тигір кимезі» («Ковчег Тенгри¹»)
Перевод Натальи Ахпашевой*

Вдали от городов и селений, поздним вечером в глухой тайге, на вершине каменистой горы встретились два человека. Один — поэт, сочинитель стихов и поэм. Другой — хайджи¹⁶, исполняющий древние сказания о богатырях. Их так и звали — Поэт и Хайджи. Встретились они и стали спорить...

На привале костёр разгорается.
У костра разговор затевается.
Звёзды высыпали в вышине.
Закипает угре³ в казане.
Для беседы — приправа своя.
— Друг! Послушай, что думаю я, —
начинает Поэт говорить. —

Спор не должен к вражде приводить.
Мысль напевом чудесным становится
и рождает желание творчества.
Мир баюкает бездна ночная —
мысли множатся, сон отгоняя.
Стих тогда с уст поэта слетает,
хаем¹⁷ горло хайджи напрягает,
приступая к сказанию. Чьё же
мастерство всех сокровищ дороже?

Речь на этом Поэт завершал,
но, похоже, Хайджи не внимал.
Молча из казана зачерпнул,
мошкарку отогнав, отхлебнул,
поудобнее ноги скрестил,
на колени чатхан⁵ возложил,
струны тронул, поглубже вздыхая,
из груди напев выпуская:

— Когда земля сотворилась,
и в недрах медь затвердела,

¹⁶ Хайджи — сказитель, исполнитель сказаний, сопровождающий сказывание игрой на чатхане.

¹⁷ Горловое пение — техника пения со специфической артикуляцией в глотке или гортани.

покрылись тайгой тасхылы⁶,
вершины тасхылов — снегом...

— Скакуна своего придержи-ка
и сказание останови-ка!
Вспомнил я, что когда-то давно
довелось мне услышать его.
Нам незрячая бабушка это
ночь рассказывала до рассвета —
как алып⁷ Хан-Мирген, снаряжаясь,
в богатырский поход собираясь,
лень свою три денька усмирят.
Я такое и раньше слышал.
Что же тут от тебя самого,
мастерства и труда твоего? —
так Поэт горячо восклицал
и для спора повод подал.

Тут Хайджи отодвинул чатхан.
А в груди его будто буран
разразился от негодования.
И теперь не словами сказания
предстоит на вопрос отвечать.
Стал Хайджи себя защищать:

— Изначальное припоминая,
дух народа сказаньем питаю,
о создании прежних времён
говорить я не должен «моё».
Вот на стол Арыг-хыс накрывает.
Вот в поход Хан-Мерген выезжает.
Что же? Мне впереди них пуститься
и собою самим возгордиться,
богатырских коней обгоняя,
в голос имя своё повторяя?
Не по нраву мне это отличие,
и в народе оно не в обычае.
Если ж я вдруг нарушу запрет,
мне тогда, возвратившись на свет,
будут мстить до скончания дней
духи древних богатырей.

С тем Хайджи, свою душу открыв,
возмущение-гнев подавив,
снова из казана зачерпнул
и опять угре отхлебнул.
А Поэт взволновался и встал,
ноутбук в рюкзаке отыскал,
чудо-технику эту включил.
— Посмотри-ка, друг, — проговорил, —
и послушай, как это сказание,
до тебя было сказано ранее.

То, что в памяти вечность хранит,
что показывает-говорит,
в чём железа душа обитает,
пробуждая, Поэт открывает.
Стал экран ноутбука мерцать,
ноутбук — чатханом звучать:

— Когда земля сотворилась,
и в недрах медь затвердела,
покрылись тайгой тасхылы,
вершины тасхылов — снегом...

О сокрытом — не каждому знать
и гармонию мира понять.
Обступает хайджи детвора —
слушать рады его до утра.
А сказитель — о богатырях,
славных подвигах и чудесах
сокровенные речи ведёт.
Кто его в мастерстве превзойдёт?
На чатхане искусней сыграет?
Где тот мальчик живёт-подрастает?
Ныне дух богатырский в народе
от селенья к селению бродит
Кто же добрым владеет мечом?
Кто же правит могучим конём?

ПОЭЗИЯ ЧУКОТКИ

ЮРИЙ АБРАМЕНКО

БИОГРАФИЯ

Военный корреспондент газеты «Вестник Новой истории» 35 общевойсковой армии группировки войск «Восток», боец с позывным «Соня». С семи лет жил в Эгвекиноте, где окончил школу. Ещё пять лет жил и трудился в окружной столице — Анадыре. Участник XVIII Открытого межрегионального конкурса литераторов на соискание премии им. Ю. С. Рытхэу.

СЫНЫ ЧУКОТКИ

*Перевод с русского на чукотский язык Татьяны
Асадовой*

Мы в памяти останемся веками,
Цветами прорастём, упав слезами,
Слезам матерей, жён и детей,
Что у могилы провожали сыновей.

Земли суровой, мы сыны Чукотки,
За Родину стояли мы, как сопки,
Взросшие на вечной мерзлоте.
Наши сердца теплом горели, как в огне.

Мы в бой сражаться шли за Родину, Россию,
Чукотская земля нам придавала силы,
И вот вернулись мы к родной земле,
Сыны Чукотки, павшие в войне.

Для каждого из нас Чукотка — дом,
Мы с честью охраняли мирный сон.
И в северном сиянии мы теперь,
Народ Чукотки, ты в победу верь!

Земли суровой, мы сыны Чукотки,
За Родину стояли мы как сопки,
Взросшие на вечной мерзлоте.
Наши сердца теплом горели, как в огне.

Земли суровой, мы сыны Чукотки,
За Родину стояли мы. как сопки,
Взросшие на вечной мерзлоте,
Сыны Чукотки, павшие в войне.

Взросшие на вечной мерзлоте,
Наши сердца теплом горели, как в огне!

РУССКИЙ СОЛДАТ!

*Перевод с русского на чукотский язык Татьяны
Асадовой*

Ну что же, давайте представлюсь я вам —
Я русский солдат, преклоняюсь дедам.
Потомок Суворова, Невский в крови,
Как Павлов, за каждый свой дом для семьи.

Землицы российской я жменьку возьму
И запах Отчизны я грудью вдохну.
И вот она, силушка нашей земли,
Расправила плечи, вражина, беги.

Я русский солдат и я добрый внутри,
Ты только лишь в душу мою загляни.
На стол я накрою, тебя накормлю,
С мечом не ступай лишь на землю мою.

Пред Богом единым и верой своей
В России солдат прорастает с корней.
От прадеда к деду, от деда к отцу
Отец даёт сыну веру в Бога свою.

Я русский солдат, я за Родину-мать
Готов горло грызть, я готов умирать.
За дом, за семью я веками стоял,
Поверьте, не нужно с оружием к нам.

Землицы российской я жменьку возьму
И запах Отчизны я грудью вдохну.
И вот она, силушка нашей земли,
Расправила плечи, вражина, беги.

Я русский солдат и я добрый внутри,
Ты только лишь в душу мою загляни.
На стол я накрою, тебя накормлю,
С мечом не ступай лишь на землю мою.

НАТАЛЬЯ ГОНИЕВА

БИОГРАФИЯ

Член Союза российских писателей, г. Анадырь, — поэтесса, автор текста нового гимна Чукотского автономного округа.

ВОЗВРАЩАЙСЯ ДОМОЙ, МАЛЬЧИШКА...

Перевод с русского на чукотский язык Татьяны Асадовой

Возвращайся домой, мальчишка
Тебе столько всего предстоит:
Гул лимана снова услышать
И на лодке его бороздить.
Снова в тундре родной оказаться,
И упасть, будто в шкуру, на мох,
Разрыдаться от счастья,
Признаться,
Что ты смог.
Ради этого ты — сражался,
Воздух Родины жадно вдохнёшь,
И поймешь — было трудно,
Не сдался.
Было пекло.
Но ты живёшь!
Возвращайся домой, мальчишка,
Тебе столько всего предстоит.
Гул лимана ты скоро услышишь.
Мы здесь верим,
Что ты победишь.

У РОССИИ – ЖЕНСКАЯ ДУША

Перевод с русского на чукотский язык Татьяны Асадовой

У России — женская душа,
И во весь свой материнский голос
Просить мать-Земля за сына встать
Каждую берёзку, каждый колос.

И встают её берёзы и поля,
И Господь встаёт за нашим войском.
Потерпи, Святая Русь, Земля моя,
Победит твой сын, не беспокойся.

У России женская душа,
И крепка в веках её защита,
Просит мать-Земля за сына встать,
Льётся в небеса её молитва.

Русь молитвы к небу вознося,
Крепких рук своих не опускает.
И святая материнская мольба
Сыновей к победе приближает.

ЗОЯ НЕНЛЮМКИНА

БИОГРАФИЯ

Родилась 17 января 1950 года в селении Наукан Чукотского национального округа. Первая эскимосская поэтесса, работавшая над сохранением науканского диалекта и культуры своего народа. Была принята в Союз писателей СССР 3 марта 1988 года. Позже стала членом Союза писателей России. В 1979 году поэтесса и её переводчик Александр Черевченко получили Премию за первый поэтический сборник Ненлюмкиной «Птицы Наукана» («Тыгмегит Нувуџам»).

ЧЕЛОВЕК И ЗЕМЛЯ

Под ветром мгла
Качнулась и распалась,
И мы стоим у кромки ледяной.
— Что там, вдали, у горизонта?
— Парус,
Байдары возвращаются домой!
Спешат домой
Охотники с добычей.
Всё ближе скал
Знакомый неуют,
И, соблюдая вековой обычай,
Наперебой
Скороговорке птичьей
Звучит саяк¹⁸
И женщины поют.
Судьба мужчины —
Мужество погони,
Азарт добычи и,
В конце концов,
Возможность ясно,
Словно на ладони,

Увидеть землю дедов и отцов.
— какая же она?
— Всмотрись получше
В родное небо:
В вечном полусне
Клубятся в небе снеговые тучи,
Снижается на землю
Снег колючий,
Под торбасами
Серебрится снег!
И, оглашая снежность
Лаем звонким,
Сливается упряжка с горизонтом!
Неотделима женская судьба
От буден и от праздников народа.
У нас не скажут:
«Женщина слаба» —
В селенье всем нужна её забота.
Она успеет накормить собак,
Заправить жирник
И разделить нерпу.
А как поёт
В её руках саяк,

¹⁸ Саяк с эскимосского языка — бубен.

Когда в цветных камлейках
Киугъяк¹⁹
Закружится
По северному небу!..
Суров мой край. Его характер крут.
Но он не чужд
Улыбкам и веселью.
И счастлив от,
Чей повседневный труд,
Преображая,
Согревает землю.

АНДРЕЙ НОСКОВ

БИОГРАФИЯ

Родился 2 марта 1958 года во Владивостоке. В 6 лет переехал с семьёй в Анадырь. Член Союза писателей России.

Первый председатель Чукотского регионального отделения Союза писателей России (создано в период 2008–2012 гг.).

ПО ВЕЛЕНИЮ СОВЕСТИ

*Перевод с русского на чукотский язык
Татьяны Асадовой*

По велению сердца,
по велению совести,
наши мальчики молча
уходят на фронт,
они жизнями пишут
современные повести,
они есть современный
российский народ.
Помашу им рукой —
до свидания, мальчики!
Как махали рукой
в сорок первом году,
эту злую войну
не вы первые начали,
вы ушли на неё
по февральскому льду.
Вы ушли на неё
по велению совести,
по велению сердца
ушли на неё

в камуфляжах,
от горького пота
просолённых,
за Россию стоять,
и во имя её.
— До свиданья, — скажу им, —
до свидания, мальчики.
Знаю, будет вам трудно
на трудной войне.
Если б знали вы только,
как много вы значите
мне, народу и нашей
огромной стране!
За спиною у вас
Русь, Отчизна, держава,
тысячи пристальных глаз
вслед вам молча глядят,
губы шепчут молитву,
но, как пел Окуджава:
«До свидания, мальчики,
мальчики,
постарайтесь вернуться назад».

¹⁹ Киугъяк с эскимосского языка, чаплинский диалект — сполохи, северное сияние.

ВСПОМНИМ

*Перевод с русского на чукотский язык Татьяны
Асадовой*

Вспомним всех поимённо,
павших в борьбе с нацизмом.
В траур одеты знамёна,
в молчанье застыла Отчизна.
Вспомним всех, самых лучших,
жизни свои положивших,
богатырей наших русских,
так мало на свете поживших.
Вечная память павшим,
вечная память героям,
Родину отстоявшим,
Россию прикрывшим собою.
Их имена, как символ
доблести, чести, отваги,
славы твоей, Россия,
павших в последней атаке.

ТАТЬЯНА АСАДОВА (ТНАТВААЛЬ)

БИОГРАФИЯ

Знаток чукотского языка и национальной культуры, педагог, переводчик, хранительница традиций коренных народов Чукотки.

Работала в оленеводческой бригаде в родной тундре.

После окончания школы и недолгого обучения в Новосибирском государственном институте вернулась в стойбище помогать семье.

В 2000 году переехала в Канчалан, устроилась в интернат, окончила Анадырское педучилище. Стала учителем чукотского языка в младших классах Канчаланской школыинтерната. Работала переводчиком для программ ВГТРК «Чукотка». На пенсии продолжает заниматься переводами и просветительской деятельностью. Переводила на чукотский язык стихи для сборника «В сердце Севера», посвящённого героям СВО (первая, вторая и третья части). Переводит рукописи дочери Самиры Асадовой, поэтические сборники, сказки, статьи. «Хранитель традиций Чукотки» (незадолго до Нового 2025 года) — за вклад в сохранение и приумножение культурного и духовного наследия коренных малочисленных народов округа.

ПОЭЗИЯ ЯКУТИИ

САРГЫЛАНА ГОЛЬДЕРОВА-САРГЫ КУО

БИОГРАФИЯ

Саргылана Васильевна Гольдерова-Саргы Куо (1959) — член Союза писателей Якутии с 1992 года, член Союза России, член Союза журналистов России с 1999 года, заслуженный работник культуры Республики Саха (Якутия), народный поэт Якутии.

Она автор около 20 книг, автор более чем 40 тысяч строк, тысячи стихов и 74 поэм (стр. 240). В 2022 г. вышла ее книга на русском языке «Благословение Ийэйхсит», на презентации которой ведущие писатели России высоко оценили ее творчество, отметили ее особенный дар и ее неповторимый голос.

* * *

Перевод Ариадны Борисовой

Я в глубокой древности была
Там, где тюрки поклонялись силе,
И до предков хунну я жила,
Вскормленная молоком кобыльим.
Я среди могучих тех корней
Сок впитала травкою цветущей,
В круговерти золотистых дней
Долог был мой путь к векам грядущим.

Даль песков, барханами ложасть,
Струйкой времени стекала нежно —
Я уже лосихою неслась
В марево тасжного безбрежья.
Пела на два голоса с пургой
Удаганкой юною под вечер,
Ветерок с небесною каймой
Летом у реки купал мне плечи.

В юрте старенькой жила потом,
О красивом юноше мечтала,
Перед ярким зимним камельком
Я сучила нити, кожи мяла.

И, предчувствий радужных полна,
Красовалась, косы распуская...
Месяц в бычьем пузыре окна
Таял, словно свечка золотая!
Я — живу. Но в восходящем дне
Вдруг придет таинственная гостья,

Звездный свет прольет на очи мне,
Собирая вечных мыслей гроздь.

Я — живу! Смех дочки, трели птиц
Я вплету в родной напев хомуса,
Я запомню цвет девичьих лиц —
Легче пуха вес такого груза.
Я — живу! Я буду жить всегда,
Чтобы передать якутам снова,
Пронеся сквозь веки и года
Мудрость мысли и искусства слова!

ПРИРОДА-КОЛЫБЕЛЬ

Перевод Ариадны Борисовой

Любимая природа-колыбель,
Морозы твои дики, лето знойно,
Весною ветрена и беспокойна,
То — солнце, то срываешься в метель!

Подснежник, земляника, чернотал...
Любила спать я под сосновой тенью,
Мне мотыльки дарили настроенье,
Куст голубицы ягоды давал.

Я дикий лук на берегу рвала,
Я нежилась в волне, в речной прохладе
И по аласу, с тишиной во взгляде,
Я тропкою весенних мыслей шла.

Тогда я принимала слов пальбу,
Недугов боль и даже поражение,
А после здесь лежала без движенья,
Березкам жаловалась на судьбу.

Теперь уже обиду не коплю,
Ее, колючую, без слов приемлю.
Мне просто надо тихо слушать землю
Под сердцем у берез, как я люблю.

Перевод Ариадны Борисовой

Я высоко летала над землей,
Высокой, неземной любви искала.

Любовь земную – слепо отвергала.
За это зло наказана судьбой.
Твою любовь я в каменную клеть
Презрев, садила без воды и хлеба,
В глазах твоих не замечая неба,
Тепла не видя, что могло согреть.

Простой любовью, как умел и мог,
Любил меня – и грешной, и высокой...
Теперь стою березкой одинокой
На перекрестке наших двух дорог.
Ты от меня далек, как прошлый век.
Тяну к твоей дороге ветви-руки,
И, трепеща в тоске смертельной муки,
Приемлю кроной первый белый снег.

НАТАЛЬЯ ХАРЛАМПЬЕВА

БИОГРАФИЯ

Родилась 1952 году в селе Маган Якутской АССР. Член Союза писателей СССР с 1988 года, член союза писателей России с 1991 года.

Закончила Якутский государственный университет, филологический факультет, по специальности – преподаватель русского языка и литературы в 1978 году. Поэт, прозаик, эссеист. Была участницей 7 Всесоюзного совещания молодых писателей в Москве в 1979 году. Пишет на двух языках – на якутском и русском.

Автор 35 книг на якутском и русском языках, также книг, переведенных на русский, английский, татарский, тувинский, казахский и азербайджанский языки. В жанре документальной прозы ею написаны и изданы книги в серии ЖЗЛ в издательстве «Молодая гвардия» о народном поэте Якутии, своем учителе Семене Данилове и общественно-политическом деятеле Алексее Томтосове.

Лауреат литературной премии имени А.Твардовского, премии «Золотой Дельвиг», Большой литературной премии России и АЛРОСА, государственной премии Республики Саха (Якутия) имени Платона Ойунского. Награждена медалью Александра Пушкина, В 2024 году удостоена ордена Дружбы Российской Федерации, Лауреат престижной Национальной литературной премии «Слово».

* * *

Перевод Ариадны Борисовой

Мой дед олонхосутом был,
В нем все призванью отдавалось.
Сплелось в стихах — что он любил,
И пелось то, о чем мечталось.
Соседи слушали его,

Красивой сказкою влекомы,
И оживала средь снегов
Жизнь предков зримо и знакомо.
Богатыри сражались в ней
И мерились друг с другом силой,
И никогда, кто был сильнее,
Не обижал больных и хилых.
От этой сказки хорошо
Всем было необыкновенно.

Просили тихо: «Спой еще...» —
Дед снова пел самозабвенно...
А между прочим, между тем
В сыром и дряхлом балагане
Старуха извелась совсем
С утра в привычной деду брани,
Не приспособлен ни к чему,
Дед эти выносил укоры
И молча двигался в дому,
Голодные встречая взоры.
И проливалось молоко
Сквозь пальцы, словно через сито,
Витали мысли далеко,
В том мире, где тепло и сыто.
И как-то раз он у стола
Упал, в руке зажавши шапку.
...На тридцать лет его пережила
Его моя бедняжка — бабка.
Ходила с внуками она
На место старого подворья
И, гневом все еще полна,
Вновь распалялась вдруг в укорах.

С колен поднявшись нелегко,
Она с обидой говорила:
«А жизнь совсем не олонхо,
Ему я сколько раз твердила!»
Когда обратно молча шли,
Дорогой бабка остывала
И будто видела вдали
То, что недавно вспоминала.
Была довольна, без затей:
Словосложения наука
Не тронула ее детей,
Искусом не легла на внуков,
Ошиблась бабка. Как и где —
Не ведаю, но знаю с детства:
То ль к радости, то ли к беде
Досталось мне его наследство.

СОН В ГОБИЙСКОЙ СТЕПИ

Горит костёр в ночи, в разгаре лета.
Сижу я, головешки вороша,
Освещена его огнём, согрета.
Так отчего печалится душа?

Ах, совладать с горячей гулкой кровью
Я, юная, сумею ли сама?
Как молнией незваною любовью
Озарена вокруг ночная тьма.

Любовь огнём нам душу очищает!
Зачем же сердце бедное дрожит?
Дух чёрной злобы мой народ смущает
И, опьяняя, головы кружит.

О, говорят, есть повод мстить без меры
Врагам с другого берега реки,
Там ядом злобы смазывают стрелы.
Копьё вражды касается руки.

Я жеребёнка глупого искала
Вчера — до ясной ночи при луне.
На берегу чужом у краснотала
Возник батыр на белом скакуне.

Он молча вырос в ивняке прибрежном,
Под ним, как в землю врос, прекрасный конь!
И взгляд батыра, пристальный и нежный,
Во мне зажёл невиданный огонь,

А нынче утром, воздух разрезая,
Летели стрелы с визгом над рекой.
Дух смерти хохотал, наш слух терзая.
И я навек утратила покой.

О, где твой белый конь, батыр прекрасный!
Где мчится, закусивши удила?
Не сможет мне поведать ветер праздный,
Куда теперь летит твоя стрела!

Кто имя назовёт твоё? И снова
Увижу ли тебя на скакуне?
Я плачу, сидя у костра степного,
Ах, в незапамятных веках — в глубоком сне.

* * *

Перевод Лидии Григорьевой

В земле гниют
Обломки грозных копий,
Над ними ветра
Заунывный вой.

Я вижу сон
В степной бескрайней Гоби:
Любовь сильней
Междоусобных войн!

УТЕШЕНИЕ

Перевод Якова Козловского

Вьюги ль вихрится грива
Или хлещут дожди,
Своего терпеливо,
Нюргун Ботура²⁰ жди.

Жди, чтоб вызволить снова
Из огня и воды,
Знают женщины слово
Для отвода беды.

И в слезах твои очи
Он увидит сквозь тьму,
Потому что нет силы
Позабыть их ему.

Нянчи сына в надежде,
На порог выходи,
И, как женщины прежде,
Нюргун Ботура жди.

Жди, душою измучась,
Жди судьбе не в укор,
Такова наша участь
С незапамятных пор.

* * *

Перевод Николая Рачкова

Я сильная женщина. Я из якуток.
Никто не торил для меня первопуток.
Никто именитый иль знатный в дорогу
Мне посоха не дал...
И слава-то богу.

Сама проявила однажды я волю,
Сама себе в жизни и выбрала долю.

Себя сохранила от мысли я дикой
Возвыситься, заживо стать мне великой.

Ну да, я наивна.
По чьим-то рассказам
Короче волос
Вдохновенный мой разум.
Ну да, я всего лишь
Простая якутка.

Я чутко все слышу.
Мне сладко и жутко
Жить так,
Словно рана во мне ножевая,
Сто раз умирая,
Сто раз оживая...

* * *

Перевод Николая Рачкова

... Услышу звук,
Услышу звон —
И сразу с четырех сторон
Четыре ветра кликну в стих,
Знакомых с детских лет.

Четыре пояса моих
От всех житейских бед,
Четыре яростных кнута,
Четыре взгляда вдаль,
Четыре знания...
Уста
Немеют, мне — не жаль.
Все, что замыслю, получу,
Мне все на свете по плечу!

Мне только стоит кликнуть их —
Четыре ветра
В стих...

²⁰ Нюргун Ботур — герой якутского эпоса олонхо.

ЧАСТЬ 2

ПРОЗА

ПРОЗА БУРЯТИИ

СЕРГЕЙ ДОРЖИЕВ

*Светлой памяти сына Евгения
посвящается...*

НА ЛЬДИНЕ

Знаменитый на всем побережье Малого моря охотник Айдай Зеленин наконец-то дождался толстяка Багли и Черного Васю. Из Качугского кооперативного зверопромхоза, где он работал, они привезли долгожданную лицензию на отстрел нерпы. На вопрос «Почему же вы так задержались?» кратко бросили: «Только что из тайги выбрались». И, внимательно следя за хозяином дома, пристально посмотрели ему в глаза. Особенно Багли, этот старый волк. Всем была известна причина низких производственных показателей этого охотника: будучи опытным таежником, основную свою добычу — соболя и белку, он продавал на черном рынке по завышенной цене. А в помощники себе сравнительно недавно, всего несколько лет назад, взял этого трусоватого молодого парня с водянистыми блеклыми глазами, полукровку Черного Васю, отличавшегося патологической жадностью. Ох, не случайно к нему пристала прибаутка: «Возьми у Черного Васи со двора горсть земли, умом тронется от жадности». И совсем не случайно пошел он в помощники к удачливому охотнику Багли. Фраза же «Только что из тайги выбрались» означала, что только сей-час, весной, они сняли расставленные на соболя ловушки и капканы и, скорее всего, промышляли в обход всех правил охоты. Потому-то хитрый Багли и уклонился от прямого ответа. Сейчас они зависели от него, поскольку на добычу морского зверя приехали впервые.

На море решили выехать рано утром. Были выходные, и старший сын Айдая пятнадцатилетний Баир увязался за охотниками. Он рано научился пользоваться ружьем, не раз ходил с отцом на охоту, мог и один отправиться в лес неподалеку, поэтому все трое взрослых были не прочь иметь под рукой такого умелого помощника.

Айдай, поднявшийся раньше всех, зашел с улицы домой:

- Придется отложить охоту.
- Почему?
- Выходите, сами увидите.

Удивленные неожиданным известием гости поспешно оделись и вышли, Айдай стоял во дворе и смотрел на западные хребты.

День начинался пасмурный, было очень тихо. Вдоль берега моря тянулись сумрачные темно-синие хребты, пестрея рваным одеялом тающих снегов. Щетинились острые вершины, лезвием ножа проглядывали ущелья и глубокие овраги. Среди беспорядочно нагроможденных хребтов выделялся голец, до середины которого доходила кромка темного леса, а верхняя часть, контрастная с ней, светлела желтизной. Над выпуклой яйцеобразной вершиной гольца клубились разрозненные, как бы разорванные, темные курчавые облака.

Айдай показал на него:

— Это голец Шара Тала. Когда у него появляется такая вот шапка, обязательно быть шторму.

— Вот, елки-палки, — ругнулся Черный Вася. — Зверя не будет, да?

— Зверь-то зверем. Лед на море может разбиться, — Айдай решил хорошенько предостеречь их. — Если будет сильный ветер, лед может оторваться от берега.

— О господи! Что же, льдину может унести в море?! Страшное дело, — запричитал Багли.

— В шторм опасностей много. Ветер такой называется горным. Лед на море теперь уже не тот, что зимой. Весенний лед уже пропитан, подточен водой, потому рыхл и непрочен. Ноздреватый лед, наши говорят, дышащий. При сильном ветре он ломается там, посередине моря, и, потеряв опору, отрывается от берега.

Гости качали головами, посматривая то на голец, то на море.

Из дома вышла Даша и подошла к мужу, который смотрел на голец, слегка запрокинув голову.

— Ой-ой, начинается горный.

Гости невольно обратили внимание на хозяйку дома. Даша и Айдай, оба высокие, стройные, были словно созданы друг для друга. У Даши большие ясные глаза, высокий прямой нос, четко очерченные губы, белое лицо алеет нежным румянцем, — следовало сказать, что она настоящая красавица и поставить на этом точку. Было понятно, что такой человек, как Айдай, красивый и сильный, наделенный особой мужской статью, мог связать свою судьбу только с такой девушкой, рожденной в суровой прелести Байкала, а не с кисейной барышней, разбалованной мирной и умеренной городской жизнью.

— Айдай, я схожу на метеостанцию, наверняка пришла сводка погоды на сегодняшний день. А ты подогрей чай, ладно? — Даша легким шагом направилась к нескольким домикам, белевшим на пригорке.

— Елки-палки! — плевался Вася. — Айдай, неужели вот эти облака над горой действительно к шторму?

— Ну, нельзя сказать, что непременно будет шторм. Однако так бывает почти всегда.

— Вот видишь, — Багли, казалось, обрадовался услышанному. — Тогда, может быть, и ветра не будет, верно?

— Может быть и так. Но это очень редкий случай.

— Послушай меня, Айдай, — Багли присел на край телеги, закурил сигарету. — Как можно сидеть дома, испугавшись ветра, которого еще и в помине нет. Будет этот шторм, не будет. Да и сроки лицензии у нас...

— Мы ни разу не охотились на нерпу, знаем о ней только из твоих рассказов, — вмешался в разговор Вася. — Когда в хозяйстве спросили, кто отвезет лицензию Айдаю и заодно поохотится, мы сразу и кинулись сюда.

— Да, это так, — старший из сотоварищей недобро взглянул на младшего и, когда тот замолчал, продолжил: — А что, если сделаем так, Айдай. Выедем на море совсем недалеко отсюда, можем даже не охотиться, просто осмотримся вокруг, ну, проверим там все, посмотрим и быстренько вернемся до того, как поднимется ветер, а?

— Вернуться до начала шторма? Но момента начала шторма не определить.

— Да нет же, как только подует, мы сразу направимся к берегу. Снегоход «Буран» скоростной, пока ветер поднимется, успеем домчаться до берега, — Черный Вася тоже не желал ждать у моря погоды. Что поделаешь, таков человек, всех тянет неизведанное.

— Нет-нет, друзья, это не так, — резко и решительно заговорил Айдай. — Горный ветер начинается внезапно и обрушивается со всей мощью. Топит катера на море, а по льду и машину погонит, как сани. Этот лед, — он показал на море, — там, посередине, не выдержит его напора. Сжимаясь и разжимаясь, очень быстро разломится и превратится в сметану. А лед сейчас рыхлый, шершавый, ветер его сдует, как пенку на молоке. Отложим, друзья,

наше предприятие на некоторое время, как бы нам ни хотелось, не будем торопиться. Если шторм начнется, то затихнет через два-три дня, а может, и четыре. Если море очистится ото льда, мы пойдем на лодке. Есть у меня большая морская лодка, под скалой всю зиму нынче простояла. Мы ее подготовим, перекрасим в белый цвет, проверим мотор. Это будет гораздо лучше, а то, неразумно поторопившись, можем и в беду попасть. Поедем же охотиться на Ушканьи острова. Нерпы там много. Наохотитесь в полное свое удовольствие. План же свой выполните за два-три дня.

Толстяк Багли и Черный Вася слушали этого обычно немногословного человека, раскрыв рты, даже позабыв о табаке. А вокруг стояла звонкая тишина, воздух был чист и прозрачен, слабо просвечивающееся желтым пятном солнце, казалось, вот-вот выглянет из-за тонких синеватых облаков и озарит яркими лучами эту ласковую землю, и картины бед, нарисованные Айдаем, казалось им, могли произойти не здесь, а где-то там, далеко, совсем в другом месте.

Они сидели за столом и пили чай, когда вернулась Даша.

— Сводка о шторме была получена еще вчера вечером. Так что наша Шара Тала не обманывает, — сказала она.

— А мы вот решили перекрасить лодку, — сообщил хозяин.

Даша улыбнулась:

— И правильно сделаете. Отдохнете у нас несколько дней. А я наших гостей угощу на славу разными яствами.

— Ох, Дарья, только от твоих рыбных блюд пузо растет, — засмеялся Вася, похлопывая себя по животу.

Зашел на кухню только что проснувшийся Баир.

— Пап, а будет для меня место в лодке?

— О! Для такого отважного охотника место всегда найдется, — заулыбался Багли. Отец же, слегка нахмутив брови, не проронил ни слова.

Гости вышли из дома покурить, а когда они вернулись, Багли сказал:

— Вчера вечером, когда мы говорили об охоте, ты, Айдай, помнится, сказал, что дашь нам свой новый снегоход. Думаю, пока тихо, надо его попробовать. Мой-то совсем уже рухлядью стал. Решил приобрести новый. Какова она, эта новая модель «Бурана»? Хотелось бы ознакомиться. Ну и, — он усмехнулся, — интересно же по льду прокатиться!

Хозяева дома переглянулись.

— То есть ты хочешь прокатиться на новом снегоходе по морю?

— Ну да, — кивнул Багли, — недалеко, конечно, здесь рядом, около берега. Если же, по твоим словам, начнется шторм, то отгонит лед, и тогда прощай катание до следующего года.

Все сказанное пришлось Айдаю не по душе. Но что поделаешь, это были его гости. Немного помолчав, Айдай сказал:

— Ну что ж, езжайте. Только от берега далеко не отходите.

— Конечно, — усмехнулся с прохладцей Черный Вася, — почему же это мы оторвемся от берега.

Гости стали быстро собираться. Айдай сам заправил снегоход, показал им двигатель и основные агрегаты.

— Я только его обкатал. Но все же, думаю, не стоит давать большие обороты.

— О, новый он и есть новый. Не стоит беспокоиться, — с этими словами Багли завел снегоход и указал подбородком стоящему рядом с ним Васе на сарай. Вася кинулся в сарай и вернулся с ружьями.

- Зачем вам ружья? — крикнул Айдай в реве двигателя.
- Привыкшие мы, все время с ружьями... — они рванули с места.
- Эй, Багли! Эй, Вася! Стойте! Остановитесь!

Два товарища сразу погнали снегоход к берегу и спустились с пологого места прямо на лед. Сбитый с толку Айдай остался стоять, разведя руки. Из дома выбежали Даша и Баир.

- Папа, что случилось?!
- Уехали с ружьями! Уехали, как будто сбежали!
- Ой! Неужели поехали на охоту?

Тем временем толстый Багли и Черный Вася, немного отъехав от берега, взяли курс налево и направились на север. Двигались они неспешно, сильно не гнали, ехали на половине оборотов двигателя. Багли, казавшийся не таким уж и толстым, был все же довольно плотным и большим, сидел за рулем уверенно и, на первый взгляд, крепко. Лицо Васи чернело темным пятном на фоне его выцветшей светлой одежды, худенький и тоненький, он изогнулся всем телом, как продрогшая стрекоза, и со стороны казалось, что он весь какой-то ненастоящий, слабый, всего лишь временный попутчик, случайно прибившийся путник. Они уехали довольно далеко, но рев мощного двигателя слышался как будто рядом.

- Эй, Айдай, куда это твои гости поехали? — крикнул сосед Лазарь.
- Сказали, покататься...
- Балуются, значит, — подошел сосед.
- А почему тогда прихватили ружья? — немного с вызовом спросил Баир.
- Прихватили ружья? Что ты говоришь? — Лазарь взглянул на Айдаю, и тот кивнул.

Эти двое отъехали от них далеко, взяли направо и, сделав большой круг, повернули обратно.

— Во-во! Вишь, возвращаются! Они ведь не глупцы, чтобы выезжать на море! — видно было, что Баир радовался от души. Но на лице Айдаю не было и тени радости. Он не отрываясь смотрел на своих гостей, стиснув зубы и прищурив глаза.

Багли и Вася, доехав до того места, где они спустились на лед, вдруг, резко повернув влево, рванули прямо на восток.

- Ой! Что это с ними? Куда это они?!
- Вот сумасшедшие, а! Вот дураки, а!
- Что ж это они, совсем с ума сошли! — загредел своим могучим голосом Лазарь.

Айдай забежал в зимовье и выскочил с карабином. Быстро зарядив, выстрелил вверх. И еще бабахнул два раза подряд. Те никак не среагировали, снегоход несея в море на большой скорости.

- Баир, выгоняй снегоход! — крикнул Айдай внезапно севшим голосом. — Быстрее!
- Айдай, — подбежала к нему Даша. — Что ты хочешь делать?
- Как «что хочешь»? Догнать и вернуть, — тихо, но твердо сказал он и поспешил к сыну, возившемуся со старым снегоходом.

— Но как ты догонишь-то, Айдай? Вон как далеко уехали. Ой, что-то сердце у меня щемит. Что за странные люди! Может, они сами вернутся, а?

— Не вернутся, пока не пригонишь, — сказал Лазарь. — Раз уехали таким вот образом, значит, удрали. Что за глупость! Я слышал ваш разговор здесь, во дворе. Видимо, до них ничего не дошло. Или же у них имеется какая-то веская причина, раз они так выпендриваются перед морем.

— Может быть. Но какая причина может быть? Обманывать вот так... Айдай, что-то я сомневаюсь, что ты их догонишь. Боюсь я.

— Даша, не станешь же, струсив, сидеть дома. Я должен успеть до начала шторма, — сказал тихим голосом Айдай, заправляя бензином снегоход, сдерживая себя изо всех сил, как его ни возмущала нелепость чужой выходки. — Мы не можем сказать: «Пусть они погибают, раз не послушались нас».

— Да, не скажешь, — подтвердил ветеринар Лазарь слова соседа.

— Пап! Я поеду с тобой!

— Не глупи! — Даша замахала руками и вдруг осеклась. Если она запрещает сыну, то получается, что делает это из страха перед его возможной гибелью и в то же время отпускает туда своего мужа, его отца. Даша закрыла рот ладонью и стояла молча, не зная, что говорить, что делать.

— Зачем тебе ехать со мной, Баир, останься. Нечего тебе там делать.

— Как это нечего делать, отец? Если они не захотят возвращаться, я сам сяду за руль «Бурана».

И в самом деле, если поехать туда с человеком, который умеет управлять снегоходом, и отобрать его, Багли с Васей не останутся на море, просто вынуждены будут поехать обратно. Видимо, сам того до конца еще не понимая, сын говорил здравые вещи.

— Тогда беги, оденься потеплее.

— Ты не беспокойся, мама. Мы скоро вернемся, — бросив на ходу, мальчик побежал домой.

— Даша, а мой полушубок и вещи... — напомнил Айдай жене. «Ах да», — вздохнула Даша и вынесла из зимовья теплую одежду и рюкзак.

— Сосед, может, я поеду с тобой?

— Не стоит, Лазарь. Да и не выдержит нас двоих это старье.

— Как думаешь, куда они направились?

— Они не знают моря. Только и слышали, что лед в этом году в основном гладкий и ровный. Видимо, направились к северной оконечности острова Ольхон. Вчера я им говорил, что там будем нерповать.

— Оконечность острова? У-у, это далеко.

— Да, далеко. Но в десяти километрах отсюда есть щель в скоплениях льда. Там-то я их и догоню. Если они случайно не найдут дорогу через него, сами никак не смогут проехать.

Быстро одевшись, закинув на спину винтовку и нацепив сыну рюкзак, Айдай поспешно выехал на море.

2

Море не прощает неуважения к себе и бесшабашного поведения.

Айдай гнал во всю мощь старого снегохода по темному шершавому льду прямо на восток. На ровной выпуклой глади льда, далеко на горизонте, виднелась темно-серая неровная черта. Он остановил снегоход, вытащил бинокль и, тщательно обследовав горизонт, увидел тех двоих далеко на юго-востоке возле льдин, нагроможденных друг на друга. Видимо, ищут выход эти два олуха. Чем они собирались заниматься на море, совершенно не зная его?

Зимой на этом месте лед был гладкий, как стекло. А теперь под весенним солнцем его поверхность подтаяла, он стал шершавым, и снегоход почти не буксовал. Айдай взял с места в карьер и погнал «Бурани» на предельной скорости. Только доехав до них, он понял причину их странного поведения.

Багли с Васей только что вытащили еще один «Буран» из образовавшейся под нажимом льда пещеры. К нему были прицеплены сани из нержавеющей стали, выше бортов нагруженные мясом и жиром нерпы, сверху и по бокам были привязаны туго скрученные шкурки зверя. Айдай стиснул зубы. Баир свистнул от удивления. А те двое подошли к ним как ни в чем не бывало, но при этом немного нервно улыбаясь.

— Ну, — сказал Багли, — Айдай, ты сам все понял.

— Конечно, понял, — вставил Вася. — Потому и дружим с ним, что понимающий.

Айдай не произнес ни слова. Даже не слез со снегохода. Быть обманутым и обидно, и оскорбительно, но гораздо сильнее его потрясло то, что эти люди, незаконным путем добывшие более тонны ценного мяса и жира, вдобавок целую копну серебристых шкурок, еще и рассчитывали на свою долю при совместной с ним охоте по лицензии и в итоге заставили его так долго ждать. С такой алчностью, переходящей всякие границы, он сталкивался впервые.

Раньше Айдай и не задумывался о тучности Багли. Плотный и сильный — таким представлялся он ему. А теперь он с презрением взглянул на его большой живот, словно увидел его в первый раз. Полушубок на животе весь изорван, черный и грязный, до такой степени неопрятный, что было противно смотреть. Лицо же Васи, этого подлизы и жалкого подобия мужчины, показалось ему слишком уж почерневшим и до безобразия морщинистым, с множеством наростов и бородавок, порой размером с пулю дробового ружья.

— Айдай, не надо, не сердись, — Багли потянул его за плечи. — Слезай.

— Ну че он будет сердиться. Увидел такую большую добычу и от неожиданности опешил, ведь так? Ну как, ничего же, да? Сколько добычи, а?

Айдай молчал.

— Я понимаю тебя, мой друг. Мы наврали, да, это правда. Мы приехали неделю назад. Не доехав до тебя, отпустили грузовик, который доставил нас, и охотились на своем «Буране». Из дома его привезли. Первые два дня промучились. А дальше научились приближаться к зверю. Ну, добыли. Сперва думали, только для себя. Ты сидишь дома и охотишься, у тебя еще есть время для выполнения плана. А когда встретились с тобой, Айдай, у меня внутри все перевернулось. Я хотел тебе все рассказать, а ты начал говорить о шторме. Вдруг вышло бы все по твоим словам, что же, получается, зря мы столько мучились и останемся ни с чем, подумали мы и приехали вот за этим, — Багли говорил тихо и мягко, держа руки у груди. — Если б не получилась наша совместная охота, мы бы, конечно, поделились с тобой с этой добычей. Ты пойми, пожалуйста, нас. Добыча нужна, деньги нужны...

— Приехали б прямо ко мне, добыли бы больше этого, — вдруг произнес Айдай.

Вася издал звук, втягивая воздух.

— Правда?

— Правда.

— Однако шутишь, Айдай, — сказал Багли.

— Багли, я никогда не думал, что ты до такой степени наглый и столь беспредельно жадный. Так вести себя в тайге и на море — большой грех. А я-то считал тебя порядочным человеком... Слышал кое-что про тебя, но такого...

— Что? Чего заладил «порядочный-непорядочный»?! С чего вдруг стал зверье жалеть! Сам, что ли, вырастил? — только что улыбавшееся лицо Васи злобно исказилось. — Ишь, защитник нашелся... Ты лучше вот че скажи. Ты сам, че, мало добываешь? Каждый год сдаешь по сто двадцать соболей и около тыщи белок! Помимо этого тоннами рыбу, ягоду и эти... травы лечебные!

- Да. Я выполняю план.
- Но кроме плана еще столько же оседает в твоём кармане.
- Ты что, с ума сошел? За сезон больше и не добудешь!
- А может, у тебя помощник есть, а?
- Вася! — одернул товарища Багли.
- Какой помощник? Кто?
- Какова площадь-то твоих охотугодий?
- А что, забыл? Сто квадратных километров.
- Вот!
- Что вот?
- Чтобы охотиться на такой большой площади...

Вдруг затрещал и застрелял лед и резко осел под ногами.

- О господи! Ай! Эй! — заверещали Багли и Вася.

- Пап! Смотри!

На западной стороне моря с неба на берег плотной завесой упала светло-серая мгла, кружа огромными полотнищами и вихрясь изнутри клубами кудрявых шапок.

- Шторм! — крикнул Айдай. — Быстрее разворачивайтесь!

Вася завел снегоход, на котором они приехали, Багли сел на свой.

- Брось эти сани, Багли!

- Пусть!

- Сами пробьемся или нет — еще вопрос. Брось!

- Ты что?! Попробуем! Вывезем! Как же оставить такую большую добычу!

Багли, слушай меня, — еле сдерживая гнев, сказал Айдай прерывающимся хриплым голосом. — Если не хочешь погибнуть, оставь груз!

Багли, как будто протрезвев, быстро слез и отцепил сани.

- Следуйте за мной!

Испуганные, застигнутые врасплох люди тронулись в путь друг за другом прямо навстречу разбушевавшейся стихии. Там на горизонте небо сливалось с землей, если и оставалось какое-то пространство в середине, то, наверное, это и был настоящий ад. Кривые, косые темные полотнища, перегибаясь и складываясь в несколько рядов, взрывались понизу курчавыми вихрями и катастрофически быстро надвигались на охотников. Ветер резко ударил их с такой огромной силой, как будто вырвался из какого-то сосуда, внезапно разбив его. Сразу упала скорость снегохода. Вокруг потемнело. Айдай обернулся и увидел, как Черный Вася резко повернул в сторону и остановился. Багли проехал мимо. Айдай развернулся и поехал назад. Вася тер глаза, видимо, их побил снегом. Вернулся Багли. Черного Васю Айдай посадил на свой снегоход, сам же с сыном пересел на новый, более мощный. Лицо затянул шарфом. Остальные тоже закрылись, как могли.

- Идите строго за мной! Не отставать! Вася, ты следуй за мной! Не потеряй Багли!

Сначала они круто повернули направо и, когда снегоходы набрали достаточную скорость, направились прямо против ветра на запад.

Стало снежить. Ветер усилился. Скорость снегохода падала. Мелкими гвоздиками замельтешили сухие твердые белые снежинки, они летели прямо в них и больно секли лицо и глаза. Айдай левой рукой закрыл лицо, время от времени смотрел вперед сквозь щель между большим пальцем и ладонью. Баир уткнулся головой в спину отца. Вдруг он закричал ему в ухо:

- Этих нету!

Пришлось вернуться. Они стояли недалеко, терли лица. Айдай вытащил из рюкзака веревку, связал «Бураны» друг за другом и прокричал каждому охотнику в ухо:

— Следи за веревкой! Но двигайся самостоятельно!

Снегоход же за это время заглох и никак не заводился. Новый он и есть новый. А может, что-то случилось с ним после того, как эти двое дали максимальные обороты? Ну наконец-то он завелся, и путь продолжился.

Труднее всего было тронуться с места. Резиновые траки снегохода заскользили по жесткому льду, поэтому двигались медленно. Невозможно стало определять скорость движения. Но направление держали точно — прямо на запад, прямо навстречу шторму.

Снега, видимо, стало еще больше, мрак сгустился. Дикий вой ветра заглушил даже рев двигателя, ощущалась только сильная вибрация снегохода. Те, что ехали позади, порой замедляли свое движение и тянули назад, дергая то влево, то вправо. Только бы не остановился этот новый, еще до конца не обкатанный снегоход! Но боги, видимо, отвернулись от Айдая: ехавшие сзади вдруг резко дернули, их ход замедлился, и они остановились.

Айдай подошел к Черному Васе, и он, отнимая руки от лица, крикнул:

— Багли! Остановился!

— Тогда встань! Че сидишь-то!

— Бензин кончился, — сообщил Багли. — Придется бросать.

— Конечно, — сказал Вася, — как будешь бензин заливать.

— Перережьте веревку и садитесь вдвоем!

Снова двинулись в путь. Стало еще темнее. Нет, ведь только что был день! Можно сказать, даже утро. Или дело идет к обеду? Сколько времени еще так двигаться? Не потерял ли ориентир? Надо держать направление домой, только домой. Горный ветер всегда дует на восток, только с запада на восток. Лишь бы доехать до дома! О, боже! Как же дома беспокоятся сейчас! Быстрее, мой снегоход! Помоги, Отец мой небесный!

В сознании Айдая мелькали обрывки разрозненных мыслей. Болели лицо и глаза, побитые жестким снегом, мерзли руки и колени, трясло все тело. Так они ехали довольно долго. Порой казалось, что под ними оседает лед. Если это действительно так, то причина была одна: где-то там, на восточной стороне, под давлением ветра рассыпался лед. Но поверхность воды подо льдом у побережья должна быть более спокойной, и лед там еще должен держаться. «Лишь бы лед не оторвался от берега», — только подумал Айдай, как ударили в лицо брызги воды. Он резко остановил снегоход. Задние налетели на них и, чуть ударившись, остановились. Обернувшись, он увидел, что сын сидит, прикрыв лицо руками и нагнувшись вперед.

— Держи газ и не глуши. Я пойду, посмотрю, — сказал он Баиру и пошел дальше.

Лед стал скользким, участились водяные брызги. Айдай поскользнулся и упал, больно ударившись коленом об лед. Сняв рукавицы, прощупал лед — вода. Он стоял на четвереньках, затем, всем телом подавшись вперед против ветра, встал на ноги. Чуть дальше впереди поперечной линией белела кипящая, как в котле, пенная вода, она переливалась через лед и сдувалась тысячами брызг на Айдая. А за узкой полоской воды, всего в трех-четырех метрах от него, белел заберегом край моря. Айдай побежал назад. Снова поскользнулся и упал на спину. Голова хрястнула и онемела. От удара его оглушило, он никак не мог вздохнуть, мучился довольно долго. Время идет, надо торопиться, надо спешить! Посмотрите сюда, мужики, поднимите головы! Придя в себя, Айдай пополз на четвереньках. Все трое сидели на своих местах, спрятав лица в ладонях и ничего не подозревая о происходящем. Айдай встал, держась за снегоход.

— Лед оторвался от берега! — что есть силы крикнул он. Подошли те двое. — Лед оторвался! Вася, разверни снегоход. Отъезжай на достаточное расстояние и гони назад. Гони всю мощь! Проезжай вот здесь, мимо меня! Надо перепрыгнуть всего три-четыре метра. До берега если не достанешь, там мелко. Быстрее!

Айдай перерезал веревку, связывающую снегоходы, ножом, который всегда носил с собой на правом боку. Мелькнула какая-то очень важная мысль о веревке, но то ли от боли в голове, то ли еще от чего она не задержалась.

Снегоход Васи отъехал на приличное расстояние, развернулся. Он начал приближаться и с ревом пролетел мимо. Был слышен отчаянный крик двух людей. Видимо, снегоход немного не добрался до берега, вода стеной ударила в Айдаю.

Вдруг он заметил, что сын не может завести свой снегоход. Почему-то подумалось: «Все, это конец, теперь мы не сможем выбраться». Но сыну крикнул:

— Заведи его, заведи! Проверь контакты!

Голову ломило, перед глазами все кружилось, его тошнило. Он тяжело осел на лед позади снегохода.

Частые порывы ветра закидывали брызгами. Замерзшие на лету капли дробью стучали по нему. Отрезанная веревка распушилась концом и болталась в воздухе, напоминая хвост жеребенка. Он долго смотрел без всякой мысли на конец веревки, и вдруг его осенило: «О боже! Веревку надо было отправить на берег! Столкнул бы снегоход в воду, чтобы потом достать, и можно было нас вытянуть на берег другим «Бураном».

Айдаю покорила собственная оплошность. Когда он резал веревку, вроде бы думал же об этом. Почему не домыслил до конца? Что теперь делать? Этот «Буран», видимо, не заведется. Расстояние наверняка увеличивается. Переплыть его невозможно. Если с того берега нет буксира, утонешь. Лодка! Моя лодка стоит на берегу под скалой! Вчера только говорил о ней тем двоим. Пусть они спустят ее на воду, пусть только толкнут сюда. Пригонит ветер. А как они сами? Выбрались, нет? Живы, нет?

— Заставь снегоход заработать. Посмотрю на берег! — крикнул он сыну.

Подавшись всем телом вперед и скользя по мокрому льду, Айдаю пошел к кромке льдины. Теперь берег был от него уже в двадцати метрах. Он чуть виднелся, тянулся белеющей полосой. Больше ничего невозможно было увидеть. Прямо перед ним вроде что-то было, какая-то неясная тень. Видимо, это был снегоход. Рядом вроде появился темный вертикальный силуэт, показалось, что это человек. Одежда снаружи застыла коробом и не гнулась. Айдаю с трудом снял со спины ружье и выстрелил вверх. Из ствола вылетела молния и вырвался хлесткий резкий звук. С берега донесся обрывок звука человеческого голоса. Видимо, ему что-то кричали. Между порывами ветра он увидел на белевшем берегу снегоход, лежащий на боку, и тени двух людей, что-то кричавших и размахивавших руками. Живы! Значит, они придумают что-нибудь и вытащат их!

— Лодку! — крикнул Айдаю, хотя понимал, что они его не услышат. — Пустите лодку!

Айдаю вернулся. «Они что-нибудь придумают, найдут способ», — невольно повторял он про себя и нагнулся к сыну. Баир, отогревая руки своим дыханием, закрывал крышку зажигания.

— Сейчас, — сказал мальчик, — должен завестись.

— Опоздали, — Айдаю сел. Прислонился больной головой к снегоходу. — Не сможем уже выбраться.

Баир вздрогнул. Побежал на западную сторону. Пусть идет, пусть убедится сам. Человек понимает только тогда, когда испытает на себе. Хотел сказать, чтобы он был осторожным, но

уже не было никаких сил. Теперь ему ничего не оставалось, кроме как сидеть вот так, закрыв глаза и слушая дикий рев стихии.

3

Жизнь — штука жесткая, безжалостная, как море. Теперь хоть кровью плачь, отец с сыном попали в безвыходную ситуацию. Казалось, у них не было никаких шансов выбраться отсюда. Оставалась одна надежда. Надежда на то, что откуда-нибудь придет помощь, и они будут спасены. Одна-единственная надежда. Ради нее надо было ждать. Чтобы ждать, нужно бороться. А чтоб бороться, прежде всего надо встать на ноги. Сказать легко, исполнить же очень трудно.

— Папа! — сын его тянул за плечи. — Что с тобой, папа!

Айдай чуть шевельнулся и застонал помимо воли.

— Что с тобой, а, что с тобой?

— Упал, — сказал отец. Локтями зажал голову. — Головой... ударился.

Баир присел перед ним на колени, потрогал затылок.

— Сюда ударился? На спину упал?

Баир стал массировать его голову, зажимая с обеих сторон, и Айдаю показалось, что его череп трещит по всем швам и вот-вот лопнет от боли. Его сознание находилось в пограничье между явью и обмороком.

— Вот так посиди, не шевелись, — сказал на ухо сын, как взрослый малому. И это было приятно Айдаю. «Пусть указывает, — прошептал он про себя. — Пусть указывает отцу. Мой сын становится мужчиной».

Ему показалось, что он вздремнул только чуток. Когда же открыл глаза, то не увидел ни мелькания снежинок, ни темного мрака — ничего. Вокруг стояла тьма. Тесно прижавшись к нему, рядом сидел сын.

— Наступила ночь?

— Ага, — ответил Баир.

— В рюкзаке бутылка водки. Возьми к себе за пазуху. Пусть отогреется.

— Как ты?

— Нормально.

И действительно, хотя голова еще отчетливо болела, стало гораздо легче, чем раньше, сознание прояснялось. Баир в суматохе, кажется, все-таки смог выправить ему голову.

— Заведи транспорт. Отъедем на восток, от воды подальше.

Намокшая снаружи одежда стояла колом. Они с трудом поднялись с места. Тыльной стороной ножа отбили ледяную корку. Немного повозившись с «Бураном», Баир завел его. Айдай облегченно вздохнул. Свое есть свое, сейчас «Буран» не подвел его.

Айдай сел сзади. Свет фар рассыпался в пурге белой мукой, и что-либо разглядеть впереди было сложно. Отъехали они метров на триста, не больше. Поставили снегоход поперек ветра, сняли сиденье и положили с подветренной стороны. Айдай снял свой полушубок, сдернул толстый шерстяной свитер и надел на голову сына, невзирая на его возмущение. Затем перетянул на полушубке ремень на две лишние дырочки.

— Сын, — сказал он, нагнувшись к нему. — Достань мою бутылку.

Водка была еще холодная. Айдай глотнул из горлышка несколько раз.

— На, глотни. Согреешься.

Баир подавился, закашлял, его стошнило. Однако немного погодя сказал:

— Внутри стало тепло.

— Не забывай это тепло. Помни и тогда, когда оно уйдет. Тогда не замерзнешь, — сказал он устало. Немного посидев, добавил: — Отдыхай. Только спи чутко. Когда рассветет, все выяснится. Лодку они должны спустить на воду. И шторм должен пойти на убыль. Пусть наступит утро. Спи.

Баир укрылся с головой и сидел, не шевелясь. А вокруг стояла темень. И больше ничего. Дикий ревущий ветер, свободно дрейфующая большая плоская льдина (какого она размера, кстати?), а на ней два крохотных человека. Отец и сын, оказавшиеся целиком во власти взбесившейся стихии. Видимо, обреченные на гибель... «Мне-то что, — думалось Айдаю. — Я уже пожил. Занимался любимым делом. Но мой сын... Ничем не хуже других, ни от кого ни в чем не отстанет. Может, даже лучше некоторых, может, даже многих, некоторыми своими качествами. Дорогой ты мой, маленький...».

От жалости к сыну, к самому себе и от того, что ничего не может предпринять, чтобы спасти его, он тихо заплакал. Как беспокоится, как мучается на родном берегу самая лучшая, самая красивая женщина на всем белом свете — его Даша, его жена! «Прости меня, любимая, — сказал Айдай. — Конечно, это величайшая мука — оставаться жить дальше, потеряв своих близких. Зачем только ты связала свою судьбу со мной, Даша, зачем ты меня тогда встретила?»

Резкий порыв ветра стер жгучие слезы жестким снегом, будто Даша вытерла их шершавой твердой рукой.

— Не говори так, — сказала Даша. — Мы с тобой связаны навек. Помнишь, друг другу тогда мы давали клятву? Вдвоем и навеки! — ее прекрасные волоокие глаза светились перед ним в темноте.

— Помню, Даша, — сказал Айдай. — Но природа сильнее нашей клятвы.

— Нет, это не так. Природа могущественна, но ты ее сильнее. Твоя сила — твоя надежда.

— На что мне надеяться, находясь в этом пустынном месте?

— Верь. Надейся. Я верю, что вы вернетесь, разожгла на берегу огонь. Ты видишь мой костер?

— Нет, ничего не вижу.

— Увидишь. Загляни в свою душу. Видишь надежду?

— Кажется. Она очень маленькая и слабая.

— Это твой костер надежды. Добавь дров.

— Хорошо.

— Добавил?

— Добавил.

— Огонь разгорается?

— Разгорается.

— Пусть разгорается и осветит все вокруг. Стало легче на душе?

— Нет, Даша.

— Что же мешает тебе?

— Моя вина.

— Какая?

— Дал обмануть себя, как ребенка, Багли и Васе.

— Тот, кто хочет обмануть, всегда обманет. Особенно человека со светлой душой.

— Я всегда людям желал добра, был ровным ко всем. Вот и результат. Этим двоим отдал самое лучшее, отправил их раньше себя на берег...

— Ну-ка, мой друг, прекрати. Мы с тобой никогда не сможем изменить себе, предать себя.

Благородство душе дается не даром. Ты бы сейчас был дома, если бы думал только о себе. А если бы они погибли, душа твоя лишилась бы покоя, ты бы никогда себе этого не простил.

— Но не всходит солнце в моей душе.

— Взойдет. Терпи. Борись. Верь. Увидел ли ты теперь мой костер?

— Увидел.

— Вернетесь. Я верю. Я буду ждать. Только не теряй из виду мой костер.

— Да. Вернемся. Жди.

— Как ты, папа, ниче? — спросил вдруг сын тоненьким со сна голосом (голосом Даши!).

— Нормально. Не замерз?

— Ничего. Папа, может, стрельнем?

— Стрельни. Три раза.

— Почему именно три?

— Потому что первый выстрел услышат, по второму определяют направление, а третий выстрел могут увидеть.

Баир начал стрелять. Из дула карабина вылетала молния ослепительными тугими кольцами, Айдай следил за этой яркой вспышкой. Какая мощь, какая сила заключена в оружии! Вспомнил слова своего отца, сказанные о ружье. Он обнял сына за шею и сказал:

— Ружье — это сила и мощь. У человека с ружьем душа полна уверенности, никого и ничего он не боится. Человек с ружьем должен отличаться дальновидностью, не па-совать перед трудностями, быть всегда надежным, мужественным, терпеливым и благородным. Сын, ты не сдавайся. Мы с тобой спасли Багли и Васю. Боги воздадут нам за это. Пусть наступит утро. Выход найдется. Помощь придет. На, глотни немного. И спи.

А сам про себя думал: «У меня есть прославленная на весь мир винтовка, есть самый лучший из всех сыновей, прекрасная жена. Есть у меня и мощный снегоход, который служит мне теперь заграждением. Пусть я не на земле, но льдина подо мной еще довольно крепка. Нас не оставят в беде друзья и все люди, в любом случае они найдут какой-нибудь способ и спасут нас».

От этих мыслей действительно как будто взошло внутри солнце, стало уютно и тепло. Айдай даже заулыбался. Наверное, про такой случай говорят, что и в аду живущие могут быть счастливы.

Уставший человек засыпает, как бы сильно он ни замерз. Сначала его сон был очень крепок. Оттого ли, что он крепко спал первое время, или от чего-то еще Айдай резко проснулся. Было так же темно, однако сила ветра поубавилась. Громко храпел рядом сын. Значит, устал до полного изнеможения. Ведь раньше он никогда так не храпел. Он потрогал его руку. Не сказать, что теплая, но и не холодная. Айдай приподнял шапку и прислушался. Не слышно ни плеска воды, ни треска льдин. Он курил редко, но сейчас захотелось. Табак показался вкусным. Накурившись вдоволь, он снова уснул.

Когда он проснулся, было уже довольно светло, перестало снежить. Прямо перед собой, примерно в полкилометре, увидел белогривые волны. На северной стороне заметил то же самое. Он услышал, как за его спиной разбиваются волны о кромку льда. А вот в южную сторону ледовый остров тянулся далеко, насколько хватало взгляда. Стало ясно, что они находятся на льдине шириной с полкилометра и довольно протяженной в длину. На востоке в низкое мрачное небо упиралась какая-то темная стена. По мере того как рассветало, темнеющая впереди стена превращалась в сплошной горный массив с крутыми скалами, спускавшимися прямо в море. Айдай взял бинокль. Да, они приближаются к восточному берегу моря. И если это так, то впереди —

полуостров Святой Нос. Сплошные скалы с острыми вершинами. Внизу, у воды, нет берега. Дойдешь до них — ждет верная гибель. Айдай встал и обшарил в бинокль всю западную часть льдины. Кроме огромного бушующего моря, он ничего не увидел. Значит, не спустили они его лодку. Или спустили, а она затонула.

— Сын, вставай.

Он сел замерзшим воробышком, и отец строго сказал:

— Сходи, осмотри северную сторону, нет ли чего интересного.

Баир пошел туда, куда он сказал, мелко переступая, расправляя отекавшие и замерзшие ноги. Айдай вытащил из-за пазухи бутылку и глотнул несколько раз. А мальчик пусть согревается на своих ногах. Когда он вернулся, Айдай разобрал и почистил зажигание снегохода, которое подвело их вчера.

— Согрелся?

— Ага.

— Садись.

Если льдина так же будет продвигаться, до обеда они достигнут Святого Носа. Южную сторону полуострова омывает Баргузинский залив. Лед там наверняка стоит.

Держась правой кромки льда, они поехали на юг. Айдай ехал осторожно, не торопясь, но и не медля, зорко всматриваясь в трещины и наледи. Так проехали довольно большое расстояние. Скалы Святого Носа чуть передвинулись от них по левую руку. Показалась и южная кромка льдины.

Об изменении погоды они узнали, когда остановились. Ветра не было. Облака стали светлеть, и показалось желтое пятно солнца. Море не успело успокоиться, волновалось по-прежнему. Святой Нос стоял не так уж и далеко, четко виднелись острые щербатые вершины и плоские крутые скалы, на южной стороне, прямо перед ними, белел серым льдом Баргузинский залив.

Айдай чуть отошел в сторону, топором продолбил лунку. Да, водянистый рыхловатый лед — не то что зимой. Но и не сказать, что он совсем уж и рыхлый. Продолбив до воды, он зачерпнул ее алюминиевым котелком.

— Пей, — подал он сыну, — досыта.

Выпил и сам. Пусть живот наполнится. Не так сильно будет мучить голод. Ведь из продуктов у них ничего нет.

— Ну вот, наш баргузин начался, — сказал Айдай. — Погонит нас обратно.

Молча просидели они на снегоходе целый час.

— Подъедем поближе к южной кромке. Будем держаться справа. Лед здесь должен быть самым крепким, потому что он прибрежный. Соорудим из него защитную стену.

Они передвинулись южнее, поставили «Буран» носом на запад, отойдя немного, продолбили лед до воды, стали отсекай топором кусочки льда. Перетаскав лед в рюкзаке на место стоянки, слепили, брызгая водой, стену высотой по пояс. Получилось довольно надежное укрытие от ветра.

Баргузин дул не яростно, но довольно сильно и, как обычно, в сторону запада. Святой Нос оставался позади темной громадой. Западные хребты моря, чернея сплошной стеной, приближались совсем незаметно. Со временем стали различимы изгибы верхней линии хребтов. Чуть погодя желтое пятно солнца скрылось за облаками и на море опустились сумерки. По-прежнему дул баргузин. К ночи они должны добраться до западных берегов. Дуй, баргузин, отправь домой! Отец небесный! Большой баабай Ольхон! Помогите нам!

— Папа, — сказал Баир, лежа на сиденье снегохода, — почему наши не приедут за нами на лодке, а?

Горькие мысли тревожат не только, оказывается, его, но и сына. Айдай долго смотрел на бурное море, затем ответил:

— Поиски, думаю, наверняка начались. И в город, конечно же, направлена информация с нашей метеостанции. Если б у наших берегов стоял большой катер, он бы вышел в море. А лодка в бушующее море не сможет выйти.

— А вот я бы вышел.

«Эко ж ты замахнулся, мой наивный и мужественный сын», — подумал Айдай и улыбнулся.

— В такой ситуации, сын, смелость и мужество, конечно же, необходимы, но не это главное. Главное — знания, опыт и навыки человека. Ты видел когда-нибудь, чтоб кто-то выходил в бурное море, при белоголовых волнах?

— Да, то есть, нет. Но мы сами возвращались домой в сильный ветер, помнишь? Волны тогда были с двухэтажный дом.

— Тогда у нас с тобой просто не было другого выхода. Что сделаешь, если на рыбалке угодили в шторм? А вот из дома в такую погоду разумный человек не выйдет в море погибать почем зря.

Помолчав немного, Баир резко бросил:

— Ха! Что же это получается? Про нас решили, что мы уже погибли, и неча им зря погибать — так, что ли?

— Правильно, но только наполовину. Наши будут считать, что мы живы-здоровы, потому что прибрежный лед не так-то легко разбить-разломить. Ты же сам видишь веснами льдины, кочующие по всему морю. Наша льдина отошла только вчера. За сутки никак она не подтает, не ослабнет. Потому с нами ничего не случится. И про это наши знают.

— Предполагают, наверное.

— Хоть и предположение у них, но точно знают.

— Как же так? Или предполагаешь, или знаешь конкретно — должно быть что-то одно.

— Так-то оно так, но есть такое понятие: твое предположение и есть правда.

— Ну ладно, пусть наши знают. Но почему тогда не выезжают на поиски? Они знают, что мы на льдине, испугались волны и сидят дома?

— Ну почему испугались? Скажем лучше, из осторожности. Вот смотри, сын, — Айдай вздохнул. — Смерть сама по себе не так уж и страшна тому, кто погиб. Умереть в молодые годы, конечно, и жалко, и обидно. Но оставшимся людям тяжелее вдвойне. Считай, сам мертвый, оставаясь живым. А в нашем случае, зная, что мы живы, зачем им рисковать своими жизнями? Раз подул баргузин, они верят, что мы прибудем к своему берегу. И правильно верят. Но если б наши знали, что мы именно на такой-то льдине, вышли б в море самые опытные и умелые. Ты сам понимаешь, никто не знает, где мы находимся. Когда мы вернемся, а мы с тобой обязательно вернемся, может оказаться так, что вышедшие за нами в море люди не смогут вернуться.

До самой темноты Баир молчал.

— Как я понял, мы вернемся наверняка, а вышедшие на поиски, скорее всего, не вернуться, так, да?

— Верно. Ты смотри на берег. Должен быть костер, — и тут же понял, что от берега своего села они ушли гораздо южнее. Днем ведь отъехали. Но ничего страшного, лишь бы дойти до берега. Они пологие, родные его берега.

— Багли и Вася — плохие люди, — вдруг сказал Баир.
— Вопрос сложный.
— Так видно же их нутро.
— Кража, обман — все это плохо, конечно, сын. Ну и где теперь их добыча?
— Да, — протянул Баир, — еще они загнали нас в такую ловушку.
— У каждого своя жизнь. Кто знает, может, их жадность имеет вескую причину.
— А-а, — мальчик, видимо, не понял. Да и как понять все это ребенку, если сам затрудняешься ответить на эти сложные вопросы.

— Пап, а ты заявишь на них?
— Да нет. Пусть все будет по воле судьбы.
— А если б добрались до дома до начала шторма? Тогда, хочешь сказать, сдал бы их? Отец замешкался. Чуть подумав, он горько усмехнулся:
— Скорее всего, склонился бы к тому, что нет.
— Но они сократили твой срок добычи нерпы! Скоро выйдет срок лицензии. Успел бы?
— Успел бы.
— Нет, так гадко они обманули...
— Я отдохнул дома почти две недели благодаря их обману.
— Уф!
— Баир, в любом плохом явлении надо искать хорошее. Обязательно должно быть что-то хорошее в любом плохом положении.

— В нашем положении есть что-нибудь хорошее?
— Возможно.
— Не знаешь?
— Не знаю.
— И я тоже.
— Найдешь хорошее, сын. Хотя и немного погода.

Ветер со свистом проносился над их головами. Они полулежали, опираясь плечами о ледовую стену, и всматривались в западные хребты, темневшие сплошной ровной стеной. Айдай незаметно для себя уснул и неизвестно через какое время проснулся оттого, что продрог. Прямо в лицо дул сильный ветер. Горный! Неужели повторится вчерашнее?

Разбудил сына, спавшего, свернувшись в калачик, на сиденье под стеной.

— Перейдем на другую сторону стены. Начался горный ветер.

Перешли на ту сторону. Здесь было гораздо тише.

Айдай вытащил остатки водки:

— Согрейся и спи, — и протянул сыну.

Сам сделал два-три глотка, и водка кончилась. Пустую бутылку затолкал между роликом и траком снегохода. «Робинзону нужна была даже сломанная иголка, — подумал он и засмеялся. — Но он был в тропиках. А мы стали зимними Робинзонами».

— Ха-ха-ха!

— Чего смеешься, папа?

— Мы Робинзоны, да притом зимние, ха-ха!

— Зимние? А разве бывает зимний Робинзон?

— А мы с тобой кто?

Засмеялся и Баир. Они смеялись долго, смеялись до слез, обжигавших обветренные лица. Так проявилась естественная разрядка нервного перенапряжения вконец измученных

людей. Недаром говорят, смех и слезы всегда рядом. Да, их опять понесло в сторону Святого Носа, на это опасное место. Куда на этот раз вынесет, на какую сторону этих грозных скал?

Повторилась вчерашняя ночь. Однако ветер был не такой дикий и яростный, да и не снежило, как вчера. Но они теряли силы. Слабело все тело. Появилось острое чувство голода и грызло изнутри. Почти постоянно думалось о еде. Сын об этом не обмолвился ни единым словом. Действительно, растет мужчиной.

Эту ночь Айдай провел без сна. Часто поправлял свой свитер, натянутый прямо на голову сына. Только ближе к рассвету задремал и проспал до светлого утра или дня.

Проснувшись, обрадовался: они приближались к сереющему нетронутым льдом Баргузинскому заливу намного южнее неприветливого полуострова, они почти въезжают в залив. Дерзкие зазубренные вершины полуострова уже оставались по левую руку. На северной стороне льдины, на расстоянии видимости, под прямым углом ходили тугие белогривые волны. Значит, одна часть льдины все же откололась. В бинокль было видно, что северная часть плоского льда отошла далеко на северо-восток и теперь вот-вот упрется в скалы Святого Носа. Их часть меньшая, наиболее легкая, потому и сдуло ее чуть изменившим свое направление ветром. «Как хорошо, что вчера перебрались сюда», — подумал Айдай.

Чувство голода уже притупилось. Во всем теле ощущалась слабость. Мелко и противно дрожали колени. Айдай обследовал в бинокль весь юго-восточный берег залива, но ничего не обнаружил. «Ладно, — подумал он. — Выйдем на берег, и там всё будет. Всё».

4

Если один раз не повезло по-крупному, не везет и дальше какое-то время. Боги, видно, наказывают таким вот образом за что-то. Просто так, ни за что ни про что удача не уходит от человека. Не везет или из-за собственных ошибок, или по вине других людей.

Когда вдруг стих западный горный ветер, Айдай подумал именно так. Баир ударил кулаком в кулак и несколько раз обежал вокруг снегохода. Застывшее лицо Айдая напоминало лица древних каменных идолов. Сидел и ждал начала баргузина. А он не замедлил — резко подул со всего маху, со свистом и воем. Айдай встал с места и выстрелил в воздух всю обойму. Вдруг с северной стороны залива, отсюда еще не видневшегося, выехала легковая машина. Из нее вышли трое. У одного из них в руках было что-то длинное. Затем услышали звук выстрела.

— Они нас заметили! Нас заметили! — кричал Баир, прыгая на месте.

Через несколько мгновений машина развернулась и уехала по своим следам.

— Они же вернуться, да? Там, на северной стороне залива, наверное, стоит деревня. Наверное, они поехали туда.

— Может быть.

— Страшно хочу есть. Как выйдем на берег...

— Тихо! — одернул сына Айдай. — Держи себя в руках. Эти люди могут и не приехать.

— Неужели? — мальчик вдруг сник и сел на снегоход. — Почему, папа?

Отец закурил и долго сидел молча.

— Видишь, на восточном берегу лед стоит как стоял? Эти, на машине, видимо, из города, приехали сюда на рыбалку. Местные не будут рыбачить в такую погоду. У них лодки нет — они на подледной рыбалке. А здешний народ, пусть даже узнает о нашей с тобой беде, не бросится спасать нас, потому что у них нет почти никакой возможности. Смотри вон туда, на восток, западные волны ломаются от баргузина. Коли нет у них катера, ничего они не смогут сделать.

Кто перетащит лодку, которая стоит на зимней стоянке, до берега, потом через лед всего залива до воды и выйдет в море, когда кругом такие огромные валы?

Вдруг донесся собачий лай. Он ясно слышался с востока. Или же его доносил этот мощный ветер от все более отдалявшегося берега?

— Вон там! — протянул руку Баир, смотревший в бинокль. — На маленькой льдине стоит собака. Приближается к нам.

Скоро среди волн показались небольшие островки догоняющих друг друга льдин размером и с центральную площадь города, и с основание деревенского дома. На ближайшем к ним небольшом островке стояла, широко расставив ноги и, видимо, вцепившись когтями в ноздреватый пływун, рыжеватая собака и, глядя на них, отчаянно лаяла.

— Приближается, папа.

— Лед у нее легче нашего, быстрее движется.

— Папа, собачье мясо...

— Что?!

Баир поперхнулся. Широко раскрыв рот и выпучив глаза, он стоял, опешив, несколько мгновений и вдруг, крупно дергаясь и трясясь всем телом, зарыдал. Потемневшая и высушенная на ветру кожа его лица напоминала скомканную бумагу, выступила кровь на обветренных потрескавшихся губах.

— Ты вечно... хочешь добра! — выкрикивал он в своем неистовом рыдании. — Вечно всем помогаешь! Этим двум дуракам отдал все лучшее, а сам... а меня... Не ломай ветку, да? Не лги, да? А сейчас... сейчас — не трогай собаку... Ты всегда такой! С тобой трудно! С тобой тяжело! Ты всегда все усложняешь...

Слова сына больно ранили, острее любого ножа, вонзаясь в самую глубь сердца Айдая. Отец как будто враз постарел, потерял силу духа и смотрел на сына с сожалением и горечью.

Когда Баир немного успокоился, Айдай тяжело вздохнул.

— Эта собака такая же страдальца, как мы с тобой. Возьми себя в руки.

Закинув на плечи ружье, он пошел на восточную сторону и встал недалеко от кромки льдины, широко расставив ноги.

Около часа спустя лед с собакой приткнулся к их льдине. Лайка возрастом чуть более полугода, радостно повизгивая, прибежала к Айдаю. Он присел на корточки и принял ее в свои объятия. Хорошей породы, с добротным дорогим ошейником, с белыми милыми пятнышками над глазами и крупными лапами, собака не могла сдержать радость, повизгивала и неистово махала хвостом, виляла всем телом, облизывала его лицо.

— Какая хорошая собака, а? — он услышал за спиной голос Баира. — Лайка. Ух ты, смотри, с ошейником, четырехглазый, с большими лапами. Будет охотничьей, а, папа?

— Возможно, и будет.

— Иди-ка ко мне, моя маленькая мученица, — Баир ласкал собаку, гладил ее по спине, по шее, за ушами, зажимал ее лапы. — Отличная собака, папа! — обернулся и посмотрел на отца полными радости глазами. Когда он улыбался, лицо его светилось и становилось таким же красивым, как и лицо его матери.

— А я о плохом подумал, — он встал и порывисто обнял отца. — Папа, прости меня, а? Прости. Я... я...

Пришла, видимо, очередь прослезиться Айдаю. К горлу подступил комок. Не подавая вида, он молча сжал плечо сына.

Когда легли за стенкой, положив собаку между собой, Баир спросил:

— Папа, кажется собака этих людей, да?

— Рыбаков-то?

— Ага.

— Наверняка. Пока они рыбачили, собака, видимо, гуляла поодаль. Молодая она, любознательная. Оторвало лед, и она осталась на этой стороне.

— Ага, хотя предполагаем, но абсолютно точно знаем, да, папа? А как ее назовем?

— Назови сам. Раз сохранил ей жизнь.

— Ты тоже сохранил.

— У меня — другое.

— Почему?

— Видишь ли, сын, ты только начинаешь жить самостоятельно. Становишься человеком. Мужчиной. А мужчина... Мужчина должен быть терпеливым, очень терпеливым. Например, каким бы голодным ни был, ты стерпел, и вот собака жива-здоровая, и она счастлива, нашла нового хозяина. Теперь она согревает тебя своим телом, уже начала помогать тебе. Все это хорошее получилось только от твоего терпения и благородного сердца. А насчет клички... Раз нашлась, можно Находка.

— Нет, папа, она всегда будет олицетворять собой нашу надежду, пусть будет Надеждой, Найдой.

Душа во сто крат тяжелее тела, сказал мудрец. В мире все подчинено состоянию души. Успокоившиеся до определенной меры, все трое, тесно прижавшись друг к другу, уснули крепким сном. А пасмурным хмурым утром собака разбудила отца и сына громким лаем.

Гонимые баргузином, они находились у родных берегов. По правую руку почти рядом проплывал берег Тонкого мыса. Приткнувшись к берегу носом, стояла лодка, за ней грузовая машина с будкой, посередине был разожжен костер, у которого стоял человек и смотрел на них. Найда, неистово подпрыгивая на кромке льда, лаяла на того человека и часто оглядывалась на своих новых хозяев. Льдина за ночь чуть повернулась по солнцу, и их стоянка теперь стала северной стороной. Вот-вот они дойдут до костра! Они вскочили на ноги.

— Эй! Добрый человек! — крикнул Айдай. — Вытащи нас отсюда!

— Как же это я вытащу вас?

— Подплыви до нас на лодке!

— Не пробовал на этой посудине.

— Тогда позови остальных.

— А их нету, — и он махнул на юг, туда, где была их малая родина. — Поехали вон в то село. Еще не вернулись. Ты жди, пока не приедут. Или сойдешь вон на том берегу, когда твой лед упрется.

— Что ты говоришь?! А вдруг подует горный! Видишь, восточный ветер слабеет?

— А, ты брось, лучше подожди немного. А я, уж ты прости, не умею обращаться с лодкой, — и человек сел у костра.

Айдай сурово передернул затвор своего карабина.

— Эй, ты, слушай меня! Не показывай заячье сердце, иди к лодке!

— Ой, что ты? Перестань, я не умею.

— Встань, тебе говорят! — Он выстрелил возле ног незнакомца, плоский камень разлетелся на маленькие кусочки. — Встань! А ну быстрее! Ослушаешься, застрелю!

Щупленький маленький человечек резво вскочил на ноги и столкнул лодку на воду.

— Теперь сядь.

Тот на коленях залез на нос лодки.

— Теперь гребь сюда.

Опустив в воду весла, лежавшие сбоку на бортах лодки, человек начал грести.

— Вот так и греби. Кормой приткни вот сюда.

Лодка покрыла расстояние около двадцати метров за считанные минуты. Мужчина оказался городским человеком, болезненно худым, со впалыми щеками и белым незагорелым лицом.

— Прижми корму, прижми ко льду, вот так и держи, заячье сердце. Сын, пригони снегоход.

— Как, ты еще «Буран» будешь грузить? Лодка не выдержит.

— Замолчи!

Взревел двигателем снегоход и подкатил к кромке льдины.

— Найда, прыгай туда, — Айдай показал собаке на лодку.

Смышленная собака сразу поняла хозяина и прыгнула в лодку.

Айдай так же посадил сына, сам пересел на снегоход и привычным движением загнал его на лодку, наехав траками на ее борта.

Лодка резко осела. Городской с перепугу изошел криком.

— Гребите!

Айдай не стал глушить снегоход и, сидя на нем, с бьющимся сердцем смотрел на приближающийся берег.

С южного берега залива донесся рев лодочного мотора. «Наши! Не заметив нас, выйдут в море!», — подумал Айдай и тут же услышал женский крик:

— А-а!

Дарья!

Сошли на берег, и Баир сел на землю, наклонив голову между коленями и закрыв лицо руками. Содрогались его худенькие, еще не совсем окрепшие плечи — сперва он плакал молча, затем зарыдал во весь голос, размазывая по щекам кулаками обильные слезы. А собака радостно лаяла, стремительно носилась вокруг него, вокруг костра, вокруг всего, что она видела. Айдай прошел чуть дальше, взял с кромки осыпавшегося низкого крутого яра кусочек земли и поднес к губам. Темноватый дерн обычно пахнет сырой землей, прошлогодней травой, подгнившими листьями, корнями и еще чем-то очень приятным. Этот мерзлый кусочек земли ничем не пах. «Это ничего, — подумал Айдай. — Придет весна, зазеленеет наша земля, зацветут разноцветьем цветы. Наша жизнь, наше счастье в завтрашнем дне, в завтрашнем солнце над нашей прекрасной землей».

— Баир, встань, — сказал отец. — Поблагодарим землю-матушку, море Байкал, богов небесных и хозяев земных.

Лицо сына было зареванное, но чистое, гладкое и светлое. Они молча смотрели на медленно уходящую к правому берегу залива льдину.

— И льдину эту нашу надо поблагодарить, — сказал Айдай.

Мальчик удивленно посмотрел на отца.

— Да, да, сын. Что бы там ни было, она донесла нас до дома, доставила до нашей земли.

Айдай развернул ладони вверх и прижал руки к животу, закрыл глаза и зашевелил засохшими губами. Баир начал подражать отцу, но не смог закрыть глаза — медленно переползая волны, шла к ним белая лодка. Высокая тонкая женщина, держась за переднее стекло, часто тянула руку вперед.

— Мама! — крикнул Баир. По щекам струились слезы. — Мы здесь! Сюда-а!

— Держи себя! — бросил отец. — Ты ведь уже мужчина. Пойдем, сядем на берег.

Они присели рядом друг с другом на невысоком берегу.

Как приятно сидеть на твердой и мягкой земле! Какое большое счастье жить на земле! И вправду наша земля — родная наша Мать!

ЗВЕЗДА НАША ПУТЕВОДНАЯ

*Моему другу полковнику милиции
Анатолию Вячеславовичу Прокопченко
посвящается...*

*Ведь, если звезды зажигают —
значит — это кому-нибудь нужно?
В. Маяковский*

Я устал до изнеможения. Но человек, говорят, двужильный, и я, несмотря на страшную усталость, со стоном и скрежетом все же преодолел и этот третий по счету перевал. Сердце бьется в груди так, что, кажется, вот-вот выскочит, и дышу я, словно астматик, с хрипом, с широко раскрытым ртом. Пот нещадно щиплет глаза и все лицо. Рукавицы, и те стали неимоверно тяжелыми, я их затолкал за ремень. Видимо, я нахожусь в каком-то помутненном сознании — окружающая действительность слабо контролируется. У меня в голове бьется только одна мысль — вперед и только вперед.

Тяжко шагать по тайге по глубокому снегу. Крутые, до конца не застывшие сугробы не выдерживают вес человека, и я проваливаюсь то выше колена, то по пояс, поднимаюсь или на четвереньках, или переворачиваясь через спину. Ощущения такие, словно постоянно поднимаешься или спускаешься по крутой лестнице. Съезжают ноги на следах Алексея, прошедшего здесь утром. Хорошо еще, ночь лунная и звездная, отчетливо видны деревья и кустарники, следы зверей, переходивших тропу. Будь я в порядке, проявил бы, как обычно, живой интерес к следам, уточняя вид зверя, когда и куда он прошел, но теперь мой затуманенный разум лишь отмечает их, не определяя ничего, и двигаюсь я вдоль ям, оставленных в снегу впереди идущим конем.

На вершине хребта рядом с тропой лежит побелевший от времени толстый валежник. Я сначала сажусь на него, затем ложусь на спину. Звездное небо надо мной, безусловно, прекрасно, но у меня нет сил любоваться красотой мироздания. Лежу, надрывно дыша, с закрытыми глазами. Ноет все тело, болят ноги, особенно лодыжки и стопы, голова раскалывается от сильного кровотока, и становится дурно. Мне ничего не нужно, так бы лежать и лежать. Когда дыхание чуть восстановилось и успокоилось сердце, я вспомнил легенду о том, что с рождением человека на небе зажигается новая звезда и, освещая его земной путь, сопровождает всю жизнь, а в конце его жизни гаснет и исчезает навсегда.

Я заставил себя открыть глаза. Где она, моя звезда? Одна из тех, что мигает, или она в числе бледно светящихся? Моя звезда запросто может погаснуть — так плохо я себя чувствую.

— Э-гей! Леха-а, остановись! Отдохнем! — крикнул Петроман едущему впереди на коне охотнику. И, хрустя снегом, вернулся ко мне. Он все время шел сзади, когда успел уйти вперед?

Петроман сел на валежник у моего изголовья.

— Устал? Давно пешком не ходил, вот и результат, — сказал он. — Ты лучше вытяни ноги и зацепи крестом, не то кровь вниз хлынет, тяжело будет идти.

Вскоре подошел конь, ёкая селезенкой, резко запахло лошадиным потом. Алексей, все время дремавший в седле, простуженным сонным голосом бросил:

— У-у, мороз. Закоченел.

— Слезай с коня, Лешка, наломаем сухие сучья, разожжем костер.

Я слышу, как Алексей со стоном слезает с лошади. Петроман легко встал и привязал коня за куст. Мой друг Петроман, таежный бродяга, не чувствует усталости, он так же легок и полон сил, отошел чуть в сторону и начал с треском ломать сухие ветки. А Алексей со стоном ложится на валежник ниже меня. Хочет, видимо, разогнуть застывшее тело.

— Ай-я-яй, — сокрушается Петроман. — Вы немного отдохните. Сейчас разожгу костер. Потом будем чай пить.

Я вчера ездил по служебным делам и на обратном пути заехал к своему другу, которого местные прозвали на бурятский манер, и теперь его имя звучит благозвучно — Петроман. Мы с ним дружим давно, в свободное время вместе охотимся, «закрыли» множество лицензий на крупных копытных и косулю. У нас весьма удачный союз: мы никогда не возвращаемся из тайги с пустыми руками. Петроман служит егерем районного охотобщества и лесником гослесхоза, потому вся его жизнедеятельность проходит в тайге. Я шутя его называю местным Дерсу Узала. Кажется, ему это по душе.

А позавчера я сутки дежурил в райотделе милиции, что случается примерно раз в месяц. Хотя ночь прошла сравнительно спокойно, кроме мелкого хулиганства ничего особенного не случилось, я провел ночь в полудреме в обнимку с пультом связи и рацией и чувствовал усталость. Вдобавок неделю назад из изолятора временного содержания сбежали четверо арестованных, и в нашем отделении уголовного розыска были забыты покой и сон. Несколько суток мы рыскали без продыху, задержали троих на трассе, а четвертый до сих пор где-то гуляет.

Весь вчерашний день я провел в поисках преступника, объездил на личной «Ниве» закрепленные за мной села, деревни, гурты и заимки и без какой-либо информации о нем возвращался домой. По пути было русское село с бурятским названием Куреть, в котором жили мой друг Петроман и тот, сбежавший. Учитель истории средней школы, а теперь подозреваемый, Даши Тангаров изучал историю и этнографию родного края, публиковался в районной газете, был добронравным жизнерадостным сельским интеллигентом в расцвете сил, моим ровесником (кстати, нам уже по тридцать!) и хорошим знакомым, если не другом. Привлекли его к уголовному делу и арестовали по заявлению собственной жены. В протоколе допроса, оформленном следователем Салтаевым, она прямо указала, что ее супруг Тангаров постоянно ее ревнует, готов придраться даже к телеграфному столбу, начал злоупотреблять спиртным, пьяным издевается, чернит во всех грехах, а нынче допустил рукоприкладство. Она очень красива, его жена, такая яркая красота равнодушным никого не оставит. Недавно мы, оперативники, заехали к ней, разыскивая хозяина дома. По ее оценивающе-изучающему нас, мужчин, взгляду, улыбающимся в легком флирте глазам и, как поговаривали сельчане, легкому податливому нраву можно было легко представить, какие у нее взаимоотношения с противоположным полом, и мне подумалось, что это она, по всей видимости, замучила и извела мужа своими изменами. Я, было, удивился, что Тангаров так грубо решил взразумить жену. Тогда я его до конца еще не понимал.

Мы с Петроманом как раз говорили об уголовнике, нет, об историке Тангарове, как с резким скрипом отворилась обледенелая дверь и в облаке морозного пара появился тип весьма сомнительной наружности. Он был весь заиндевевший: и его офицерская шапка, уши-клапаны которой были туго схвачены под подбородком, и шарф, закрывавший все лицо, и куртка и широкие брюки из светло-серой шинельной ткани. Его запросто можно было принять за сказочного Деда Мороза, вышедшего из студеного леса на детскую елку.

В изумлении мы несколько мгновений молча разглядывали его. Вошедший человек тряхнул головой, освобождаясь от шарфа, скрывавшего лицо.

— Лешка! — Петроман соскочил с места. — Откуда ты?!

Жена моего друга Галина Николаевна, накрывавшая нам на стол, выбежала из зала.

— О-ё-ё! Что это с тобой, Лешка?! Что случилось, а?

— Где напарник-то?

— Толя... там, — человек выговорил с трудом — видно, что от усталости в полном изнеможении. — Заболел.

— Заболел?

— Аппен... аппендицит. Третий приступ... Ночью начался.

— Аппендицит? О-ё-ё! Третий приступ?

Галина Николаевна вмиг подошла к нему, сняла шарф, развязала узелок на клапанах:

— Петя, что сидишь! Сними куртку!

Я тоже вскочил и помог раздеть незнакомца.

Лешка был худощавый высокий человек с рыжими длинными волосами и такого же цвета щетиной, с темно-коричневым от загара узким лицом, примерно моего возраста. Мы посадили его за стол, поддерживая с двух сторон.

Хозяйка дома протянула стакан чаю.

— Пей. Согреешься.

Лешка принял стакан двумя руками, стал тянуть горячий напиток.

— Цыденжап, — Петроман повернулся ко мне. — Это Алексей, охотовед из городского охотхозяйства и приятель вашего следователя Толи Прокопенко.

— Прокопенко?

Действительно, мой друг следователь милиции Толя Прокопенко недавно получил очередной отпуск. Я вспомнил, как он радовался, что будет наконец-то вдоволь охотиться, и как коснулась моего сердца маленькая зависть, что его отдых пришелся как раз на начало сезона охоты.

Я дотронулся до плеча Алексея, тянувшего чай с закрытыми глазами, привычно задал вопросы, и по ответам мы составили картину происшествия.

Вчера Алексей и Толя во время белковки с одной собакой подняли медведя, устроившегося на зимнюю спячку в небольшой пещере у основания скалы в глубоком распадке. В неурожайные годы медведи до снегов стараются накопить достаточно жира, после чего поспешно готовят себе берлогу.

Старики говорят, что медведь иногда в полудреме проводит зиму и в неглубокой яме, лишь бы над головой была какая-нибудь крыша. Охотники наткнулись на такое редкое явление. В общем, когда собака начала яростно лаять в непроходимых кустах тальни-ка, друзья решили, что она нашла крупного зверя, разошлись и постарались бесшумно подойти с двух сторон. Медведь без надежного укрытия долго сидеть на месте не стал, соскочил и набросился на молодого пса, нарушившего его покой. Собака, шестимесячный щенок, несмотря на свой первый сезон охоты, оказалась смышленной и смелой: не бросилась к хозяевам, не путалась, не билась под ногами, мешая верному выстрелу, как всегда поступают заурядные собаки, а подвела медведя к людям, увертываясь от лап зверя, ныряя под кусты и кружась вокруг деревьев. Охотники били мелькавшего между прогалами зарослей медведя. Несколько раз глухо рявкнув, медведь оставил собаку, побежал вниз по Анге, по дну узкого ущелья. Друзья оставили легкораненого зверя и, полагая, что он снова не заляжет, решили пораньше вернуться в зимовье и преследовать спозаранку. Отложили малокалиберки, спилили островерхие пули патронов винтовки, зарядили крупной картечью двустволку, подогнали одежду и обувь и рано легли спать. А когда в полночь у Анатолия начался приступ аппендицита и не отпустил

до утра, Алексей оставил дрова и завтрак у больного и направился сюда. Ранее у Прокopenko уже было два приступа. Если случился в третий раз, без операции не обойтись. Алексей, торопясь изо всех сил, отмахал сорок километров за двенадцать часов почти по пояс в снегу.

— Ты сказал, случился третий приступ? — фельдшер нашего села Галина Николаевна расспросила Алексея о месте и характере боли, о том, что именно ели за ужином. — Если сейчас лопнет, вай-вай!

— А как узнаешь-то, лопнуло или нет? — говорит Петроман. — Не будешь же распарывать живот...

— Если такое случится, человек почувствует облегчение, боль утихнет. И... останется ему жить максимум шесть часов.

Я тоже где-то читал об этом заболевании.

— Когда боль резко отпустит, надо зафиксировать время...

— Что сидите, раз все знаете? Поторопитесь уж тогда! Он у вас умирает там, в тайге... — Галина Николаевна прослезилась. Ох, уж эти женщины, чуть что, глаза на мокром месте. — О-ё-ё! Ты, Лешка, за час проходил четыре километра, если верить твоим словам. Когда же вы дойдете? Рассвет вас застанет! О-ё-ё! Что будет с Толей? Неужели Тоня с тремя ребятами осиротеет...

— Тихо ты! Японский бог! — прикрикнул на нее Петроман. — Че зря шумишь? В тайге снега по пояс! Не видишь, Лешка ни жив ни мертв! Мы, че, полетим, что ли, подобно яп-понскому богу?

— Лошадь нужна, — сказал Алексей.

— С повозкой? — уточнил я.

— Повозка там не пройдет, — заметил Петроман. — Тропа слишком узкая.

— Тогда лошадь с седлом. Лишь бы Толю посадить...

— Да, — сонно кивнул Алексей.

— Японский бог! Совсем забыл! — Петроман резво поднялся, достал из шкафа поллитровку, налил в граненый стакан чуть больше половины, поставил перед Алексеем. — Выпей-ка, потом поешь.

Алексей, морщась, выпил, немного посидел и сказал:

— Вздремнуть бы.

— Давай. Пока соберемся, ты отдохни. Ложись на диван, — Петроман потянул его за руку, завел в зал. Уложил, сдернул обувь.

— Давай сделаем так, дружище, — сказал я. — Проедем, сколько сможет пройти «Нива». Одолеем хоть сколько-нибудь километров. Затем Лешку посадим на коня, сами за ним, а?

— Что нам остается? Я попрошу у соседа коня.

— С седлом.

— С седлом.

— А я съезжу домой, оденусь как следует, забегу в отдел и сообщу. Может, лесхоз выделит свой вездеход, если он на ходу.

— Было бы хорошо.

— Ну, я поехал. А ты пока приготовься. До райцентра отсюда двадцать километров, двадцать минут туда, двадцать минут сюда. Всего сорок. Десять минут дома, десять минут в отделе, в общем, через час я буду здесь.

Но один час времени и есть один час, не растянешь никак, и как я ни торопился, не смог уложиться.

Первым делом я заехал домой. Жена, узнав тревожную новость, забежала по дому, собирая меня в путь. То вытаскивала одежду, то гремела на кухне посудой. И в то же время говорила то ли со мной, то ли сама с собой:

— Как жалко! Толя Прокопенко... Бедненький, как он там мучается... Что будет, если не успеете привезти? Тоня...

— Хватит, хватит, — останавливаю жену. — Ничего с Тоней не случится, она у себя дома. Не стоит сейчас говорить ей. Узнает — что толку от этого, только потревожим. А вот Толя... Лишь бы не лопнул этот его аппендикс. Лишь бы доставить его до больницы.

— Когда вернетесь?

— Если завтра в это же время, будет хорошо.

— Папа, ты куда?

Мои сыновья, семилетний Женя и трехгодовалый Валентин, оказалось, тихо подошли и с интересом разглядывали переодевающегося второпях отца.

— Отец другу отправляется помочь. Далеко-о уходит. Давайте соберем его в путь-дорогу. Притащите-ка вон те сухари.

Мои сыновья подбежали к двери, с двух сторон взяли за мешок с сухарями, что занесла было мать из сеней и оставила у дверей, и подволокли к столу. Тащил, конечно, старший, а младший только прикладывал руку. На сердце потеплело, но вспомнил о Толиной семье и снова заспешил. Натянул служебные белые байховые кальсоны, поверху легкие, затем широкие суконные брюки, надел рубаху, теплый коричневый свитер с высоким воротником, светло-серую старую форменную шапку, длинную, почти до колен, суконную же куртку за-тянул широким офицерским ремнем, на котором висел охотничий нож с берестяной ручкой. А ноги я обуваю особо. Нашими с другом Петроманом долгими стараниями вышло однажды так: во-первых, легкие кеды, во-вторых, резиновые сапоги, а в-третьих, теплые ичиги. У ко-жаных ичигов высокие голенища с разрезом сзади, подошва их подшита шершавой лентой пилорамы, под коленями и по щиколотке крепежные ремешки, пропитанные внутренним го-вяжьим жиром. На сей раз я надел шерстью вовнутрь длинные, до колен, чулки из собачьего меха, натянул ичиги и стянул ремешками.

Со стола из собранной женой кучи продуктов выбрал сухари в мешочке с рукавицу, булку черного хлеба, черный чай и сахар в жестяных баночках из-под кофе, немного соленого сала и все это положил в вещмешок. Проверил табельный пистолет, положил его во внутренний карман, в боковые карманы спрятал армейские рукавицы с выделенным указательным пальцем.

— Наш отец теперь похож на Рэмбо, — сказал с улыбкой Женя.

— У нас тоже есть Рэмбо! — подпрыгнул, размахивая кулачками над головой, Валентин.

— Вы бы лучше помогли отцу вспомнить, не забыл ли он чего, без всяких там рэмбо-мэмбо.

— А?

— Ну что ты будешь делать! Возьмите в комод спички и подайте отцу, — Гэрэлма достала из-за печки кисет и подала мне. Огородный табак! Из смеси веточек и листьев получается отличная махорка. Сигареты в кармане вечно ломаются, и я беру с собой только кисет.

Я сел на корточки перед сыновьями, взял протянутые коробки спичек, поцеловал детишек.

— Ну, мне надо идти. Вы у меня уже большие, помогайте маме, ладно? — я встал, повер-нулся к жене: — Ты вот что сделай, Гэрэлма. Сообщи Тоне только завтра вечером. Пусть ждет нас в больнице, предупредит докторов. Не дай бог еще хирург уйдет, заставит себя искать. Мне на работу надо заскочить. Может, найдется какой транспорт.

— Как выдержишь, сутки не спавши? Знаешь, ты делай так, Цыденжап, — жена положила руки на мои плечи. — Держи в памяти нас, ладно? Тогда семья друга будет перед глазами.

Как бы ни устал, придаст силы.

Я молча чмокнул в макушку жену, отдал честь сыновьям и вышел в звездную ночь.

В отделе милиции за толстым стеклом сидел дежурный капитан Салтаев. В мгновение ока осмотрел меня с ног до головы, бросил вопросительный взгляд. Я вкратце рассказал о случившемся.

— Позвони в лесхоз, может, вездеход у них на ходу. Сообщи начальнику. Пусть семья Прокопенко до поры не знает, будет лучше. Я с Петром Беляевым беру коня и своим ходом иду за ним.

Выбегая на улицу, я заметил, как Салтаев протянул руку к телефону.

Моя «Нива» новенькая, только проходила обкатку. Как говорится, раз газанул и оказался на хребте Осиновка. Ослепляет гололедицей наезженный снежный накат под синевато-белым светом фар. Бежит машина легко и плавно далеко за сто на всех ведущих колесах. Была бы дорога до верховьев Анги!

Остановился, не доезжая Курети, опустил стекло, посмотрел на Конкову Гриву, хребет темнел в северной части неба под полнощеклой луной.

— Жди, Толя, — сказал я, — жди, мой друг. Потерпи еще немного. Утром я у тебя буду.

2

Мы выехали из Курети в десять вечера. Вечерний мороз уже вошел в силу и щипал лицо. Машина проехала по лесу три-четыре километра, застряла в сугробах, и мы, с трудом развернув, оставили ее на дороге. Усталого Алексея посадили на коня, приторочили к седлу рюкзаки и карабин Петромана и начали пробиваться по сугробам по чуть заметной тропе. С тех пор прошло восемь часов. Сначала после каждого часа ходьбы останавливались на десятиминутный привал и отдыхали стоя на ногах, прислонившись к дереву. Через четыре часа сели, вытянув ноги, попили чай из термоса. После шести часов я до того вымотался, что чуть ли не подбородком бороздил снег, попробовал тащиться за конем, схватившись за хвост. Но высокий сильный конь шагал шире, чем я, и мне надо было почти бежать, пришлось отпустить.

Алексей, проехав приличное расстояние, останавливает коня в ожидании нас. Он, замерзший, сонно качается в седле. Можно было и мне сесть на коня, он крупный и сильный, выдержал бы, но я берегу его силы: он повезет обратно тяжелого Прокопенко. Меня тоже качает из стороны в сторону, я каждый раз спотыкаюсь, одна нога проваливается, а другая остается на сугробе. Я переворачиваюсь, выдергивая ногу, выползаю и снова встаю на ноги. Перед глазами всплывают наши с Прокопенко семьи, они путаются, перемешиваются, красное точеное лицо жены-буряточки моего друга-хохла маячит перед глазами. Видения эти как будто прибавляют сил, я крепче сжимаю зубы и мысленно подгоняю себя, как ленивую клячу кнутом. Я стараюсь идти по следам Петромана, но когда наступаю на незатвердевший наст, убаюканный мерным шагом, на ходу засыпаю. Шагая в сторону или наткнувшись на кусты на поворотах, я прихожу в себя.

— Яп-понский бог! Цыденжап, три морду снегом!

Я и без него использую этот метод и даже глотаю снег. Неправду говорят, что снегом не утолить жажду, однако мне это хорошо помогает. Но охотники на марше, кроме горячего чая, ничего больше не пьют. Оберегают себя от простуды и лишнего пота.

Мой друг без усталости шагает то впереди, то сзади меня, словно сохатый, на подъемах подталкивает в спину своим посохом, сделанным из сухой тонкой ели. Это здорово помогает, порой кажется, что только и остается передвигать ноги.

Этот третий долгий и крутой хребет отнял мои последние силы, я шел ни жив ни мертв, шел как полоумный только потому, что надо. «Друг Прокопенко с каждым вздохом ожидает помощи, изо всех сил борется со смертью, испытывает адские мучения. Мои мучения по сравнению с его страданиями ничего не значат, чуть посплю, и усталость отлетит, как шелуха луковицы...» — от этих мыслей пусть и не вырастали крылья, но силы они прибавляли точно. И вот наконец-то, полумертвым, ощущая свое тело какой-то бесчувственной куклой, дотащился до вершины хребта, доморощенный Рэмбо!

Казалось бы, только вздремнул, но, очнувшись, почувствовал некую свежесть в голове и бодрость. Правый бок ощутил тепло, нос обдало приятным дымом сухих сучьев. Костер!

Я резко поднялся. Возле тропы, рядом со мной, в яме, вырытой в сугробе, весело плясали красные языки пламени, поверх ямы была переброшена жердина, подвешенный на ее конце почерневший чайник гремел крышкой, выпуская пар. Алексей с Петроманом устроились по ту сторону костра, один греет руки у огня, другой вытаскивает продукты.

— Освежился малость?

— Кажется.

— Отдохнули с полчаса, — сказал Петроман. Он говорит так потому, чтобы не упрекнуть меня словами «ты проспал целых полчаса». Такой он у меня и есть — предупредительный и благородный. — Ну, давайте чаю попьем.

Кажется, нет ничего вкуснее сухаря с маслом и черного чая с сахаром, мы с удовольствием захрустели.

— Рассвет скоро, около шести уже, — сказал Петроман. — Осталось идти примерно два часа. Сейчас дорога под гору, будет легче. Лишь бы наш друг был в порядке.

— Да помогут небеса!

— Цыденжап, садись на коня, — предложил Алексей.

Я почему-то не нашелся, что ответить, и промолчал. Молчит и Петроман, давая мне возможность решить самому. Чуть погодя я сказал:

— Сначала согреюсь шагом, а то отсыревшая одежда холодом отдает.

— Ну, тогда перекурим и в путь.

Мои спутники не курят. Этот грех только на мне, таким образом друг дал мне еще немного времени для отдыха.

Искрится и трещит костер в неумолчном своем говоре и резвой пляске языков пламени, которые напоминают гибкий стан юной девы, распускаясь дивными, быстро меняющимися образами живых цветов. Всякий таежник знает, как непросто уходить от его тепла и света.

Я уже накурился, а самокрутка с палец толщиной еще и до половины не догорела. Закончил и Петроман собирать посуду и складывать провизию в рюкзаки. Я набросал на костер оставшиеся сучья — пусть тлеют до нашего возвращения, здесь же, скорее всего, устроим привал на обратном пути.

— Ну, пошли.

— Цыденжап, согрейся и садись сюда.

— Ладно.

Но мне не довелось сесть на коня. Причина была проста — и десяти минут не прошло, как Алексей уснул и начал раскачиваться в седле словно пьяный. Шедший впереди Петроман, проваливаясь в сугроб, от души вспоминал японского бога. Я подумал, как бы отнеслись японцы, услышав эту ругань, и мне стало смешно. Надо ему сказать об этом. Все время откладываю.

— Петроман, — зову его, задыхаясь. Я снова начал потеть. — Ты по-другому ругаться не можешь?

— А? — он повернулся в мою сторону. — А, ясно. Действительно, японский бог... Они ведь поклоняются Будде, правильно? А мы Отцу небесному, его сыну Иисусу Христу. Но почитай всякую веру, бог един на небе... А как же мне ругаться?

Мне не видно выражения его лица, оно только матово белеет под серебром луны. Но я знаю, что он улыбается.

— По-другому не можешь, что ли?

— Ругаться-то?

— Ну, не ругаться, конечно, а... как же? Ну, выражать состояние души.

— Выражать состояние души?

— Ну да.

— Выражать состояние души, определять отношение к чему-то... Как точно, говоришь?

Междометия, однако?

— Ага, — я дошел до него, — это междометия.

— Отдохнем малость? Устал?

— Ничего.

Мы прислонились к стволу большой рыжей сосны. В тайге стояла звонкая тишина. Только и слышно, как шуршит снегом наша лошадь за поворотом.

— Говори лучше «ядренный корень», Петроман.

— Ядреный корень? Почему?

— Потому что если твое слово начинается с «я», то другое тоже должно начинаться с такого же звука.

— Ха-ха! Ядреный корень! Здорово же!

— Конечно. Смысл хороший. Всё твое будет иметь крепкие корни.

— Откуда ты это все знаешь, а?

Ответить я не успел. По правой стороне тропы начинался довольно крутой яр. Полого спускаясь дальше на восток, он выравнивался и образовывал до противоположного берега широкую падь. Еще в позапрошлую осень мы с Петром в этих местах, нет, намного ниже, были «на реву», другая сторона пади была богата скалами. Как раз оттуда вдруг несколько раз раздался резкий стук и затрещали кусты или сучья деревьев. И так же резко все замолчало. Мы с Петроманом смотрели туда, вытянув шеи, и, как будто очнувшись, переглянулись и одновременно сказали шепотом:

— Медведь!

В наступившей тишине раздалось шуршание снега и торопливое «чу-чу» Алексея. Он быстро доехал до нас и выдал звонкий шепот:

— Вы слышали?

— Слышали.

— Кажется, наш медведь.

— А почему так думаешь? — спрашиваю я.

— Кто, кроме него, будет лазить по скалам? Валит оттуда камни.

— Камень и сам может свалиться.

— Может свалиться, но падают друг за другом, несколько раз. Держи, Петроман, свое ружье. Надо быть осторожнее. А ты, Цыденжап, почему ружье не взял?

— Взял, — я вытащил из нагрудного кармана пистолет.

— Лешка, слезай с коня, — сказал Петроман, — спугнутый, может и скинуть. Держи за поводок и иди вперед. Цыденжап, ты следуй за ним. А я буду замыкающим.

— Сколько еще до зимовья осталось? — спрашиваю я полусшепотом.

- Еще час пути или чуть более.
- Твой пистолет восьмизарядный же?
- Нет...
- «Стечкин», что ли, двадцатизарядный?
- Да нет же...
- Наган, что ли?

— Да не торопись ты, Леха, че так гонишь? Дай сказать Цыденжапу.

Алексей замолчал и, глядя вместе с лошадыю на восточную сторону, дрожит то ли нервной, то ли от мороза мелкой дрожью.

- Пистолет Макарова, табельный, девятимиллиметровый, девятизарядный...
- Восьмизарядный, скажи.
- Мой девятизарядный. Восемь патронов в магазине, а девятый я держу в патроннике.
- Медведь раненый, говорил ты, Лешка. Вы уточняли?
- Конечно, прошлись по следам, видели немного крови.
- Откуда шла?
- Откуда шла? Вот не знаю. Показывал нам, что ли, хи-хи...
- Ть-фу, яп... ядерный корень! С какой стороны? Как она шла: бежала или брызгами только? Алексей немного подумал, почесал затылок.

— Что же это я... Брызгами была с правой стороны.

— Не стоило стрелять с мелкашки, раз не могли целиться в убойное место. Сам охотовед и... Отпустили бы с миром, может, и залег бы...

— Но он сам...

— Ладно, оставим. Что прошло, то прошло. Значит, раненый легко. Задеты лапы, наверное. Если бы внутренние органы, вот так бы не ходил.

— Как это вот так? — Алексея так же мелко трясет.

Я опять скручиваю махорку.

— Если бы по-путёвому был ранен, давно бы сдох или где-нибудь залег, — говорю я. — А сейчас, видишь, карабкается по скалам в поисках опять же какой-то ниши или ямы этот ваш лентяй-дурак.

— Хи-хи! Лентяй-дурак? Кажись, и впрямь дурак, хи-хи...

— Почему бы и нет? Ты думаешь, дураки только среди людей водятся? Навалом их и среди зверья! — я нигде про такое не читал, ни от кого не слышал, говорю то, что взбрело в голову, и истинно верю, что так и должно быть.

— Прекратите! Хватит смеяться. Веселье горем может обернуться. Ты, Алексей, когда утром проходил здесь, ничего такого...

— Не-а.

— Ну, давайте поторопимся. Леха, крепко держи лошадь. Упустишь — дело наше будет дрянь. Что бы ни случилось, не упusti. Проверь узду. А конец намотай, что ли, на руку.

— Этот захочет, может и напасть, — говорю я тоном полувопроса.

— Запросто может, если одержим... мстью. Медведь ведь. Надо быть очень осторожным. Ну а если подойдет, лошадь наша раньше всех учует.

— А не стоит бояться, — говорю я, как бы сам ни волновался, не Алексею, а, кажется, самому себе. — Твоя дробовка стрельнет два раза, карабин Петромана пять, а мой девять — всего шестнадцать пуль выпустим. Это целый пулемет! Если и прибежит, то очередь встретим.

Алексей держит свое ружье под правой подмышкой, моя правая рука за пазухой, Петроман свесил с плеча карабин поперек бедра — и мы пошли дальше.

В тайге под лунным чистым небом до того светло, что можно увидеть не то что целого медведя, но даже его тень. Я об этом сказал нарочито весело. Ободрить чтобы. Для поднятия духа нервничающего Алексея. Шедшая за ним лошадь замедлила шаг, наш ход тоже замедлился. Лошадь все время поворачивает голову направо, прядает ушами. Тропа шла вниз, а теперь снова начала подниматься.

— Не долог он, этот небольшой хребет, — говорит Петроман. — С километр подровняется, а дальше начнется небольшой склон.

Мое оживание спало, я опять начал уставать. Если б держал этот проклятый не совсем застывший снег! Так трудно идти, без конца проваливаясь. Обильно пошел пот. Притупляются чувства, перестают фиксироваться мелочи, почти исчезает страх не то что перед медведем, но и перед самим дьяволом. Глядя перед собой, я шагаю и шагаю.

Вдруг лошадь, мягко всхрапнув, повернулась направо и встала поперек тропы. Остановились и мы, и под гулкие удары сердца вслушиваемся и всматриваемся в ту же сторону. Так простояли долго и, когда дыхание успокоилось, тихим шагом подошли к Алексею.

— Что там? — спросил Петроман шепотом.

— Не понять. Я ничего не услышал. Вот лошадь разве только. Услышала, наверное, медведя.

Мы вслушиваемся. Вокруг тишина до звона в ушах. Откуда он выбежит?

Немного погодя лошадь успокоилась, сменила ногу и тяжело вздохнула. Бедная, устала и она.

— Ну, пошли, — сказал полным голосом Петроман, — не то до утра его будем ждать.

Продолжили путь. Теперь я смотрю не только перед собой, но и обращаю внимание на лошадь. Она сейчас для нас барометр. И мне кажется настоящим героизмом весь вчерашний путь Алексея в одиночестве. Можно только представить, как он содрогался от каждого звука. И лежащий устанет, если проведет день в таком нервном напряжении, однако Алексей за одни сутки преодолевает восемьдесят километров тяжелого пути.

— Цыденжап, — сказал он, обернувшись. — У тебя руки свободны, поводи коня, а? Мне неудобно.

Подойдя к нему, я взял конец узды и крепко обмотал вокруг левой руки.

— Только лишь покажет медведь башку, стреляйте.

— На тебя выскочит, резко прыгай направо, — в шутку наказывает Петроман.

— Так и сделаю. Стрельну в прыжке.

Теперь я ведущий и иду своим шагом. У лошади размеренный медленный ход, иногда догонит меня, приостановится.

— Долго еще?

— Уже скоро, — говорит сзади Петроман. — Скоро будем.

— Этот хребет Конковой Гривой называют?

— Этот. Осталось не более полчаса пути.

По мере приближения к намеченному человек торопится. Как бы ни вымотала усталость, как бы ни хотелось упасть и лежать на снегу, пусть до обморожения, тревога за близкого гонит вперед.

Вдруг замечаю, что просветлел уже восточный небосвод и совсем близко до рождения нового дня. Сугробистый снег перестал голубеть, перетягивает свой естественный цвет из мглистой ночи. Приходят в себя деревья и кусты, оставляя темноте свои таинственные сказочные образы.

Под ногами снег шуршит, в голове кровь стучит. Межночь-межденье в тайге, межъявье-межбредье в голове. Шр-шр, тук-тук... Мне кажется, я не напрягаюсь, собирая воедино все свое естество, чтоб идти вперед по немыслимо тяжелому пути, а спокойно плыву в блаженстве в легком дымчатом тумане. Когда порой останавливаюсь и стою, соображая, что бы это значило, легонько толкает в затылок лошадь мягкими губами. Обтерев лицо снегом и нарочито громко прочистив горло, я быстро шагаю дальше.

Впереди по правую руку показалась узкая ровная падь. Я увидел дымок из трубы низенького маленького домика, стоявшего на ее дальней, верхней, стороне и невольно закричал:

— Живой! Анатолий живой!

Взволновалась душа, по щекам побежали слезы. Догнали товарищи и с двух сторон обняли за плечи, и мы втроем, нет, с лошадей вчетвером долго смотрели на ветхое зимовье, казавшееся для нас роскошным дворцом, приютившее на время нашего друга и теперь зовущее нас в свое ласковое тепло.

3

Кинув Алексею конец узды и несколько раз кашлянув, я открыл дверь. Дохнуло то ли жареной, то ли пареной вкуснятиной. Возле горячо растопленной низенькой печки сидел Даши Тангаров и настороженно смотрел на меня исподлобья. На нарах, расположенных по другую сторону огня, упираясь о стену, полулежал Толя Прокопенко с осунувшимся лицом. Вошедшие потеснили меня. Я подошел к Толе, пожал ему руку.

— Болит?

Толя кивнул. Я повернулся к Тангарову.

— А ты, Даши?..

— Я? Я... э...

— Цыденжап, я обо всем с ним переговорил, — сказал Толя своим басом. — Сам пришел. Помогал...

— Хорошо, — кивнул я и, напрягая себя, думаю о Тангарове. — С нами пойдешь, Даши?

Даши тяжело вздохнул.

— Пойду, — он кинул на меня решительный взгляд.

— Давайте сядем, раз вошли, — сказал за спиной Петроман.

— Чуть подожди, Петр Тимофеевич. Есть у тебя ружье, Даши?

Тангаров направил взгляд на угол. Возле нар Толи к стене была прислонена старая ржавая одностволка. Мне стало ясно, что дублирую Прокопенку. Я шагнул за печку, снял куртку, кинул в угол и лег на свободные нары. Мои товарищи тоже разделись, загремели посудой на столе, громко смеясь, заговорили с Толей и Даши, один только я лежу еле живой и вижу сквозь закрытые глаза ночной снег в голубых тонах.

— После тебя съел ложку супа, ну и помычал, — как будто издали слышу голос Прокопенко. — Тангаров подошел вовремя. Здесь недалеко возле скалы имеется зимовье Ситникова, там он и провел несколько дней.

Вот оно что! После побега из ОВД Тангаров собрался и ушел в тайгу из дома. Скрыла жена. И старик Ситников помог. Тангаров пришел к Толе от тоски и одиночества или?..

Словно угадав мои мысли, Петроман спрашивает:

— Медведь ваш пришел в гости к Дашишке, а?

— Верно, — ответил Даши. — Прошлой ночью пришел. Дошел до двери. Я прогонял, он не уходил...

— Что тогда предпринял? — спрашивает Алексей. Он выглядел свежим, проспав ночь на коне.

— Бедный, отморозил, наверное, себе лапы, — сказал Петроман, — и проголодался...

— Хи-хи! Тогда что, открыл дверь? — то ли от того, что находится в безопасном месте, то ли от тепла или от радости, что друг наш жив, Алексей слишком уж весел. Я хочу сказать ему, чтоб больно не резвился, впереди ждет сорок километров пути, но язык меня не слушался.

— Стрельнул, — сказал Даши.

— Стрельнул?

— Вниз, в угол.

— Ну и?

— Спужался, видимо. Не вернулся. Я дождался рассвета, пришел сюда.

Я еще балансировал на грани сна, цепляясь за действительность, но когда случай с Тангаровым прояснился, отпустил волю на волю, и тут же с наслаждением унесся в чудесную страну животворящих снов.

Когда Петроман меня разбудил, все мои товарищи, уже одетые, сидели на противоположных нарах.

— Поешь суп.

Со сна аппетита нет, но я заставил себя с куском хлеба выхлебать весь суп — силы еще о-ё-ёй пригодятся.

Толя прислонился к косяку двери. Видно, боль не дает сидеть. На обросших щетиной скулах играют желваки. И как поедет на лошади?

Уловив мой взгляд, пристально посмотрел на меня.

— Измучился ты, Цыденжап.

— Ничего, Толя, теперь ничего. Как ты?

— Так же.

— Тем и лучше. Как-нибудь постарайся держаться на лошади, не то придется тебя тащить.

— Постараюсь.

Я повернулся к Тангарову. Он смотрит на меня прямо, не пряча взгляда, сидит спокойно, с миром в душе. Видимо, и вправду решил сдаться.

— По пути мы с тобой еще поговорим.

— Ну конечно... Цыденжап.

Я улыбнулся ему, как раньше.

— Бери свое ружье. Есть крупные заряды?

— Есть несколько жиканов.

— Ну, все готовы?

— Пошли, — Петроман встал с места.

Друг за другом вышли из зимовья.

Тангаров повернулся к опустевшему зимовью и просто сказал:

— Спасибо тебе.

Прокопенко прислонился к двери и погладил косяк.

— Это ведь зимовье, — сказал со значением наш друг Петроман, — охотника...

— Золотое гнездо, — подсказал я.

— Верно!

— До свиданья! Прощай!

Стоял солнечный зимний день. Блестящий снег слепил глаза. Не было даже ветерка, вокруг царила белая тишина. Только с той стороны, куда мы должны держать путь, редко доносился веселый перестук дятла. Величественные деревья, одетые в теплые белые шубы, кажутся

стоящими в тихой дреме. Молоденькие ели, будто девчата, принарядились серебряными украшениями, на них играли яркие солнечные лучи, и все искрилось разноцветьем. И бездонное небо как будто тоже решило порадовать глаз и украсило свой иссиня-синий лик несколькими изумительно белыми мягкими облаками. Ах, зима! Будь я свободен, испытал бы истинное счастье! Дышал бы полной грудью этим удивительно чистым воздухом, держал бы в руках великолепное оружие и удостоился б богатых подарков хозяина тайги...

Алексей прикатил большую чурку к двери зимовья.

— Заместо крыльца будет.

Петроман подогнал лошадь. Держась за наши с Даши плечи, Толя, стиснув зубы, забрался на чурку, схватился за седло, вдел левую ногу в стремя. Со сжатыми от напряжения глазами, с глухим стоном Прокопенко стал заносить правую ногу на круп лошади, и Алексей, находившийся по другую сторону, ловко подхватил ее и перекинул через седло. Даши подтолкнул Толю.

— Ну как, нормально?

— Нормально...

— Даши, иди вперед, — сказал Петроман. — За ним ты, Леха, веди коня. Толя, приторочь к седлу ружье и держись там... Мы с Цыденжапом закрываем. Ежели лошадь забеспокоится, Леха, держи ее крепко, смотри не упусти.

Вначале пути всегда легко. Наши следы, оставленные час назад, уже начали застывать, и идти по ним неудобно. Мы идем по краям тропы, то по правой, то по левой стороне. Путь на Конкову Гриву с этой, северной, стороны недолгий, но самый крутой. В самом начале подъема Даши остановился.

— То зимовье вот здесь, внизу, — он показал на восточную сторону.

Тропа проходит прямо над крутым яром. Чуть ниже между кустов и деревьев белеет поляна.

— Вот здесь она, эта землянка, под яром, — Даши, мне кажется, так и рвется туда.

Я посмотрел на него изучающе. Хочет показать место своей лежки и тем самым старается разжалобить? Или хочет так же поблагодарить лесной домик и попрощаться по-человечески. В каком протоколе это указать? Какой суд примет это во внимание? Виноват — отвечай. Закон церемониться не будет...

— Хотел зайти? — спросил Петроман. — Вещи забрать?

— Да нет...

— Тогда пойдем.

— Погоди-ка, Петр Тимофеевич, — сказал Алексей, — давайте заскочим, посмотрим следы медведя. Не задержимся.

Мне не хотелось туда спускаться. Лучше б продолжили путь. А тем, кто поднял зверя, конечно, было интересно.

— Тогда мы с Даши и Лешкой сходим посмотрим. Цыденжап, ты как? Останешься?

Мне стало неудобно за свою вечную усталость и отставание.

— Ну, давайте, — я шагнул к крутому берегу и почти бегом спустился мимо кустов на край поляны. Чуть впереди меня скатывался Тангаров, не разбирая дороги, сквозь кусты, с хрустом их обламывая.

Впереди на дне обрыва, уходящего влево, на расстоянии пятидесяти метров показалась почерневшая стена три метра в длину. Маленькое мутное окошечко с потрескавшимся стеклом казалось единственным подслеповатым глазом, смотрящим на мир, а низенькая дощатая дверь примерно на том же уровне — закрытым, уже ослепшим. Представились шапкой кусты, росшие на стене, а молодые побеги, спустившиеся с двух сторон, — бакенбардами, суковатая

побелевшая от времени чурка, стоявшая чуть ближе, — носом, лежавшие перед ним сучья, заготовленные на дрова, — ртом с обиженно опустившимися уголками. Я невольно вспомнил старческое лицо деда Ситникова, хозяина зимовья, и захотелось рассмеяться. Не успел. Внезапно со стуком открылся, словно со сна, слепой глаз деда Ситникова, и из него выскочило большое и лохматое. Медведь!

— А-а! — крикнул стоявший впереди меня Тангаров. Из моего открытого рта вырвалось что-то нечленораздельное.

Медведь прыгнул в нашу сторону, прыгнул легко и высоко. Еще в воздухе чуть повернулся боком и с хрустом спустился на снег. Голова смотрела как будто мимо, а глаза, вращаясь, несколько мгновений изучали нас, затем медведь трижды подергал носом и, разинув клыкастую пасть, рывкнул до мурашек на коже. Закричали стоявшие наверху, тревожно заржал конь.

Вы видели когда-нибудь нападение медведя? Стрелой метнулась необузданная ярость дикой черной силы, размером с низкорослого широкого быка с вздыбленной шерстью, с разинутой громадной пастью и обнаженными белыми клыками, и в мгновение ока, о боже, оказалась возле нас и встала на задние лапы. Зверь заревел так, что подо мной задрожала земля, я увидел, как летят слюни из красной пасти. У меня внутри как будто что-то оборвалось, на мгновение затуманилось сознание. А Тангаров быстро направил на него ружье, но целился, видимо, тщательно, не стреляет. Я вытащил пистолет из-за пазухи и, схватив двумя руками, прицелился в медведя. Но большая голова зверя, который быстро приближается на задних лапах, качаясь из стороны в сторону и размахивая передними лапами, никак не ловится на мушку. Не стрелял и Тангаров. Он все так же стоял, вытянув ружье и застыв на месте. Целясь в область головы, шеи и груди, я стал часто палить. В могучем рыке медведя выстрелы пистолета казались безобидными хлопками. Несколько пуль все же попали в грудь, раздалось несколько глухих ударов, и медведь на мгновение остановился. Мушка прыгает вокруг зверя, я стараюсь остановить ее на его горле. В этот миг с головы медведя разбросисто вылетело что-то красное, со стороны яра раздался оглушительный выстрел винтовки, словно громынула пушка. Хищник упал на спину, огромные лапы, хватая воздух, несколько раз дернулись, и он затих.

Разорвав тишину, наступившую после адского грохота, Петроман крикнул:

— Эй! Цыденжап! Дашишка! Вы живы? Держи коня, Лешка, держи! Тпр-уу!

— Др-рр! Стой, Машка-Васька! — голос Алексея слишком тонкий, походит на визг девчонки. — Толя, держись!

Наверху на тропе испуганный конь, храпя и уходя дальше, хрустел кустарником. Тангаров все так же стоял, направив ружье вперед и порывисто дыша. И мое состояние не лучше, противно трясется все тело и усиленно колотится сердце. Только голова моя, видно, не такая уж умная, произошедшее до конца еще не переварила.

Вдруг закралось в душу что-то нехорошее, и я в несколько прыжков оказался возле Тангарова. Он даже не взвел курок ружья, указательным пальцем нажав спусковой крючок, так и устоял поверх ствола на медведя, бессмысленно выпучив глаза.

— Даши, — осторожно позвал я и потянул к себе его ружье. Он не отпустил. — Даши, эй, послушай меня, эй, все кончилось, отпусти ружье...

Раньше я много слышал о горе-охотниках, потерявших рассудок на медвежьей охоте и попавших в смешные и несмешные истории, но никогда не предполагал, что стану свидетелем подобного случая.

Тангаров вдруг тяжело вздохнул, взглянул на меня округлившимися, огромными от страха глазами, перевел взгляд на зверя, лежавшего в трех метрах, дико закричав, толкнул на меня

ружье и буквально рухнул в снег. Он колотил сугробистый твердый снег, разбрасывал его по сторонам, переворачивал то влево, то вправо и ...плакал, ревел сильно и страшно. Я впервые видел, как человек заходится в плаче, и испугался. Не сошел ли он с ума? И я бы, наверное, съехал с катушек, если б от усталости ничего не соображал... Мне стало жалко Даши...

— Сколько!.. Сколько еще мне мучиться?! — вдруг выкрикнул он в неистовом реве. — Из-за тебя... из-за тебя я погиб! Твоих этих... Прощал я тебя... детей жалел. Ты убила меня!.. А сейчас... в тюрьму... Перед медведем... сознание потерял... плохо мне... Почему не задавил!

Эх, Даши, Даши! Обманы твоей красавицы-жены довели тебя до крайности!

— Это что происходит?! — грозно раздалось за спиной.

Я обернулся и увидел Петромана и Алексея. Они поочередно разглядывали нас.

— Ах, во-от оно что, — сказал Алексей.

— Э-эх, — сказал Петроман.

То ли от оклика Петромана пришел в себя, то ли все выстраданное выплеснулось, то ли холодный снежный компресс заставил очнуться, Тангаров резко замолчал, даже плач его поубавился.

Я потянул за его плечо.

— Тангаров, хватит! Встань.

Даши послушно повернулся на спину, резким движением сел на толченом снегу. Алексей вытряхнул набившийся в волосы и воротник снег, Петроман вытащил из-под снега шапку, несколько раз обил о свое колено и нахлобучил на его голову. Тангаров сидел, положив локти на колени и обхватив голову руками, и сильно дергался послеплачем. Мы оставили его на время и словно по команде обернулись на медведя.

Он лежал на спине, раскинув лапы на все четыре стороны и разинув зубастую пасть, открытые глаза его, казалось, смотрели еще сердито. Разило от него так, что впору задохнуться, но мяса было в нем на целый амбар.

— Вот яп... ядреный корень, а?! Чуть-чуть не задавил, а?

— Да-да! Сколько из-за этого дурака я вчера! — и Алексей пнул в бок зверя. Упитанная туша медведя колыхнулась, как домашний холодец.

— Эй, а где Толя?

— Там наверху, чуть отошел вниз. Какая лошадь будем рядом с этим.

— Дурак он, что ли!

— Да, конь не дурак, как я! — раздался рядом окрепший голос Тангарова.

Мы обернулись. Даши стоял на ногах и уже напоминал прежнего Тангарова. Лицо бескровное, какое-то сине-зелено-бледное, но уже интересуется медведем.

— Дашишка! Ты че не стрелял-то, а? Или хотел в глотку пальнуть, прежде чем туда пасть?

Он не ответил на полушутливый вопрос Алексея, не торопясь обошел медведя осторожным шагом человека, страх которого еще не прошел. Было видно, что видит медведя в тайге впервые. Посмотрел на нас и наивно, по-ребячьи спросил:

— Не стрелял, что ли?

Никто сразу не ответил. Даже до нетерпеливого Алексея дошло, что сознание Даши только проясняется, и он закрыл рот. Я переломил его ружье, достал патрон и передал Даши. Он тщательно осмотрел его и вытащил из кармана еще два. И чуть дрожащим голосом сказал:

— Действительно... целый. Думал, несколько раз... стрелял.

Петроман склонился над медведем и, порывшись в густой длинной шерсти, заявил:

— Пистолет хоть и слаб против такого зверя, но остановил. Смотри-ка, Цыденжап, твои

три пули здесь, в груди. И то удивился, когда вдруг он остановился. Если б не встал как вкопанный, было бы сомнительно из кустов попасть в этого... непутевого.

— Хи-хи! Непутевый! Кстати, что будем с ним делать? Так и оставим здесь?

Действительно, не бросать же, надо решать.

— Сначала посмотрим там, — сказал я, махнув на зимовье. — Что он там делал...

— Разве он оттуда выскочил? — удивился Петроман. — Я думал, он так напал...

Все пошли к зимовью. Я в двух словах рассказал остальным о случившемся.

Перед зимовьем-полуземлянкой снег был сильно истоптан. На потемневших досках низенькой двери белели свежие следы медвежьих когтей, а вырванная деревянная ручка валялась в стороне. Открывая что-либо, медведь только тянет на себя, поэтому двери таежных зимовий открываются всегда вовнутрь. Но медведь все же попал во внутрь землянки. Оттуда исходил густой специфический запах.

— Побудьте здесь, — сказал Петроман, — я зайду, гляну.

Медведь обморозил лапы. Это видно по следам — как будто человек в валенках ходил. Обмороженные, они опухли. И поэтому залез в тепло, терпел дух человека? Я заглядываю вслед за Петроманом в зимовье.

— Какой странный медведь! Здесь ничего не тронул, ничего не сломал, — в голосе Петромана удивление. — Смотри-ка, только взял сухари и съел, вон с потолка сорвал...

Внутри зимовья все в целости и сохранности: стол из тонких жердин, низкая печь из плоских камней, узенькие нары, тоже сооруженные из жердочек.

— Даши, зайди, глянь-ка, — говорю я. — Ничего у тебя не взял, не украл?

— Хи-хи! Не взял, не украл? — у Алексея слишком приподнятое настроение, он чересчур весел. — Съел твои последние сухари...

Даши зашел вовнутрь, сел на нары и осмотрел убогую обстановку.

— Кроме сухарей, у тебя здесь ничего не было, однако? — спрашивает Петроман.

— Нет. Кроме рюкзака, у меня ничего не было.

— А сколько времени ты здесь провел, — спросил я.

— Четверо суток.

— Один?

— Один.

— Если б не медведь, ты б еще берложился, а? — засмеялся Алексей.

Даши молча сидел, опустив голову.

— Хорошо, что пришел. Че здесь сидеть несколько дней и изводить-мучить себя, — сказал Петроман. — Как можно самого себя в угол загонять?

— Я бы долго не задержался, — Тангаров вышел из зимовья. — Отправился бы к вам.

— Ну и? — поинтересовался Алексей.

— Что «ну и»? Спустился б домой, что еще...

— Ну, друзья, что будем делать? — Петроман говорит из зимовья. — Зверя-то так ведь не оставим?

— Вы с Алексеем, друг мой Петроман, наверное, останетесь, — отвечаю я. — Пока освежете, стемнеет. Придется вам ночевать.

— Зимовье недалеко. Мясо стащим туда. Дальше-то что? Ждать тебя?

— Наверное. Лишь бы Прокопенко доставить до больницы, дальше хоть как можно поступить...

— Не надо, Цыденжап, — вдруг возмутился Тангаров, отмахиваясь рукой. — Ты дойди до машины, и, главное, Толю увези. А я вернусь на другой лошади.

Мы с Петроманом переглянулись.

Даши повернулся ко мне.

— Или не доверяешь мне?

Петроман почесал затылок, у Алексея мысли отсутствуют, крутит головой и всматривается в наши лица, а мою голову, туго соображавшую от хронической усталости, буравит одна-единственная мысль.

— Ха! Верить не верить... Давайте сядем.

Я сел возле двери на маленькую чурочку, уперся спиной о стену, вытащил кисет. Алексей сел передо мной на одно колено. Петроман, проходя мимо него, потянул за плечо.

— Колено остудишь. Пойдем, сядем на бревно. Не то станешь еще одним инвалидом и нас замучаешь.

Даши Тангаров собрал ногой щепки, оставшиеся от дров, в одну кучку, положил рукавицы и сел, словно на долгое собрание.

Молчали все, ожидая меня. Я глубоко затынулся, выпустил перед собой облако дыма и пара.

— Даши, что ты сам думаешь?

Он недобро взглянул на меня.

— Я уже сказал.

— Я говорю про твою семью, — от моих слов голова Даши дернулась в сторону. — Это твоё личное, конечно, но... Но, как бы то ни было, я хочу знать твоё решение. Мы говорим только здесь, в узком кругу, не станем выносить сор из избы.

Тангаров опустил голову, сидел молча. Молчали и мы. Прошла минута, другая...

— Тебе сейчас перед собой надо ответить на все вопросы. Явка с повинной — это вопрос второй. Главное, Даши, твоё семья...

Даши голову не поднял.

— Да, главное в жизни — это семья, — вздохнул Петроман.

— Конечно, — протянул Алексей.

— Оставить семью, жену и детей, думаю, самый простой выход. Потому что он самый легкий. Но это ведь и не выход. Потому что вряд ли он верный. Здесь не надо напрягаться, потому что здесь нет ни мужества, ни мудрости, ничего достойного, а все наоборот... В общем, я скудным своим умом думаю так. Недаром в народе говорят, внутри мужчины поместится и лошадь с седлом. Это насчет мужской выдержки и терпения. Сам решай. В твоей руке судьба твоей семьи. А теперь мы с тобой должны доставить Прокопенко до нужного места. Дома заночуешь, а завтра выезжай обратно сюда, со мной или без, если меня на работе задержат. Правильно говорю, друзья?

— Все верно, — сказал Петроман. — Мы с Лешкой выполним нашу часть работы и будем ждать вас с подводой.

4

Я плохо помню обратный путь. Разве только то, что слепил глаза снег, нестерпимо блестящий на солнце, и я, невольно опуская веки, засыпал на ногах еще быстрее, чем прошлой ночью, просыпался, как обычно, когда налечу на что-либо или когда упаду. Помню, как ждал конца светового дня и наступления темноты ночи.

Еще помню звезды. Как они мне мигали. Мерцали. И еще слова Даши Тангарова. Живым примером они служат мне и по сей день.

Где-то в пути, когда до машины осталось совсем чуть-чуть, я свалился в очередной раз и, не найдя силы подняться, с трудом перевернулся на спину и долго лежал, заставляя себя

смотреть на лунное и звездное небо. Лошадь наша, не услышав за собой мои шаги, тоже остановилась. Подошел Даши, сел рядом.

— Отдохнем немного, — сказал он. Затем крикнул в сторону лошади: — Толя, не замерз?

— Весь в поту я...

— А, это от напряжения.

У меня нет сил говорить, просто лежу и натужно дышу.

— Толя, пусть Цыденжап малость отдохнет, ладно? Хотя бы пятнадцать минут.

Я собрался с силами, вытащил из внутреннего кармана ключи, протянул товарищу.

— Пусть Толя... едет дальше, заведет и лежит там.

— Действительно, пусть едет дальше. Че будет с нами волочиться, — он, хрустя снегом, встал и пошел к Толе.

Проснулся чуть продрогшим. В том же положении. Сколько времени проспал?

— Пятнадцать минут, — сказал Даши, словно угадал мои мысли. — И я прикорнул сидя.

Я напряг все тело и потянулся. Почувствовал, нет, не прилив сил, а, скажем, не убийственную усталость.

— Цыденжап, знаешь, о чем я думал? — спросил Даши. — Я хочу, понимаешь, вместить в себе лошадь...

— Что-о?

— Хочу попробовать. Если, конечно, жена надумала измениться.

— Вай! Правда? — я окончательно пришел в себя, приподнялся и сел.

— Конечно, правда. Но только... изменится ли она?

— Что ты говоришь, Даши?! — я резко повернулся к нему. — Все меняется, все исправляется! Это закон жизни! Почему человек не будет стремиться к лучшему, тем более женщина? Почему она не станет лучше? Почему она не должна оправдать твоих надежд? Ха-ха! Как хорошо!

Запрокинув голову, поднял глаза к звездам. Мигают многие. Это наши звезды. Анатолия, Петромана, Алексея, моя и еще Даши.

— Даши, вон та, кажется, твоя звезда. Слишком уж сильно мигает.

— Ха-ха! Что ты говоришь? Которая?

— Во-он она. Видишь, последние две звезды Большой Медведицы? Бери расстояние между ними и умножь дальше на пять.

— Хорошо.

— Теперь подвинься чуточку правее. Видишь звезду? Она светит чуть слабее.

— Но это же Полярная звезда! Она всегда на севере. Она никогда не блуждает и людей ориентирует всегда!

— Правильно! Видишь, как она мигает! Раньше я такого не замечал.

— И действительно!

— Вот, отныне это твоя звезда. Звезда твоей семьи! Твоей любви! Только твоя и твоей прекрасной жены!

Даши замолчал. Повернув голову, я увидел: Тангаров, закрыв лицо руками, сотрясаясь всем телом, беззвучно рыдал.

— Это счастье твое, Даши! Это любовь твоя, Даши! Всегда следуй за своей звездой! Главное, вместе с женой!

Я легко вскочил на ноги и весь во власти чудесного окрыляющего чувства дружбы, только что рожденного в моем сердце, крепко обнял Тангарова. Даши, сидя на коленях, прильнул к моей груди.

— Цыденжап... Друг мой... Я... Еще раз постараюсь. Ради детей, ради семьи! Не знаю, что было бы, если б не было тебя. Дошел бы и я до таких мыслей, но когда...

Даши встал на ноги, обтерся снегом, тряхнул головой и закричал что есть силы:

— Ур-ра-а! Это наша жизнь! Это наше счастье!

— Пусть это будет уроком нашим! Пусть это станет историей нашей!

Далеко разносились наши крики в студеном чистом воздухе и отзывались многократным эхом.

— Стихи, однако, пишешь, а? — немного пройдя, спросил меня Тангаров.

— Тише, Даши, никому не говори.

— Почему?

— Плохой из меня стихотворец.

— Плохой?

— Да, и тупой.

— Ха-ха-ха! Плохой!

— Ха-ха-ха! И тупой! Две строчки два месяца сочиняю!

Мы шли и смеялись, как бы ни устали, падая и снова поднимаясь, от всего сердца.

Мне было дороже всего то, что я по воле Бога оказался в нужном месте в нужное время. Человеку ведь много не надо. Чуть подтолкни в минуту слабости — дальше сам пойдет, после и тебе поможет, больше тебя пользы обществу принесет.

Примерно через час мы были у моей машины. Она тихо и мягко гудела двигателем. На ветреной стороне ее была привязана лошадь за ветку ерника, пот уже застыл сосульками по бокам и под брюхом.

Я открыл дверцу машины. Толя с бледным, как бумага, лицом, лежал на уложенном кресле.

— Так же болит?

— Так же.

— Это хорошо. Даши, скачи вперед. Домой!

— Ты сам-то как?

— Норма-ально. Уж выспался там.

— Я только успел мотор прогреть. Выспался!

— Тряхнет, кричи, Толя.

— Нет уж...

— Почему?

— Раз слабинку дашь, считай, пропал.

Мы тронулись с места. При свете фар наша лошадь кажется стройной, будто специально подготовленной к скачкам. Тангаров торопится домой. Крепко сидит он в седле, лихо правит лошадей, подставляя морозному воздуху лицо и полуоткрытую грудь. В морозном тумане и парном дыхании коня порой кажется древним багатуром, смело скачущим навстречу своей судьбе.

— Наш друг направился домой, — сказал я Толе. — Решил еще раз попытать счастья.

— О! Тогда Тангаров молодец! А, правильно говорю? Ой, м-мм...

— Конеч-ешно, молодец.

— Чтоб простить, силу надо иметь!

— Чтоб начать, сердце надо иметь!

— Ха-ха!

— Ха-ха-ха!

Въехали в село. Выйдя на ровную улицу, Даши галопом пустил лошадь. Резва она в до-

роге к дому, только подковы сверкают. Осадил возле своего дома, спрыгнул с седла и только привязал к калитке, как она тут же широко распахнулась и выбежала его жена, в домашнем халате, и, голося на всю улицу, повисла на Даши. Наш товарищ стоял, опустив руки.

— Как хорошо, — прогудел Толя низким голосом. — Настал его звездный час.

— Это верно! — я открыл свою дверцу, встал на одной ноге.

Тангаровы повернулись в нашу сторону. Красивое лицо жены блестело от слез. Оно было светлым, лицо счастливого человека. Она плакала и смеялась одновременно.

— Даши, ты жди меня до десяти часов. Если не приеду, отправляйся туда один. А остальное сам знаешь.

Жена Даши подбежала ко мне. Прижав руки к высокой груди, выдавила сквозь слезы:

— Вы простите, простите меня, пожалуйста... Это я... во всем виновата. Такого славного... своего... — она прикрыла руками лицо, но справилась с рыданиями, чем понравилась еще больше. — На сколько посадят моего Даши, а?

— Ну что вы, такого не должно быть. Так ведь, капитан Прокопенко?

— Так.

— Вот! Слышите? Мы постараемся вам помочь. Только, Даши, приходи!

— Обязательно, Цыденжап! Обязательно, Анатолий!

— Мы вместе приедем в милицию! Если посадят, я сама с ним сяду! Ох, Даши! — женщина побежала к мужу. — Даши, золотце мое! Прости меня, а? Ой, какая ж я неразумная!

Я развернул машину. Посигналил на прощанье обнявшимся Тангаровым, Толя прорычал шепотом:

— Да здравствует семья Тангаровых!

Я остановил машину, открыл дверцу и крикнул назад:

— Да здравствует ваша звезда!

— Да здра-авствует! — отозвались супруги.

Когда выехали на трассу, Прокопенко спросил сквозь стон:

— М-мм... Как там... мои?

— Хорошо. Гэрэлма только сейчас должна сообщить твоей Тоне. Медперсонал нас должен уже ждать.

— Моя только что узнала?

— Да, так я просил жену.

— На работе?

— Там ждут.

Анатолий в знак благодарности молча пожал мою руку.

Прошло минут десять. От тепла и равномерной езды снова стали притупляться чувства. Глаза открыты, а в голове что-то щелкает и отключается, и я теряюсь на какое-то время.

— Толя, — говорю я, — контролируй меня. Буди, если отключусь.

Дальнейшее помнится плохо. Несколько раз Толя приводил меня в чувство, с силой зажимая мою руку, лежавшую на руле, и одной рукой помогал водить машину.

Когда завернули в больницу, мой друг сказал:

— Сначала домой надо было заехать. В бане помыться...

— И не думай. Поторопимся, пока этот не лопнул.

Только я остановился у больницы, как выбежали наши жены, словно стояли и ожидали за дверями.

— Цыденжап!

— Толя!

— Как ты?

— Нормально...

Прибежали санитары с носилками, помогли Толе выбраться из машины, положили и понесли. Тоня бежала рядом, мелко перебирая ногами, нагибаясь над носилками и на ходу целуя мужа. Моя Гэрэлма села в машину, и, расспрашивая, гладила по щекам, прижимала голову к груди.

— Нормально, — говорю я, — все нормально...

— Милый, какой ты измученный! Щеки впали, нос задрался...

Я мягко высвобождаюсь из объятий жены, открываю дверцу машины и смотрю в звездное небо.

Косо проходит вечный Млечный Путь, всем полным ликом улыбается луна, мириады звезд, рассыпанных на темном бархате таинственного ночного неба, мерцают разной силой и неодинаковым цветом. Мигающих среди них было множество. Я нашел звезду Даши. Так же усиленно мигает. Должна где-то подмигивать и Толина звезда. И моя тоже. Не может быть иначе. Ведь вся наша жизнь, все наше счастье еще впереди.

— Ха-ха! Ура! Звезда наша путеводная счастьем нам мигает!

Гэрэлма посмотрела на меня удивленно, затем поняла и, только начав улыбаться, вдруг заплакала и крепко обняла.

— Как же это ты выдержал, милый ты мой?! Как же ты друга своего привел... сынов моих... Рэмбо...

— Что ты! Откуда я возьму столько силы? Откуда я один... Только ты мне... только ты мне посвятила эту жизнь. Без тебя... ничего бы не смог, звезда ты моя путеводная!

ПРОЗА ЗАБАЙКАЛЬЯ

ЕЛЕНА ЧУБЕНКО

БИОГРАФИЯ

Член Союза писателей. Уроженка и жительница Забайкалья. Юрист, в прошлом работала в правоохранительной и судебной системе.

Автор нескольких сборников деревенской прозы, в том числе «На море-окияне», «Вот так и живём», «Солнцем поцелованные» и другие.

Лауреат Национальной литературной премия «Имперская культура» имени Эдуарда Володина в номинации «Проза» за 2017 год.

Лауреат премии Губернатора Забайкальского края имени М. Е. Вишнякова в области литературы за 2019 год.

Финалист Всероссийской премии «Дальний Восток» им. Арсеньева в 2020 год, лауреат III премии им. А.Распутина 2024 г.

Автор пьес для народного театра «Вот так и живём» и «Солнцем поцелованные», «Унеси мои грехи», «Держи меня, брат».

Автор сценария художественного фильма «Солнцем поцелованные», реж. Н. Гадомский — 2019 г. — фильм — лауреат специальной премии Забайкальского международного кинофестиваля, в прокате под названием «Возвращение с фронта».

В 2021 году фильм удостоен двух дипломов фестиваля «За гуманистическое отображение актуальных проблем современной картины мира» и специальный диплом от Севастопольского благочиния Симферопольской и Крымской епархии московского патриархата на международном форуме «Золотой витязь».

АПОСТОЛ ПЁТР... ФИЛИППЫЧ

— От придумали! От придумали! Об чём бы не говорили, всё про эту корону! — Филиппыч сердито сплюнул, и, бросив пульт в угол диванчика, пошёл на кухню, к жене.

— Ворону? Опять прилетела? — супруга, давно слегка глуховатая, что-то увлечённо намешивала в тазике, наверное, опять гоношила тесто.

— Сама ты ворона, Господи, прости... — беззлобно буркнул Филиппыч. Со своей Ниной Георгиевной душа в душу прожил уже почти шестьдесят годков. И сам не Ален Делон, и её менять на «годом посвежее», уже и резона не было. А если серьёзно, то из этих годков годков, считай, все шестьдесят и ждала его из рейсов. Если знала, что вернётся поздно, не спала, пока свет его фар не мазанёт своей яркой кистью по окошкам избы. Покуда ворота раскрывает, да машину в ограду загоняет, она уж и чайник сгоношит. Чудом откуда-то горячее спроворит, на стол ставит. Волшебница, да и только Нинуха его родненькая. К нему всю жизнь уважительно: «Петро» да «Батька», как ребятишки звали. Ребятишки уж сами давно батьки, живут отдельно, а они с Георгиевной теперь сами себе, радуют друг дружку.

Ворона-то, к слову, была у них знакомая. Считай, каждый день прилетит в огород, кругами ходит вокруг собачьей миски. Потом ковыляет в край огорода. Старый пёс Верный, возмущенный покусением на его корм, идёт за вороной потихоньку. Потом, не утерпев, как пацан, мчитя и гонит воровку до края огорода. Ворона, неожиданно легко взлетев, возвращается по воздуху к чашке и уворовывает что-то оттуда, пока уставший Верный плетётся обратно, свесив набок язык.

— Дак чо ворона-то? — старушка домесила тесто и уже сноровисто лепила какие-то лепёшки, раскладывая их любовно на металлическом листике, затейливо шлёпнув в серединку каждой ложку голубицы.

— Корона, говорю. Всё про эту болезнь в телевизоре-то. Голова кругом! Бывало, концерт какой, кубанский хор, к примеру, или картину какую дельную покажут. Я б щас «Дальнобойщиков» ещё раз поглядел.

— Вот ты на дальнобой-то не насмотрелся на работе... Неужто всё ишо охота? — жалеючи, как на ребёнка несмышлёного, смотрит на него Нина. — Дома чистенько, валенки тёплые, мёрзнуть нужды нету. Што вот тебя куда-то тянет-то?

— Молчи ты. «Тёёпленько». Чо бы понимала? Там только в гараж зайдёшь, такой дух родной. А уж если в кабину сел, да дорогу увидел, дак петь охота. Конечно, поездил бы ишо, да начальству видней. Видимо, опасаются, чтобы «кондратий» по дороге не схватил, — невесело улыбнулся Филиппыч.

Нина Георгиевна понимающе кивнула головой. У Филиппыча уже второй десяток лет стоит кардиостимулятор. Рейсы свои давно откатал с лихвой, после пенсии ещё две пятилетки проездил. Частник сильно не спрашивает паспорт, лишь бы все водительские категории были. У молодых пижонов по нынешним временам новая тачка, да не первая, а категория водительская одна, да и то порой «левая», купленная. И зовёт их старик чаще «водятлы». Звание «шофер» заслужить надо. Вот и с ним не спешили расставаться, тянули, уголёк в комхоз возил.

Руки у Филиппыча, как пиджак с орденскими колодками у ветерана, всё выдают. Чёрные руки у него. Сколько уж лет, как на отдыхе, а въевшийся мазут не отошёл у ногтей. Да и разбитые пальцы никуда не спрячешь. В общем, две почерневших пятерни, каждая из которых спокойно закрывает полностью кепочку-восьмиклинку — подтверждение пролетарско-водительского прошлого.

— Пока кулебяки твои пекутся, пойду, курево прикуплю, да на почте сканвордов прихвачу.

— Маску не забудь.

— Да есть у меня в кармане, вот только нужна она мне, как собаке пятая нога, — снова буркнул дед и подался из дома, сминая в кулак давно валявшуюся в кармане куртки несвежую марлю с веревочками.

На почте было многолюдно: выдавали пенсию. Под подбородками у каждого голубела медицинская повязка. Филиппыча уважительно пропустили без очереди. Взяв сканворд, подался в магазин. Прикупив сигарет и продуктишек, шёл к дому, основательно уминая огромными валенками свежеподсыпанный нынешней ночью снег. Воробьи, распушив пёрышки, грелись на ветках возле домов, деловито сновали синички, разведая места, где нежадные хозяева разложили крошки и сало. Снег вкусно поскрипывал, искрился в свете яркого солнца. На каждой штaketине красовалась кокетливая белая шапочка. И звонкий этот хруст из-под валенок как-то незаметно бодрил старика. Старался он ступать почётче, будто в этот день ему вести деревенский парадный строй. Даже вечно ноющие коленки не так сегодня донимали.

Войдя в дом, откашлялся, демонстративно вынул и снова сложил маску в карман. Помыв руки, присел за стол, где отпыхивались вкусным парком лепёшки. Разломив самую румяную, окунул её в сметану, а сверху ещё щедро мазнул ложечкой с мёдом. Георгиевна довольно улыбалась, глядя на его выражение лица. На полу посиживал толстый рыжий кот, и самое странное, выражения лиц старика и кота были похожи. И Нину Георгиевну это умиляло.

Утром следующего дня Филиппыч закашлял. Даже не оборачиваясь, и не подходя близко, Нина Георгиевна слышала в этом кашле что-то чужое. Так, пожалуй, сам её дед своим чутким ухом слышал в двигателе чужеродный звук. Прокутив всю жизнь, он кашлял практически каждый день. Но эти звуки она знала, как свои пять пальцев, отличая и утренний кашель, и вечерний по тональности. Сегодняшний утренний ей не понравился. Уже к обе-ду поднялась температура.

По сотовому Георгиевна вызвала «скорую» и деда молниеносно увезли. «Снеговики» в белых одеждах стремительно надавали ей рекомендаций, залезли острыми палочками в нос и рот, выдали таблетки дезраствора, которым она должна промыть всё в доме. О результатах её анализов пообещали доложить и упёрли деда в неизвестном направлении.

Георгиевна сунулась было намывать полы, но потом испуганно бросила это дело. Осторожно поставила ведро и швабру за печку, подошла к иконам и стала молиться. Со слезами попросив Николу-батюшку заступиться за Филиппыча, послать Ангела-хранителя в больницу, села за телефон, звонить сыну:

— Саня, сынок! Деда в город увезли с ковидлой. Не, со мной всё нормально. Нет температуры. И кашля нет. Да нормально, говорю. Ума тоже нет. Не успели увезти, а я взялась полы мыть. Приказали с хлоркой. Дура-дурой. Чо дура-то? За покойником только вслед моют. Тьфу, ты, — бабка неожиданно всхлипнула. — Не, сынок! Не приезжай. Это я так, на себя злюсь. Конечно, худо будет, позвоню. А ты там доследи, куда его положили-то. Сотовый у него с собой.

Филиппович через часок был уже в приемнике областной больницы. Всю дорогу, чтобы отвлечься от накатывающей головной боли, слушал движок «УАЗика, на котором его везли и тихонько ругался. УАЗик по техническому состоянию был примерно равен ему, с кардиостимулятором и изношенной ходовкой. Но находящихся в брякающем нутре пятерых «ковидников» УАЗ исправно довёз в больницу.

В вестибюле приёмного покоя сидел народ: примерно половина дедовой деревни по численности. Кто-то сидел безучастно, дожидаясь, пока позовут. Какая-то женщина в сером пуховике нервно ходила возле скамеек, беспрестанно звонила друзьям, но на неё ворчали, чтобы не нагнетала обстановку. Тучный мужик ходил, тяжело дыша, от окошечка к окошечку, добивался, скандалил и всё равно сидел потом, возмущался, одышливо кашлял, задевая соседей. Старая бурятка в синем атласном дыгыле, устав, видимо, сидеть на металлической дырчатой скамейке, опустилась на пол, где по периметру проходила толстая батарея отопления. Там и сидела с непроницаемым лицом, прижавшись спиной к теплу. Мимо носились «снеговики» в защитных противоковидных костюмах, по одному, по два уводили людей из очереди куда-то в чрево больницы.

Филиппович посиживал молча. В рейсах приходилось и подольше сидеть без дела, точнее стоять. На заснеженных перевалах всякое бывало. Растележится «Фрэд-американец», соберёт пробку на перевале. По шесть, а то и больше часов как-то было, стояли.

Тех, кто здесь наводил суету, не одобрял. Бабская затея. А скандалят больше мужики. И дураку было понятно, что врачам сложно справиться с такой толпой в одночасье.

Но плохо было только, что дедов организм, кажется, сдавал. И, глядя на тех, кто ещё не уведен медиками, Филиппыч вдруг понял, что он может не дождаться своей очереди. Старый потому что.

Вначале его мелко трясло, так что зуб на зуб не попадал. И он с завистью смотрел на бурятку, сползшую на пол, так как на полу у батареи было точно теплей. Но понимал, что оттуда он со своей температурой и скрипучими коленками без помощи не встанет.

А ждать, когда его поднимут, стыдно. Да и бурятка, сидевшая там, вдруг повалилась на бок и попросту легла возле этой трубы. То ли спать захотела, то ли было ей так плохо, что хотелось прилечь неважно где.

Филиппыч унял дрожь, поплотнее обхватив себя руками. Кашель, до этого не столь частый, вдруг стал трепать с такой силой, будто внутри у деда ожил какой-то старый мотоциклишка, который никак не хотел завестись. Чёртов «движок» то совсем уже заводился, то вдруг начинал перебоить, и тело деда трясло так, будто ехал он по грунтовке на конной телеге. Отчётливо вспомнилось вдруг эта повозка. Едет он с матерью за деревню. Маленький совсем, лет, пожалуй, шести. Трясёт нещадно, а ему хочется спать. И хоть брошено на телегу накошенное сено, всё равно трясёт и трясёт. И очень хочется пить воды, которая лежит у матери в котомке. Но она не останавливается, а всё погоняет и погоняет коня. «Не спи, Петя, не спи, — просит его мать, — скоро, совсем скоро приедем». Странная она, как будто ей совсем не жарко, — думает Петька, и тянется к ней рукой, чтоб тихонько вытянуть из-под ноги котомку с водой. Мать оглядывается и вдруг Петька видит, что никакая это не мать, а «сугроб» с какими-то бумажками.

— Цыдыпова где? Где Цыдыпова? — допытывается «сугроб» у Филипповича. А он, сомлевший от какого-то банного жара, заполонившего теперь приёмный покой, и сказать ничего не может. Потому что не может понять, куда делась мать, телега с сеном, на которую он хотел прилечь. Становится совсем уж жарко, но понимает, что нужно помочь этой старой бурятке, показать, где она лежит. И потянувшись показать, сваливается туда же, к ней, понимая, что не так уж там и плохо, возле батареи...

Очнулся Филиппыч утром следующего дня, когда подошедший «сугроб» ставил ему капельницу.

Мотоцикл, который жил теперь внутри его сухого нескладного тела, так и не заводился, но периодически пробовал это сделать, и тогда кашель сотрясал Петра Филиппыча так, что казалось, даже голова оторвётся. Всеми силами старался он тогда придержать иглу, чтобы не выскочила из вены.

Коротко отзвонился жене: «Приняли, лечут. Как ты? Ну, и слава Богу. Пока не звони».

Полдня таскали по кабинетам. Делали снимки, анализы. Уложили, «привязали» к капельнице. К удивлению старика, палата оказалась двухместной. А он боялся, что будет со всей компанией из вестибюля, включая бурятку. Завалился там, на глазах у всех, стыдоба. Приступами кашля мучился кто-то, кто лежал справа. Лица его толком не было видно из-за тумбочки.

От кашля у Филиппыча, а может и не от кашля, а вообще от этой проклятой «ковидлы» страшно болела голова. Она казалась перезревшим арбузом, который уже не в силах сдерживать стихию созревшей мякоти и вот-вот лопнет. Дня четыре старик жил в каком-то странном полусне, то пропадая в какую-то яму, то появляясь на свет божий: благо лежал у окна и свет этот видел. Пока при памяти, пару раз отзвонился сыну: — Жив, лечат.

Тот, что справа, в перерывах между приступами кашля пожаловался:

— Однако, помру я.

— С чего это ты взял?

— Давление у меня, вес лишний. Это фактор риска. Сразу доктора сказали.

— Кем работаешь, что сразу поверил?

— Специалист я, из городской администрации.

— Оно и видать, специалист! Сколь лет-то тебе? Сорока нет? Где это ты наслушался, что помирать положено! Сразу видно, не шофёр! Мне приказу такого не было, например,

от старухи — помирать. Чо прикажет, то и делаю, — пытался балагурить Филиппыч, — Я, может, ишо в баню с ей мечтаю сходить.

Тот, что с фактором риска, больше не отвечал. Переждав очередной приступ кашля, Филиппыч в сердцах сказал ему:

— Значить, ты просто ссыкливый, при чём тут давление.

Наутро, когда ему капали очередную поллитру в уже одревеневшую руку, возле мужика с давлением засуетились «сугробы». Головная боль в висках бухала каменным молотом по чугунной наковальне. Петру было не до соседа. Когда капельницу унесли, он с удивлением обнаружил, что и соседа тоже нет.

— Перевели? — уточнил у медсестры, принесшей очередную порцию лекарств.

— Умер...

Пётр Филиппыч примолк. Чугунная наковальня в голове снова загудела с удвоенной силой, а сам он полетел куда-то вниз. Очнувшись, со страху зажмурил глаза: рядом с кроватью ходил ... Бог. Такой, каким он привык видеть его на картинках: с бородкой, с усами, длинными волосами и с большим крестом на груди. Глядя на Филиппыча, Бог молился. Старик закрыл глаза, вспомнил, что даже не попрощался со своей Ниной и безутешно заплакал. Кашель неожиданно прекратился, стихла боль в голове, и понял он, что умер, и не поцеловал своей старухи на прощание. Было от этого горько.

— Батюшка! Ложитесь, я вам капельницу поставлю, — вдруг прозвучало где-то рядом.

Филиппыч открыл глаза и скосил направо. «Сугроб», прихватил за руку «Бога», уложил его в свободную кровать, а потом подкатил к нему капельницу.

— В жизни не был так рад попу, как щас, — проскрипел Филиппыч. — Но я тебе точно напенделяю, как ходить начну! Ты пашто меня так пугаешь-то? Я думал, меня уж на том свете Бог встречает. Реву лежу, что старуху напоследок не потискал.

После капельницы Филиппыча слегка отпустило. Хотя, если верить медсестрам, а под «сугробами» прятались медсестры, что было хорошо заметно по приятным округлостям спереди и сзади, так вот, если верить медсестрам, капельниц Филиппыч получил уже семь штук. Он встал и попробовал пройтись по палате.

Штормит, будто по балде баллонником дали, — выставил он себе диагноз. Потихоньку, придерживаясь за головки кроватей, прошёлся по палате. «Бог» лежал бледный, закрыв глаза. На лбу вдруг выступила обильная испарина, а тело его стала трясти неукротимая дрожь.

— Это! Кто-нибудь там! — Филиппыч на своих худых заплетающихся ногах подался к двери, боясь, что не успеет. Не понравился ему батюшкин видок. Высунув лицо в коридор, он дозволялся пробегающую мимо сестру. Та, едва бросив взгляд на батюшку, стремглав убежала. Вернулись втроём. Выдернув капельницу, стали колоть уколы. Филиппыч при-тих: без него тут суматоха, а он ещё, не ровен час, в обморок брякнется.

— Почему вы не сказали, что у вас аллергия на какие-то препараты? — сурово пытал батюшку старший «снеговик». А если бы сосед ваш не успел, вы бы и умерли.

— На всё воля Божия, — слабо проговорил тот.

— Нету такой воли, без спросу умирать, — буркнул Филиппыч. Потом потихоньку прошествовал к своей кровати и, ровно складной метр, сложился там, натянув до подбородка одеяло. Происшествие с «Богом» — обнаружение его у собственного изголовья, а потом служба ангелом-хранителем уже у батюшкиной постели вымотали старика. Неожиданно для себя он уснул и почти не кашлял.

Следующий день мало отличался от предыдущего. Разве что у Филиппыча вдруг прибавилось хлопот с батюшкой. Испугавшись реакции на капельницу накануне, старый водитель стал присматривать за новым соседом. Годами тот был, конечно, моложе, а вот здоровье-то подкачало. А может дело и не в здоровье. Судя по всему, он смирился с неминуемой смертью. Поэтому в те часы, когда кашель хоть немного, но успокаивался, он, закрыв глаза, безучастно лежал на кровати, не двигаясь и пугая Филиппыча.

— Божественный? Ты не молчи там! Говори чо-нибудь, — просил Пётр Филиппович.

— Какой я божественный... Грешник убогий, — не открывая глаз, отвечал батюшка.

— Грешник, говоришь. Не закатывай тогда глаза, да не пугай меня. У меня батарейка, сердце слабое. А ты пугаешь. Раз грешник, надо жить, я слышал, у вас не полагается без исповеди уходить. Грехи, поди, тяжкие?

Батюшка долго молчал, Филиппыч завозился, и тот ответил:

— Уныние — тяжкий грех.

— Воот! А ты полёживаешь, унылый. Открывай глаза, рассказывай мне што-нить. Тебе сколь лет?

— Немного за сорок, — нехотя ответил священник. — Уже пожил. Как Вас зовут-то?

— Чо? Пожил он! Ты в два раза меня моложе. А нюни распустил! Даже меня подняли на ноги! Тебя там твои старухи в церкви ждут. Меня одна моя, да и то я переживаю. А тебя — целый табун. Да ты вперёд меня домой полетишь, только ряса будет заворачиваться. — Филиппыч разошёлся не на шутку. — Петром меня зовут, Петром Филиппычем. И я не я буду, если тебя на ноги не поставлю, или я не Пётр.

— Апостол? — первый раз улыбнулся батюшка.

— Сам ты апостол. Я — шофёр. Вот до тебя на этой кровати мужик лежал. Почти твой ровесник. Толстый такой. Начальник какой-то, я не запомнил. Не успел лечь, сразу заныл: «Помру я. У меня давление высокое». И што ты думаешь? Помер ведь!

Батюшка приподнялся и заинтересованно посмотрел на Филиппыча.

— Помер! Потому што задачу себе поставил: помереть. И ты туда же: Воля Божия. Какая воля, если эти остолопы не спросили, на что у тебя аллергия?

— Это и есть Воля Божия.

— Это у нас ещё легко болезнь протекает. Кислородную маску не дают, как другим, на полусоток. В реанимацию не волокут. Вставать, ходить чуть-чуть можно. Щас, капельницу снимут, гулять с тобой пойдем. Я тебе покажу кое-что, — доверительно произнёс старый водитель, который в моменты, когда отступали кашель и боль, совершал разведвылазки в пределах допустимых маршрутов.

После капельницы, несмотря на сопротивление батюшки, старик прихватил его под локоток и подался из палаты в коридор, где потихоньку слонялись те, кого «корона» отпускала. Двери палат в коридор были распахнуты. Филиппыч прокуренным пальцем показывал вправо:

— Видишь, старухи вокруг стола сидят, чай третий раз пьют? Вот... Чо побледнел? Мутит? От вида еды? Нормально. Скоро сам запросишь есть. Дальше пошли. Во, видишь, слева четырехместка? Клади туда самых молодых. Трех вынесли! А почему? А потому што крылышки опустили: всё, мол. А старухи чо? А старухи спорят, когда правильно рас-саду садить, в феврале или в марте. Разницу сечёшь, отче?

В палате Филиппыч заставил батюшку лечь на живот и делать дыхательные упражнения, которые им показал врач на обходе.

— Полагаю, достаточно, — устало сказал батюшка.

— Ты посмотри на него, полагает он. Ты по сколь минут кажин день молишься?

— Часами. При чём тут это?

— При том, батюшка! Это сильнее молитвы. Разработаешь лёгкие, будешь молиться и петь, что вам там полагается. Нет — сипеть будешь, и то коротко. Спишут тебя с поста. А позанимаешься, помолись-ка, отче, за наших девчат. Ох, и мучаются они с нами. Сомле-ли там в этих маскхалатах, в масках, в очках. Бедняжки...

Вспотевший, обессиленный священник упал лицом в подушку, но потом, откашляв-шись, снова занялся дыхательными упражнениями.

— Пётр, а сам-то почему... не занимаешься? — через силу прохрипел своему физмучителю.

— А мне бы курнуть. Это б дело, конечно. А попыхтеть — я ещё попыхчу. Разведаю, где бы курнуть можно, терпеть уже сил ни каких нет. Старухе позвоню, а потом пойду в разведку.

Сарделькоподобным своим пальцем сноровисто набрал номер телефона, и отвернувшись к окну, произнёс:

— Нинок! Ты как там без меня? Дрова не таскай помногу, по два-три полешка, ладно? В магазин не ходи, харчи всё одно свои все есть. Не, долго не буду, тоскливо тут. Бабы бра-вые? Есть, куда им деваться. Бурятка одна особо приглянулась, бравенькая, так бы и бро-сился бы на неё! Нин, конечно, шучу. Только курить охота. Ладно, не ворчи.

Довольный, прицепил сотик на зарядку, и чему-то улыбнулся в окно.

— Вот так, отче! Нина меня дома ждёт. Некогда залёживаться. Всем ливером чую, — скоро выпишут! Есть захотел, а это великое дело!

И впрямь, утром следующего дня Филиппыча предупредили о предстоящей выписке. Сводили на снимки. Правда, через часик забежала очередной шуршащий «сугроб» и стала пытаться, где его документы.

— Моё дело шоферское — куда путевку выписали, там и лежу. А накладные мои где-то у вас.

«Накладные» никак не могли отыскать. К поискам присоединился сам Филиппыч. При-шёл довольный:

— Чо ты думаешь, батюшка? Мои документы сразу при поступлении забросили в каби-нет, где мёртвых списывают. По возрасту решили, что залечат, и для облегчения работы все документы старичья в мертвецкий кабинет, — рассмеялся он, сверкнув стальными зубами с правой стороны. — Не на того напоролись! А тебя, батюшка, на снимок тоже требуют. Иди бодренько. Выше клюв, победа будет за нами!

Выпытав у батюшки, что показал снимок, старик успокоился. Хоть и медленно, но у ба-тюшки тоже шло на улучшение. Старый шофер записал номер сотового своего «Бога», сделал ему напоследок строгое внушение относительно уныния, и, помявшись неловко, заговорщицким шёпотом спросил:

— Ты мне, отче, скажи, как мне бабку в рай пристроить? Чо сделать, штобы попала в хорошие условия, а? Не сейчас, конечно. А на перспективу? Я-то точно попаду в ад. Ру-гался, курил, выпивал, знамо дело. Собак брошенных подбирал, правда. Голодных кормил, когда подвозил.

А она у меня — чистый ангел. А там, можа, какая тонкость есть, раз, — сделаешь это и в раю? Жалко будет, если она в преисподнюю. Она ж, такая. Как тебе сказать... Э..., не поймешь ты, батюшка... Да она меня и не бросит, поди. Скажет, меня к Петру моему. Чума!

Пока, батюшка... Помолись потом за неё, да и за меня, если случай такой выпадет.

НА МОРЕ-ОКИЯНЕ

Зима, упав нынче добрым снегом к началу декабря, выдалась мягкая, безветренная и со смешным, по нашим меркам, морозом. Всего под двадцатник. Иду потемну домой и вдруг под скрип унтов возвращаюсь в декабрьские вечера моего детства, которые были хоть и лютые по морозам, но такие согреты домашним теплом.

Вечер. Валяюсь на кровати, прижавшись боком к печке-спасительнице. Дом у нас вечно холодный, потому что огромный, переделанный из старого клуба. Пока печка топится — тепло. Недаром зимой, в самые лютые морозы, заносили «буржуйку». Ревматически изогнутое колено ее трубы запускали в дымоход отогреться, и печка шумно гудела, пожирая листвяк, опасно пламеня щеками. И первое запомнившееся слово «жижа» (горячо) — было именно об этой зимней спасительнице.

Лежу у большой печи, полируя ее спиной. Листаю очередное сокровище из библиотеки. Мама дверь на крючок не закрывает: «Поди, бабушка придет». И точно: ближе к восьми, а то и девяти вечера приходит моя бабулька. Шаль в куржаке, брови в инее.

— Ох, и стууужа! — выдыхает. Мороз, тискавший бабушку всю дорогу, обессиленно упал на пол клубком пара и потерялся в углах дома. Бабушка, сбросив верхонки у порога, сразу садится к печке спиной. Мама, уставшая и ещё толком не согревшаяся после работы, вздыхает:

— Охота тебе идти по морозу.

— Да одной неохота ночевать, — виноватится она. — Думаю, может, ночлежницу свою сомушшу... — бабушка смотрит в мою сторону, и я запоздало пытаюсь принять сонный вид. Мама, взглянув на меня, тут же «сдаёт»:

— Не, не спит, токо и знат шуршать книжкой! Подсобирывайся пока. Мы с мамой чай поьем.

Мама наливает чай, пододвигается к столу сама, и бабушка присоединяется, нехотя отлипнув от печкиного бока. Попив накоротке чаю и обговорив домашние новости, бабушка начинает на меня поглядывать: я ведь могу сыграть смертельно уставшую и засыпающую внучку.

— Пойдееём, у меня тёпленько, не то што у вас, и молоко топленое, с пенками.

— На улице стужа, баб! — ломаюсь я, хотя коричневые пенки — весомый аргумент, против которого я точно не устою.

— А я ж не одна, я с пальто! — она действительно вошла в дом с пальто, накинутым поверх фуфайки. Сейчас оно, безвольно раскинув рукава, блаженно греется на спинке стула у печи.

Нехотя начинаю собираться, глядя на маму, которой и меня жалко, и бабушку, тащившуюся за мной по холоду. Мало-помалу принимаю своё обычное состояние (которое бабушка характеризует «соловей в попе, петь не поёт, и сидеть не дает»). За пять минут, натянув на себя всякие «теплушки», подхожу к бабушке. Та надевает поверх моего пальтеца свое пальто. ООО! Это не пальто, а сказка. Оно длинное, до пола, из черного драпа, на вате. Не на вшивеньком, продуваемом ватине, а на вате. Лет этому пальто, наверное, двадцать, а то и тридцать. И венчает эту цитадель тепла воротник. Не крошечный лоскуток из «чебураш-ки», как в моем пальто, а массивный Воротник, прикрывающий и плечи, и часть спины. Он из котика, если верить бабушке. Мне жутко жаль этого «котика». Наверное, это не котик, а котяра, судя по размерам! Но он так ласково льнет к щекам и подбородку и не колет, в отличие от маминой шали, которую она называет «под вид пуховой». Обожаю этого Котика! Пока идем к бабушке, он даже не успевает нахолодиться от мороза и просто ластится к лицу,

погреться моим паром изо рта. Сверху моего теплого платка меня еще и завязали и перепоясали маминой шалью.

Мы выкатываемся из ворот, как два колобка. Тени от фонаря причудливо нас растят сначала до обычного человеческого роста. А потом и вовсе в великанов, и мороз становится не таким страшным. Хотя он такой, что провода жалобно воют на столбах какую-то их нескончаемую песню. Снег скрипит и скрипит под валенками. Я иду, как в теплом шалаше, придавленная пальто. Со стороны вижу, что бабушке холодно:

— Баб, ты не замерзнешь без пальта?

— Нее, доча, у меня кухвайка теплая и шаль! — как можно бодрей отвечает бабушка и почаще семенит ногами. Я тоже бодрей начинаю перебирать ногами в своем шалаше. Она, чтобы отвлечь меня от лютой стужи, говорит:

— Щас бы шли-шли — раз и кукшин нашли! С золотом! Чо бы мы с ём сделали?

— Купили бы шоколадок!

— Нее, доча. Мы б уехали туда, где тёпло! Там все время трава растет. Косить её будем!

— И купили бы заправдишную пуховую шаль маме, чтоб ей не холодно было на работу ходить!

Продолжая транжирить свалившееся на нас богатство, доходим до бабушкиного дома, прикрывшего уже глаза окон ставнями. Дом её — шестой по счету от нашего, но эта зимняя дорога, попутная Млечному пути, откуда нам подмигивали озябшие звезды, казалась мне такой длинной!

Кое-как дотащив на себе это пудовое пальто, я вваливалась в дом. Холодным стожком стояла у порога, пока бабушка, включив свет, не начинала меня распаковывать. Расстегнув, развязав, раскутав, усаживала на кровать, и дальше я уже сама сдергивала с себя свои одежды.

У бабы, правда, куда теплей, чем у нас! Домик махонький, но тёплый. По пути к столу бабушка задвигает вьюшку в печке — протопилась уже, торкает вилку чайника в розетку. Перед сном мы выпиваем еще по кружке чаю, с топленым молоком, до которого я с малолетства охотница из-за шоколадно-коричневых пенок. Нагло выловив пенку, съедаю её, запив чаем. А потом — на печку. Ставни закрывают домик от порывов ветра и назойливого гудения проводов, и печка — самое то после нашей прогулки! Раз уж бабушка привела, то значит, просто обязана разрешить мне там спать! На чувал сначала кочуют мои валенки, прогреть промерзшие подошвы и смотреть тёплые сны...

А бабушка рада-радёхонька «ночлежнику». Подставив табуретку, потушив свет, кряхтит и гнездится рядышком на старую шубу. Вот он этот момент, за который можно простить и 40 градусов мороза, и даже полуночное шатание по улице! Дедова шуба топит нас в запахах зимы, дров, дымка. От начавшихся прогреваться валенок всю уже несет прелым духом растаявшего снега и шерсти. Сковородки, засунутые в нишу над плитой, добавляют шкварочный дух, от которого скорей хочется утра с горячими блинами.

Я, отдышавшись от запахов, начинаю канючить:

— Баб, расскажи сказку...

— Ой, доча, да я пристала.

— Но хоть маленечко, баб!

Бабушка сдаётся и начинает, уютно придвинув меня к себе:

— На море-окияне, на острове Буяне, не на небе, на земле, жил старик в одном селе. Было у него три сына. Старший умный был... детина... средний... — дыхание бабушки успокаивается, а потом и вовсе теряется в завитках шубы.

— Баб! Чо дальше-то? — терблю я ее за плечо.

Встрепенувшись, бабушка заводит снова да ладом: «На море-окияне, на острове Буяне, не на небе, на земле ... жил старик в одном селе... Было у него три сына. Старший умный был... Дальше третьего сына мы с ней не уходили и обе счастливо засыпали. По ночи уже бабушка уходила от меня на свою кровать, дать отдых нагретым косточкам.

ПРОЗА ТЫВЫ

ЮРИЙ ДАРБАА

Приведенный ниже рассказ в авторском переводе на русский язык «Дирилген чурук» в 2025 году занял второе место в номинации «Перевод прозы» на Всероссийском литературном конкурсе Союза писателей России «Твои защитники, Россия», посвященном Году защитника Отечества.

ОЖИВШИЙ СНИМОК

Иконку, что размещалась в восточном углу большой комнаты, тускло освещала свеча. В таком свете было плохо видно лицо Стецюры, сидевшего на диване. Хозяин дома проти-рал тряпкой фоторамку размером с тетрадь. Когда он двигался, его тень то увеличивалась, то уменьшалась.

В это время послышался лай собаки. Затем он плавно перешёл в вой.

— Тьфу, проклятая собака, зачем воет? — заворчал Стецюра. Он хотел узнать, откуда доносится собачий вой, потому и замер на одном месте на несколько секунд. Из-за лесного шума невозможно было точно определить источник звука. «Сдается мне, что собака далеко, возможно, в конце села», — подумал он.

Стецюра встал с дивана и подошёл к свече. В её тусклом свете посмотрел на фотографию в рамке и заулыбался:

— Эх, орлы! Ещё раз увидеться бы нам. Детей бы познакомили.

Как только он произнёс эти слова, язык свечи взметнулся так сильно, что на мгновение в комнате стало светло. Жена Стецюры тут же присела на колени и начала спешно молиться. Затем, еле встав с места, пробормотала:

— Плохие времена наступили. Детям незачем возвращаться домой. Чёрные силы пришли в эти места.

— Попридержи язык, баба, не говори плохого, — громко сказал Стецюра, затем поставил рамку с фотографией на стол, что стоял возле дивана. — Скорей спать, уже за полночь! Что-то мне не по себе от собачьего воя. Думаю, до Рождества всё равно успеем убраться в доме.

Тут же снова завyla собака:

— У-уу-у-уу!

Перед сном Стецюра решил глотнуть свеженькой водицы и пошёл в тёмную кухню. На пол с треском упала посуда с ложками да вилками и раздался крик хозяина:

— Ну что же я, как будто слепой!

Через непродолжительное время он вернулся в комнату и почему-то со стопроцентной уверенностью сказал:

— Значит, будут нежеланные гости.

Супруги легли спать. Как всегда, сразу не уснёшь: в голову приходят разные мысли. Да, в селе есть российские военные подразделения, но украинские диверсанты также не дремлют.

Пока молча лежали, размышляя каждый о своём, свеча в большой комнате вдруг погасла. На фоне повисшей тишины и темноты ещё отчётливее стал слышен протяжный собачий вой. Ощущение было не из приятных.

Стецюра поднялся с кровати, решительно сказав себе: «Не дам погаснуть свече в канун Рождества». Но жена, как будто чего-то боясь, вцепилась и не отпустила его. Стецюра не стал сопротивляться — снова лёг.

Пока хозяева лежали, тихонько постучали в дверь: «Ток-ток!» «Кто это? Что за ночные гости? Может, это Лёшка? Если он, то почему ночью?» — примерно такие вопросы промелькнули в голове Стецюры. Как-то тревожно. Старик несильно толкнул жену локтем, та тут же ответила.

Снова стук!

Стецюра снова начал вставать с кровати. И в этот раз жена схватила его за руку. Он всё-таки вырвал руку и осторожными шагами подошёл к двери.

— Кто там?

— Свои люди, — послышался спокойный голос.

«Раз уж спросил, надо открывать», — с тревогой подумал Стецюра.

Было слышно, как он открыл дверь. Почти сразу кто-то с грохотом упал на пол. «Нет, это не Лёшка», — решила хозяйка и тут же вскочила с кровати.

Один из вошедших включил фонарик на шлеме. Он же резко поднял лежащего старика за руку и с силой втолкнул в соседнюю большую комнату. Стецюра упал возле жены. Она уже сидела на коленях и умоляла не трогать их со стариком ради Бога.

В это время Стецюра почувствовал резкую боль в спине: наверное, поранился. Он еле успел встать, как свет фонаря остановился на его лице. Старик хотел отвести глаза, в это мгновение кто-то сильно удалил его между левыми рёбрами. Стецюра снова вскрикнул от невыносимой боли и с треском упал на пол. Кто-то из врагов несколько раз пнул лежавшего в живот, в лицо. Старик, с трудом переводя дыхание, лежал, свернувшись клубком. По еле заметным движениям тела было понятно, что он жив.

— Сынки мои, пощадите нас, пощадите! — плача, умоляла хозяйка.

Состояние старика говорило о том, что он не встанет на ноги. Лицо его было окровавлено.

— Что, собаки, весело вам при русских? — спросил кто-то из врагов сурово.

— Нет, сынок, нет! Мы, бедненькие, даже из дома не выходим. Да и они к нам не ходят, — сказала хозяйка.

— Есть штаб москалей в селе?

— Не знаем, сынок, правда — не знаем. Они нам не нужны, видит бог. Не трогайте, пожалуйста, нас! Мы старые, больные граждане Украины!

После крика: «Не ври, старуха!» — кто-то из стоявших нанёс женщине сильную пощёчину. Она также упала на пол, лежала, как и муж, и не могла встать. Муж, еле живой, попытался протянуть ей руку помощи.

Тем временем человек с фонарём начал осматривать дом. Подошёл к домашнему алтарю. Он что-то промотал на своём языке и резким движением ударил иконку. Как только она упала на пол, сильно пнул ногой. Было слышно, как иконка под диваном ударилась о плинтус.

Свет фонаря осветил деревянную рамку на столе. Солдат с фонарём на лбу подошёл к столу. Затем взял рамку в руки и начал рассматривать фотокарточку.

Хозяева дома от боли стонали на полу.

Солдат с фонарём рассматривал снимок чрезвычайно внимательно. Это заметил один из незваных гостей — высокий худощавый парень — и подошёл к нему. Мельком взглянул на фото и с пронзительным криком: «Москали!» — ударил по руке сослуживца. Рамка упала на пол, послышался треск разбившегося стекла.

Свет фонаря снова упал на Стецюру. Тот, кто рассматривал фотокарточку, ещё раз внимательно посмотрел на его лицо. Затем, подняв валявшуюся рядом табуретку, сел на неё. Он замолк, как будто что-то вспомнил. Вдруг начал шарить по своим нагрудным карманам. Но так же быстро перестал, махнув рукой.

В это время его товарищи носились по дому: открывали холодильник, который давно не работал из-за отсутствия электроэнергии, кухонный шкаф. Собирали еду, тёплые вещи.

Вдруг один из них, схватив руку женщины, потащил её в спальню. Стецюра попытался удержать жену.

— Ne érintse meg! — крикнул сидевший на стуле.

Было слышно, как её отпустили. Женщина, вцепившись в мужа, продолжала умолять:

— Прошу, не трогайте нас!

Она всё плакала и плакала в надежде, что враги их пощадят. Стецюра, корчась от боли, понял, что среди мучителей как минимум двое — венгры. Наёмники.

Сквозь слепящий фонарный свет он разглядел, что один из «гостей» направил дуло автомата на хозяев дома.

— Не стреляйте! Не надо шума! Выходим! — вдруг хрипло крикнул по-русски тот, кто сидел на стуле. Затем сильно закашлял. Все потянулись к выходу. Сидевший осветил разбитую фоторамку, встал, взял её в руки и ещё раз внимательно осмотрел.

— Miért bámulod a képet. Siess, menjünk! — недовольно крикнул тот, кто тащил женщину.

Солдат, внимательно рассматривавший снимок, ещё раз направил свет фонаря на трясущееся лицо Стецюры. Смотрел на него так, будто искал что-то знакомое. Потом решительно пошёл к выходу.

Когда незваные гости ушли, в доме наступила тишина. Первой встала жена, она не переставала плакать. Всклипывая, подошла к мужу, подняла его и, еле живого, усадила на диван. В шкафу быстро нашла спичечный коробок. В свете спичек нашарила свечу, валявшуюся на полу, и зажгла её. Комнату озарил тусклый свет.

Женщина вооружилась шваброй и из-под дивана кое-как вытащила икону. Чистой тряпкой бережно протёрла домашнюю святыню, не забыв адресовать слова проклятия врагам: «Пусть дорога будет закрыта этим сатанистам!»

В сердцах четы Стецюр с новой силой закипела ненависть к украинской армии. Старик да старуха, взявшись за руки, прихватив с собой икону, осторожно, преодолевая боль, спустились в подвал дома. На самом деле, кто даст им гарантию, что эти двуногие черти не вернуться снова?

Первые дни 2023 года. Луганская Народная Республика. Сватово-Кременное направление специальной военной операции российской армии.

На этой большой территории сосредоточены три десантно-штурмовые бригады, четыре механизированные бригады, две бригады территориальной обороны, иностранный легион наёмников, 43-я артиллерийская бригада украинской армии. Все они в эти дни намерены отбить у российской армии города Кременная и Сватово. Поэтому и не дают покоя российским мотострелкам — «отважным» Центрального военного округа, добровольческим подразделениям «БАРС» и «Ахмат». Особенно страшны артобстрелы: они наносят большой ущерб

и сельским постройкам, и мирному населению. Но российская сторона в долгу не остаётся, всегда даёт достойный отпор.

Село Диброва расположено на западе города Кременная. Их разделяют всего несколько километров. А между ними есть ещё одна деревушка, состоящая из единственной улицы, — Кузьмино. Для фронта это стратегически важная территория.

Диброва находится на передней линии соприкосновения. Вот уже три месяца российские войска отважно защищают село от украинских подразделений. Враг на этой территории потерял много своих солдат. Но и у российской стороны есть невозвратные потери.

Перед Новым годом вблизи Кременной появилась Псковская десантно-штурмовая бригада воздушно-десантных войск России. Тем не менее оперативная обстановка на этом направлении оставалась напряжённой.

3 января. Штаб Верховного главнокомандующего Украины. Он «упрятан» в центре Киева, на станции метро «Арсенальная», на глубине ста метров.

Большой бункер, где часто собираются командующие, снаружи обставлен мешками с песком. На станции почти темно, некомфортно. В самом бункере ничто не напоминает о войне. Светлый, тёплый кабинет обставлен дорогой мебелью. На противоположных сторонах есть двери. Позади рабочего стола президента Зеленского за невысокой дверью находится его комната отдыха.

Несколько групп людей, негромко общаясь между собой, ждали появления главы государства. Говорили в основном о ситуации в стране. Никто не обращал внимания на карту, которая лежала на длинном столе. Только главнокомандующий Вооружёнными силами Украины генерал Залужный часто поглядывал на часы, будто куда-то торопился. Между тем президент вышел из комнаты отдыха. Смело шагая, пощупал кончик носа. Затем, поздоровавшись с каждым из присутствующих отдельно, пригласил всех садиться.

Первым делом обсудили сложную ситуацию в Бахмуте. Решили ни за что не отдавать хорошо укреплённый город. Только Залужный ничего не сказал. Это заметил Зеленский. И нагло приказал Залужному завтра же взять город Кременную.

— Пока внимание России и её войск сконцентрировано на Бахмуте, может, нам освободить Кременную? Разведка докладывает, что обстановка благоприятная. Если мы добьёмся этого, откроется дорога на Северодонецк и Лисичанск. Ведь так? — сказал президент и посмотрел на Буданова. Начальник Главного управления разведки Министерства обороны согласно кивнул головой в знак поддержки президента.

Залужный посмотрел на Буданова недовольным взглядом. Генералу не понравилась задача, которую поставил Зеленский. Он-то знает, что Кременная — важный объект. Но защита Бахмута в данный момент так же важна. Этого требует от военных и сам Зеленский. Из разных военных формирований, которые отправил туда президент, Залужный хотел сделать несколько боеспособных бригад. Получалось не очень успешно. Вот чем в ту минуту была занята голова боевого генерала.

Из-за Кременной не стал он спорить с Зеленским и согласился с предложением главы государства. «На самом деле на этом направлении есть неплохие воинские подразделения. Ведь и русские устают, им также непросто воевать с нами. Всё-таки усилим натиск на врага», — успокаивал себя генерал.

Под конец совещания Залужный доложил Зеленскому, что подготовлен очередной отчёт главе Объединённого комитета начальников штабов США. Тот не захотел даже услышать содержание документа — просто махнул рукой:

— Отдай им!

Он так и не узнал из отчёта, что кроме Бахмута очень сложная ситуация сложилась на Сватово-Кременном направлении: российские войска не дают продвигаться.

Через несколько дней в газете New York Times вышла статья о воюющей под Кременной 43-й украинской артбригаде. Там в основном были описаны её страдания.

4 января. Село Диброва. Ранее наступление врага на село в очередной раз захлебнулось. Сотне с лишним украинцев не помогли даже три танка и пять «Брэдли». Когда российская артиллерия, ПТУРЫ и FPV-дроны дружно ответили, враг менее чем за час понёс значительные потери в живой силе. Отступая, украинцы даже не брали своих раненых и мёртвых. Те, которые остались живы, ушли в Торск через лес, что южнее Дибровы. Но за ними наблюдала российская аэроразведка. Периодически на лес обрушивались ракеты РЗСО, пробивая красным огнём утренние сумерки.

После боя количество разрушенных и обгоревших домов заметно увеличилось. Правда, некоторые дома остались целы.

В Диброве установилась тишина. Началась переключка в подразделениях, а затем укрепление боевых позиций. В это время солдаты и офицеры, находившиеся в окопах, наконец-то получили возможность перекусить сухим пайком. Людям, которые утром не успели поесть, еда, пусть даже это были сухари, показалась очень вкусной.

Солнце поднималось высоко. В это время был объявлен сбор офицеров гвардейского десантно-штурмового полка.

Командир войсковой части полковник Мицкевич, здоровенный мужик, стоял возле кирпичного дома без одной стены. Когда собрались командиры подразделений, он объявил, что прямо сейчас получен приказ об участии полка в защите объекта № 7. Все знали, что это село Шипиловка, которое находится за большим сосновым лесом. По лицу полковника было видно, что разговор со штабом состоялся непростой. Да, командир не хотел уходить из села, пусть даже временно.

Полковник, посмотрев на офицеров, скомандовал:

— Гвардии капитан Шалык!

— Я, — ответил молодой азиат среднего роста и стал по стойке смирно.

Посмотрев на него, командир сказал:

— Иди за мной. Остальным разойтись, готовьте подразделения к выдвижению!

Сам зашёл в дом через разбитую стену. Шалык шёл следом. Мицкевич поднял стул, лежавший на полу, вытер рукавом и, сев на него, сказал:

— Вижу, как грамотно воюешь, капитан. Молодец!

Затем, посмотрев на Шалыка, произнёс:

— С ротой останешься в селе. Будете помогать «барсам». Задача — удержать село до нашего возвращения. Капитан, ты же знаешь: врагам нужна улица Чкалова, которая проходит через Диброву.

Полковник посмотрел в сторону упомянутой улицы.

Приставив руку к шлему, Шалык ответил:

— Слушаюсь, гвардии полковник!

Тем не менее опытный командир «прочитал» на лице молодого офицера немой вопрос: «Почему именно нас?»

— Я тебе верю, капитан, — спокойно сказал полковник. — Бойцы твои также опытные.

Капитан понимал важность задачи. «Украинцы не оставят попыток взять село. По улице Чкалова до Кременной несколько минут быстрой езды. Перед ними поставлена задача взять населённый пункт. Значит, нам нужно держаться», — подумал он.

В тот момент полковник встал с места и подошёл к Шалыку. Посмотрев в его лицо, крепко пожал ему руку.

— Это приказ сверху. Работай, брат! В случае чего береги солдат и себя. Не забывай: мы с тобой запланировали у тебя на малой родине отведать тувинской баранины!

Затем Мицкевич посмотрел на водителя-прапорщика и кивнул ему головой на «Тигр». Водитель быстро, как пуля, сбегал в машину и оттуда вернулся с коньяком, хлебом и небольшими стопками.

— Шалык, Диброва — моё родное село, — сказал полковник и на мгновение замолчал. — Это мой отчий дом, — и снова замолк. — Парнишки с одной улицы, повзрослев, воюем на двух разных сторонах. В детстве играли в войну, а теперь эта детская шалость превратилась в настоящие бои. Наверное, накаркали. Сегодня утром на моих глазах расстреляли родимый мой дом. Эх, жаль, что у нас нет возможности остановить голыми руками летящий снаряд. Вот посмотри, я вырос на этой кровати, сейчас на ней лежат разбитые кирпичи. Никогда не думал, что наступят такие времена. Родители до военной операции, почувстввав неладное, отправились на землю предков — в Беларусь. Ныне временно проживают в Гомеле. Они, бедненькие мои, в детстве видели ужасы войны. Я бы не хотел, чтобы они снова оказались в аду, — пряча своё лицо от Шалыка, тихо сказал Мицкевич.

А потом вдруг промолвил решительно:

— Когда наступят спокойные времена, заново отстрою отчий дом. Он будет ещё красивее!

— Пусть государство отстроит за свой счёт, — ляпнул водитель, обычно всегда немногословный.

Полковник посмотрел на него недовольным взглядом. Тот сразу понял, что не то сказал, и поспешил извиниться:

— Простите, товарищ полковник!

Шалык понимал, с каким трудом даются полковнику эти слова. Потому и слушал его молча. Через какое-то время полковник посмотрел на улицу Чкалова через открытую часть дома и произнёс:

— Видите тот большой дом? Слава богу, он ещё целый. Это дом моей сестры Натальи и зятя Михаила Стецюры. Накануне они были дома. Сегодня утром, после наступления врагов, заглянул в дом. Не было их. Было видно, что заходили бандеровцы. Мне пришлось покинуть дом, когда срочно вызвали в штаб. На душе неспокойно. Не знаю, живы ли они. Ты посмотри, пожалуйста, — и долгим взглядом посмотрел на Шалыка.

В этот момент прапорщик наклонил небольшой стол, и всё, что было на нём, шумно упало на пол. Полковник грозно глянул на прапорщика, но промолчал. Сел опять на стул. «Эх, крепкий ещё стульчик!» — подумал он. Между тем прапорщик открыл бутылку, до краёв наполнил стопки и подал офицерам.

— Знаю, что не употребляешь спиртного. Но всё-таки давай выпьем хоть по стопке, Начын Баадырович.

И мягко добавил:

— Извини, что в таких условиях принимаю в родительском доме. Если бы не эта военная операция, наверняка не зашли бы сюда. Так что ты был первым в доме, где я вырос.

После этих слов было невозможно не выпить. Опустошив стопки, офицеры несколько секунд стояли и молчали. Установившуюся тишину нарушил Мицкевич:

— Ладно, нам нужно идти.

— Так точно, товарищ гвардии полковник. Дом Вашей сестры обязательно проведем, Алексей Константинович.

Полковник посмотрел на бутылку и сказал:

— Решай сам, что с ней делать.

Затем крепко обнял Шалыка. После его объятий Шалыку пришлось поправлять свой бронжилет, который так хорошо сидел на нём.

«Стецюра. Стецюра? Вроде знакомая фамилия. Где я раньше слышал эту фамилию?» — молча размышлял Шалык.

Солнце стояло ещё высоко. До этого десантники снова подлатали позиции, доснабдились боеприпасами. Шалык через бинокль вдоль и поперёк рассмотрел территорию села, видные места лесного массива. Вроде тихо.

Капитан не забыл данное командиру полка слово. И не стал в долгий ящик откладывать задание. Шалык решил посетить двор Стецюр. С собой позвал лейтенанта Елагина, рядовых Тополя, Бершова, Апикова, Тахана и Белобородова. Последним трём приказал взять ПТУР и четыре ракеты для него. Потому что Шалык недавно научился хорошо стрелять из этого меткого оружия. Когда выходил на боевое задание, всегда брал с собой расчёт ПТУРа. Он никогда не бывает лишним в зоне вооружённого конфликта.

Шалык приступил к выполнению задания командира полка.

В случае боевых действий дом первым попадал под обстрел, так как стоял на западной окраине села. Он опоясан палисадником. Видно, что на территории усадьбы проживают хозяйственные люди: ни одной ветхой постройки, дом большой, под крышей его окольцовывает красивая деревянная резьба. Сложные узоры покрашены белой краской, а стены дома голубого цвета. На голубой поверхности видно немало «ран» от крупнокалиберных пуль. Они портят красивый вид усадьбы. Во дворе — деревянный сруб бани, хозяйственные постройки и плодовые деревья.

Шалык оставил Тахана и Белобородова снаружи дома. Поднявшись на крыльцо, обернулся к солдатам и двумя пальцами показал на свои глаза. Они кивком дали знак, что поняли командира.

Солдаты автоматически начали устанавливать стол ПТУРа на скрытом от врага месте. Закончив, через бинокль стали рассматривать противоположную сторону, откуда могли появиться «укропы». Их также интересовали пункты наблюдения врага.

Шалык и его команда сразу увидели в доме беспорядок. Заметны следы рукоприкладства в отношении хозяев дома. «Враг всё-таки был в доме. Это может быть диверсионная группа», — подумал Шалык. Но видно, что взрывчатые вещества не использовались.

Капитан машинально направился к северному окну. Сделав несколько шагов, увидел на полу разбитую фоторамку. Было видно, что разбили специально. Шалык хотел её перешагнуть, но вдруг его правая нога зависла над рамкой. Кругом в один миг установилась тишина. Глаза остальных остановились на командире. Что увидел капитан в рамке, почему замер?

Шалык, медленно опустив ногу на пол, наклонился. Начал рассматривать внимательно. Почему-то ему показалось, что он раньше видел эту фотографию. Взяв рамку в руки, через осколки ещё раз попытался рассмотреть снимок. Затем потряс рамку. Разбитые стёкла упали на пол. Шалык вытащил снимок. На него смотрели три солдата Советской армии. Один из них очень похож на отца. И через какое-то мгновение пришло озарение: «Да-да, эта фотография есть в дембельском альбоме отца! Это мой отец!»

Он посмотрел на солдат с улыбкой и сказал:

— Представляете, эта фотография есть у нас в семье!

Шалык поднёс фотографию поближе к лицу и ещё раз рассмотрел. Он не верил своим глазам! В это время солдаты расслабились, заулыбались. Кто-то подошёл к капитану, чтобы посмотреть на фото.

Действительно, на фото был отец Шалыка и его армейские друзья: украинец Стецюра и венгр Батори! В памяти Шалыка всплыл текст на обратной стороне снимка, лежавшего у них дома.

Капитан вспомнил: однажды бабушка, которая слыла в округе ясновидящей, увидев эту фотокарточку, вскрикнула: «Да эта фотография живая!» Затем добавила: «Сын сильно её любит, наверное: часто рассматривает». Тогда Шалык был совсем пацаном, тем не менее он запомнил слова бабушки. Позже он не раз разглядывал это фото. Но ничего «живого» там не увидел. Фото как фото.

Да, отец Шалыка часто вспоминал своих сослуживцев. Особо отмечал Стецюру как трудо-голика. Когда тот брался за работу, забывал даже про сон. А Батори был смышлёным. Шалык вспомнил, как отец говорил, что за время службы научил Батори азам тувинского языка.

«Значит, это дом друга моего отца — Стецюры. Но где же хозяева? Нужно хорошо осмотреть дом и двор, может, где-то прячутся», — подумал он. Затем перевернул фотографию. А там действительно была надпись: «Я, Баадыр Шалык, Виктор Батори. 1983 год». Шалык, чтобы убедиться, ещё раз прочитал предложение.

— Бойцы, хорошо осмотрите двор. Хозяева, возможно, где-то поблизости. Рядовой Тополь!

— Я!

— Ты осмотри подвал!

Шалык положил карточку на стол и снова уставился на неё.

Через секунду послышался крик Тополя:

— Нашёл подвал!

Когда к нему подошёл Шалык, солдат сидел на коленях и кричал в тёмный подвал:

— Есть там кто?

Никто не ответил. Тополь поднял глаза на капитана:

— Вроде безопасно, — и начал спускаться по лестнице. Тут же включился фонарь, висевший на его груди. Через какое-то время боец крикнул, что внизу прячутся двое людей. Шалык наклонился и, вглядываясь в темноту, увидел, что Тополь помогает подняться с раскладушки мужчине. Послышался женский голос, обращённый к солдату:

— Тихо, тихо!..

Немолодой мужчина кое-как вставал.

У капитана стало легче на душе. «Предчувствия командира оправдались», — подумал он.

Пока солдаты помогали хозяевам дома выходить из подвала, Шалык успел заглянуть в северное и восточное окошки. «Отсюда село хорошо просматривается», — подумал он.

Как только Бершов убрал всякий хлам с дивана, его сослуживцы бережно уложили мужчину. Старик хрипел и дышал с большим трудом. «Болеет астмой», — сделал вывод Шалык. Его взор остановился на лице хозяина. Да, есть в этих чертах что-то похожее на одного из двух солдат на старой фотокарточке. Только вот морщин на лице многовато, да совсем седой он. По сравнению с женщиной он более худощав, а плечи опущенные.

Жена укрыла мужчину тонким одеялом. Он уставшими, глубоко запавшими глазами указал жене: «Сядь!» Она, подвинув ноги мужа к стенке, села рядом.

Так хотелось Шалыку начать расспрашивать мужчину! Но сдерживал себя: мол, не торопись, пусть поудобнее расположатся старики. Он даже успел сменить старую дату календаря, висевшего на уровне его глаз, на новую — 4 января 2023 года.

Наконец глаза мужа и жены остановились на офицере. Они готовы слушать Шалыка. Тут же прозвучал первый вопрос:

— Это ваш двор?

— Да, наш.

«Точно, Стецюры», — констатировал себе Шалык. Но всё же спросил:

— Как фамилия?

— Мы Стецюры, — быстро ответила женщина.

«Подтвердили сами», — подумал Шалык, и на его лице появилась улыбка.

— Мы за Россию! — добавила женщина. — Полковник Алексей Мицкевич — мой родной брат.

— Мы его бойцы! — не удержался лейтенант Елагин.

После таких слов Стецюры как будто успокоились.

Меж тем Бершов подал хозяевам дома сухарики и чай из фляжки. Когда солдат отошёл, Шалык тут же спросил:

— Стецюра, вы же родом из Тернопольской области?

Старик, который не ждал такого вопроса, оцепенел. Его глаза останавливались то на Шалыке, то на солдатах, то на жене. «Откуда они это узнали? Не думаю, что сказал Лёшка. Может, эти люди — шпионы Киева? Если так, то почему он азиат? Что они хотят от нас узнать? Ведь даже Украине мы ничего плохого не сделали. Если обмануть? Нет, не надо, неудобно. Всё-таки обо мне они что-то знают», — раздумывал Стецюра. Затем неохотно признался:

— Да, я из этой области.

Шалык вновь заулыбался, ведь именно такого ответа он от него и ждал.

— Мы вас хорошо накормим, а пока угощайтесь, пожалуйста, хоть сухариками, — сказал сидевший молча и наблюдавший за стариками Елагин.

«Могут ли мои слабые зубы откусить хоть кусок от вашего сухого хлеба», — с сожалением подумал Стецюра.

Шалык вспомнил: отец как-то говорил ему, что во время службы в армии рисовал своим друзьям эскизы наколок на предплечье. И спросил:

— Можно посмотреть ваше предплечье?

Стецюра тут же по-детски потянул к лицу одеяло.

— Не бойтесь, я только взгляну.

«Что такое? Ну и вопросы у азиата. Почему она не говорит, что мы за Шойгу?» — и посмотрел на жену. Та сидела спокойно.

«Ладно, куда деваться, придётся показать. Только вот как-то неудобно показывать побитую руку», — подумал Стецюра и неохотно протянул Шалыку левую руку. Жена тут же вскочила с места, расстегнула пуговицу и бережно закатала вверх рукав тёплой сорочки мужа.

Шалык сразу заметил тёмно-синюю руку старика. Но в тот момент его интересовало предплечье Стецюры. Там был рисунок: поднимающаяся ввысь космическая ракета и надписи на боковых лентах: «Космодром Байконур. 1981–1983». Надписи были отчётливо видны.

«Очень даже может быть, что это рисунок отца», — подумал Шалык и заулыбался. Показав пальцем на наколку, спросил:

— Вы помните, кто рисовал вам эскиз наколки?

«Как не помнить? Почему он это спрашивает? Есть, наверное, причина. Наколку мне нарисовал мой друг-тувинец», — подумал старик. Вопросительно посмотрев на капитана, уверенно ответил:

— Нарисовал Шалык.

Услышав такой ответ, офицер так резко встал, что даже табуретка с грохотом упала на пол. Бершов мгновенно поднял её и поставил на место.

Капитан вытянулся по стойке смирно:

— Разрешите представиться! Перед вами гвардии капитан Шалык!

Стецюра фамилию «Шалык» воспринял с заметным волнением. Начал снова задыхать-ся, попытался самостоятельно сесть и опереться о стенку. Видно, дыхание давалось ему с трудом. Слышен был хрип в груди.

— Тихо-тихо, успокойтесь, пожалуйста, — сказал Шалык и помог Стецюре поудобнее сесть на диване. От волнения влажные глаза старика всё бегали туда-сюда. По губам было видно, что он что-то тихо говорит.

В тот момент присутствующим показалось, будто время остановилось.

— Шалык?! Вы его сын? Друга моего? — устало спросил Стецюра. Услышав утвердительный ответ, жестом руки позвал офицера поближе к себе. Когда тот к нему наклонился, старик крепко обнял капитана и заплакал. Офицер также обнял старика.

В это время всем стало очевидно, что этих двух людей объединила какая-то невидимая сила.

Через несколько секунд они отпустили друг друга. Стецюра попросил офицера сесть поближе к себе. Затем, кивнув на жену, сказал:

— Это моя супруга Наталья Константиновна.

Так все присутствующие познакомились и с хозяйкой дома. Жена встала и пошла к выключенному холодильнику. Там после вчерашних незваных гостей, конечно, ничего не было. Только вытекла на пол вода — растаявший лёд.

— Проклятые, ничего съедобного не оставили, — пробормотала себе под нос женщина.

Лейтенант Елагин, поняв ситуацию, шепнул Апикову, чтобы тот сходил за едой. Апиков почти вылетел из дома. Елагин, открыв дверь, только успел крикнуть вслед солдату, чтобы тот и врача привёл.

Шалык сидел на диване возле Стецюры.

— Как поживает отец, сынок? — спросил старик с трудом.

— Родители мои держат свой скот. На здоровье особо не жалуются, ещё живо бегают за животными. Отец после армии окончил Кызылский сельскохозяйственный техникум. Несколько лет проработал зоотехником в совхозе. В начале 90-х совхоз вслед за СССР распался, и с тех времён родители ведут личное хозяйство, кочуют по родным просторам. У семьи много скота: от мелкого до крупного. Я четвёртый из шести детей у родителей, — сказал Шалык.

— Хорошо. Я ведь также в селе вырос, среди молока да хлеба. Ладное было у нас хозяйство... — медленно, прерываясь, рассказывал Стецюра. — Ныне в родимой Волице нет жителей. Все покинули село. Последние восемь лет не был там. Как женился в молодости на Наташке, так и остался тут. — После вздоха добавил: — Эх, хорошие были времена. Последние два года жизнь резко стала тяжёлой. Чтобы наш скот не достался украинской армии, забили и продали мясо. Нынче у нас пустой двор, — с сожалением признался Стецюра.

Шалык с пониманием кивнул головой. Затем встал и взял со стола снимок. Спросил:

— Есть у вас другие фотографии с отцом моим?

— Это всё, что есть. Потому и на видном месте у нас. Я люблю армейских друзей, не забываю. Третий человек на фотографии — это Виктор Батори. Он родом из Закарпатской области, венгр по национальности. После армии не виделись, хотя жили в одной стране. Через знакомых узнал, что в начале 90-х, смутное для Украины время, он перебрался в Венгрию.

Помолчав недолго, не торопясь продолжил:

— Батори очень любил твоего отца. Даже говорил, что у них одни предки. В Венгрии есть город Батори. По легенде, его основали воины Чингисхана, которые остались

в Венгрии. «Батор» по-монгольски означает «герой». Если память мне не изменяет, имя твоего отца — Батор. Ведь так?

— Баадыр. Отца зовут Баадыр.

— Вот видишь, — улыбнулся Стецюра. — Хотя не попал в утку, но попал в озеро. Отец твой с гордостью говорил нам, что его предки — урянхайцы, а в войсках Чингисхана страшную гвардию составляли урянхайские тысячники. Потому Батори и любил твоего отца, а отец твой — его.

— Да, припоминаю такие слова отца, — признался Шалык.

После короткого молчания Стецюра сказал:

— Сегодня ночью к нам заходила группа врагов. На нас поднимали поганую руку, угрожали убить. Из них минимум двоих определил как венгров. Они как увидели эту фотографию, так разозлились, что даже разбили. Думал, убьют нас.

Жена снова затряслась от слов мужа. Перекрестилась, восхваляя Христа, что спас их от смерти.

Шалык радовался, что случайно нашёл армейского близкого друга отца. «Как так вышло, что полковник именно меня попросил проведать дом родных мне людей?»

Затем все, кто был в доме, выпили чаю и поели того, что принёс Апилов. Поговорили о том о сём.

— В армии любили пить чифир — крепкий чёрный чай. Но твой отец не любил, в отличие от нас, — продемонстрировал свою хорошую память Стецюра.

— Отец признаёт только чай с молоком. Поэтому мама никогда не оставляет чайник без белого чая, — тут же подхватил Шалык слова Стецюры.

Наталья Константиновна, которая больше молчала, вдруг обронила:

— Наверное, чай очень вкусный.

Стецюра согласился с женой кивком головы.

Шалык заметил, что дыхание у хозяина дома стабилизируется.

— А сколько у вас детей? Где они? — поинтересовался Шалык.

— У нас две дочери, один сын. Все семейные, есть свои дети. Они жили в этом же селе. Как только начались боевые действия, мы попросили их уехать в Белгород. Мы остались сторожить наши дворы. Уговаривал Наталью Константиновну вместе с детьми отправиться туда — она ни в какую. Сказала, что останется со мной, — признался Стецюра.

Эти слова не понравились хозяйке:

— Без меня тут не проживёшь. Ведь по утрам даже свою рубашку не можешь найти. Так? Стецюра молчал.

— Мы знаем, что дети неплохо устроились в Белгороде. Им и другим таким беженцам хорошо помогли местные власти, жители города. Думаем, что после войны они вернутся домой. Будет много восстановительной работы. Дом сына разрушен вражеским снарядом, — промолвила Наталья Константиновна. — Если опять начнутся обстрелы, снова с мужем спустимся в подвал. Но нам срочно нужна медицинская помощь, сами видите.

— Больше не нужно спускаться в подвал. Он всё равно не гарантирует вам жизнь. Наши бойцы скоро отвезут вас в больницу в Кременную. Там вам окажут полную медпомощь, — успокоил их Шалык.

Жена вопросительно посмотрела на мужа. Он, соглашаясь, кивнул головой. Наталья Константиновна встала, оттолкнувшись от стола, и начала собирать вещи в дорогу.

Шалык посадил чету Стецюра на УАЗ, который прибыл вместе с рядовым Апиловым. Провожая их в Кременную, поделился своим вдруг возникшим желанием:

— Обязательно скажу отцу, что побывал у вас дома. Думаю, что он обрадуется. Когда наступят мирные времена, организую вашу встречу.

Затем подал Стецюре снимок трёх солдат-друзей.

— Не оставляйте этот снимок. Он живой! — уверенно сказал Шалык.

Старик всерьёз не воспринял слова капитана, повертел фотографию в руках. В это время завёлся автомобиль. Стецюра позвал Шалыка, который стоял у открытой дверцы, к себе поближе, пожелал:

— Оставайтесь живыми, сынки!

Затем, преодолевая боль в груди, обнял Шалыка.

УАЗ уехал, подпрыгивая на неровностях дороги. А капитан стоял и какое-то время смотрел вслед удаляющейся автомашине.

— Товарищ командир! — из-за спины обратился к нему Белобородов. — В нескольких шагах отсюда обнаружены тела двух врагов. Вот их паспорта, — и протянул документы.

Один из паспортов был украинский, а другой венгерский.

Шалык не торопился к мёртвым телам нацистов. На месте, где стоял, начал знакомиться с удостоверениями личностей. Сперва посмотрел украинский паспорт, а затем венгерский.

Его удивило то, что хозяином последнего документа значился некий Батори Томаш. «Что за день такой? В доме нашёл Стецюру, а во дворе обнаружился Батори. Конечно, этот не тот, что на снимке. Но всё же...» — подумал Шалык.

Среди страниц венгерского паспорта лежали две фотокарточки. На одной — молодая счастливая семья с сыном лет шести-семи, на другой — семейная пара лет шестидесяти.

«Батори, Батори... Неужели на втором снимке Виктор Батори?» — подумал Шалык, не переставая стучать паспортом по руке. «Глава молодой семьи — владеец этого паспорта. Это точно. Человек солидного возраста похож на Виктора Батори, что на снимке, который увёз Стецюра. Тогда, получается, Томаш — сын Виктора Батори! Да, его сын!» — решил Шалык.

Глаза офицера загорелись. «Если это так, дети Баадыра Шалыка и Виктора Батори, когда-то неразлучных армейских друзей, на этой территории воюют друг против друга. Да ещё в родном селе третьего человека на снимке — Стецюры. Неужели такое бывает на белом свете?» — с удивлением подумал капитан.

— Пойдём, посмотрим на убитых, — сказал Шалык рядовому Белобородову. — Покажи мне Батори.

Солдат с удивлением подумал: «Почему капитан хочет посмотреть на какого-то мертвеца, как будто был знаком с ним?» Тем не менее повёл его к убитым.

Так через сорок лет сыновья венгра и тувинца, которые были очень дружны во время службы в Советской армии, встретились в селе Диброва. Шалык какое-то время молча смотрел на мёртвое тело Томаша. Красивый на фото, примерно его возраста молодой человек лежал чумазый: небритый, в грязном военном обмундировании. «Надо было показать тело Стецюре. Увидев, что один из его мучителей был сыном его друга Виктора Батори, что бы он сказал? Простил бы его? Или не простил?» — подумал Шалык.

После осмотра тела Шалык положил снимок старших Батори в карман. «При встрече покажу Стецюре», — решил он.

Убитых врагов Шалык определил для себя как участников той банды, которая мучила Стецюра. Те, что ушли живыми от ночной охоты российских снайперов, даже побоялись взять тела и документы своих сослуживцев. Значит, так торопились уйти.

Шалык позвал:

— Лейтенант Елагин!

— Я, товарищ капитан!

— Сообщите в штаб, что недалеко от этого дома есть тела убитых нацистов. В целях опощрения нужно определить имена наших снайперов.

— Есть сообщить в штаб!

Когда капитан Шалык приближался к дому, зазвенела рация. Это была внутренняя связь полка.

— Первый, Первый! Я Пятый, слушаю вас! — ответил Шалык.

— Пятый, Пятый! Я Первый! Как у вас обстановка?

— У нас пока мирно. Ходили смотреть на птиц. Самцу нужен был орнитолог. А на 18-ую отправили и самку.

— Да? Спасибо, Пятый, пока, до встречи!

— Желаю удачи, Первый!

В это время послышался свист миномётных снарядов, и в селе раздались взрывы. Вражеская артиллерия присоединилась к миномётчикам и начала лупить по российским позициям. Даже страшно голову поднять! Понятно, что территория артобстрела просматривается через дроны и координируется с их помощью.

Шалык со своей группой расположился за баней. Пытались лечь так, чтобы вражеские «птички» не видели.

Взрывы усиливались. Повсюду было слышно «тин-тин». Шалык думал об оставленной в селе роте. «Как там они? Так-то есть где солдатам спрятаться. Думаю, всё обойдется», — успокаивал себя. Затем включил рацию и начал вызывать лейтенанта Олейника:

— Тридцать первый! Тридцать первый! Я Пятый! Вы слышите меня? Рота как? А? Молодцы! Берегите наших!

Когда прекратился артобстрел, как и полагал Шалык, перед ними появились многочисленные враги. Один БТР шёл прямо на их позиции.

Капитан, конечно, понимал, что силы неравные. В это время Тридцать первый сообщил, что в подмогу командирской группе выдвинулось подкрепление.

Шалык приказал Белобородову срочно установить ПТУР на возвышенность. Менее чем через минуту оружие было готово к выстрелу. В голове Шалыка была только одна мысль: как можно быстрее уничтожить БТР. Он подбежал к ПТУРу и приказал Белобородову уступить ему место. Тот быстро снял с себя наушники, отдал командиру, а сам покатился в сторонку, уступая место. Хотя мог бы и сам поразить врага. Но приказ есть приказ.

Капитан, едва надев наушники, через бинокль начал искать вражескую технику. «Ну, где ты, БТР, где? Покажись! Ах, вот ты где. Ну, получи ракету!»

Когда Шалык нажал на курок, из задней части трубки на миг вылетел длинный красный «хвостик» ракеты. Капитана тут же оглушило, хотя у него были специальные наушники. Через секунду лейтенант Елагин радостно закричал:

— Есть попадание! Объект уничтожен!

— Думаю, БТР был не пустым. Вместе с ним, наверное, человек десять уничтожил капитан, — довольный, кричал Белобородов.

Все это время вёлся перекрёстный огонь. Грамотная защита группы российских солдат насторожила врага. Постепенно ослабело очередное наступление противника.

Вдруг вражеские миномёты снова начали стрелять по селу. Повсюду стоял свист снарядов, а потом слышались разрывы. Шалыку показалось, что даже земля треснула от многочисленных взрывов.

Снова не поднять головы! Десантники оставались на месте.

Шалык также лежал на животе. Периодически поднимал голову, оглядывался, оценивал ситуацию. «Когда же прекратят стрелять, негодяи. Почему наша артиллерия молчит? Сейчас-сейчас, позвоню им», — подумывал Шалык.

Сзади, недалеко от Шалыка, взорвался вражеский снаряд. Тин-н! Он сразу схватился за бедро и перевернулся на спину. На лице его изобразилось страдание. Шалык понял, что ранен.

Тут же к командиру подбежал Белобородов. Елагин, нагнувшись, также спешил к нему. Вдвоём они сразу начали оказывать капитану первую помощь. Прежде всего, в надежде остановить кровотечение, бедро затянули жгутом.

Командир спросил у подчинённых, большая ли рана.

— Большая часть бедра с задней стороны разбита осколком снаряда, товарищ капитан, — честно признался Елагин.

«Что ж такое... Почему именно меня? Главное, чтобы в рану не попала грязь, а где здесь взять чистый кусок ткани?» — думал Шалык. Он понимал, что ему нужно держаться перед подчинёнными, нельзя показывать им паническое настроение. Но боль в ногах усиливалась. «Держись, Шалык, держись!» — успокаивал себя капитан.

Разрывы снарядов продолжались. В это время Елагин по рации сообщил Тридцать первому, что капитан тяжело ранен, его нужно эвакуировать с места сражения. Конечно, просил и подмогу.

Шалык закричал:

— Десантники, не спускайте глаз с врага! Держитесь!

— Товарищ капитан, вас нужно эвакуировать в безопасное место. Я прикажу ребятам увести вас, — сказал командиру Елагин и тут же получил отпор.

— Нет! Я вас сюда привёл, я с вами и останусь! Я могу стрелять! — кричал Шалык. — Лучше следи за боем. Береги солдат. Скоро придёт поддержка!

Как только утих миномётный огонь, к группе Шалыка прибыла дополнительная сила. Украинский полк пехоты снова появился на горизонте. Начался стрелковый бой. Десантники, «барсы» и ахматовцы открыли по врагу ураганный ответный огонь.

Шалыку было очень тяжело, тем не менее он держался молодцом, поле боя не покинул. Даже иногда по рации координировал российский артобстрел. Но силы потихоньку его покидали. Он это замечал. Левая нога была вся в крови. А боль какая!

Очередное наступление нацистов захлебнулось через час. Враг так и не был допущен к селу. Только на месте сражения осталась куча «двухсотых» и «трёхсотых» «укропов», остатки их уничтоженной техники. Шалык понимал, что село Диброва остаётся российской территорией. Его измученные глаза смотрели куда-то ввысь, в небо, далеко-далеко...

Проснулся Шалык в утренние сумерки от боли в бедре. Открыв глаза, сквозь боль изучил ситуацию вокруг себя. В небольшой комнате лежали три человека. Он сразу понял, что находится в больнице. Рядом с кроватью стояло оборудование для капельницы. В комнате тепло. Только вот левая нога не поднимается, а болит-то как — хоть вой! И пить хочется. Хотя бы глоток воды!

Шалык посмотрел на тумбочку, которая стояла слева от его кровати. Воды на ней не было. Лежала только какая-то фотография. Он взгляделся внимательно... Неужели? На него снова смотрели те же три друга-солдата! Взгляд Шалыка остановился на отце.

«Если фотография здесь, значит, Стецюра лежит в этой же больнице. Это, скорее всего, Кременная, — подумал Шалык. — Раз уж опомнился, значит, всё идёт нормально. Интересно, как там мои солдаты? Буду надеяться, что живы и невредимы».

В комнату зашла медсестра в голубом медицинском костюме. Она подошла к нему первому. Увидев, что пациент не спит и в сознании, улыбнулась ему. Потом шепнула:

— Доброе утро! Как вы? Рада вас видеть и говорить с вами.

— Доброе утро, сестрёнка. Я ничего, хотя непросто мне сейчас. Левая нога очень болит. Я в Кременной?

— Да, так и есть. Вчера вас привезли без сознания. Врачи, которые прооперировали вас, велели не транспортировать вас в эти дни. Рана на бедре глубокая. Со вчерашнего дня рядом с вами находился полковник. Думаю, что он ваш командир. Он привёз из Луганска хороших хирургов, они и провели операцию.

Медсестра, положив каждому лежащему какие-то таблетки, снова подошла к Шалыку.

— С вами лежат гражданские.

— А в других палатах есть военные?

— Нет, здесь только вы военный.

«Это хорошо, — подумал Шалык. — Значит, из моих ребят никто не получил ранения».

— Полковник говорил, что вас отправит в московский госпиталь. Нам наказал оберегать вас как зеницу ока, лечить хорошо. Мне кажется, за его строгостью скрывается добрая душа, — почти шёпотом говорила медсестра. — Один старик всё к вам заходил. Похоже, он хорошо знаком с полковником. Самого старика также вчера до вас положили в больницу. Они с женой проходят курс лечения. Старик тот знает, что у вас серьёзное ранение. Поэтому очень просил врача эту фотографию оставить с вами. Сказал, что она имеет волшебную силу, — она посмотрела на фото и пожала плечами. Потом вдруг выдала:

— Раз уж вы с такой раной пришли в сознание, может, эта карточка действительно имеет какую-то силу?

— Мне кажется, это вы, врачи, волшебники — сказал Шалык, чтобы сменить тему.

— Я вам поставлю обезболивающий укол в ногу. Хотите есть? Нет, сперва дам вам водички, — сказала она и вытащила из тумбочки Шалыка литровую стеклянную бутылку с кипячёной водой. Затем налила воду в стакан и протянула Шалыку. Он начал пить взахлёб. Между тем медсестра вытащила из тумбочки ещё один снимок и клочок бумаги и подала ему.

— Старик из Дибровы очень просил вам передать.

Шалык взял снимок и узнал ту фотографию, что была у него в кармане. Тот же Батори-старший смотрел на него. «Раз уж он просил обязательно мне показать этот снимок, значит, что-то знает», — подумал он и взглянул на обратную сторону карточки. Там появилась надпись: «Так, це Віктор Баторі. Дізнався». Шалык был полностью уверен, что эти слова писал Стецюра.

— Да, не ошибся я.

— Что? Вы что-то сказали мне? — уточнила медсестра.

— А, нет, это я себе говорю, — ответил Шалык.

Капитан прочитал и запись, что была на бумажке. Там были такие слова: «Завтра сын приедет в Кременную. Обязательно вас познакомлю, Шалык-младший!» Конечно, он сразу понял, что послание также оставил Стецюра.

«Интересно. Значит, сегодня прибудет. Родителей знаю, а сегодня увижу сына. Он, может быть, мой ровесник? Эх, если бы отец был рядом, было бы ещё интересней! Да ладно! Жалко только семью Батори. Они уже узнали, что их сына нет, или ещё не знают? Вот как жизнь, бывает, меняется круто... Отцы — не разлей вода, а сыновья — враги!» — подумал Шалык и снова нахмурился. Бумагу и фотокарточку положил на тумбочку.

— Как вы терпите такую боль? Рана очень большая... Крепкий вы человек, капитан, — сказала медсестра и сделала укол обезболивающего. — Скоро не почувствуете ногу. Тогда станет легче. Я сейчас подогрею вам еду, позавтракаете.

Но, прежде чем тихо покинуть палату, снова посмотрела на снимок трёх советских солдат. Затем задумчиво шагнула к двери. На самом деле она-то знает, из какого состояния выкарабкался капитан.

В палате посветлело. Шалык снова взял в руку старый снимок. Те трое на фото как будто улыбнулись ему, пожелав быстрого выздоровления. «Нет, ты всё-таки непростая карточка, непростая...» — подумал он и ласково провёл пальцами по снимку.

Через какое-то время сестра вернулась с едой. Подошла к Шалыку, а он уже спал. Сестра укрыла раненого одеялом и, взяв поднос с едой, тихо вышла из палаты.

Во сне к Шалыку пришла любимая Серемаа. И, как всегда, он на Вороном поскакал в зелёное море тайги — в родные места. Подальше от людей, от суеты, от грозowych туч...

Он пел:

Өле-дайны эзертепкен, (Мы оседлали Оле-дая *(лошадь)*)

Өлеңнигде шаап тур бис, (И вихрем мчимся в Оленниге *(местечко)*)

Суладавайн халдып чорааш, *(Не сбавляя пыла)*

Сувактыгга доктаар дээн бис. (Привал обретаем в Сувактыге *(местечко)*)

«Эх, как хорошо!...»

Июль 2023 г.

ЗИНАИДА СЕРЕН-ЧИМИТА

БИОГРАФИЯ

Поэтесса, прозаик, переводчица. По профессии врач: педиатр и гомеопат. Лауреат Национальной литературной премии Республики Тыва в номинации “Детская литература” (2024 г). Выпустила 8 книг поэзии, прозы, детской литературы и переводов:

В 2013 году — первый сборник стихов “Нежность любви”

В 2018 году — “Благословление любви”, содержит одноимённую пьесу и стихи.

2019 год — “Прощай, первая любовь!” — повесть и перевод на тувинский язык знаменитой пьесы “Сон в праздничную ночь” А. Островского.

2022 — “Девушка на волшебном белом коне” — повесть в жанре фэнтези.

2022 год — “Обида игрушек” — первая книга автора для детей — стихи и песни.

2023 — Повесть для детей в жанре фэнтези “Мальчик из другого мира” на тувинском и на русском языках.

2024 — Повесть для детей в жанре фэнтези “Путешествие во Вселенную” на тувинском и на русском языках и перевод повести “Девушка на волшебном белом коне” на русском языке.

На слова Серен-Чимита Зинаиды написаны немало песен именитыми композиторами Республики Тыва,

Произведения её издавались в республиканской газете “Шын” (“Правда”), в альманахах “Енисейская Сибирь”, “Новый Енисейский литератор”, в журналах “Улуг-Хем”, “Юрта”, в детском журнале “Алдын-кушкаш” (“Золотая птичка”) и коллективных сборниках.

Ее произведениям присущи глубокое знание жизненных реалий, полет фантазии, внимание к духовным исканиям современников.

ОГОНЬКИ НАДЕЖДЫ

В кабинете судьи Барун-Хемчикского кожууна одного из крупных районов Тувы, допоздна светилось окно. Разобрав папки с сегодняшними делами, он наконец добрался до тех, что ждали его завтра.

Особенно сложное, спорное дело было назначено на раннее утро, на десять часов.

Но мысли судьи непрестанно возвращались к другому — к тому, что стояло в расписании после обеда.

«Завтра нужно будет вынести приговор. А обвиняемый — всего лишь мальчишка, двадцати лет от роду», — с этой мыслью он выпрямился, расправил усталые плечи и закрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями, но незаметно для себя погрузился в дремоту. То ли в полусне, то ли в воспоминании его позвал кто-то по имени «Санёк», сам не понимая, кто его зовет, и увидел перед собой Вовку. Узнав друга юности, он порывисто потянулся к нему, но видение растаяло. С досадой, подбросив полено в печь, судья удивлённо искал глазами по комнате: «С чего бы это мне Вовка приснился?» — вновь закрыл глаза, и в памяти тут же ожили давние картины. «Тогда мы были удалыми ребятами, — подумал он, и юность вспомнилась так ярко, будто всё было вчера. — Учились мы хорошо, на контрольных всегда были первыми в группе», — с лёгкой гордостью подумал он, глубоко вздохнул и снова выпрямил спину. «А сколько всего было — и тувинские землячества, и соревнования, и хуреш, где мы призы брали... Эх, золотое было время!» Очнувшись, он понял, что рабочий день его секретарши Ульяны уже давно окончен, и взгляд его упал на тележку, которую прикатила она с аккуратно сложенными папками. «Новые уголовные дела» — подумал он, но воспоминания не отпускали, тревожа душу.

«Звали моего друга Владимир Ооржак, но для всех он был просто Вовкой. А он меня звал Санёк. На первых курсах мы частенько заглядывали в медакадемию — девушек там было много. Там-то он и встретил Таню. Я её всего пару раз видел, а после университета и вовсе забыл. В последний год учёбы друг собрался домой, в Туву. Мы попрощались, он сел в автобус «Новосибирск — Кызыл», и больше я его не видел. На трассе случилась авария... Друга не стало. Я тогда страшно злился на несправедливость судьбы. Прекрасный был человек. Будь он жив, мы бы до сих пор дружили, вместе через все тяготы проходили», — с грустью думал судья.

В ту же ночь не сомкнула глаз и Татьяна Ивановна: завтра суд над её сыном. Воспоминания об отце мальчика, о первой любви, которую она встретила в молодости, тяжелым камнем лежали на сердце. Когда на небе зажглись первые звёзды, она подошла к окну, посмотрела на луну, сложила руки для молитвы и прошептала сквозь слёзы: «Володя, родной... У нас с тобой сын есть, а ты и не узнал. Не увидев его, ушёл на небо, стал звездой. А мы с сыном в беду попали... Помоги, милый, первая любовь моя... Нашего сына под суд отдадут... Помоги», — последние слова она проговорила, уже всхлипывая.

На рассвете, с тяжёлым, колющим сердцем, она поднялась в пять утра. Не стала звонить так рано, изнывая от медлительности времени, и дождалась семи, чтобы набрать номер адвоката.

— Здравствуйте, Байыр Кок-оолович! Как вы? Нашелся свидетель для сына?

— Здравствуйте! Нет, не нашли. Пока свидетеля нет. Заседание сегодня в четырнадцать.

Последняя надежда Татьяны Ивановны угасла. Она горестно думала о несчастливой судьбе сына, мир перед глазами померк, потерял краски, и не осталось вовсе желания жить, только бы дотянуть до полудня.

В камере следственного изолятора, где содержат ожидающих приговора, находились трое молодых парней и один мужчина за пятьдесят. Одним из них был Вовка. Его полное имя — Ондар Владимир Владимирович. Фамилию он получил от матери. От неё же он узнал, что его отец погиб ещё до его рождения, не успев жениться на его матери. Сокамерникам он представился просто Вовкой. Вовка тоже не спал в ночь перед судом. Он лежал и слушал храп своих «товарищей по несчастью», спящих на прикрепленных к стене железных койках.

Мысли возвращались к тому вечеру: близкий друг, собиравшийся на специальную военную операцию в Украину, позвал его в клуб. Купили сушёной рыбы и пива, выпили по кружке, поболтали. Вышли на улицу. Вовка крутил в голове события вечера, уверяя себя, что почти трезв — всего одна кружка. И тут — внезапная драка в темноте. Они с другом не участвовали, стояли в стороне. Вдруг один из дерущихся подбежал и, крикнув «На, держи!», сунул ему что-то в руки. Тут же подъехала полиция. Вовка вздрогнул и разжал пальцы — предмет упал. Он отчётливо понимал, что всё видно в свете фар и полицейских фонарей, но стоял как вкопанный, не зная, что делать. К нему подошёл офицер и резко сказал: «Это ты бросил? Держи!» Вовка машинально поднял брошенное — это оказался тяжёлый обломок толстой заборной доски. Приехавшие полицейские задержали четверых или пятерых парней. Все они дали показания против Вовки. Только один друг дал показания в его пользу, но полицейские посчитали этого не достаточным и отпустили его сразу, узнав, что он собирается на СВО.

«Завтра суд. Что будет? Посадят, — на душе у Вовки стало тоскливо и безнадежно, сердце сжала боль. — Судьба ломается в одно мгновение. Ещё вчера я был свободен. А это, оказывается, главная ценность», — с горечью понял он, сидя сутки напролёт в душной камере без свежего воздуха, с одним крошечным окном под потолком, за решёткой. Раньше он об этом не задумывался. Мать твердила: нужны образование, хорошая работа, деньги. Он учился в вузе, но теперь понимал, что, скорее всего, не закончит его. «Без образования не найти работу, не заработать... За меня некому заступиться, защитить. Буду оправдываться, но кто поверит? Дадут три, а то и пять лет... А когда выйду — жизнь пройдёт мимо», — с этой горькой мыслью слёзы потекли по его лицу.

Александр Маадыр-ооловичу шёл уже десятый год работы в этом районном суде. Сколько за это время прошло через его кабинет дел и людей! Были испуганные и равнодушные, кающиеся и буйные. Но больше всего, наверное, было тех, кто отчаянно старался казаться лучше, чем есть.

Дело Ондара Владимира Владимировича почему-то задело судью за живое. Да, следственные действия проведены безупречно, документы оформлены правильно. Но... его смутило, что против одного парня свидетельствуют все. Характеристика с места учёбы Владимира была отличной. Мать собрала характеристики от соседей, от всех, кого только смогла. Были сведения и о школьных годах: скромный, отзывчивый, никогда не видели пьяным.

Дело, казалось бы, лежало на поверхности, но, чтобы докопаться до сути, Александр Маадыр-оолович назначил предварительное слушание. Впервые увидев подсудимого, он поймал себя на мысли: где-то он его уже видел. Решив не придавать значения смутному чувству знакомости, он выслушал адвоката, который сообщил, что ключевой свидетель уехал на спецоперацию и связи с ним нет. Слова матери, Татьяны Ивановны: «Растила его одна, отец умер до его рождения», — заставили судью задуматься. Вовка... Таня... друг, погибший двадцать лет назад... И вдруг его осенило — он с изумлением отметил поразительное сходство парня с его погибшим другом. Тот же взгляд, та же манера держаться, даже привычка тереть ладони, когда волнуется. Мать Татьяну он бы не узнал — они мало общались в молодости, да и годы изменили её. Неужели она назвала сына в честь отца? Если это сын моего друга

Вовки — мальчик этот бы так не поступил. Природа отца передаётся сыну... Как говорил мой отец: «Задние копыта в передние следы ступают», — то есть дух отца, живет в сыне.

Что же теперь делать? Придётся делать вид, что ничего об этом не знаю...

Пробило два часа дня. Взвесив всё, Александр Маадыр-оолович надел мантию и твёрдой походкой вошёл в зал суда под возглас секретаря: «Встать! Суд идёт!»

Заняв место за судейским столом, он окинул зал взглядом и остановился на незнакомом молодом человеке. Это был парень лет Владимира. На нём была камуфляжная форма, на левой ноге — аппарат Илизарова, левая рука в гипсе висела на перевязи через шею, а сам он сидел в инвалидной коляске. Взгляд его, встретившись с глазами судьи, выражал бесстрашие, словно говорил: «Я пришёл выручить товарища». Судья едва заметно кивнул ему. Затем он перевёл взгляд на Владимира в клетке для подсудимых: лицо того было открытой, а в глазах сияли огоньки надежды.

И когда в душе Александра Маадыр-ооловича, словно от всплеска радости, что-то ёкнуло, он взял себя в руки, погасил эмоции и начал слушать дело со всей строгостью и вниманием.

ДЕВУШКА НА ВОЛШЕБНОМ БЕЛОМ КОНЕ

Отрывок

СУДЬБА САЯНЫ

Саяна родилась в Чадане. Старшая дочка в семье, еще подростком она была всегда рядом с мамой, помогая ей торговать в магазине. Со временем девочка так преуспела в роли маленького продавца, что часто подменяла маму, когда та отлучалась по делам. А вскоре так втянулась в торговлю, что бойко отпускала покупателям не только штучные товары, но и на развес: стоимость конфет и пряников в граммах высчитывала без ошибки. Видя такие способности дочери, мама даже стала злоупотреблять ее помощью, не пуская с подругами на танцы, и, что самое обидное, запрещая выезды с друзьями на природу. Единственной отдушиной Саяны стала спортплощадка. Каждый вечер, закрыв магазин, она спешила туда и рубилась в волейбол и баскетбол до позднего вечера. Играть предпочитала в мужской команде, да так, что только пыль клубилась.

Девушка училась в выпускном классе, когда на спортплощадке появился парень, только что вернувшийся из армии. Жили они на одной улице с Саяной, через дом, и после жарких волейбольных баталий уходили вместе. Однажды, когда они возвращались через городской сад, парень повалил ее на землю и, несмотря на отчаянное сопротивление, взял силой. На следующий день Саяна, сказавшись больной, не пошла в школу. До обеда пролежала в постели, затем затопила баню и долго мылась в одиночестве. О том, что с ней произошло, никому не сказала. Только месяц спустя Саяна вновь начала ходить на спортплощадку. Парень поначалу опасался к ней подходить, явно избегал, но потом как-то незаметно для себя, перебрасываясь словами во время игры, они вновь начали общаться. Шло время. Саяна несколько раз оказывалась с ним в постели. Теперь уже она не сопротивлялась и, казалось, даже начала привыкать к навязанной парнем любовной игре, пока не настало время ехать учиться в Кызыл. Расстояние разделило их, а студенческая жизнь заставила девушку забыть соседского парня. Со временем Саяна поняла, что в этих отношениях и в помине не было любви.

На выходные домой она почти не ездила. Главной причиной того, что девушка перестала ездить к родителям в Чадан, был соседский парень, которого Саяна не хотела видеть никогда. Больших успехов в учебе девушка не достигла, хотя русский язык знала неплохо. В городе она «заболела» настольным теннисом. Все выходные дни и свободное время пропадала в теннисном зале. Вскоре на соревнованиях среди студентов города Саяну стали узнавать. Она с завидным постоянством занимала призовые места. Плотного телосложения, крепко сбита, мускулистая Саяна нашла себе на тренировках такого же, как она, фаната настольного тенниса и по-настоящему влюбилась.

А сегодня — особенный день. Саяна должна познакомить с подругами своего парня. С утра подружки хлопотали по дому как настоящие хозяйки, прибрались в квартире, наготовили вкусной еды, а сейчас накрывали праздничный стол в ожидании дорогих гостей. С утра Саяна была на тренировке, а к обеду должна привести своего друга. Чочагана и Нина наконец-то закончили все приготовления. Осталось немного времени и для себя. Подруги начали приводить себя в порядок, переоделись, причесались и даже немного подкрасились.

— Чочагана, Саяна сказала тебе, как зовут ее парня? — спросила Нина у подруги.

— Нет. Только что он спортсмен и крутой волейболист. Для нее это исчерпывающая характеристика.

— Что-то они долго идут. Может, я позвоню ей? — взялась Нина за сотовый телефон.

— Давай немного подождем. А вдруг парень застеснялся к нам идти — остановила ее Чочагана и включила телевизор. Там шёл концерт, но песни артистов не смогли завладеть вниманием девушек, мысли которых витали далеко от голубого экрана. Так молча и безучастно подружки сидели какое-то время, пока не раздался звонок в дверь.

Чочагана на правах хозяйки пошла открывать гостям дверь. «Экии! Здравствуйте! Проходите, проходите!» — раздался ее голос. Она пригласила войти подругу и симпатичного, высокого юношу, подала им тапочки, показала ванную, чтобы гости смогли помыть руки, а сама прошла в кухню.

Когда все уселись за стол, Саяна, сияя от радости, представила своего парня:

— Это мой близкий друг, девочки, — сказала она с улыбкой, — а это мои самые близкие подруги. Будем теперь все знакомы.

Она обвела всех ласковым взглядом. Юноша назвал свое имя:

— Херел.

Затем представились девушки:

— Чочагана...

Нина следом за подругой едва слышно произнесла свое имя. Понятно, что с первого раза едва знакомым людям вести себя свободно и бойко общаться не получится. Настала неловкая пауза. Все молчали и не притрагивались к наготовленным по торжественному случаю вкусностям. Херел оказался неразговорчивым парнем, за все это время еле прооронил несколько слов. Только Саяна оживленно рассказывала о недавней игре в теннисном зале, о том, кто с кем как играл. Нина сидела молча, с потерянным лицом, и ей отчаянно хотелось выбежать, но дверь казалась слишком далекой. Когда неловкая пауза неприлично затянулась, Чочагана наобум задала первый пришедший в голову вопрос, лишь бы не молчать:

— А где вы учитесь, Херел?

— Буду поступать этим летом.

— Где живут ваши родители?

— В Шагонаре.

Дальше Чочагана не нашлась, что сказать и тоже замолчала. Тогда Саяна решила пояснить:

— Херел учился за Саянами, но климат ему не подошел. Этой весной хочет пойти служить в армию.

Разговор между молодыми людьми так и не заладился. Если бы со стороны за ними наблюдал посторонний человек, ему показалась бы странной скованность этой компании. А более прозорливый возможно догадался бы о многом. Но, увы, такого наблюдателя не было, они были одни.

Как только Саяна и Херел попрощались и направились к двери, Нина выскочила на балкон, упала на мягкий стул и зарыдала. Горькие слезы обильным ливнем струились по щекам...

Проводив гостей, Чочагана не смогла найти Нину. Ее не было ни в одной из комнат. Подумав, что подруга зашла в туалет, она принялась читать журнал, и вдруг услышала через полузакрытую балконную дверь горький плач Нины.

А Саяна и Херел после этих посиделок расстались очень странно. Девушка не выдержала первой:

— Ты чего это, обычно бойкий да болтливый, весь вечер просидел, как воды в рот набрав? Разве пристало парню смущаться, как девчонке? Или, может, на кого-то из моих подруг глаз положил? — набросилась она на него с упреками.

Херел раздраженно произнес:

— Че-че, хватит, не приставай, не пойду я больше к твоим подружкам! И не надо было меня с ними знакомить!

Парень, заскочив в уходящий автобус, уехал не попрощавшись. Ни разу даже не обернулся. И пропал с тех пор, не звонил, на звонки не отвечал и словно обрубил все концы.

...Саяна вдруг задумалась о том, что ничегошеньки не знает о Хереле: о чем он думает, что любит, что в нем хорошего, а что — плохого, что он за человек, какой у него характер... Просто сразу влюбилась, потеряла голову от высокого, спортивного парня с приветливым, открытым лицом, также страстно увлеченного спортом, как она. На левобережных дачах у брата Саяны есть маленький дом. Отправляясь служить по контракту за пределы Тувы, он сказал ей: «Вернусь через несколько лет, а ты пока учишься в вузе, живи здесь и смотри за домом, сестренка» и отдал ключи. Туда она и привела Херела после недолгого знакомства с ним. Здесь, в этом домике, они стали близки, вместе проводили ночи.

А сейчас ее любимый пропал без объяснения причин. Саяна потеряла сон, переживания терзали ее душу. Каждый день, ожидая появления Херела, она придумывала множество вопросов, которые собиралась задать ему при встрече. Так, в пустых ожиданиях, прошло долгое лето.

Заканчивался последний месяц лета. Дед Чоптуг-оол сказал бы про него, что месяц состарился. Чочагана помогла старикам перекочевать ближе к селу и вернулась в Кызыл. За неделю в городе она успела встретиться с Ниной и пообщаться с Саяной. К ее удивлению, подруги, которых раньше водой было не разлить, вдруг стали чужими, равнодушными, словно поссорились.

Нина все лето проработала в Доме ребенка уборщицей. Друг Саяны, Херел, как ушел от нее весной, так и не вернулся. По слухам, уехал поступать в военное учебное заведение в далекий город на востоке страны. Для Чочаганы, Нины и Саяны этот год в университете был последним учебным. В следующем они выпустятся из вуза. Их дружба, начавшаяся с первого курса, не должна была так легко разбиться. Неужели Нина и Саяна не смогут больше общаться так же близко и тепло, как раньше, по какой загадочной причине они отдалились

друг от друга? На самом деле никто никому не сделал ничего плохого: любовь к мужчине воздвигла между девушками невидимую стену. Остается только ждать. Лишь время может залечить душевную боль...

Прошлой весной, когда Саяна и Херел спешно покинули праздничный обед, плачущая на балконе Нина открыла Чочагане свою самую большую тайну.

«Я ведь старше тебя на год, помнишь? Школу окончила раньше вас, и поехала в Барнаул поступать в мединститут. Там познакомилась с Херелом, которого Саяна сегодня к нам привела, и так в него влюбилась, что совсем голову потеряла. Мы были вместе месяц, я забеременела. Херел, услышав об этом, сразу меня бросил. До сих пор больно вспоминать, как я тогда плакала и страдала от его предательства. А потом, когда началась учеба в вузе, не смогла закрыть первый семестр и бросила институт. Нашла в городе работу технички, снимала крохотную временку. Провела зиму в Барнауле, родила. Вернувшись в Туву, отдала дочку в Дом ребенка. В этом году ей исполнится четыре года».

Услышав такое, Чочагана от жалости крепко обняла подругу: «Бедненькая моя! Как же ты настрадалась. Теперь все будет хорошо». Не выпуская подругу из объятий, она слушала ее горькую исповедь.

Нина продолжала плакать: «Смотри, какая у меня судьба несчастливая, подруга. И сама невезучая, и у дочки судьба с самого начала злополучная». При этих словах она и вовсе зарыдала в голос. Чочагана увела подругу с балкона в комнату и села с ней на диван. Они вволю наплакались. И казалось, что со слезами ушла вся горечь, которая давила на грудь, в глазах посветлело, а в голове прояснилось.

Чочагана решительно сказала: «Бедненькая, столько лет тебе пришлось скрывать от меня правду. Но теперь будет иначе. Мы вместе начнем навещать твою дочку. А после выпускных ты забереешь ее из Дома ребенка, милая. Все будет хорошо». При этих словах Нина подняла на подругу глаза. Слезы еще текли по щекам, но лицо девушки осветилось от улыбки и радостной надежды.

Оказывается, человек может испытывать двойственные чувства. В глазах горькие слезы, а на лице улыбка счастья. От добрых слов подруги, ее чистосердечного живого участия, у Нины словно выросли невидимые крылья.

...И Саяна от всей души желала счастья подруге и иногда порывалась ей сказать: «Забудем Херела, не перевелись еще хорошие парни. Для нас обязательно наступит хороший день, и наше солнце взойдет в свое время, подруга»...

Пришло время, и выпускники получили дипломы о высшем образовании. Теперь они настоящие учителя ...

Саяна, от души повеселившись с однокурсниками на выпускном вечере, вволю натанцевавшись, вернулась домой на дачу. Несколько дней девушка отсыпалась, ела все, что душа пожелает, бездельничала и наслаждалась тем, что больше никуда не надо спешить, и самое главное — зубрить. А когда устала от такого отдыха, выбралась в город пообщаться, узнать новости о том, кто куда устроился. Решила тоже, как и все, определиться с работой, и пошла в школу. На приеме у директора узнала, что как раз есть нужная вакансия. Попросив оставить за ней место, она пообещала, что придет с документами. Но вскоре, представив, что ей придется писать уйму бумаг, заполнять журналы, проверять тетради, умирять шумную орду непослушных учеников, носящихся по школе, передумала.

Пока Саяна раздумывала, чем бы заняться, и, как в студенческие годы, просила родителей выслать денег на проживание, под предлогом поиска работы, прошло два месяца. Она бездельничала и ни разу не задавалась вопросом, зачем надо было учиться на учителя биологии

и химии, раз не собиралась идти в школу. Девушка сама знала ответ: мама настояла. У нее в университете работала родственница, и Саяну взяли, потому что мама дала ей хорошую взятку. «Хочу учиться на учителя физкультуры», — упрямилась она тогда. Но мама была против: в ее понимании, профессия учителя физкультуры — для мужиков. «Если бы я отучилась на физкультурном, сейчас бы тренером работала, — мечтала Саяна. — Или же надо было подаваться в торговлю. Если бы не Чочагана и Нина, и диплом бы никогда в жизни не получила. Только благодаря им кое-как окончила университет». Не зная, что делать и чем себя занять, Саяна бесцельно бродила по городу, пока на входе в большой универсам не наткнулась на объявление о том, что туда требуется продавец.

У продавщицы узнала, где кабинет директора. Тихо постучала в дверь, ответа не последовало. Постучала громче. Вновь тишина. Саяна нажала на ручку и отворила дверь. В маленьком кабинете никого не было. Девушка отметила про себя, что стол, стулья, да и другая мебель в комнате была добротной и красивой.

Убедившись, что в кабинете никого нет, она только хотела выйти, как раздались шаги, и кто-то уверенно открыл дверь. Саяна отступила в сторону, чтобы пропустить входящего. В кабинет вошел молодой человек, сел за стол и посмотрел на Саяну. «Это и есть, наверно, директор магазина. Какой молодой» — подумала она и поздоровалась:

— Экии[Здравствуйте].

Несмело продолжила:

— Я ищу работу. Не возьмете меня на место продавца, Седипович?

На дверях кабинета было написано, что директора зовут Адар-оол Седипович. Обратившись столь уважительно к человеку не старше тридцати лет, Саяна вдруг подумала, что ошиблась. «Наверно поторопилась с отчеством. Адар-оол Седипович это наверняка взрослый мужчина. И владелец магазина, скорее всего, его отец». Ну что теперь делать, раз слово вырвалось и Саяна, глядя в глаза парню, ждала его ответ:

— Экии! У вас есть профессия продавца? Где, что окончили?

Саяна ответила извиняющимся тоном:

— У меня нет профессии продавца. Только диплом учителя.

Парень засмеялся:

— Сестренка, вы заблудились. Это не школа.

Саяна быстро проговорила:

— Моя мама была старшим продавцом, и я со школы помогала торговать в магазине. Даже ее отчеты делала без единой ошибки.

Адар-оол задумался. Он сам вырос в магазине мамы на подхвате. Поэтому, окончив в Красноярске техникум торговли, стал большим помощником матери.

— Как вас зовут?

— Саяна.

— А где живете? Муж и дети есть?

Саяна сказала, что дом имеется. Не говорить же работодателю, что «живу на даче брата, пока приглядываю за ней». Ответив, что мужа нет, детей тоже, она подумала, откуда у студентки вуза может быть время на замужество и на детей, а вслух добавила, что университет окончила в этом году.

— Про мужа спросил, потому что, если примем на работу, возможно, будете ездить в командировки на несколько дней. Если у вас ревнивый муж, вы нам не подойдете, — сказал молодой человек и, взяв со стола пачку каких-то бумаг, протянул Саяне: — Саяна, сделайте сверку по этим товарным накладным. Проверьте, соответствуют ли общий вес

и стоимость товаров итоговому показателю. Даю вам час на проверку, — и указал на стол у окна.

Она уселась за стол и начала проверять накладные, Адар-оол вышел и вернулся лишь часа через два. При сверке она обнаружила, что в стоимости одного из наименований проставлен лишний ноль, из-за чего итоговая сумма стала больше. Саяна показала правильные расчеты.

Взгляд Седиповича смягчился, и мимолетная улыбка скользнула по лицу юноши:

— Сможете сегодня же отправиться со мной в командировку? У меня помощник заболел. Выезжаем вечером часов около шести-семи вечера. Надо проехать через Саянские горы за светом. Грузовая машина уже выехала.

Саяна согласилась не раздумывая.

— Пока вы приняты временно. Посмотрю, как будете работать. Если подойдете нам, примем на постоянную основу, — подытожил Седипович и, вытащив из набитой туго поясной сумки пять тысяч рублей, протянул девушке. Саяна недоуменно смотрела то на деньги, то на парня. Взяла банкноту только после слов:

— Это вам на командировочные расходы, потом из зарплаты вычтем.

— Будьте здесь в пять часов, — сказал Адар-оол и вышел из кабинета. Саяна села на стул и задумалась: «Диплом, ради которого я пять лет училась, стал ненужной бумажкой. Мне хватило пяти минут разговора, чтобы найти работу. Бедная мама! Это же она, не давая мне спуска, учила торговать и считать. Помнится, еще и приговаривала: “Девушке на выданье любой работе надо выучиться”. Какое уж тут замужество. После того, как меня бросил Херел — моя первая любовь, я замуж никогда не выйду».

Постепенно Саяна стала для Адар-оола Седиповича надежным человеком. Все привыкли, что в каждую командировку они отправляются вместе. Деловая хватка и явный талант к торговому делу вскоре сделали новенькую незаменимым помощником. Так что никто не удивился, когда Адар-оол Седипович назначил ее своим заместителем. Однажды Саяна побывала вместе с Седиповичем у него дома. В большом двухэтажном особняке гостей встречала его мать. Женщина с трудом оправилась после перенесенного инсульта и ходила при помощи тросточки. По хозяйству ей помогали муж с женой, хлопотавшие и во дворе, и дома. Жили они тут же в маленьком домике. «Не иначе как родственники» — подумала Саяна.

Было очевидно, что мама Адар-оола была неприятно удивлена визитом непрошеной гостьи. Она с неприязнью разглядывала Саяну. То ли от того, что женщина действительно не могла произнести ни слова, или же вообще не имела желания общаться, она сидела неподвижно, и время от времени пугающе поглядывала на девушку. Домработница принесла две тарелки супа с наваристым бульоном и пригласила их за стол. Саяна и Адар-оол, поев, сразу отправились обратно в магазин.

По дороге мужчина вкратце рассказал о матери: «Мама не знала, что такое отдых. Днем и ночью работала не покладая рук. Начинала с аренды крохотной торговой точки. За 10 лет развила свой бизнес до большого универсального магазина. Четыре года назад, когда мама заболела, делом стал управлять я». Саяна об этом уже знала от девушек-продавиц. Но ее больше всего интересовал вопрос, почему Адар-оол до сих пор не женился? Они вместе не раз ездили в Абакан и Красноярск, заключали договоры, брали товар, не раз им приходилось ночевать в гостиницах, но всегда в разных номерах. И создавалось впечатление, что Саяна его как женщина вообще не интересовала. Из совместных поездок она поняла, что Адар-оол неплохой человек и не жадный. «И зарплату мне платит хорошую» — подумала она. Вдруг Адар-оол сказал:

— Саяна, в эту командировку поедешь с водителем Начыном. У меня тут дела.

Саяна огорчилась, но согласилась, скрывая сожаление. А что ей оставалось делать. Хозяин сам решает, как ему поступать и кого куда отправлять.

На следующий день, готовая отправиться в дорогу с утра, Саяна целый день просидела в кабинете, ожидая запропастившегося Начына. За окном уже начало смеркаться, когда тот наконец-то явился. Забежал в кабинет, странно взглянул на Саяну, коротко бросил на ходу «поехали», что-то жуя, налил в пиалу отфильтрованной воды и залпом осушил. На вопрос, где он целый день пропадал, парень даже не удосужился ответить. «Грузовая машина уже наверняка доехала до Абакана» — подумала Саяна. Как только она села на переднее пассажирское сиденье «Тойоты королевы», Начын врубил музыку и рванул с места. Эту и еще одну служебную машину магазина он начал водить совсем недавно. Для него это была первая командировка на длительное расстояние. Начына приняли на работу сразу после Саяны, когда старый водитель уволился.

Адар-оол Седипович как раз в это время шел по длинному фойе элитного отеля Кызыла, а навстречу ему с другого конца шла подиумным шагом, грациозно переступая стройными ногами и покачивая бедрами, ослепительно красивая девушка.

Она опередила Адар-оола и раньше него дошла до номера, где они условились встретиться, и поджидала его с улыбкой, обнажая ряд ровных жемчужных зубов. Мужчина огляделся по сторонам, словно хотел убедиться, что их никто не видит, крепко обнял за тонкую талию красавицу, и открыл ключом дверь. Страстно целуясь на ходу, не размыкая тесных объятий, то и дело натыкаясь на стены, они ввалились в номер.

Едва Адар-оол уснул около юной красотки, как его телефон начал беспрерывно звонить. Очнувшись ото сна в первый раз, он не стал отвечать на звонок. Когда рингтон гаджета вновь требовательно зазвучал, он, рассмотрев в полумраке, что девушка продолжает спать, отвернувшись к стене, взял телефон и ответил. От услышанного его словно подбросило, сна как не бывало.

Адар-оол включил свет и взглянул на часы. Стрелки подходили к двум часам ночи. Второпях одеваясь, он взволнованно и громко говорил девушке: «Юлия! Мне надо срочно ехать. Мои работники попали в аварию...». Вытащив из кармана заранее приготовленную крупную сумму в евро, бросил банкноты ей на подушку и, прокричав напоследок «закройся на ключ», выбежал из номера.

Когда Адар-оол примчался домой, свет в окне маминой спальни горел. Мама опять не спала, поджидая его. Дома он быстренько принял душ, и уже собирался в дорогу, когда, шаркая ногами, в комнату зашла мама.

— Мама, в Абакане милиция задержала нашу машину, потому что водитель забыл документы дома, — на ходу он придумывал правдоподобную ложь для матери. — Мне нужно срочно отвезти им документы, — и торопливо вышел. Мама с тревогой осталась смотреть вслед сыну.

Адар-оол сначала не мог думать ни о чем, и только гнал машину в сторону Саянских гор. В ушах до сих пор звучало: «С вами говорит инспектор ГАИ, младший лейтенант Смирнов. Ваша машина... марки и с... номером попала в дорожно-транспортное происшествие. Водитель скончался на месте. Женщина-пассажир в тяжелом состоянии госпитализирована в больницу. Прошу вас срочно прибыть...»

Что мне делать, все пропало! Этому Начыну всего двадцать лет, не хотел же брать его на работу, хотел водителя со стажем хотя бы лет тридцати взять, если бы не продавщица, которая умоляла принять ее безработного брата. Зря пожалел и согласился. Как там Саяна? Оршээ, бурган! Помилуйте, боги! Только бы Саяна осталась в живых, оршээ, оршээ! Что

я сделаю там один? От этой мысли он замедлил скорость, остановил машину на обочине, долго сидел за рулем, держась за голову. Потом вышел, походил немного возле машины. Ночь в разгаре, до восхода солнца еще не скоро. Небо настолько ясное, что все звезды можно сосчитать. Призрачно светил полумесяц.

Набирая номер сестры, Адар-оол нервно ходил взад-вперед, пока не раздался ее голос:

— Алло! Что случилось, брат? Маме плохо? — затревожилась она сразу.

— Нет, сестра. С мамой все хорошо. Зять дома?

— Да. А что случилось, Адар? Что у тебя с голосом, брат, не пугай меня, говори же.

Адар-оол кое-как взял себя в руки и рассказал о том, что произошло.

— Не волнуйся, не бойся так, милый. Сейчас что-нибудь придумаем. Ты где сейчас?

— После «Лани» проехал порядочное расстояние.

— Тогда жди нас там. Мы скоро будем на «ГАЗели» и вместе поедем в Абакан. Нужна будет большая машина. Родители твоих работников уже знают о случившемся?

— Не знаю. Скорее всего не знают.

— Тогда позвоню тете Долзат. Адреса и телефоны Начына и Саяны у нее должны быть. Она еще с мамой работала, поэтому у нее вся наша бухгалтерия и информация по кадрам есть.

— Сестра, маме не говорите о том, что случилось, хорошо?

— Хорошо. Не скажем. С ее давлением и сердцем... плохо будет. А ты почему в Кызыле, брат? Вчера говорил, что в Абакан собираешься? — спросив, сестра сразу принялась успокаивать брата. — Что теперь, раз так все случилось. Мы с тобой, дорогой. Ты не один и не терзай себя. Вместе все переживем, будь сильным!

Услышав полные заботы и участия слова сестры, Адар-оол немного успокоился, на душе стало легче. На сестру всегда можно положиться. Она юрист, давно держит частную нотариальную контору, преуспевает в своем деле, даже два помощника у нее есть. Зять — известный борец, отзывчивый и душевный человек. С ними всегда надежнее. Хорошо, что догадался позвонить, а то один бы поехал, не зная, что делать.

А ведь и в самом деле — должен был вместе с Саяной ехать за товаром, но тут позвонила Юлия. Зря понадеялся на Начына. Если бы поехал сам, такого, может, и не случилось бы. Эх, Юлия, Юлия... Вспомнив, что его странной связи с этой девушкой вот уже два года, стал корить себя: «какой же я глупый». Он сам прекрасно понимал, что с этой яркой красавицей его связывает вовсе не любовь. Потому что Адар-оол знает, что такое настоящая любовь, сам любил и его любили. Пережил болезненный разрыв. Рана, нанесенная расставанием, несколько лет не заживала, пока он однажды на молодежной тусовке не встретил девушку Юлию, которая очень любила деньги. В тот же вечер она предложила заняться любовью и добавила, что собирается ехать отдыхать за границу и денег поездку не хватает. Адар-оол сразу понял ее намек, провел с ней страстную ночь и дал девушке столько денег, сколько она запросила. У нее было хорошее качество: получив деньги, она на некоторое время исчезала. Это вполне устраивало Адар-оола. Иногда Юлия пропадала на пару месяцев, но бывало и так, что в течение одного месяца дважды напоминала о себе. Адар-оол каждый раз после ночи, проведенной с ней, давал себе слово, что это в последний раз, но как только Юлия звонила, все забывал и спешил к ней. В последние месяцы девушка не давала о себе знать, и он даже начал забывать ее, но, когда она вчера позвонила, не смог ей отказать. Влечение к женскому телу и удовольствие, которое оно дарит холостому парню в самом расцвете сил, сильнее голоса разума.

Оставим на время Адар-оола с его тревожными мыслями. Встретимся с ним вновь, когда брат с сестрой справятся с выпавшим им трудным жизненным испытанием. А ни к чему

не обязывающая чувственная связь, удерживающая пока Адар-оола подле Юлии, когда придет время настоящей любви к прекрасной девушке, оборвется сама по себе, порвется тонкой ниткой.

...В палате реанимации на специальной кровати, к которой была подключена аппаратура для поддержания жизни тяжелобольных, лежала девушка без сознания. За ее состоянием наблюдали два хирурга, оперировавшие ее прошлой ночью. Из паспорта, который был при девушке, они узнали, что ее зовут Саяна.

Один из них, русский врач, глядя на Саяну, думал: «Сейчас она словно в аду. Несчастливая девушка испытывает крайнюю тревогу и ищет помощи. На лице написано все: хмурит брови, еле заметно, беззвучно двигает губами. Делает жующие движения. Пощипывает белье... значит, у человека душа выворачивается наизнанку, она слышит... и не слышит». Он сначала приоткрыл ее левое веко, потом правое, в свете маленького фонарика было видно, что глаза девушки ничего не выражали, они даже не моргнули и казались мертвыми. «Зрачки на свет не реагируют» констатировал врач и громким голосом позвал:

— Саяна! Са-я-наа! Держись! Держись за жизнь! Не сдавайся! Не уходи!

Тем временем Саяна была на берегу реки Чадаана, где выросла. На излучине реки увидела водоворот, крутивший воду глубокого омута. Над собой девушка увидела стеклянную лестницу, уходившую в самое небо. Поднимаясь по ней, она наткнулась на стеклянную дверь. Отворив ее, Саяна увидела подле себя бабушку. У нее больше ничего не болело, и это было так хорошо! Боль, недавно терзавшая горящими угольями спину, исчезла. Она подошла ближе к бабушке и только хотела взять ее за руку, как та закричала:

— Ты зачем сюда пришла? Не подходи ко мне, Саяна! Не приходи сюда больше! Не опускай руки! Держись за жизнь, Са-я-наа! — и исчезла...

Опять болит все тело... Почему такая тяжесть? Что это на меня давит?! Помогите?! Ма-ма-аа! Папа-а-а! Она понимала, что ее крик никому не слышен. Девушка могла только шепотом умолять, чтобы кто-нибудь погасил огонь, пожирающий ее спину, только бы погасил... бредила она вновь и вновь. Когда же закончится эта мука...

Саяна, открыв глаза, обнаружила себя в каком-то незнакомом ослепительно-белом пространстве «Где это я...» Придя в сознание, девушка начала постепенно вспоминать, что с ней произошло. Начын... Сколько раз она умоляла его: «не гони, сбавь скорость, езжай медленнее»... а потом на одном из поворотов машину занесло и они рухнули в крошечную тьму... «Аа-аа-аа!» закричала Саяна со страхом. Ни звука. Словно она онемела навсегда. Через какое-то время продолжила попытку крикнуть «аа-аа-аа», но рот словно клепом забили, и только где-то там, в глубине гортани, что-то слабо булькнуло. Полежала какое-то время, оставив попытку кричать. Никого нет, не слышно ни звука, тишина. «Что это со мной? Я умерла что ли? Тогда в какой мир попала? Если болит все тело, все мышцы и кости, значит, в ад? В царство Эрлик-хана?». От страха Саяна вновь закричала:

— Ава-ай! Ма-ма!

Опять нет голоса, сама себя не слышу. Неужели и в самом деле онемела? А что это такое ослепительно белое? Свет, снег или туман? Хочется пошевелиться, а не получается. Что это со мной? Лежу, придавленная снегом? Нет, нет, снег еще не выпал, сейчас еще осень. Когда глаза Саяны наконец-то привыкли, она внимательно всмотрелась и увидела над собой лампы дневного света. Это они так ослепительно светили. Сияющий неподалеку от нее круглый сосуд оказался стеклянным флаконом... откуда что-то спускалась вниз, кажется, прозрачная трубка... Да это капельница! Саяна только сейчас поняла, что находится в больнице.

Жива! Если бы я очутилась в верхнем или же нижнем мире, кто бы мне там лекарство капал? Зачем мертвому капельница? Саяна хотела осмотреться по сторонам, но голова была тяжелая как чугун. Когда с усилием пыталась повернуть голову, послышался стук каблуков. Саяна увидела русскую девушку в белом халате. Та увидела, что больная пришла в себя и быстро пошла обратно. «Это медсестра! Значит, я и в самом деле жива» — успела радостно подумать Саяна. Вскоре в палату вошли двое в белых халатах: пожилой врач был русским, а молодой с черным волосом — явно неславянской внешности. Старший шутливо поприветствовал пациентку:

— Ну, красавица наша, здравствуй!

Саяна засомневавшись в том, что у нее есть голос, но все-таки изо всех сил постаралась ответить:

— Здравствуйте!

Услышав себя, она широко улыбнулась. У нее появился голос.

— Вот, молодчина! Пережила клиническую смерть, пришла в себя с улыбкой! Долго будешь жить, Саяна!

Молодой врач тоже не скрывал своей радости:

— Твои родители будут очень рады, Саяна. Я им расскажу о тебе и передам от тебя привет, хорошо?

— Хорошо, — шепнула она.

Когда врачи ушли, она старательно пошевелила руками и обнаружила, что одна рука не двигалась совсем, как привязанная, а другую удалось кое-как приподнять. Она являла собой печальное зрелище: кожа вдоль вены была вся истыкана иглами от капельниц.

Чочагана и Нина приехали в Абакан навестить Саяну. При виде любимых подруг та горько расплакалась. Девушки попытались ее успокоить:

— Ничего, милая, потихоньку поправишься и на ноги встанешь, не плачь.

Саяна в ответ произнесла с горечью:

— Нет, не поправлюсь никогда. У меня позвоночник сломан в двух местах и спинной мозг поврежден. Одна нога тоже сломана. Не хочу на всю жизнь остаться инвалидом. Лучше бы я в аварии умерла... — зарыдала она еще горше.

Вдруг Чочагана побледнела и зашаталась. Нина едва успела подхватить подругу.

— Ой, Чочагана! Что с тобой? Позвать врача? Медсестра! Медсестра! — закричала она.

Тут же прибежала сестра с ближнего поста и, поддерживая Чочагану, которую не держали ноги, вывела из палаты с помощью Нины. Через какое-то время в палату вернулась одна Нина с радостной новостью:

— Саяна! Наша Чочагана беременна! Она даже мне не сказала об этом. Только что услышала, когда она врачу говорила.

От этой новости лицо Саяны тут же прояснилось, и она улыбнулась:

— Это же здорово! Бедненькие мои, как же вы в таком положении столько проехали, добираясь до меня? А обратно ведь тоже путь неблизкий. Как поедете? Я так рада, что вы меня проводили. Мне уже лучше. Спасибо вам большое. Только больше сюда не приезжайте. Меня скоро родители заберут в Кызыл, там я буду дальше лечиться в нашей городской больнице. Вот тогда-то и будете меня навещать, — бодро сказала она и от недавнего «лучше бы я умерла» не осталось и следа. Действительно от хорошей новости ей стало легче. В таком приподнятом настроении подруги обнялись на прощание. Нина пожелала Саяне быстро поправиться и заторопилась к Чочагане и Михаилу, ожидающим ее в машине.

Саяна месяц лечилась в хирургическом отделении республиканской больницы. А когда она выписывалась, Адар-оол Седипович снял для нее однокомнатную благоустроенную квартиру и попросил после больницы поселиться там. Саяна согласилась. Девушка по-прежнему не чувствовала своего тела ниже пояса. Самым трудным было то, что несколько раз в день ее кто-то должен был поднимать, словно малого ребенка, помогать снять использованный памперс, подмывать и надевать новый. Мама несколько дней ухаживала за дочкой, а потом, сославшись на неотложные дела в магазине, приставила к дочери родственницу и вернулась домой. Саяна часто плакала над тем, что ей выпала судьба быть прикованной к постели, проводила в кровати бесконечно повторяющиеся дни и ночи. Иногда смотрела телевизор, много времени проводила в интернете, заходя в него со своего телефона.

Однажды в дверь квартиры кто-то постучал. Тетя Байлакмаа пошла открывать и, ответив на приветствие незнакомого молодого человека, вопросительно уставилась на него. Тогда незнакомец попросил:

— Я пришел к Саяне, разрешите войти?

Со словами «конечно, проходите» тетя пропустила его в квартиру. Открыв дверь в комнату Саяны, сообщила: «К тебе пришли, сестренка», и проводила удивленным взглядом одетого с иголки красивого молодого мужчину. Поставив у двери набитый доверху огромный пакет, Адар-оол Седипович подошел к кровати.

— Здравствуй, Саяна! — поздоровался он, и сел на стул у кровати.

У Саяны при виде мужчины вдруг порозовело лицо. Вспомнив свое беспомощное состояние и жалкий вид, она, не сумев сдержать слез, отвернулась к стене и заплакала.

В это время раздался голос тети Байлакмы:

— Пока вы общаетесь, я ненадолго оставлю вас, схожу в магазин за молоком.

— Не плачь, Саяна! Не переживай, я же говорил, что ты поправишься. Сейчас только время нужно. Потерпеть надо. Я тебе во всем буду помогать, оплачу все необходимое лечение. Только не опускай руки. Слышишь? — он протянул Саяне бумаги, которые держал в руках. — Посмотри, что это, прочитай.

Саяна немного успокоилась и, вытерев слезы, обернулась.

— Бери давай! — Адар-оол, широко улыбаясь, протягивал ей какие-то бумаги.

— А что это, Седипович? — спросила девушка.

— Во-первых, не называй меня Седиповичем, я же говорил тебе, чтобы ты звала меня просто Адар-оолом. Во-вторых, сама узнаешь, когда прочитаешь бумаги. Так что держи давай, — сказал он.

Саяна взяла бумаги и начала читать. Сначала по выражению ее лица было видно, что девушка ничего не понимала, потом постепенно до нее дошел смысл написанного и ее лицо прояснилось. Закончив читать, Саяна посмотрела в глаза Адар-оола:

— Вы мне эту квартиру... отдадите насовсем, Седипович?

— Это не я тебе отдаю эту квартиру, а квартира тебе принадлежит, Саяна. Я купил ее на твоё имя. Дом на земле тебе не подойдет. Так что теперь ты хозяйка благоустроенной квартиры. Надо обмыть покупку, давай вместе отпразднуем. Я шампанское принес.

Он из кухни принес три пиалы, открыл бутылку и разлил шампанское со словами:

— Одну пиалу оставим твоей тете. А мы поднимем бокалы за твою новую квартиру. От глотка шампанского тебе плохо не будет, возьми.

Девушка взяла импровизированный бокал, но все равно возразила:

— Седипович, вам не нужно было квартиру на меня оформлять, лучше бы она была на вас записана. Что теперь скажет ваша мама? Я не могу от вас принять такой дорогой подарок.

— Не говори так, Саяна. Мама знает о квартире. Никто не может обсуждать мое решение, ни моя сестра, ни зять, — сказал он решительно и поднял пиалу. — За твою новую квартиру!

Седипович чокнулся с Саяной и оба осушили пиалы, в которых крошечными пузырьками пенилась янтарная жидкость. Шампанского было налито как раз на один глоток.

Саяна все равно сомневалась:

— Тогда давайте о том, что квартира моя, никому не скажем, Седипович. Если со мной что случится, вы обратно ее заберете.

— Ничего не случится, ты поправишься! Ладно, если не хочешь никому говорить, так и быть, никому не скажем, — согласился Адар-оол. Когда он включил телевизор и начал перебирать каналы в поисках интересной программы со словами «что будешь смотреть?», Саяна вновь перечитала документы на квартиру, бережно положила их в сумку у кровати и посмотрела на Адар-оола:

— Большое спасибо, Се... Адар-оол! Принять это очень непросто. В это время пришла тетя Байлакмаа и Адар-оол засобирился:

— Буду навещать тебя, Саяна, а пока мне надо идти.

Как только он вышел, тетя Байлакмаа сразу начала рыться в большом пакете, принесенном гостем. Там были несколько книг, журналов, памперсов, продуктов...

— А это что, — спросила она громко, и прочитала вслух:

— Кор-сет-ный пояс.

Саяна позвала ее:

— Тетя! Иди сюда, возьми вон ту пиалу, подними шампанское. Адар-оол тут шампанское открывал.

— Шампанское?! А за что пить-то...

— За что? Мало ли причин, тетя. За то, что я выписалась из больницы хотя бы. За то, что вернулась с того света. За то, что осталась жива...

Тетя Байлакмаа больше не ухаживала за Саяной день и ночь. Теперь она, поменяв племяннице памперс, могла уходить на полдня, и иногда возвращалась довольно поздно. «Наверное, приходит сюда через силу, и только из-за того, что платят», — думала Саяна, и решила не сидеть в ожидании, когда кто-нибудь приготовит ей поесть. Сколько можно — хватит. Передвигаясь в инвалидной коляске, она наловчилась варить себе чай и даже посуду мыть. Могла и еды приготовить. Однажды пригласила к столу и тетю, когда та, как обычно, припозднилась:

— Кушай, угбай, это конечно не ресторанная еда, но подкрепиться можно.

Однажды вечером попросила тетю:

— Давай, угбай, завтра с утра пораньше помоемся в ванной. В десять придет массажист. Адар-оол звонил, что договорился с мужчиной, который будет каждый день приходить делать массаж.

— Ах, какой хороший парень этот Адар-оол! Не нарадуюсь, как он о тебе заботится. Даже квартиру арендовал. А теперь массажиста нашел, — восхищалась тетя Байлакмаа. А Саяна подумала с улыбкой: «если бы ты еще узнала, что он мне эту квартиру купил, угбай».

— Как ты думаешь, тетя, массаж поможет? Хоть бы ноги начали чувствовать и оживать, тогда бы я потихонечку начала ходить...

— Хорошо, искупаемся завтра в ванне. Ты же спортсменка, руки у тебя крепкие, сама, упираясь ими, сможешь забраться в ванну и вылезти, а мое дело ноги тебе поднимать, дунмай. У нас получится.

На следующее утро, приняв ванну и переодевшись в чистое с помощью тети, Саяна ждала массажиста. Вдруг она почувствовала смещение:

— Угбай, подай мне мой легкий платочек. Хочу закрыть им лицо.

— Зачем?

— Не хочу, чтобы он видел меня, чтобы знал в лицо. Он же спину и ноги будет мне массажировать, зачем ему меня видеть. Просила же Адар-оола женщину-массажиста, а он специально нашел мужчину, говорит, что нужен сильный человек, чтобы мог и перевернуть, а потом постепенно учить ходить. Сказал — женщине не справиться.

— Правильно говорит, — поддержала Адар-оола тетя.

В это время раздался звонок в дверь. Байлакмаа пошла открывать...

После аварии прошло почти полгода. Саяна все еще была прикована к кровати. Переломы давно срослись, но тело ниже пояса так и осталось бесчувственным. После Херела сменилось три массажиста. Они старательно разминали мышцы, но результата не было никакого. Тетя Байлакмаа все так же продолжала ухаживать за девушкой, приходя помогать утром и вечером. Большую часть времени Саяна вынуждена была проводить в кровати, лишь иногда пересаживаясь в инвалидную коляску и передвигаясь по квартире. На улицу она не выезжала ни разу. Девушка горячо надеялась на то, что массаж поможет вернуть ногам подвижность. Но постепенно приходило ужасное осознание, что ходить ей больше не суждено, что надежды больше нет. Она совсем упала духом. Одна радость осталась — заглядывал Адар-оол. Кроме него почти никто и не приходил. Да и подруг, и друзей у нее, кроме Чочаганы и Нины, никогда не было. А они далеко. Изредка ее навещал кто-нибудь из родни, проживающей в городе. Правда, родители каждые выходные приезжали из Чадана — то вместе, то по очереди.

Когда послышался звук отпираемого замка, от мысли, что это может быть тетя Байлакмаа или еще лучше — Адар-оол, у Саяны сразу посветлело на душе. И действительно, Адар-оол Седипович, войдя в квартиру, спросил с порога:

— Здравствуй, Саяна! Ты одна?

— Здравствуй, Адар-оол. Да, я одна, — ответила радостно, и ей самой понравилось, как бодро и приятно прозвучал ее голос. Саяна схватила зеркальце рядом с подушкой, мельком взглянула в него и причесалась. Невидимый Адар-оол, запирая дверь квартиры, попросил:

— Саяна, извини, мне надо зайти в туалет.

Как только за ним закрылась дверь, вновь раздался звук отпираемой двери и в квартиру зашел кто-то еще. Саяна вся обратилась в слух. Раздался мамин голос:

— Входите.

Мама пришла не одна. Вскоре она зашла к дочери с мужчиной средних лет и привычно напористо сразу приступила к делу:

— Саяна, это адвокат. Мы, посоветовавшись с отцом, проконсультировались с адвокатом и готовим иск в суд. Будем привлекать к ответственности владельцев магазина за то, что по их вине нанесен вред твоему здоровью. Мы заставим их оплатить ущерб. Это из-за них такая молодая и здоровая девушка как ты стала инвалидом. Ведь ты по их поручению поехала в командировку и попала в ДТП.

Саяна сначала ничего не поняла и переспросила:

— Какое заявление? Что за ущерб?

— Мы заставим их заплатить нам крупную сумму. Они богатые люди — предприниматели, смотри какой у них большой магазин, наверняка денег хватает. Пусть платят.

Только тут до Саяны дошло, и она рассердилась:

— Перестаньте! Это еще что такое? Они тут при чем? Они ни в чем не виноваты.

— Почему это не виноваты? Вы же в их машине во время рабочей поездки попали в ДТП. Молодой парень погиб, а ты стала инвалидом, — голос мамы начал срываться на крик. В это время адвокат решил вмешаться:

— Если мы проведем проверку технического состояния машины, соблюдение режима работы и отдыха водителя, выясним, была ли необходимость отправки машины в долгий путь в ночное время, проверим медкарту водителя на предмет регулярного медицинского освидетельствования у нас наверняка появится повод обратиться в суд с иском с заявлением, и вы за причиненный вашему здоровью вред сможете выиграть крупную сумму денег.

При этих словах Саяна вышла из себя:

— Водитель виноват! Только он! Виновного уже нет в живых, и зачем вам понадобилось поднимать этот вопрос?!

— Когда человека нет в живых, кто будет разбираться, виноват он, в самом деле, или нет? Тебе всего лишь надо дать в суде соответствующие показания, и все. Заявление уже готово, поставь подпись. Адвокат тебе подскажет, как и что говорить в суде, — настаивала мама.

— Не буду подписывать ничего! Начын сам виноват, и все! Он ехал на большой скорости. Я не раз его просила сбавить скорость, он меня не слушал. Мне потом девочки продавщицы сказали, что перед тем, как ехать в Абакан, он не спал всю ночь, рубился на игровых автоматах. Не буду подписывать ваши бумаги! А если будете судиться, в суде скажу то же самое, что и сейчас, — выпалив это, Саяна посмотрела на маму:

— А теперь выйдите вон! Мама, больше не приходи сюда! Ты за это время несколько раз сказала, что я инвалид. Это моя судьба, моя боль, мне с этим еще жить, а ты мне делаешь еще больнее. Вон отсюда! — голос девушки задрожал, она указала рукой на дверь. — Уйдите из моего дома!

Саяна откинулась на подушки и закрыла лицо. Мама с адвокатом тихо вышли из квартиры. Из туалета вышел Адар-оол, ставший невольным свидетелем бурной перепалки.

Адвокату с мамой и в голову не могло прийти, что владелец магазина, которого они стремились засудить, находился в двух шагах от них. А Саяна за это время уже успела о нем забыть. Он тихо подошел к кровати плачущей девушки и нежно позвал:

— Саян!

Та вздрогнула и обернулась:

— Ой! Адар-оол, ... а я забыла о тебе... из-за мамы... Ты все слышал?

Ей стало нестерпимо стыдно. Саяна покраснела и отвела взгляд. Уставилась в потолок.

— Я все слышал и благодарен тебе. Ты меня так яростно защищала и отказалась давать показания против меня. Даже не знал, что бывают такие девушки. У тебя прекрасная душа, Саяна. Откровенно говоря, я потерял веру в девушек. Моя первая любовь после школы уехала учиться в другой город и там сошлась с другим. А после этого... — Адар-оол запнулся и, не досказав, обратился к девушке: — Саяна, я обязательно вылечу тебя. Мы поедем в большие города. Я покажу тебя самым знаменитым врачам.

Он присел на стул у кровати, взял руку Саяны в свои ладони. Сердце девушки бешено билось. От волнения она покраснелась еще пуще, но решительно посмотрела прямо в глаза Адар-оола. Его лицо сияло радостью, глаза светились от нежности. Когда взгляды двух молодых людей встретились, между ними словно пробежал электрический разряд. Они долго молчали, глядя друг другу в глаза, не разнимая сплетенных рук.

Адар-оол начал приходить к Саяне почти каждый день. Они перепробовали множество методов лечения. Массаж, компрессы и другие, более сложные и болезненные процедуры не давали никакого результата. На расспросы девушки врачи определенного ответа не давали.

Надежда на выздоровление таяла с каждым днем, и от отчаяния опускались руки. Саяна держалась только благодаря поддержке и вере Адар-оола. В середине весны заметно потеплело. Два раза в неделю Адар-оол вывозил Саяну в инвалидной коляске на велосодорожку. Однажды, когда они неторопливо гуляли вдоль берега, навстречу им попались две девушки. Они шли, весело переговариваясь и смеясь, и поравнялись с ними, одна из них узнала Адар-оола:

— Ой, это ты Адар-оол? — спросила она, не скрывая удивления.

Адар-оол не ответил на вопрос, и молча продолжил путь, толкая коляску перед собой. Саяне очень хотелось спросить, кто эта девушка, но она не осмелилась. Только отметила про себя вызывающе яркую ее красоту и почувствовала укол ревности. Оба забыли, о чем только что оживленно беседовали, и замолчали. Каждый задумался о своем, и никто даже предположить не мог, как последствия этой встречи могут изменить их судьбы.

Вечером, когда Адар-оол ужинал дома с матерью, раздался телефонный звонок. Он вышел в другую комнату, чтобы ответить:

— Слушаю.

— Адар-оол, эта девушка-инвалид тебе кто?

— Тебя не должно касаться то, с кем я, и что со мной. Больше мне не звони, Юлия.

— Хорошо, больше не буду спрашивать тебя ни о чем. Действительно, какое мне дело до инвалида, — рассмеялась она. — Приходи этим вечером в наш номер, буду ждать.

— Нет, не приду. Сказал же тебе, не звони. И встречаться с тобой больше не буду. Найди себе другого. Не может быть, чтобы у тебя никого не было. Ты наверняка не страдаешь от отсутствия мужского внимания.

— Ты что ревнуешь, Адар?

— Да было бы с чего тебя ревновать, подумай! — и, с мыслью, что необходимо с Юлией порвать окончательно, добавил, — У меня есть любимый человек, поэтому мне больше никогда не звони. Я тебе ничего не обещал, никогда тебя не любил, а что касается наших редких встреч, я за них расплачивался крупными суммами, и мы оба знали, что эта связь нас ни к чему не обязывала.

Этими словами он закончил разговор и отключился. Вернувшись в комнату, Адар-оол заметил беспокойство в глазах матери. ...

После ужина тетя Байлакмаа собралась провести своих детей и предупредила, что придет поздно. Саяна посмотрела телевизор, затем начала листать ленту новостей в телефоне и увидела, что ей на мессенджер пришло сообщение от незнакомого человека. Она с любопытством начала читать:

«Саяна, я узнала о тебе все. У тебя нет ни парня, ни мужа. Чем это ты взяла Адар-оола? Чем привязала его к себе? Без помощи черной магии не обошлось, скорее всего. Наверняка ты сделала приворот. Иначе на кой черт бы сдался такому красавцу и завидному жениху, как Адар-оол инвалид-колясочник. Ты хоть раз думала, зачем ты ему нужна? Он же из жалости тебе помогает и рядом находится. Сейчас же отстань от моего парня, сука!».

Саяну словно по голове ударили, в глазах потемнело, а сердце пронзила острая боль, словно в него воткнули горячую спицу. Девушка закричала, заплакала в голос. Через какое-то время, выплакавшись, немного успокоилась и решила ответить. Несмотря на шок, ей все-таки хотелось узнать, кто это предьявляет права на Адар-оола и попытаться самой до правды. На ее вопрос «Кто ты?» незамедлительно последовал ответ «Я девушка Адар-оола. Мы с ним уже два года. А ты никогда не сможешь ходить. У тебя разрыв спинного мозга. Неужели врачи тебе об этом не сказали? Адар-оол об этом тоже не знает. Зря надеешься, что

когда-нибудь начнешь ходить». Последнее заявление вновь вызвало у Саяны взрыв слез. Неизвестно, сколько времени она кричала во весь голос и плакала навзрыд. Вскоре у нее заболело горло и сел голос. Саяна вновь взяла сотовый в руки. От слез буквы в клавиатуре двоились. Девушка вытерла глаза, набрала и отправила смс: «Врешь. У Адар-оола нет девушки». Немного погодя на телефон пришло видео. Саяна дрожащими руками кое-как нажала на воспроизведение. На экране появилась комната. Ее полумрак освещался только светом ночника на прикроватной тумбочке. А на широкой двуспальной кровати страстно занимались любовью двое. На парне сидела тоненькая девушка с распущенными по плечам волосами. Вскоре они, обнявшись и жадно целуясь, перекатились, не разнимая рук, по широкой кровати — девушка оказалась внизу, а парень наверху. И это был Адар-оол!

Саяна дико закричала и начала бить телефоном по столу, разбивая его в хлам, и никак не могла остановиться.

Юлию на подлость и обман толкнула зависть. Из-за нее она писала оскорбительные смс-сообщения Саяне. И зависть заставила отправить видео ни к чему не обязывающего секса, как доказательство любовной связи с Адар-оолом. Видео, записанное тайком от парня во время их очередного свидания в гостиничном номере. Юлии было невыносимо больно признать, что ей, такой яркой и красивой, предпочли девушку-инвалида.

Редкие встречи Юлии и Адар-оола не могли называться любовью. Между ними как раз и не было никакого чувства любви друг к другу, только физическое влечение. И встречались они только для удовлетворения потребности в сексе. Свободные отношения без обязательств и любви. Тем более Юлия, как и некоторые ее подруги, привыкла извлекать еще и пользу для себя, зарабатывая этим деньги.

А если Юлия не любила Адар-оола никогда, то почему она заревновала его к Саяне? Это резонный вопрос. Нет, Юлия не любила, и никогда никого не собиралась любить. И не надо завидовать ее яркой внешности и стройному телу. Она жалкое существо с мертвой душой, не способной на глубокие чувства и переживания. Юлия не умеет любить, не верит никому, доброта никогда не была ее душевным качеством, а внутри красивой оболочки всегда скрывались зависть, ненависть и мстительность. В природе никогда не бывает пустоты, если из души человека уходят добрые чувства, то их место занимают мстительность, зависть, ненависть и страх.

Юлия относилась к Адар-оолу как к своей собственности. И поэтому, конечно же, ей не захотелось терять состоятельного клиента, щедрого на чаевые. Где еще найдется мужчина, без лишних слов «отстегивающий» за секс столько, сколько она просит.

Никому здравомыслящему в голову бы не пришло завидовать Саяне в ее нынешнем положении. Парализованная девушка может пробуждать разве что сочувствие. Но у Юлии нет к ней ни капельки жалости. Наоборот, одержимая ненавистью, она с маниакальной страстью жаждет отомстить обидчице и уничтожить ее. Такую ущербность души ничем не исправить, и излечить от патологической зависти, хронической ненависти и одержимости мстительностью невозможно.

Вернувшись в этот день поздно вечером, тетя Байлакмаа с порога почувствовала неладное. В квартире стоял едва уловимый незнакомый запах. Переобуваясь в тапочки, она позвала «Саяна!» Тишина. В комнате девушки не оказалось. Тетя обнаружила ее на кухне. Саяна сидела спиной к окну, странно свесив голову на грудь.

— Саяна!

Девушка даже не шевельнулась.

— Ой, дадайым, ты заснула что ли? — тетя потрясла девушку за плечо. И тут тетя Байлакмаа

увидела, что на пол под коляской расплылась целая лужа крови! От ужаса тетя Байлакмаа еще сильнее начала трясти племянницу за плечо:

— Саяна! Саяна! — поняв, что она не отзывается, тетя дотронулась до ее лба. Он был ледяным. Тут женщина выбежала в подъезд с криком:

— Помогите! Племяннице плохо! Вызовите «Скорую»!

Соседи, встревоженные криком, начали выходить из своих квартир. Некоторые бросились вызывать «Скорую», другие звонили в полицию...

ШАНГЫР-ООЛ СУВАН

БИОГРАФИЯ

Прозаик, драматург. Родился 7 июля 1949 года в селе Ак-Дуруг Чаа-Хольского района Тувинской автономной области¹. Окончил филологический факультет Кызылского государственного педагогического института (1976). Работал учителем в Нарынской средней школе, корреспондентом кожуунной газеты «Улуг-Хем», редактором в Тувинском радиокомитете, заведующим отделом редакции газеты «Шын». Литературную деятельность начал в 1976 году. Работает в жанрах поэзии, прозы, драматургии. «Весна сына» (1976) — первое стихотворение. «Гости из Хун-Херела» (1992) — первая книга. За повесть «Письмо» стал дипломантом на Всероссийском семинаре в городе Пицунда (Грузия)². Член Союза писателей России (1999), Союза писателей России (1999). Перевел рассказы Г. Троепольского.

Народный писатель Республики Тыва.

ОЛЕНЕНОК ЭЗИРЕК

Перевод Игоря Принцева

Что-то холодное приятное коснулось лица спящего мальчика Артыша. Он спросоньи подумал, что к нему ластится его любимый щенок Хартыга (Соколенок) и недовольно пробурчал: «Уйди, Хартыга. Не даешь спать».

— Утреннее солнце уже заглядывает через хараача (обруч юрты) в юрту, а ты еще спишь — послышался голос старшего брата. — Это недостойно настоящего мужчины.

Артыш всегда хотел быть настоящим мужчиной и поэтому, хотя с трудом, поднял голову и открыл глаза. Перед ним стоял рыжий козленок.

— Какая наша коза принесла козленка? — спросил мальчик, вспомнив что козы аала¹ (стойбища) сейчас почти каждый день приносят козлят, потому что ранняя весна время окота коз.

— Разуй шире глаза! — сказал брат. — Ты что! Перестал различать домашнего животного от дикого.

Сон мальчика как ветром сдуло — около него стоял совсем маленький олененок с мелкими белыми пятнами на спине. Мальчик сел на колени и коснулся щекой черный как древесный уголь нос олененка — он был приятно холодный.

— Какой красивый! — удивился Артыш, а потом, вспомнив что у него должна быть мама, спросил. — А где его мама?

— Нет у него мамы — угрюмо ответил брат.

¹ Аал — традиционное хакасское поселение сельского типа.

— Ты ее убил... на охоте... — прижал к себе олененка мальчик.

— Я настоящий охотник! — рассердился брат. — И ты знаешь, настоящие охотники на самок не охотятся. Его мать на самострел напоролась... кто-то поставил его на оленей тропе... А я хожу на охоту с луком и стрелами.

Вдруг олененок начал сосать ухо мальчика, Артышу стало щекотно и он невольно засмеялся.

— Голодный он — серьезно сказал брат. — Тебе я его принес, чтобы выходил. Мама наша коров доит. Идти, дай ему теплого молока, но немного, а то живот расстроится.

Артыш взял в руки олененка и выбежал из юрты.

— Мама, мама! — позвал он маму. — Брат принес олененка, надо его напоить молоком.

Мама поставила берестяное ведро с молоком на землю и позвала рукой брата, который вышел из юрты вслед за Артышом:

— Объясни! — потребовала она жестко. — По какой причине олененка ты принес в аал?

— Кто-то поставил самострел на тропе оленей — ответил сын.

— А где туша оленихи? — спросила мама.

— А тот, кто поставил самострел не пришел за добычей во время, она испортилась. А олененок около матери находился, пришлось мне принести его в аал, чтобы Артыш выходил его и отпустил обратно в тайгу.

Мама погладила на олененка и сказала:

— Бедненький!

— Я буду ухаживать за олененком старательно — сказал Артыш. — Давайте, его назовем Эзиреком. (на тувинском языке слово «Эзирек» имеет значения «маленький олененок», «маленький орленок»)

— Олененок Орленок что ли — передразнил его брат.

— Пусть будет Олененок Эзиреком, вот у него щенок Хартыга Соколенок — согласилась мама и наказала. — Гляди за собаками аала. Для них олененок зверь за которым надо охотиться.

— Олененька я познакомлю с моим щенком Хартыга, они будут друзьями и Хартыга будет защищать его от других собак — по-детски наивно сказал Артыш.

— Ну, ты даешь — покачал головой брат. — Олененок у тебя орленок, а щенок соколонец. Не звери, а птицы...

— Давай, первым делом напоим олененка немного молоком — напомнила мама.

Напоив олененька молоком из самодельного кожаного соска, мальчик пустил его в толпу козлят. Те сразу окружили олененька, со всех сторон обнюхивали, очень шустрые даже пытались боднуть его. Олененок тоже обнюхивал их своим маленьким черненьким носиком, брезгливо морщился и чихал. Скоро козлята потеряли интерес к олененьку и направились на небольшую горку, чтобы там побегать и полазить по невысоким камням.

Мальчики аала всех собак привязали, чтобы они не пугали олененька. Только маленький щенок Хартыга бесполезно пытался поиграть с олененьком, но тот не обращал на него никакого внимания.

Через некоторое время олененок Эзирек привык к козлятам, ходил с ними на гору недалеко от аала щипать траву, но все равно держался от них чуть в стороне. Вскоре даже собаки перестали лаять на него, потому что олененок пропитался запахом стойбища и домашних животных.

В один ясный летний день всех козлят и ягнят аала, которые родились в этом году, метили меткой рода, разрезая их уши особым образом. Один из людей в шутку предложил меткой

рода метить и олененка Эзирек. Остальные отобрили его предложение и на одной из обеих его ух аккуратно вырезали метку рода.

К осени олененок Эзирек вырос в настоящего молодого оленя. В нем все больше проявлялось природное дикое оленее — начал часто уходить в лес, иногда пропадал дня на два или три. Тогда Артыш тоже уходил в лес искать своего оленя. Эзирек возвращался, но в аал уже не заходил, кружился вокруг, слышен был его трубный зов. На его зов шел Артыш и олень позволял ему приближаться к себе, но близко не подпускал. Да и собаки аала, чувствуя приближение оленя, лаяли на него.

Мать Артыша, видя как переживает сын уход своего оленя от него, говорила:

— Больше не ищи, не зови оленя, твой Эзирек не домашнее животное, он дикий зверь. Это у него в крови, от природы.

Зная неизбежность расставания сына со своим оленем, она только жалела Артыша.

Когда олень долго пропадал в тайге, его терпеливо ждал Артыш, да и весь аал, а когда послышится его трубный голос, мальчик тоже звал: «Эзире-э-эк! Орлено-о-ок!» и шел на его зов. Показавшись мальчику, олень опять уходил в тайгу. После одной таких встреч олень не вернулся совсем. Артыш и все члены аала ждали последнюю такую встречу, но она не состоялась.

Долго грустил мальчик по своему оленю которого называл Орленком. Да и в аале помнили о нем, как только перекочевывали на летнее стойбище, тут же вспоминали оленя за которым целое лето ухаживал мальчик Артыш.

— Вот бы еще раз увидеть его — говорили в аале. — Наверно, он стал большим и сильным вожаком.

— Он особенный олень — гордо говорили. — На нем метка нашего рода. Во всей нашей священной тайге нет такого оленя!

Прошло несколько лет. Артыш стал настоящим охотником. Во время охоты, когда видел оленей, часто вспоминал своего оленя, представлял себе каким он стал красивым и сильным. Даже мечтал увидеть его, и представить не мог себе, что их встреча состоится.

В тот год все юрты аала ранней весной переехали на летнее стойбище, потому что природа была теплая, благоприятная для выращивания молодняка на сочных травах альпийских лугов.

Братья Артыш и Чойган рано утром пошли на охоту. Они знали где в это время могут пастись олени и были уверены что вернутся с хорошей добычей. Они безшумно, почти как тени, появились на верхнем краю поляны, что находился с юго-восточной стороны хребта. Такие поляны излюбленное место утренней пастбы оленей. И действительно, там спокойно шипали траву несколько оленей. Так как охотники находились на возвышенности, их запах растворялся в воздухе, не опускаясь вниз, поэтому олени не чувствовали нависшей над ним опасности.

— Вот, тот, который выше всех мой — прошептал Артыш брату, вынимая стрелу из колчана за спиной, Чойган молча кивнул головой.

Артыш безшумно приподнялся на одно колено, крепко уперся им в землю, натянул тетиву лука, прицелился в подмышку где самое уязвимое место оленя — сердце, прошептав про себя молитву охотника: «О, моя богатая тайга, не дай упустить мне свою добычу», разжал пальцы — стрела улетела в цель, и тут же самый сильный стаде олень вдруг, прямо с места, высоко подпрыгнул и быстро убежал в лес. Остальные олени на миг остелбенели от странного поведения своего вожака, и быстро побежали за ним.

Чойган, который наблюдал как стрелял брат:

— Точно попал, далеко не уйдет. Пойдем, посмотрим след — сказал довольный.

И действительно, след оленя был кровавый. Пошли по следу, и скоро наткнулись на мертвого оленя. Он лежал, гордо откинув голову, а ноги были в таком положении, будто он еще бежит, уводя свое стадо от опасности.

Вынув нож из ножны, Артыш сказал:

— Давай, я выну наконечник своей стрелы — и наклонился над оленю, чтобы разрезать рану и вытащить оттуда что осталось от стрелы — и вдруг весь испугано встрепенулся, закачался на месте, и попятился назад.

— Что с тобой? — удивленно спросил Чойган.

— Посмотри, брат! — сказал Артыш: — Он мой олень!

— Да, он твой олень, твоя добыча — подтвердил Чойган.

— Я убил своего оленя, своего Олененка-Орленка... На его ухе наша родовая метка!

Брат наклонился над оленю:

— Да! Точно он! Твой олененок Эзирек, Орленок! На нем метка нашего рода! — он опустился на колени и начал причитать. — О, великая наша тайга! Прости нас, грешных...

Артыш неподвижно стоял, и пустыми глазами смотрел в небо. Чойган толкнул его рукой и сказал:

— Проси у нашей священной тайги прощения...проси прощения у духа нашего оленя...

Артыш опустился на колени. Он хотел, чтобы все это было только страшным детским сном. Хотел, чтобы его маленький олененок додронулся до его щеки своим маленьким черным носиком, и от его приятного холодка он проснется...

МАЛЬЧИК ИЗ СТРАНЫ СКАЗОК

Перевод Игоря Принцева

Мальчишки, наевшись красной смородины, что росла под серыми тальниками, которые протянулись вдоль берегов небольшой речушки, собрали её ещё и гроздьями полные ладони, легли на зеленую лужайку, чтобы с удовольствием покушать ягоды.

Довук на свете солнца рассматривал небольшой гроздь смородины, ягоды показались ему ярко-красными бусами, нанизанные на нитку.

— Бай-Бег, есть ли на твоей родине вот такие красные красивые ягоды? — спросил он друга.

Бай-Бег ответил не сразу, поворачивал гроздь ягод на свете солнца.

— Есть — сказал он. — Только вот цвет этих ягод холодный.

— Холодный?! — удивился Довук. — А что, есть и холодный цвет.

— Есть... холодные ягоды... как здесь.

Довуку стало обидно, что ягод его родины друг назвал холодными.

Он приподнялся на локоть:

— В лютые морозы моей родины ты замерзал, поэтому наши ягоды даже летом тебе кажутся холодными — сказал ехидно, а потом сердито спросил. — А что! На твоей сказочной родине есть ягоды теплого цвета?

Бай-Бег не торопился отвечать, смотрел на высокое летнее небо, где неторопливо плыли куда-то белые облака. Довуку показалось, что его друг, как и эти облака, улетает в свою сказочную страну, что рассказывал много раз мальчикам и девочкам окрестных аалов¹.

— Наверно, есть — наконец-то ответил Бай-Бег. — Я только здесь понял, что цвета бывают теплые и холодные.

— Интересно! — удивился Довук.

— Тебе этого не понять — как-то по-взрослому сказал Бай-Бег. — Тебя в рабство в другие земли не угоняли.

Довуку показалось, что он чем-то очень сильно обидел своего друга.

Бай-Бег сын раба строителя, что руководит строительством уйгурской крепости в местности Даг-Ужу. Молва об отце Бай-Бег, искусного строителя и ремесленника, была широко известна племенам и каждый военный вождь желал его взять в плен только живым и невредимым. И эта молва хранила отца Бай-Бег и мальчика от верной смерти. Они, как рабы, переходили с рук вождя одной племени в руки вождя другой племени. Таким образом отец и сын оказались на этой суровой земле.

Бай-Бег много рассказывал своим сверстникам о родине своего детства, где он счастливо жил с матерью и отцом. Рассказы мальчика были погожи на сказки. Там было вечное лето, что было очень удивительно для мальчиков и девочек, которые не представляли себе этот мир без зимы, снега и морозов. За эти необыкновенные рассказы ребятна стала называть Бай-Бег «Мальчик из страны сказок». Только одно обидно было им — там тоже, как и здесь, взрослые воевали и гибли мальчики, девочки.

— Когда мы станем взрослыми мы отправимся на твою родину — сказал Довук.

Бай-Бег внимательно посмотрел на него и удивленно спросил:

— Как!?

— Соберём сильное войско и освободим твою родину, поедим сладкие ягоды теплого цвета.

Бай-Бег, видевший много сражений и смертей, познавший судьбу раба, промолчал. Он понял, что это всего лишь душевный порыв его друга.

В это время:

— Дову-у-ук! Дову-у-ук! — позвал кто-то.

— Мой брат — узнал голос мальчик.

— Меня тоже, наверно, отец потерял — сказал Бай-Бег.

Мальчики встали и побежали в сторону крепости, что строили уйгуры, куда были согнаны мужчины аалов².

Недалеко от крепости Довука ждал его брат.

— Поедешь в аал и привезешь еды — сказал он.

— У нас еды достаточно, я недавно... — удивился мальчик.

— Недостаточно! — оборвал его брат. — Езжай домой и привези еды, чтобы у нас её было достаточно.

— Можно со мной поедет Бай-Бег? — спросил мальчик.

— Нельзя — ответил тот.

— Глава уйгуров разрешит — возразил Довук. — В прошлый раз Бай-Бег со мной ездил же в аал.

— Один поедешь — жестко сказал брат. — Уйгуры запрещают нам общаться с рабами. И нам тоже этого не нужно.

В аал мальчик приехал поздно вечером. Съел жаренное просо в ореме³ и лег спать.

Он проснулся от топота конских копыт и громкого разговора людей. По-привычке он посмотрел на хараача, обруч юрты, первые лучи солнца только что коснулись его, и понял, что ещё очень рано. Довук вышел из юрты и увидел, что в аале собрались много мужчин,

² Стойбище.

³ Сливки молока.

почти все были в военных доспехах и при оружии, копы прислонены к юртам, боевые кони привязаны к арканам, протянутыми между коноязвами и деревьями недалеко от юрт. Среди воинов он узнал главу боевой сотни своего племени дядю Кучу-Маадыр.

Мальчики аала, увидев Довук, тут же подбежали к нему и окружили его.

Один из них сказал с явной завистью:

— Взрослые тебя хвалят.

Довук удивился:

— Почему?

— Говорят, что ты привез весть о разгроме крепости уйгуров.

— Ничего я не привозил! — удивился Довук. — Брат послал... за едой.

— За едой его послали! Ты не делай вид, что ничего не знаешь — сказал один из мальчиков. — Прошлой ночью наши разгромили крепость уйгуров. Всех, кто ждал весть о нападении, оповестил ты.

— Никого я оповещал... — недоумевал Довук.

Интерес мальчиков к нему тут же погас и они пошли к воинам.

«А что с братом, Бай-Бегом и его отцом!» стукнуло в голову Довук. Он побежал к своему коню, которого вечером он привязал к колышку длинным арканом, чтобы он мог ночью пастись на лужайке недалеко от юрт. Быстро надев узду на голову коня, мальчик вскочил на скакуна и пятками голых ног сильно ударил в его бока и направил скакуна вниз по Кызыл-Чарык. Конь, почувствовав решительность своего хозяина, стремительно побежал по знакомой узкой тропе, которая ведет в долину, где находился уйгурская крепость.

— Ой-о-о-ой! — послышалось позади. — Ты куда-а-а! Сто-о-ой! Верни-и-и-ис!....

Хертеш-Кула, подчиняясь воле хозяина, летел вниз по ущелью быстротой птицы и не чувствовал тяжести мальчика на себе, который обеими пятками крепко уперся в его бока, левой рукой жестко всцепился в гриву, а правой рукой держал узду и едва заметным движениями управлял им. Конь и его всадник были как единое целое и без остатка доверяли друг другу.

Дозорные в устье Кызыл-Чарык издали видели как стремительно спускаются по ущелью скакун и его хозяин. Один из них, выбежав на тропу, привычным движением схватил за узду и, чуть отойдя в сторону, в круговом движении осадил коня — Довук едва удержался на нём.

— Оо, небеса! — удивленно вскрикнул дозорный. — Младший брат Берге-Кара! Он же оповестил нас вчера о нападении ночью на крепость уйгуров.

Тут Довук понял, что он уже в устье ущелья Кызыл-Чарык.

— Никого я вчера здесь не видел, и никого не оповещал — в сердцах сказал Довук.

— Ээ-э-э, браток! Мы тебя несколько дней ждали. Одно твоё появление означало, что всё готово для нападения на крепость уйгуров в предстоящую ночь.

— Кто сейчас в крепости? — спросил мальчик.

— От крепости уйгуров ничего не осталось, одни развалины — ответил дозорный. — Охрана разбита, рабы разбежались...

— Разбежались!? — переспросил Довук.

— Да-а-а! — расплылся в широкой улыбке лицо дозорного. — Не стать же им ещё и нашими рабами...

— Шу! — крикнул мальчик и резко ударил пятками в бока коня, тот с места рванулся вперёд, дозорный едва увернулся от него.

Издали Довук увидел, что около крепости много народу. Выехав на горку, он удостоверился, что они не уйгуры и тихой рысью поехал вперёд.

Когда мальчик подъезжал к крепости, навстречу шёл брат. Наверно, он издалека узнал коня брата и его самого.

— Ты мне не сказал, что ночью будет нападение на крепость. Скрыл. —раздражённо сказал Довук, не слезая с коня вопреки обычаю уважения к старшему. — И использовал меня в качестве посыльного.

— Ха! — зло усмехнулся брат сквозь зубы. — Если бы каждому об этом говорил, то никакого нападения на крепость не было бы.

— Где Бай-Бег и его отец? — спросил Довук.

— Не знаю, в крепости их нет — равнодушно ответил брат. — Зачем тебе... эти рабы...

— Аа-а-а! — закричал Довук, осадил коня на задние ноги и направил его на брата. — Это ты виноват...

Брат ловко увернулся от коня, который наседали на него, сдёрнул Довук с седла на землю и как-то, безлобно, сказал:

— Что с тобой? Да, уймись ты!

Довук вскочил на ноги и побежал в сторону речки на берегах которой вчера собирал с другом красные смородины. Он упал на лужайку и горько заплакал. Плакал он по-детски, безудержно и тихо. Потом лег на спину и долго смотрел на небо, где куда-то уплывали облака-бродяги, ии, копыта прислонены к юртам, боевые кони привязаны к арканам, протянутыми между коноязами и деревьями недалеко от юрт. Среди воинов он узнал главу боевой сотни своего племени дядю Кучу-Маадыр.

Мальчики аала, увидев Довук, тут же подбежали к нему и окружили его.

Один из них сказал с явной завистью:

— Взрослые тебя хвалят.

Довук удивился:

— Почему?

— Говорят, что ты привез весть о разгроме крепости уйгуров.

— Ничего я не привозил! — удивился Довук. — Брат послал... за едой.

— За едой его послали! Ты не делай вид, что ничего не знаешь — сказал один из мальчиков. — Прошлой ночью наши разгромили крепость уйгуров. Всех, кто ждал весть о нападении, оповестил ты.

— Никого я оповещал... — недоумевал Довук.

Интерес мальчиков к нему тут же погас и они пошли к воинам.

«А что с братом, Бай-Бегом и его отцом!» стукнуло в голову Довук. Он побежал к своему коню, которого вечером он привязал к колышку длинным арканом, чтобы он мог ночью пастись на лужайке недалеко от юрт. Быстро надев узду на голову коня, мальчик вскочил на скакуна и пятками голых ног сильно ударил в его бока и направил скакуна вниз по Кызыл-Чарык. Конь, почувствовав решительность своего хозяина, стремительно побежал по знакомой узкой тропе, которая ведет в долину, где находился уйгурская крепость.

— Ой-о-о-ой! — послышалось позади. — Ты куда-а-а! Сто-о-ой! Верни-и-и-ис!....

Хертеш-Кула, подчиняясь воле хозяина, летел вниз по ущелью быстротой птицы и не чувствовал тяжести мальчика на себе, который обеими пятками крепко уперся в его бока, левой рукой жестко всцепился в гриву, а правой рукой держал узду и едва заметными движениями управлял им. Конь и его всадник были как единое целое и без остатка доверяли друг другу.

Дозорные в устье Кызыл-Чарык издали видели как стремительно спускаются по ущелью скакун и его хозяин. Один из них, выбежав на тропу, привычным движением схватил за узду и, чуть отойдя в сторону, в круговом движении осадил коня — Довук едва удержался на нём.

— Оо, небеса! — удивленно вскрикнул дозорный. — Младший брат Берге-Кара! Он же оповестил нас вчера о нападении ночью на крепость уйгуров.

Тут Довук понял, что он уже в устье ущелья Кызыл-Чарык.

— Никого я вчера здесь не видел, и никого не оповещал — в сердцах сказал Довук.

— Ээ-э-э, браток! Мы тебя несколько дней ждали. Одно твоё появление означало, что всё готово для нападения на крепость уйгуров в предстоящую ночь.

— Кто сейчас в крепости? — спросил мальчик.

— От крепости уйгуров ничего не осталось, одни развалины — ответил дозорный. — Охрана разбита, рабы разбежались...

— Разбежались!? — переспросил Довук.

— Да-а-а! — расплылся в широкой улыбке лицо дозорного. — Не стать же им ещё и нашими рабами...

— Шу! — крикнул мальчик и резко ударил пятками в бока коня, тот с места рванулся вперёд, дозорный едва увернулся от него.

Издали Довук увидел, что около крепости много народу. Выехав на горку, он удостоверился, что они не уйгуры и тихой рысью поехал вперёд.

Когда мальчик подъезжал к крепости, навстречу шёл брат. Наверно, он издалека узнал коня брата и его самого.

— Ты мне не сказал, что ночью будет нападение на крепость. Скрыл. — раздражённо сказал Довук, не слезая с коня вопреки обычаю уважения к старшему. — И использовал меня в качестве посыльного.

— Ха! — зло усмехнулся брат сквозь зубы. — Если бы каждому об этом говорил, то никакого нападения на крепость не было бы.

— Где Бай-Бег и его отец? — спросил Довук.

— Не знаю, в крепости их нет — равнодушно ответил брат. — Зачем тебе... эти рабы...

— Аа-а-а! — закричал Довук, осадил коня на задние ноги и направил его на брата. — Это ты виноват...

Брат ловко увернулся от коня, который наседали на него, сдёрнул Довук с седла на землю и как-то, безлобно, сказал:

— Что с тобой? Да, уймись ты!

Довук вскочил на ноги и побежал в сторону речки на берегах которой вчера собирал с другом красные смородины. Он упал на лужайку и горько заплакал. Плакал он по-детски, безудержно и тихо. Потом лег на спину и долго смотрел на небо, где куда-то уплывали облака-бродяги, безразличные ко всему что происходит внизу, на земле. Он вспомнил, как-то раз его друг Бай-Бег сказал: «Где бы я с отцом ни был, с нами всегда это синее небо и облака. В стране моего детства небо погоже на степь в синеве, там я пас белых овец как эти облака».

Мальчику почудилось, что его друг ушёл с отцом в свою сказочную страну вечного лета и в бесконечной синей степи как это небо пасёт своих овец как эти белые облака.

ПРОЗА ХАКАСИИ

АНАТОЛИЙ СУЛТРЕКОВ

БИОГРАФИЯ

Анатолий Егорович Султреков родился в 1954 году в деревне Тарбаган Таштыпского района Республики Хакасия. Окончил среднюю школу в селе Таштып. Высшее образование: Абаканский государственный педагогический институт, хакасское отделение филологического факультета; Высшие литературные курсы Литературного института им. А. М. Горького. Автор ряда книг о замечательных людях Хакасии. Заслуженный работник культуры Республики Хакасия (1998 г.). Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России (1999 г.). Народный писатель Республики Хакасия. Лауреат Литературной премии Главы Республики Хакасия — Председателя Правительства Республики Хакасия имени Николая Доможакова (2017 г.). Награждён медалью «Трудовая доблесть Хакасии».

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ДВУХ ЛЕГЕНДАРНЫХ БИОГРАФИЙ ПОДАРОК ДЛЯ МАТЕРИ

*Отрывок из повести «Сенсей» о спортивной легенде Хакасии,
мастере спорта СССР по вольной борьбе, известном тренере по косики карате
Алексее Николаевиче Карамашеве*

Перевод автора

Окончив второй курс, Алексей решил подольше побыть с матерью. В прошлом году он приезжал домой всего дней на десять. Тогда они с ребятами задумали подработать и собрали студенческую бригаду грузчиков.

Послевоенные трудности давали о себе знать, и многие студенты устраивались на ночные работы. Дворники пораньше шумной толпой вываливались на улицу, и через некоторое время слышалось шарканье метлы. Торопились до лекций подмести свой участок. А ночные сторожа сразу с работы шли в институт и засыпали прямо на занятиях.

Студентов на временную работу принимали охотно. Они не ругались с начальством, не устраивали перекуров, соглашались на сверхурочные. Работу выполняли быстро и качественно.

Алексей объяснял матери, что ему хочется заработать за лето немного денег. Дома по-быстрому сделал срочный ремонт и уехал обратно. Мать все понимала.

На этих каникулах задержался дома. Помимо помощи, которая требовала мужской силы, надо было поговорить с матерью о своих планах. Не будет ли она против? Хотя сама понимает, что не сможет в одиночку выучить сына. Иногда побаливает и нет сил держать большое хозяйство. А он ведь износился до невозможного. Зимует в брезентовых полутуфлях и без зимней одежды... Всё равно сейчас беспокоился, как объяснить ей, что уходит в академический отпуск.

— Мама, я решил не учиться... нет, не то, что ты думаешь... Просто решил один год отдохнуть... Так иногда поступают, — начал трудный разговор Алексей.

Мать опустила голову и подумала, что односельчане станут судачить — не смогла выучить единственного сына.

- А потом... тебя возьмут обратно? — спросила с надеждой.
- Я же не ухожу из института... Просто беру длинный отпуск.
- Сам решай, сынок. Ты уже взрослый.

В душе Мария Павловна противилась, но делать было нечего. Совсем исхудал Алексей, кожа да кости, пусть и держится молодцом...

- Ой, а что мы сидим... сейчас будем кушать, — засуетилась она.

Вдвоём они быстро наладили стол, сели. Всё же мама то и дело вскакивала, приносила что-нибудь, забытое в спешке, и ставила перед сыном.

— Мама, перестань суетиться. И так стол ломится. Давай вместе поедим, — уговаривал Алексей.

Она бы и рада посидеть рядом, погладить сына по голове, прижать к груди. Но за столом сидит почти взрослый мужчина. Всё же она чувствует, как нежно он её любит. Ради неё готов на все. Не хочет, чтобы волновалась, переживала. Поэтому у него всегда всё хорошо. В институте учится лучше всех, на краевых соревнованиях первый. Он показывал ей зачетку с оценками, привозил спортивные грамоты и медали. Сыновьим успехам она радовалась, с гордостью рассказывала о них родственникам...

На следующий день попросили у соседей коня и съездили в Таштып, сделали нужные документы, чтобы Алексей оформил академический отпуск. По пути заехали к учителю физкультуры, который давно стал почти родным. Андрей Арсентьевич обрадовался, расспрашивал о студенческой жизни. Похвалил ученика, который продолжает заниматься спортом, занимает первые места на краевых соревнованиях.

Когда возвращались обратно, набрали в лесу целый воз сушняка. Алексей нарочно прихватил топорик и веревку. Потом разрубит сушняк, будет матери на чём готовить себе пищу. А она не могла нарадоваться, что сын рядом...

Подшло время расставания. Алексей предупредил, что долго не сможет навестить мать. Постарается заработать побольше, чтобы хватило закончить институт. И им станет полегче. Он получит направление, наверно, в какое-нибудь лесное хозяйство и заберет маму к себе.

Нет, не зря говорят, что мы только предполагаем, а располагают нашей жизнью свыше. Так и произошло в жизни Алексея Карамашева.

В деканате договорился, что на время академического отпуска проживёт в студенческом общежитии. Сходил на хлебокомбинат, где собирался работать. Сказали, что завтра уже можно выходить. Так и начался его трудовой стаж.

Мужики в бригаде были бывалые. Некоторые успели отсидеть. Руки в татуировках. Поначалу хотели, чтоб Алексей при них стал мальчишкой на побегушках. Двоим пересчитал ребра, одному расквасил нос, а тот, который схватился за нож, долго потом лежал в больнице — удачно подвернулась крепенькая палка. После этого студента оставили в покое, хотя и посматривали косо.

В день первой полочки Алексей строил планы покупок. Обязательно приобрести что-нибудь из одежды. Теплую куртку, что ли. Скоро начнет холодать.

На улице его ждали рабочие из бригады, все как один. Кое-кто радостно ухмылялся, щелкая пальцами по горлу.

— Надо бы студенту проставиться... Обмыть первую зарплату, чтобы не оказалась последней.

Алексей не сразу понял, что от него требовалось. Однако эти правила не нами придуманы и не нам их отменять, поэтому согласился. Отсчитал некоторую сумму и отдал парню, который вызвался сбегать в магазин. Сам же Алексей незаметно покинул компанию. На другой день

мужички хвастались, как отлично обмыли первую Лёшкину зарплату и как потом, натолкнувшись в парке отдыха на хулиганов, на славу подрались.

Со временем Алексей привык. Мешки с мукой уже не казались слишком тяжёлыми. И с кровати соскакивал легко. Не то что раньше, когда ныла и болела каждая мышца. Хотелось махнуть на всё рукой, бросить работу и спать... спать. Но он через силу вставал и отправлялся на комбинат. И выдержал.

От грузовых машин до склада мешки таскал бегом. Иногда умудрялся сделать по несколько приседаний для укрепления мышц ног. Когда привык к тяжести, стал вызываться на дополнительную работу. Остальным это не нравилось.

— Какой-то малохольный ты. За то, что так шустро бегаешь, тебе лишних копеек платить не будут. Только угрошаешь себя. А тебе же надо закончить учебу!

— Присоединяйтесь ко мне. Чем дымить «Север», потаскаем мешки, — смеялся Алексей.

— Да ну тебя... Мы же жалеючи... Не хочешь, не надо. Большой молот тебе в руки... и наковальню в придачу. Тоже нашелся — кузнец своего счастья.

Больше Алексей не дразнил товарищей своим рвением к работе. В минуты перекура выбирал укромное место и продолжал накачивать мышцы. Взмахнул на плечо и начинает приседания или круговые движения. При этом иногда смеялся про себя — неудачливых борцов называли между собой «мешками». Вот он и докопался до происхождения этого слова. Сколько ни бросай, никакого сопротивления.

Однажды кто-то из мужиков посоветовал:

— Жалко тебя, чудака. Горбатишься тут за копейки. Надо тебе в речпорт идти. Работа такая же, но платят в полтора раза больше. Студентов берут охотно.

— Не пойму тебя, дядя! Если там платят больше, почему сам туда не идешь?

— А мы чё? Привыкли тут. Живём поблизости. Выпиваем помаленьку. А там насчет спиртного строго. Сразу увольняют. А ты на выходных смотайся туда. Ради интереса. Поспрашивай ребят. Скажи, что спортсмен, чемпион края. Спортсменов там уважают.

В этих словах была логика. В ближайшие выходные съездил в речпорт. Полубовался могучим Енисеем. Встретился с какими-то гаврошами в тельняшках. Оказались матросами речного судна. Все молодые, весёлые, компанейские. С улыбкой посмотрели на расклешенные брюки студента, признали почти своим и подсказали к кому обратиться.

— Чей-то хлеб отбирать не собираюсь. Студент. Учусь очно. Взял академический отпуск. Отец погиб на войне. Мать одна, помогать некому. Занимаюсь спортом, чемпион края. Если возьмёте на работу, не подведу, — на одном дыхании выпалил Алексей.

— Слушай, парень, думаю, сработаемся. Значит, студент и спортсмен? Давай-ка, определяю тебя в бригаду Мельникова, — рассудил начальник речпорта.

Ездить было далековато. Работа та же. Только на хлебокомбинате ему в основном приходилось перетаскивать мешки с мукой, а здесь что прикажут. Бригада была в основном молодёжная. Некоторое время присматривались, потом убедились, что Алексей камня за пазухой не держит. А в работе знает свое место — не отстаёт, но и в передовые не рвётся.

Один грузчик, косая сажень, во время перекура вызвал помериться силой. Когда-то тоже посещал секции, но нигде подолгу не задерживался. Душа к спорту не лежала. А вот сила не давала покоя.

Рабочие организовали живой круг. Алексей про себя ухмыльнулся: грузчикам нужно зрелище, им до лампочки, кто победит. Никто не обратил внимания на то, что у выступающих весовые категории разные. Работяга весил килограммов на десять больше и в плечах пошире, и по возрасту старше.

— Стоп, стоп, ребята! Как будете бороться? Алексей, ты каким видом занимаешься? Вольная... Понятно. А Макар у нас всеядный. И вольная, и классическая, и самбо. А давайте, ребята, определим приз. Хотя бы... хотя бы... О, у меня в вагончике лежит новенькая спецовка, — внёс лепту бригадир.

Дан сигнал к началу. Противники поизучали друг друга — как передвигается, какую стойку предпочитает, осторожничает или заманивает в ловушку. Закружились в схватке. Вот Макар на земле. Алексей перелетел через него, как пушиночка. Сила у грузчика непомерная, но есть слабинка — можно в ноги пройти. Опять же, слишком азартен, — ещё одно слабое место. Но как это всё применить к такому Поддубному? Схватит — не вырвешься, подойдёшь — не сдвинешь. Надо его силу использовать против него... По мнению трудового народа Алексей почти профессионал. Студент, спортсмен, чемпион края. Какая разница, что по лыжным гонкам. Сказал, что занимается борьбой, значит, чемпион по борьбе. Поэтому Макар осторожничает, ждёт подвоха. И доосторожничался — не понял, как оказался на спине...

После этой импровизированной борьбы Алексея потянуло в спортзал. Как-то забежал на минутку. Дмитрия Георгиевича не было, повёз сборную команду края куда-то в Прибалтику на крупный турнир. Знакомые ребята встретили радостно, тут же окружили.

— Смотрю на тебя, Лёшка, и не могу понять, в какую сторону ты изменился: в лучшую или в худшую. Возмужал, силушка так и прёт. Но в то же время потерял изящество, гибкость, кошачью плавность, — развел руками Володя Зайцев.

— Начну учиться, все вернется на круги своя, — рассмеялся Алексей.

Всё хорошее или плохое когда-нибудь заканчивается. Приближался сентябрь. Настала пора уходить с работы. С бригадой Алексей расставался с какой-то грустинкой. Не только молодые рабочие, но и бригадир обнадёжил, что они всегда рады его видеть, приглашали на выходные «зашибить копейку». А если есть такие же надёжные друзья, то можно и их приводить. Работа всегда найдется, а деньги студентам просто необходимы.

Домой собирался — всем родственникам, соседям, знакомым, друзьям купил подарки-сувениры. По мелочам набрал разного. Но ещё надо взять что-то для матери — что-то особенное, основательное.

Проходя через рынок, увидел толпу женщин, что-то горячо обсуждающих. Подошел поближе, полюбопытствовал. Какой-то дед сидел на табуретке и молча курил, не вмешиваясь в женский разговор. Будто это не он продавал ножную швейную машинку известной на весь мир фирмы «Зингер».

Алексей прислушался. Одна пожилая женщина, без умолку перечисляла замечательные качества немецкой фирмы. С ней соглашались. Протолкнулся поближе. Женщины посмотрели на парня недоуменно. А он присмотрелся и поинтересовался, есть ли смысл торговаться. Старик пожал плечами, сказал, что на то и рынок. Сказал, что похоронил старуху, а дети взрослые, разъехались кто куда. Поэтому решил продать, вдруг ещё кому-то послужит.

— Для матери, да? Бери за сколько есть. Не пропадать же хорошей вещи, — сказал Алексею продавец и показал завернутые в мешковину железяки-запчасти. — Это в придачу. Изготовил собственноручно на заводе. Нужные штуки. Пригодятся.

— Да я могу заплатить те деньги, которые вы просите. Целый год работал, накопил, — не стал скрывать молодой человек.

Мария Павловна чуть не присела от неожиданности, когда в дом ввалился сын с огромным рюкзаком за плечами. Год не видела. Сразу же бросилась ему на грудь. Не удержалась, начала всхлипывать от радости. Постояли обнявшись.

— Ой, какой у тебя рюкзак тяжеленный! Скидывай быстрее, — спохватилась мать.

Алексей поставил поклажу на пол, посмотрел на маму. Да, заметно, что без него она бедствует. И ему стало её так жаль, что опять прижал к себе и погладил по голове. Как, помнится, раньше мать гладила его по вихрастым волосам.

— Мама, хочешь посмотреть, что я тебе привёз?

— Сначала чай надо попить. Дорога дальняя, проголодался, наверное.

Она достала из погреба несколько яиц, соорудила небольшой ужин и смотрела, как с удовольствием он ест. Потом сбегала до соседей, пригласила вечером к себе. В деревне так заведено — гость в дом, а через некоторое время и соседи появляются под разными предложениями. Надо же пообщаться с приезжим человеком, узнать новости.

После чая Алексей сходил в тальник за сухими ветками. На сегодня хватит и печь затопить, и горячее приготовить. Мария Павловна хлопотала по хозяйству.

— Мама, иди сюда. Немного отдохни. Посмотрим, что здесь. Не зря же нёс в такую даль, — позвал Алексей, развязывая горловину большого рюкзака.

Мать обтерла мокрые руки о подол и присела рядом. Конечно, ей не терпелось узнать, что такое притащил сын домой. Пока Алексей бегал за сушняком, она было попыталась приподнять рюкзак — бесполезно.

— Посмотри, мама, это для родственников и соседей. Есть одинаковые вещи. Но тебе лучше знать, кому что дарить, — начал расставлять перед матерью несметное количество разных подарков и сувениров.

У Марии Павловны разбежались глаза. Вот это да-а! Какой молодец у неё сын. Никого не забыл. Даже дальним родственникам перепадёт. Дело не в стоимости, а во внимании. Вот обрадуются пожилые люди такому отношению к себе!

— Алеша, можно, этот цветастый платок я возьму себе? Как-то сразу приглянулся. Буду носить и тебя вспоминать, — немного виновато сказала Мария Павловна.

В ответ сын весело рассмеялся, развернул большой свёрток и достал из него несколько разноцветных платков. Поверх разложил платья — одно лучше другого. И выходные, и для повседневной носки. Мать снова всплакнула.

— Ну, мама, перестань. Лучше примерь какое-нибудь. Вот это, — Алексей наугад выхватил цветастое платье и смутился, в горле запершило.

Мария Павловна, всхлипывая на ходу, удалилась в маленькую комнату. С собой прихватила платок. Алексей ждал. Тут в дом зашла тетя Лида, которая нянчилась с ним, когда он был совсем маленький. Одновременно из маленькой комнаты вышла молодая красивая женщина. Увидев сестру, смутилась, покраснелась и стала ещё краше.

— Алексей, здравствуй! С приездом, братишка!.. Кого это ты привез из Красноярска?! Ну и ну!.. Хороша, ничего не скажешь, — сказала тетя Лида.

— Да хоть сейчас под венец!.. Не вечно же ей одной мучиться, — раздался голос её мужа.

— Наверное, вечером в клуб схожу... Кадриль еще могу сплясать, — поддержала шутку хозяйка дома.

— А тете Лиде я купил специальный подарок... сейчас... сейчас, где-то здесь, — закопшился в рюкзаке Алексей.

Мать же никак не могла прийти в себя. Вот и сын вырос, стал настоящим кормильцем. Только как он собирается дальше учиться? Все заработанные деньги, наверное, ухлопал на подарки. Никого не забыл. А для любимой тети привёз, как по заказу, такой красивый халат.

— Вот это да-а!.. Ну и удружил, племянничек! Никогда не забуду твою доброту, — Лидия Павловна тут же начала обнимать и целовать Алексея.

— Сейчас и платок себе выберешь, — в голос заговорили мать с сыном.

Но самый главный подарок все еще не был извлечен.

— Мама, тетя Лидя, закройте глаза... Замрите... Не подглядывать... Пока... пока не скажу, не открывайте глаза, — немного запутался в тесёмках рюкзака Алексей.

Освободив детали «Зингера» от мешковины, мужчины собрали швейную машинку. Только после этого разрешили сёстрам открыть глаза. Лидия Павловна вскрикнула, тут же подошла к швейной машинке, покрутила ножную педаль, вытащила металлический челнок, полюбовалась на него, проверила наличие нитки. Оглянулась на сестру. Та стояла с глазами, снова полными слёз, и молча смотрела на чудо, которое появилось в её доме.

— Ну, племянник... ну, молодец... Это же на всю жизнь... Или ты сам такой умный, или кто-то водит тебя за руку по жизни... Неужели дядя Саграс?

Услышав имя мужа, Мария Павловна совсем разрыдалась. Подошла к сыну, прижала к груди. Её никто не успокаивал. Понимали, что женщине надо выплакаться. Между всхлипами она повторяла имя мужа, не дожившего до такого счастливого дня, и укоряла сына, что все заработанные деньги потратил на подарки.

— Мамочка, перестань. Я же целый год работал. Купил себе всё необходимое. И на учёбу оставил. В Красноярске же за работу платят хорошо... Ну, мама, перестань.

— Всё, сынуля, всё... Сейчас успокоюсь... сейчас...

Потом сёстры вдвоём осмотрели швейную машинку. Нашёлся небольшой кусок материи. Начали шить, проверять ход «Зингера» — пришли в восторг.

— Такую вещь требуется обмыть, — напомнил муж тети Лиды.

Алексей извлек из бездонного рюкзака четвертушку спирта.

— О-о, это совсем другое дело... Сейчас мы его разведём. Чтобы эта немецкая машинка никогда не ломалась, — засуетился муж Лидии Павловны.

А сёстры начали готовиться к приёму гостей. Через час-другой начнутся собираться соседи и родственники. Как большая дружная семья: и в радости, и в горе вместе. Тут же такое событие — из большого города вернулся их односельчанин, сын уважаемого в деревне человека. Как не заглянуть на огонек? Не посидеть за столом? Не поговорить о событиях в мире, о городской жизни? И Алексею всё это надо было рассказать понятными словами. С умудренными жизнью пожилыми людьми надо держаться уважительно, на вопросы их отвечать доступным им языком.

Гости заходили в дом, за руку здоровались с Алексеем — независимо от возраста, он хозяин дома. По хакасскому обычаю с мужчиной надо здороваться за руку. Это знак уважения к хозяину и к дому, к очагу вообще.

У каждого, зашедшего в дом, Алексей справлялся насчет здоровья-благополучия их самих, их детей и внуков. Затем гостя усаживали за стол, угощали и одаривали гостинцами. Пожилые люди не знали, как выразить свою благодарность молодому человеку, который так их уважил. Иногда бывает так, что хорошие соседи становятся ближе родственников. Не зря же в хакасской поговорке говорится, что даже самая близкая родня приезжает и уезжает, а соседи остаются.

— Хочу сказать, дорогой Алексей, что твоя жизнь только начинается. Но все мы видим, что ты начинаешь её с правильного пути. Род у тебя славный, что с отцовской, что с материнской стороны. Твои дядьки Барашковы по материнской линии были людьми умными, справедливыми, всегда стояли за народ. Никогда об этом не забывай, сынок, — обратился к Алексею самый пожилой человек аала⁴ Сарыглар из рода Сагалаковых и с удовольствием осушил свою стопочку.

⁴ Аал (хак.) — традиционное поселение сельского типа.

Все согласились с мудрыми словами старика, со своей стороны добавляя тёплые благопожелания, давали добрые советы. Между тем Алексей даже не притронулся к своей стопке, за что старики его похвалили. По обычаю мужчина мог попробовать спиртное только после рождения третьего ребёнка в семье. Но жизнь быстро менялась, и традиции, дошедшие из глубины веков, уже забывались, что огорчало старшее поколение.

— Не забывай, сынок, что твои дядьки Барашковы ещё в царское время топтали улицы Москвы.

Но Москва будет позже, а пока Алексей ехал в Красноярск — продолжать учёбу.

В ПОДЗЕМЕЛЬЯХ БРЕСЛАУ

*Отрывок из книги «Сапёр, который ни разу не ошибся»
о фронтовом пути уроженца Таштыпского района Хакасии,
участника Великой Отечественной войны Сергея Николаевича Кунучакова,
награждённого Орденом Красной Звезды, Орденом Боевого Красного Знамени,
Орденами Славы I и II степеней*

Перевод автора

Враг отчаянно сопротивлялся. Под землёй находились многочисленные коммуникации, ходы и выходы. Мало кто мог хорошо ориентироваться во всей этой сложной схеме. Битва за Бреслау продолжалась больше двух месяцев, так как бои шли и на поверхности, и под землёй... Сапёрам и разведчикам хватало работы...

— Саша, будь очень внимательным. Я только что почти чудом не наступил на вражеский фугас. Сейчас бы с тобой разговаривал мой дух, витающий в облаках, — помогая ставить напарнику хитроумную растяжку, вполне серьёзно Сергей предупредил своего земляка и соплеменника, сослуживца, с которым шли от самого Абакана, где формировалась их дивизия.

Александр только кивнул головой. Он прекрасно понимал, что командиру отделения сейчас не до шуток. Раз он сказал, значит, так и есть. Действительно надо быть предельно осторожным. Надо домой вернуться живым и здоровым. До победы-то осталось всего ничего.

...Когда пришла замена тем, кто воевал в подземных коммуникациях, напарники вышли на улицы города. Шли ожесточённые бои. По примеру одного из командиров отделений для очищения улиц решили использовать маленькие группы, в которые входили и пехотинцы, и сапёры. С помощью взрывчатки сапёры расчищали дорогу для пехоты. В то же время артиллеристы удачно действовали с командирами самоходных орудий. Самоходки на прицепе доставляли пушки в нужное место. Там артиллеристы готовили пушку к стрельбе, прикрывали отход самоходного орудия. Когда улица была готова, артиллеристы обстреливали огневые точки врага, чтобы самоходки могли беспрепятственно подойти, прицепить пушку и увести в другое место.

— Слышали, фашисты получили подкрепление — опять расползутся по подземным укрытиям, — сообщил сержант, вернувшийся из штаба полка.

— Да брехня всё это! Пригнали каких-то подростков, наверное, собирали по улицам города. Автомат не умеют держать, не то, что стрелять. Я на них чисто по-нашенски цыкнул, они и разбежались в разные стороны. Автоматы мы подобрали, не пропадать же добру, — рассмеялся другой боец.

— От твоего бравого вида не только пацанята, но и весь вермахт разбежится, — поддел сослуживца сержант.

— Нет, нет, товарищи, всё было в рамках международного права. Если честно, то не сдержался, пустил одну очередь поверх голов, — сдал обороты весельчак.

— Так пальнул, что весь свой боезапас израсходовал... Как будешь воевать с фрицами? — начали смеяться над ним остальные.

— Ничего подобного, ребята, я стрелял из их автомата. Хорошая машинка, можно пользоваться, — показал он немецкий автомат.

Все стали рассматривать трофейное оружие. Некоторые просто пожимали плечами, отходили в сторону. Это были бойцы со стажем, привыкшие к автомату ППШ. Он казался им более надежным. А молодые красноармейцы с интересом рассматривали трофейное оружие, сравнивали с советским автоматом...

— Кто из вас Кунучаков? — ошеломил стоящих красноармейцев командирским голосом незнакомый офицер.

— Я, товарищ подполковник! Старший сержант Кунучаков, командир отделения сапёров, — в струнку вытянулся Сергей.

— Пойдёте со мной. Дело государственной важности, — так же быстро и чётко проговорил старший офицер.

— Разрешите обратиться, товарищ подполковник. Вы даже не представились, а у меня есть свои командиры. Без их приказа никуда пойти не могу, — заартачился старший сержант.

— Кто я такой, тебе лучше не знать. Не только пойдёте, а побежите впереди меня. Не то вам с вашим командиром роты быстро оформлю штрафбат... А вы точно с завязанными глазами можете обезвредить мину любого производства? — немного смягчился неизвестный офицер и с интересом посмотрел на легендарного сапёра, который показал свой характер.

— Товарищ старший сержант Кунучаков! Временно поступаете в распоряжение товарища подполковника из штаба армии. Выполняйте любые его приказы, — скомандовал командир роты.

— Есть, товарищ старший лейтенант! Товарищ подполковник, мины, фугасы, гранаты нашего производства могу быстро разобрать и собрать. Иностранные штучки приходится поизучать, прежде чем приступить к работе, чётко отрапортовал Сергей, решив потом поинтересоваться, что такое случилось, что за ним прислали подполковника из штаба армии.

Другие красноармейцы с интересом наблюдали за происходящим. Они представления не имели, кто такой этот старший сержант из роты сапёров. Здесь, в Бреслау, встретились впервые. Как встретились, так и разойдутся. А этот смуглый парень оказался не так-то прост. Смотри-ка, почти на равных разговаривает с подполковником с большими полномочиями.

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться! Мне бы с собой взять напарника, мы вместе с начала войны, понимаем друг друга с полуслова, — попросил Сергей, имея ввиду Александра.

— Сейчас это невозможно. Ефрейтор Сагатаев выполняет особое задание в подземных коммуникациях города. Можете взять любого сапёра из других подразделений дивизии, — ответил старший офицер.

Командир роты проводил своего подчинённого до стоящих у дороги машин. Они смотрелись как-то странно на почти пустынной улице большого города. Только иногда на большой скорости мимо проезжали автомобили с начальниками или адъютантами командиров, которые везли очередные задания воинским подразделениям, воюющим в разных районах крупного промышленного города Бреслау...

В салоне автомобиля Сергей сперва как-то не прислушивался к разговору попутчиков, к тому же строгий подполковник из штаба армии оказался в другой машине. Здесь же сидели

в основном гражданские и что-то оживлённо обсуждали на немецком языке. Иногда один из них пытался перевести на русские главные вопросы дискуссии. Оказалось, всех интересует единственное — удастся ли сохранить хотя бы один из трёх корпусов древнейшей постройки четвёртого или пятого века. При этом обзывали коменданта варваром.

— А что ваши коллеги так ополчились на своего земляка? Сделал что-то нехорошее? — поинтересовался подрывник.

— Он нам не земляк. По его приказу взорвали два соседних корпуса, а там было много ценного, — ответил собеседник, которого остальные называли профессором.

— Как вы не можете понять простую истину, господа учёные, что война есть война. Она всё спишет. А вы тут заботитесь о сохранении какого-то здания. Одна большая бомба — и от него останутся одни руины, — как-то невесело проговорил сопровождавший подполковника майор.

— О, не говорите так, герр офицер! Есть случаи, когда варвары-захватчики обходили стороной красивые города Востока, не рушили их, — тут же ринулся в словесный поединок коллега профессора.

Но спор на тему древней архитектуры прервали мощные взрывы, последовавшие один за другим совсем рядом. Все насторожились. Учёные поняли, что там произошло что-то ужасное. Машины остановились. Улица была завалена кусками древней постройки. Жалко было смотреть на пожилого профессора — по его щекам текли слёзы.

И тут рвануло позади машин. Это было так неожиданно, что все вздрогнули. Учёные заспорили почти одновременно. Взорванный дом оказался музеем, где хранились орудия пыток инквизиции, собранные со всех уголков страны. Там были экспонаты из соседней Франции, где в средние века особенно расцвела инквизиция.

Как бы то ни было, но дальнейшее продвижение на машинах было заблокировано. Дальше придётся идти пешком. Подполковник ушёл на поиски надёжной охраны для немецких учёных, а вернулся уже в сопровождении нескольких пехотинцев с автоматами.

Когда группа гражданских лиц исчезла за поворотом, подполковник подозвал сапёра Кунучакова и представил ему капитана из военной контрразведки. Подполковник был явно чем-то встревожен.

— Если эти фанаты взорвут хотя бы одну из лабораторий местного химического комбината, всей нашей армии придётся складывать руки крестом. Так что вся надежда на тебя, товарищ старший сержант. Сейчас можешь просить всё, что нужно. В разумных пределах постараемся выполнить, — старший офицер из штаба армии внимательно посмотрел на Кунучакова.

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться к товарищу капитану. У вас есть сапёры? — спросил Сергей у представителя контрразведки, хотя ответ уже знал.

— Найдутся! Но они знают своё дело в рамках обезвреживания мин и фугасов. Нам нужен высокопрофессиональный специалист, как вы. Помощниками обеспечим, — ответил капитан.

— Так что вперёд, товарищ старший сержант! По предварительным данным, там очень много отравляющих веществ, — устало произнёс представитель штаба армии, никак не ожидавший такого неожиданного поворота событий перед самой победой. Действительно, осиное гнездо фашизма — Берлин — уже доживал последние дни перед капитуляцией. Или даже часы.

— Хорошо, что нашлась светлая голова, оцепила все важные корпуса этого химического комбината, — поделился своим мнением контрразведчик.

— Товарищ капитан, если так надёжно оцепили корпуса, то зачем вам я? Отпустите меня к своим! — обратился сапёр.

— Сейчас начнётся самое главное — проверка на наличие взрывных устройств на этом предприятии. Так что вы нам очень нужны и надолго. Химкомбинат занимает большую площадь, работы хватит всем. Будете инструктировать своих помощников, — ответил капитан.

Прибыли на место дислокации. Перед капитаном предстал майор, командир батальона тыловой службы, направленный на охрану стратегически важного объекта. Он расставил своих подчинённых в наиболее доступных местах предприятия, самовольно не стал проводить какие-либо розыскные мероприятия, ждал инструктажа.

— Найдите какого-нибудь специалиста из руководства, переведите в помощь старшему сержанту. Выделите целое отделение в подчинение сапёру. Любые просьбы старшего сержанта выполнять незамедлительно. Если понадобится помощь, обращайтесь к командиру полка подполковнику Евтюхову. Он предупреждён, — инструктировал майора контрразведчик.

Подошёл незнакомый сержант и сказал, что привёл целое отделение, и они в полном распоряжении сапёра. Надо было приступить к выполнению боевой задачи.

Сергей собрал вокруг себя помощников, выделенных командиром батальона, начал объяснять солдатам их обязанности на ближайшие два-три дня. Сергей визуально оценил площадь химического предприятия. Сделал вывод, что подземные коммуникации здесь очень обширные. Надо будет, подумал, замолвить слово перед контрразведчиком за напарника, тогда бы Александр занялся осмотром подземной части комбината. И командир отделения тыловой части, и сам Сергей вместе со всеми вооружились длинными металлическими прутьями-миноискателями. Кто знает, к чему приведут эти поиски, вдруг и пригодятся!

Ну почему у него такое навязчивое ощущение, что напарник где-то совсем рядом и внимательно наблюдает за его действиями. Один раз Сергей даже непроизвольно поднял голову вверх — пристальный взгляд был оттуда. Нет, надо собраться, сосредоточиться на одном — поиске хитро поставленных взрывных устройств. В таком промышленном центре наверняка действовали минёры-профессионалы.

— Товарищ старший сержант, здесь на ровном месте кусок тряпки за что-то зацепился. Здесь сквозняк, а он не двигается, — раздался голос одного из помощников.

— А ты металлическим штырём попробуй сдвинуть, — почувствовав что-то неладное, посоветовал Сергей.

— В том-то и дело, на одном месте болтается. Руками трогать боюсь, вдруг рванёт, — послышался тот же голос.

— Отойди в сторону и никого не подпускай. Я иду к тебе, — заторопился на голос сапёр. На первый взгляд ничего подозрительного. Ну лежит тряпочка на полу, бывает такое. Но молодец тыловик, почувствовал неладное. Надо же, его смутил сквозняк, который гоняет по земле другие предметы, а лёгкую тряпицу не двигает. Парень, скорее всего, из наших, из охотников, взгляд намётанный на любые странности.

Сергей обошёл странный предмет. Сразу понятно, что под этот кусочек ничего не спрячешь. Скорее всего, опознавательный знак для своих. Когда сапёр со всеми предосторожностями приподнял угол тряпки, чуть не отпрянул в сторону — ещё бы немного, и зацепил бы тоненькую проволоку, которая была хитро замаскирована под обычную трещину на земле. Мало ли что может случиться около стены большого промышленного предприятия! Ничего не скажешь, хитро придумано.

— Да, братишка, молись всевышнему, что остался в живых. Ты из Сибири? Из охотников? — начал расспрашивать сапёр, повернувшись к побелевшему от испуга молодому красноармейцу.

Тот только кивал головой, никак не мог прийти в себя от увиденного. Вдоль стены было насыпано много мусора, казалось, что это остатки здания после обстрелов. Может и остатки, но вражеский снайпер очень умело использовал его в своих целях. Под мусором было напичкано столько взрывчатки, что такого количества хватило бы не только для одного здания, но и для соседних. Но Сергея это всё чем-то настораживало. Он сразу понял, что имеет дело с профессионалом, а такой сапёр не стал бы так поступать.

— Думай, Сергей, думай! — Тут что-то не сходится. Сколько раз за время войны я сталкивался с такими штучками, — Кунучаков стал снова внимательно всё изучать. Надо бы подмогу попросить, чтобы помощники этот участок хорошо проверили.

И он оглянулся в поисках помощника, а его и след простыл. Наверное, увидев такое количество тола, решил убежать подальше от греха. Оставалось действовать самому. Он взял в руки металлический прут.

— Товарищ капитан, тут столько взрывчатки, нам троим не унести, вот, смотрите сами, — послышался голос помощника.

Офицер и рядовой приблизились и, не доходя метров пять, остановились. Капитан вопросительно посмотрел на сапёра. Сергей кивнул на то место, где он обнаружил тол, потом указал вдоль стены, где лежал мусор. Капитан побледнел и побежал в ту сторону, где на такой же мусор наткнулись его подчинённые. Оставив солдата охранять место находки, Сергей бросился за офицером. «Только бы успеть! Только бы не рвануло!» — шептал он, следуя за бегущим капитаном.

Их остановили солдаты с автоматами, старший группы объяснил, что дальше проход запрещён. Там нашли большое количество взрывчатки, вызвали специалистов, они сейчас обезвреживают место. Капитан показал служебное удостоверение, отодвинул старшего группы и последовал дальше. Сергей двигался за ним. Красноармейцы своими глазами видели взрывчатые вещества, сваленные в одну кучу. Если рванёт, ничего живого не останется в диаметре десятков метров.

Только успели об этом подумать, где-то почти рядом рвануло. Взрыв был не очень сильным, видимо стены химкомбината заглушали силу взрыва. «Пехотная мина средней мощности. Сейчас за ней должны последовать другие, если я правильно оценил мастерство своего соперника» — успел подумать Сергей, а ноги сами несли его к месту взрыва.

Когда он увидел группу солдат и лежащего на земле человека, чуть не закричал: «Нет, только не это! Только не он!» Бросился лежащему на грудь и понял, что тот уже мёртв. Сергей молча заплакал, только плечи старшего сержанта тряслись. Приподнял голову своего напарника, положил себе на колени, посмотрел на него. Лицо Александра Сагатаева было спокойно, глаза открыты. Он смотрел на своего командира, будто спрашивал, где он так долго пропадал, почему не смог уберечь в минуту опасности. И Сергей не выдержал, закрыл глаза, прижал голову друга к груди и начал тихо причитать на родном языке, прощаясь с ним навсегда.

И молодые, и много повидавшие бойцы опустили головы, у многих глаза были на мокром месте. Хотя никто знал хакасского языка, все поняли, что прославленный сапёр прощается со своим напарником. За всю войну оба не совершили ни одной ошибки, и вот одному не повезло.

— Как это случилось? Кто-нибудь видел? — не опуская голову друга, глухо спросил сержант, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Если вы Сергей, то он до последнего момента искал вас. Такие сложные ребусы, говорил, только вам по плечу. Он всё время был рядом с нами, мы даже не заметили, как он повернул в этот узкий проход. Он обнаружил тонкую проволоку и решил проверить её, — медленно начал рассказывать какой-то боец.

— Товарищ старший сержант, пока не прибыла похоронная команда, заберите его личные вещи и документы. Потом отдадите родственникам, — присел около Сергея другой красноармеец.

— Ваш земляк был сам не свой, действовал почти на автомате, всё делал машинально. Пошёл за этой проволокой, а здесь темно. Скорее всего, наткнулся на замаскированную растяжку, — подавая Сергею фляжку с водой, начал вспоминать старшина.

Сергей поднялся на ноги, стал перебирать документы Александра. Вот удостоверение, что ефрейтор Сагатаев был награждён орденом Отечественной войны второй степени. Вспомнив, как Саша радовался этой награде, Сергей опустил голову.

— Товарищ старший сержант, вы оставьте в кармане гимнастёрки красноармейскую книжку. Это для похоронной команды, они должны знать по документу кого где хоронят. Нам пора. Держитесь, — приобнял Сергея незнакомый сержант.

Со стороны казалось, что легендарный сапёр спокоен. На самом деле в душе у него кипела горечь от потери близкого друга. Но приказ надо выполнять. И он преступил к обезвреживанию смертоносного механизма. Рядом никого не было. Спрятавшись кто где, все с замиранием сердца наблюдали за минёром. Он действовал почти автоматически, если бы кто-то спросил у него, что он делает, чей приказ выполняет, он бы не смог ответить.

Вот он махнул рукой сержанту, подзывая его к себе. Сам для страховки прошёлся вдоль стены, внимательно осматриваясь. Попросил командира отделения тыловиков снять фуражку, насыпал туда пригоршню каких-то деталей и винтиков. Сказал, что с таким набором можно смело идти к командиру дивизии за наградой.

Свою основную задачу он выполнил. Не его вина, что не смог предотвратить взрыв исторического памятника. Очень жаль, что потерял напарника. Прежде, чем отправиться к своим сапёрам, Сергей решил напоследок посидеть около Александра, совсем попрощаться с ним. Но погибших бойцов уже не было. Их увезли в обычном военном грузовике. А по этой дороге вот-вот должны проехать наши парламентёры к коменданту Бреслау с предложением полной капитуляции.

— Товарищ старший сержант, давайте немного постоим? Когда ещё придётся наблюдать, как едет процессия. Это недолго. Потом я вас отведу к нашему капитану — он вас принимал, он и должен отпустить.

Ничего интересного они не узнали. Мимо них проехала трофейная машина с открытым верхом. С обеих сторон кабины виднелись белые флаги — знак того, что по ним стрелять запрещается. В кабине, кроме водителя, сидели трое: капитан, сержант, рядовой. Офицер представлял Красную Армию, сержант был переводчиком, рядовой на коленях держал автомат.

Это была вторая или третья поездка к коменданту с предложением о полной капитуляции города. Первые не увенчались успехом. 7 мая гарнизон города готовил прорыв из окружения в сторону Дрездена. Но 6 мая по местам дислокации врага стала бить артиллерия, в небе хозяйничали наши самолёты, разносили уличные баррикадные постройки, закончили разгром реактивные снаряды «Катюш». И комендант Бреслау при виде нашей машины с парламентёрами выбросил белый флаг.

Когда Сергей в сопровождении сержанта тыловой части возвращался обратно, их встретил военный патруль — сержант и ефрейтор во главе со старшим лейтенантом. Они перегородили дорогу. Офицер потребовал предъявить документы, спросил, почему они находятся на территории особо охраняемого стратегического объекта.

Сергей и его сопровождающий предъявили документы. Старший лейтенант молча вернул красноармейскую книжку сержанту, а документы сапёра задержал. Спросил, почему он

отстал от своей части и что делает здесь. Это не понравилось сержанту-тыловику, который возмущённо проговорил:

— Да вы скажите ему спасибо, что живыми ходите по земле. Если бы не он, то валялись бы. как тараканы, отравленные химическим ядом этого комбината!

От такого натиска и услышанных слов ефрейтор остолбенел, удивлённо-уважительно посмотрел на Кунучакова. Офицер ещё не вернул Сергею документы, но уже улыбался, сказал, что его предупредили, что по улицам ходит старший сержант в поисках погибшего напарника. И пожал сапёру руку.

— Просили передать, что твоего друга похоронят вместе со всеми погибшими при взятии Бреслау. Документы уже отправлены по месту службы. Счастливо добраться до дома, товарищ старший сержант, — он опять пожал руку сапёру, потом, не выдержав, приобнял, похлопал по плечу.

— Вы слышали, товарищ старший сержант, пожелание — добраться до дома. Домой! Даже не верится, что война кончилась. Давай обнимемся, что ли. Мировой парень ты, сапёр! Жалко, что напарник ваш не дожил до этого дня.

— Хорошо, что похоронят по-человечески, в братской могиле. На душе у родственников будет спокойно, — глухо проговорил Сергей и опустил голову.

Нужного капитана они нашли в компании других офицеров. С ними же находился комбат тыловики. Старший сержант попросил разрешения убыть по месту службы. Офицер из военного патруля сообщил ему, что 309-я Пирятинская дивизия находится в западной части города. Видимо, для них война ещё не полностью закончилась, раз проводят доукомплектование некоторых полков. Поэтому Сергей заторопился к своим. Может, его большой опыт сапёра ещё пригодится.

— Товарищ капитан, выделить машину для нашего героя и проводить до части. — распорядился командир батальона.

2011 г.

ПРОЗА ЧУКОТКИ

САМИРА АСАДОВА

БИОГРАФИЯ

Писательница, член Союза писателей России, самая молодая участница организации. Родилась 29 января 1993 года

Член Союза писателей России (с 18 лет). Лауреат литературной премии имени Юрия Рытхэу (2010, VIII конкурс) в номинации «Популяризация традиций народов Севера» — за рукопись сборника «Сказки бабушки Тымнеквыной». Лауреат Всероссийской премии за сохранение языкового многообразия «Ключевое слово» (2020) в номинации «Лучший издательский проект» — за сборник «Сказочная Чукотка». Диплом I степени в региональном конкурсе сочинений «Что я знаю о традиционной народной культуре» (2009) — получена ещё в школьные годы. Совместно с матерью, Татьяной Асадовой (Тнатвааль), собирает и переводит чукотские народные сказки. Активно работает над сохранением чукотского языка через литературу: все книги издаются на двух языках — русском и чукотском.

СКАЗКИ КАНЧАЛАНСКИХ ЧАУЧУ (ЛЫМНЫЛТЭ КОНТЫЛЯЛЬЭН)

Перевод на чукотский язык Татьяны Асадовой

МУДРАЯ СТАРУХА

Жила одна старушка, да как-то заболела. А мимо их яранги на оленях злые духи — кэльэт проезжали. Ну да, конечно, у злых духов тоже есть олени. Ну, так вот приезжают они на оленях мимо яранги старухи.

Один говорит:

— В этой яранге кто-то при смерти. А ну-ка, заедем-ка.

Подъехали к яранге. Взобрались наверх к дымоходу, кричат:

— Эй, старуха, готовься, мы за тобой пришли.

А старуха отвечает:

— Заходите, спускайтесь через дымоход.

А внучка очаг растопила, пищу готовила. Дым шёл кверху. А злые духи бояться дыма, особенно от кэньут, вот и говорят старухе:

— Мы не можем, твой очаг дымит.

А старуха им отвечает:

— Ну что ж, ждите, когда дым рассеется. А чего через дверь не заходите?

Злые духи — кэльэт ей говорят:

— Ты что издеваешься? Там же тивичгын — снеговывивалка стоит на страже.

Уселись кэльэт у дымохода, ждут, когда дым в яранге рассеется. А старуха думает: «Как же поступить?» К хвосту щенка привязала короткой верёвкой кусок шкуры и выпустила на улицу. За ним выбежал чёрненький, лохматый щенок. Они бегают вокруг яранги за шкуркой, лают. Первый щенок вокруг себя крутится, пытается схватить привязанную к хвосту шкурку, а вокруг него бегают и громко лают чёрненький щенок.

Один кэлы увидел их и как начал смеяться и кричит другому:

— Смотри! Что они делают?

Второй посмотрел вниз, увидел щенков и тоже начал смеяться. Смеются, никак не могут остановиться. Скатились с яранги, сели на свои ездовые нарты. Олени помчались. Едут и смеются. Один проехал через раздвоенный куст, зацепился. Олени в разные стороны, поводья порвались. Олени порвали кэле на две части.

Второй обернулся и спрашивает первого:

— Что с тобой?

Увидел, что его спутник раздвоился, и как начал смеяться. Так смеялся, аж на изнанку вывернулся.

СОБАКА-ВОРОТНИК

Когда-то собака жила среди диких тундровых животных. Но она и тогда много лаяла. Звери ловушку соорудят, сидят в засаде, ждут, когда же добыча попадётся? А собака начинает лаять, всю дичь распугивает. Много раз голодными звери спать укладывались. Только улягутся, собака опять лает. Разозлились звери, собрали совет. Волки, лисы говорят:

— Так скоро от голода умрём. Терпеть уже сил нет, уходи от нас.
Выгнали. Собака сидит и думает: «Надо же, не пожалели, выгнали. Куда же мне податься. Пойду-ка я к людям. Может они меня пожалеют?».
Пошла к людям, говорит им:
— Вот выгнали меня мои друзья. Может вы, примите меня.
А те спрашивают его:
— А что ты натворила?
— Да всегда лаяла, всем мешала. Не выдержали, выгнали, — рассказала собака.
— Вот оно как, — сказали люди.
Посоветовались, а потом спрашивают:
— Ты сможешь сторожить стадо?
— Не знаю. Вот только всегда лаю, лай никак не могу удержать, — ответила собака. Ещё посоветовались люди, подумали и говорят собаке:
— Ну, мы можем оставить тебя для воротника на кухлянку. Согласна?
— Да, конечно, согласна. А что делать, я ведь не смогу одна в тундре жить.
И думает «Хоть на воротник сгодилась. А то всем ненавистна стала из-за своего лая».

О ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ

Когда-то говорят, человек не умирал. В тундре было вечное лето, солнце никогда не уходило за горизонт. Жил один человек с женой. А жена недавно родила ребёночка. А в их яранге в укромном уголке на рэтэме притаилась жук Тықиңэвыт. Наблюдала она за жизнью людей и завидовала женщине: «Какой у неё заботливый, ласковый муж. Чего только он ей не приносит! Живёт себе припеваючи. А я то, понаплодила детей и всё равно бросил муж».

Однажды человек пошёл на охоту. Женщина с ребёнком остались в яранге. Тықиңэвыт превратилась в человека. Зашла в ярангу. Совершенно голая, говорит женщине:

— Дай одежду. Я так без одежды издалека пришла.

Женщине, конечно, жалко стало её. Отдала она Тықиңэвыт свой кэркэр. А та ей говорит:

— Посмотри. Что там у меня на спине.

Женщина послушалась, а Тықиңэвыт неожиданно напала на неё, связала и зарыла в землю, на корм своим детям. Сама превратилась в жену человека. Чтобы убить ребёнка, на спину ему натыкала иголки.

Пришёл мужчина с охоты. Тықиңэвыт, превратившаяся в его жену встретила его радостно, подносит ему еду и всё ластится. А человек смотрит на неё и думает: «Что-то здесь не так. Почему у неё кожа блестит и холодная».

Ребёнок всё время плакал, человек приподнял его и увидел, на спине иголки торчат, догадался. Подошёл к Тықиңэвыт, обнял, быстро схватил верёвку и связал её. Вынес на улицу, разжёл большой костёр и бросил туда Тықиңэвыт. Женщина, сгорая, закричала:

— С этого времени человек начнет умирать и не видеть вам больше счастья.

Тут же закатилось солнце, подул холодный ветер, нагнал тучи и пошёл снег. Все водоёмы покрылись льдом. С тех пор наступают зимы и люди стареют, болеют и умирают. Теперь очень редко люди находят себе пару, с кем были бы всю жизнь счастливы. Поэтому молодым парам говорят:

— Осторожно, неставляйте свои чувства напоказ. Мало ли, вдруг кто-то наблюдает за вами. Позавидуют.

ГЛУПЫЙ ВОРОН

Старый ворон устал, решил на пригорке прикорнуть. Уселся поудобней, заснул. А мышата, ух хулиганы, решили над ним подшутить. Один другому говорит:

— Давай ему углём лицо разукрасим, как женщины себя разрисовывают.

Взяли уголёк с костра, подкрасились и разрисовали лицо старику. Ух, хулиганы, озорники. Ворон проснулся. Солнце в зените было, припекло его. Ворону пить захотелось, горло пересохло. Спустился к реке, нагнулся к воде и увидел своё отражение. А лицо-то как у женщины разрисованное:

— Ух, ты, смотри-ка, а женщины-то на меня ещё поглядывают. Что же тебе такое подарить? Может рэтэм?

И бросил в реку рэтэм. Течение его подхватило и унесло.

— Ага, рэтэм тебе не нужен. Может, полог примешь? — сказал ворон и бросил в воду полог. Но и его унесло течением.

— Да! И полог тебе не нужен. Что ж тебе подарить? А подарю-ка я тебе молоток, кости дробить, — решил ворон.

Привязал к молотку верёвку, а другой конец себе на шею намотал. Бросил в воду, а тяжёлый, каменный молоток потащил ворона на дно. Утонул старик. Ну, даёт, видно совсем из ума выжил на старости лет. Ведь всем известно — всему своё время: время женщинам нравиться, время любить и время возле внуков сидеть.

ТЫНМАЙ

Рассказал оленевод 10 бригады МУП СХП «Канчаланский» Юрий Айгитваль.

Жил один богатый оленевод — гаймычылын. Выпасал он своё огромное стадо в Танюрерской тундре. Олени в этом стаде были большие, крепкие, здоровые. Жена у этого оленевода была мудрая, добрая женщина. И вот как-то пришла в их стойбище бедная женщина — нъочьын. Вдовой она была, своего стада не было. Нечем было этой женщине своих детей кормить. Питались, чем придётся. Зайцев, евражек, куропаток ловили. И вот чтобы дети не умерли от голода, пришла вдова к богачу и просит:

— Дай хотя бы несколько кусков мяса.

Но пожалел богач для бедной женщины мяса, выгнал её со своего стойбища.

Идёт женщина по тундре и плачет. Стала проходить мимо стада. Упала возле большой кочки. Чтобы в голос не разрыдаться, схватилась руками за траву, сжала в кулаки и вгрызлась зубами в эту кочку. Сквозь слёзы, от бессилия, сказала:

— Испытай то же, что и мы испытываем. Познай безысходность, отчаяние, когда на твоих глазах будут умирать от голода твои дети.

Умерла от голода эта женщина. А у этого оленевода от непонятного мора пало полстада. Другую часть стада волки перерезали.

Жена этого оленевода спрашивает:

— Ты никого не обижал?

Оленевод отвечает:

— Да нет, кого я мог обидеть, за много километров вокруг нас никого нет.

Жена говорит ему:

— Это же не просто так. Вспомни.

И вспомнил оленевод о той женщине, рассказал о встрече и разговоре с ней жене. Жена испуганно сказала ему:

— Что ж ты наделал! Разве так можно с людьми поступать? Гони стадо к тому месту стойбища и забей, сколько надо им на пропитание. И помни — зло наказуемо.

Погнал оленевод к тому стойбищу своё стадо. Но было уже поздно. В яранге той женщина со своими детьми умерли от голода.

Похоронил оленевод останки этих людей. Забил оленей и из рогов сделал двухметровый курган. До наших времен сохранился он в Танюерской тундре. Оленеводы мимо того кургана кочуют и рассказывают молодым пастухам эту историю в назидание.

А тот курган называется Тынмай. На карте он так и значится.

ЛИСА И ЕВРАЖКА

Бежала лиса по тундре. Стала пробегать мимо пригорка, а там евражка жилище себе построила.

Вышла она из норы, на солнышке погреться, да и семян, ягод на зиму пособирать. Увидела лису встала на задние лапки, свистнула и давай дразниться:

— Рыжая лиса,

Глупая лиса

Длинный хвост

А ум короткий.

Разозлилась лиса, помчалась к евражке. Вот-вот её схватит. А евражка юркнула в свою норку.

Лиса подбежала к норке, хотела зайти в жилище евражки, но только нос смогла просунуть. Стала лапами разгребать землю, чтоб сделать вход шире. Разгребаёт, а евражка дальше вглубь своего жилища уходит. Устала лиса. Села у норки и спрашивает:

— Ты где?

Евражка отвечает:

— Здесь.

Лиса говорит ей:

— Я всё равно тебя достану.

Евражка ей в ответ:

— А я несколько ходов себе прорыла.

Лиса ей:

— Ну что ж я подожду. Проголодаешься, сама выйдешь.

Евражка смеётся:

— А я себе в кладовку еды натаскала.

Лиса ещё, пуще прежнего разозлилась:

— Ну, погоди! Я всё равно тебя достану.

И ещё яростнее стала разгребать лапками норку.

Евражка через другой вход выскочила и побежала к соседнему пригорку, там у неё другое жилище было. Добежала евражка до пригорка, отдышалась. Потом вскочила на задние лапки и кричит лисе:

— Рыжая лиса,

Глупая лиса

Длинный хвост

А ум короткий.

Лиса остановилась, перестала ломать жилище евражки. Отряхнула свой красивый керкер и сказала:

— Может я и глупая, но ты недалеко от меня ушла. Была бы умнее, не дразнилась бы. И побежала по своим делам. А евражке стыдно стало, быстренько юркнула в свою норку.

КУРОПАТКА И ОЛЕНЬ

Осенью улетели птицы в тёплые края. А куропатка осталась. Выпал снег, ударили морозы. Не может куропатка добыть себе корм, умирает от голода. Зарылась в снег, чтоб теплее было, нахохлилась. Проходило через то место стадо диких оленей. Остановились олени ягелем подпитаться, как раз на той поляне, где куропатка в снег зарылась. Молодой олень стал разгребать снег копытом и наткнулся на куропатку. Испугался и спрашивает её:

— Фу ты, напугала! Что ты здесь делаешь?

— От холода прячусь. Все улетели на юг, там, где легко прокормиться. А я осталась, теперь от голода умираю, — ответила куропатка.

— Я сейчас буду разгребать копытом снег. Там под ним мёрзлые ягоды, семена растений. Мне нужен только ягель, а тебе семенами, ягодами вполне можно прокормиться, — предложил свою помощь молодой олень куропатке.

Всю зиму куропатка летала вслед за оленем. Он разгребал копытом снег, ел ягель, а куропатка клевала мёрзлые ягоды, семена растений.

Весной, когда растаял снег, очистились ото льда реки, озёра, проснулся в своей берлоге голодный медведь. Он пошёл на поиски еды и увидел на склоне горы пасущихся оленей. Медведь стал подкрадываться к самому крайнему оленю, а это был друг куропатки. Она увидела крадущегося медведя, притаилась за камнем, обросшим мхом. Когда он к ней приблизился, то захлопала крыльями, вылетела из-под его лап и громко закудахтала:

— Ып-эв! Ып-эв!

От неожиданности медведь упал навзничь и кубарем скатился со склона горы.

Так куропатка спасла своего друга и с тех пор они неразлучны.

ТАНЕЦ ЖУРАВЛЕЙ

Весной, когда прилетали журавли, мы мальчишки, только заслышим курлыканье, бежим со всех ног к ярангам, кричим:

— Ыммэмэй, ыммэмэй, журавли прилетели!

Наши мамы выходили из яранг и начинали танцевать под курлыканье журавлей. Пара журавлей садилась недалеко от яранг, курлыкали, взмахивали крыльями, подпрыгивали и так нежно, красиво шеи друг к другу тянули и головами гладили друг друга. Наши мамы повторяли за ними движения и произносили:

— Курлы, курлы.

В таких неуклюжих керкерах, а начинали танцевать, вдруг становились такими пластичными, гибкими. Во второй яранге старуха жила. Сидит, бывало, возле своей яранги, встаёт еле-еле, о палку упирается, кряхтит. А журавли прилетают, начинают курлыкать, танцевать, она свою палку выкидывает и танцует с ними. Да так ловко, красиво.

Я как-то спросил свою маму:

— Чего это вы с журавлями каждую весну танцуете?

И вот что она мне рассказало:

— Молодая пара журавлей свила себе гнездо на сухом месте, у берега озера. Пока подруга сидела, высиживала яйцо, самец далеко от неё не отходил. Когда птенец вылупился, они вме-

сте стали учить его ходить, отыскивать корм, а когда подрос, стали учить его летать. Встанут рядом с ним, машут крыльями, подпрыгивают, Журавлёнок за ними повторяет.

В августе стало ночью темнеть. Днем журавли ходили вокруг озера клевали морошку, голубику, копили силы. Ведь им осенью предстоял долгий путь до южных краев, где вечное лето. Как-то мимо озера пробежала лиса, увидела журавленка и решила им полакомиться. Стала подкрадываться. Трава уже была не такой сочно-зеленой как в начале лета, кое-где стала желтеть. Поэтому журавлёнок не сразу заметил её. И всё-таки он вовремя врага заприметил и громко закурлыкал, зовя на помощь. Родители тут же бросились на защиту своего чада. Они отогнали лису, но она успела поранить крыло журавлихе. Через несколько дней рана затянулась, но она больше не могла летать. Журавлёнок научился летать, взмывал в небо, кружил над тундрой, над озером.

И вот наступила осень. Птицы засобирались на юг. Журавли собрались в большую стаю, кружили высоко в небе над тундрой, печально курлыча. Журавлёнок присоединился к ним. Журавль взмыл к небу. Вернулся, кружил над подругой, а она безуспешно пыталась взлететь, но не могла, расправлялось только одно крыло. Журавль приземлился рядом с подругой и уже вдвоём с земли они курлыкали, вслед улетающим навсегда.

Когда наступили холода, пастухи гнали стадо мимо того озера и увидели журавлей, припорошенных снегом. Самец прикрывал подругу своим крылом, так вместе и замёрзли.

Пригнав стадо в своё стойбище, они рассказали об увиденном своим женам. С тех пор у оленных чукчей журавль стал почитаемой птицей, символом любви и верности.

Когда весной прилетают журавли, все женщины выходят из яранг и танцуют с ними, приговаривая:

— Н`эвэй, н`эвэй к`ымн`иничу

— К`ылей, к`ылей к`ыпутурэ

Ведь каждая женщина мечтает встретить верного единственного, верного спутника. А замужние, танцуют, чтобы счастье им сопутствовало до конца дней.

Вот что рассказала мне моя мама Айгитваль.

Далее идут сказки записаны со слов пастухов Танюрерской группы Айгитваль Юрия и Науликай Петра.

ВАЖЕНКА И ТЕЛЁНОК

Пастухи собрали стадо в кучу и уложили на отдых, на берегу озера. Мальчишки — подпаски стояли на возвышенности и внимательно наблюдали, чтобы какой-нибудь олень не убежал.

Иногда моросил дождик, после которого то тут, то там из-под земли вырастали грибы, любимое лакомство оленей. Пospели голубика, морошка и дразнили мальчишек запахом, оранжевым, голубым цветом ягодных полей. Но мальчишки стояли на возвышенности и наблюдали за стадом.

Вон телёнок стоит возле своей матери — важеньки, которая лежит у его ног и жуёт жвачку, прикрыв глаза. Телёнок шепчет своей маме:

— Когда мы с тобой пойдём в долину, где много грибов?

Поднимает голову, нюхает воздух, опять склоняется к уху матери и шепчет:

— Я чую запах грибов, их много.

Мать, не переставая жевать жвачку, и не открывая глаз, торопливо шепчет сыну:

— Ляг, ляг. Видишь, мальчишки смотрят на тебя. Морошка и голубика так и манят их к себе. Не выдержат, побегут лакомиться ягодой. Вот тогда и мы побежим в долину по грибы.

Но мальчишки упорно стояли на страже. Олени отдохнули, стали подниматься, и стадо вереницей потянулось по берегу речушки, впадающей в озеро, на выпас.

Мальчишки по бокам стада пошли следом. Старший пастух шёл за передними оленями. Важенка не торопясь поднялась, потянулась. Следом поднялся телёнок и, потягиваясь, сказал:

— Так и не смогли сбежать.

Мать ответила:

— Ничего, мальчишки устали, присядут где-нибудь на пригорочке и заснут.

Но мальчишки не садились, опершись на свои кэңунэт, внимательно следили за передвижением стада. Проходя мимо важеньки с телёнком, старый чымнайнын сказал:

— Из этих мальчишек хорошие оленеводы вырастут.

ОДИНОКИЙ ВОЛК

У одного старика было двое сыновей. Старший был послушный, а младший никогда не прислушивался к советам старика. И вот, пришло время умирать отцу. Позвал он своих сыновей и говорит им:

— Пришло время мне уходить в долину предков. Выполняйте всё, что я вам говорил, не нарушайте заповедей предков. За тебя, старший, я не беспокоюсь, ты всегда был послушным сыном. А тебя, младший, предупреждаю, не убивай просто так животных, твоя жена обойдётся и без волчьей опушки. Волки когда-то были нашими братьями, они научили нас, как приручить оленей и выпасать их. Не надо забывать об этом. Сыновья, как я вас учил, так вы и должны поступать. В праздник Пэгытти вы должны из куска моржовой кожи сделать тарелочку, положить в неё кусочки самой жирной оленины, кончик языка, сделать небольшое углубление в кочке и положить туда мисочку. Это жертвоприношение волку, чтобы стадо было в сохранности и в трудную минуту, когда стадо будет разбросанно, чтобы он вам помог.

Старик умер, сыновья его похоронили. Старший сын жил по законам предков, как учил отец. А младший, был молод, дерзок, азартен, гонялся по тундре за волками, росомахами, дикими оленями. Его жена шила себе из шкур добытых зверей обновы. Она была искусная мастерица по шитью. А красавица была!

Однажды в зимний морозный день возвращался младший брат со стада и увидел большого, красивого, белого волка-одиночку. Парень хлестнул по бокам вожжами своих ездовых и помчался на своей упряжке за волком. Быстро бежал волк, но младший брат его всё равно догнал у скал, натянул тетиву и убил зверя. Соскочил парень с нарты побежал к добыче, поднял голову и видит, на вершине скалы стоит человек. Этот человек молча метнул в него копье, младший брат замертво упал возле волка. Человек спустился с вершины скалы, нагнулся над молодым охотником, забрал копье. Потом подошёл к волку, выдернул стрелу и швырнул на грудь парня. Нагнулся над волком, дыхнул на него, тот ожил, поднялся. Они вместе ушли. Этот человек был Хозяином всех диких зверей, а белый волк был его другом.

Весь вечер и всю ночь молодая жена ждала своего мужа. А утром поехала на оленьей упряжке к старшему брату мужа. Вместе они поехали искать молодого охотника. Нашли, привезли в стойбище, похоронили.

Молодая женщина не стала выходить замуж. Сама пасла оленей, кочевала по тундре одна. Частенько забиралась на вершину сопки и пела тоскливую песню, похожую на волчий вой. Очень тосковала по мужу. Иногда люди видели возле женщины белого волка, но сама она не обращала на него внимания.

Однажды мимо стада проезжал на своей упряжке богатый оленевод, увидел женщину и говорит ей:

— Ты мне понравилась, будь мне третьей женой.

Женщина ответила:

— Я вдова и замуж больше не собираюсь выходить, потому что в моём сердце до конца моей жизни будет жить только мой муж.

Богач сказал:

— Всё равно, будет по-моему.

Женщина кочевала со своим стадом, богатый оленевод шёл за ней по следам. Однажды он её всё — таки нагнал и опять предложил:

— Будь моей женой.

Женщина отказалась. Богач выкрикнул:

— Так не доставайся же никому.

И выстрелил в неё из лука. Навстречу летящей стреле прыгнул белый волк. Стрела попала ему в сердце, он упал у ног женщины. Она нагнулась над ним, глянула в глаза и увидела в них погибшего мужа. Она села возле волка, обняла его голову и заплакала.

Появился Хозяин диких зверей, подошёл к богатому оленеводу и глянул ему в глаза. Оленевод страшно закричал и провалился сквозь землю. Хозяин диких зверей подошёл к женщине и сказал:

— Душу твоего мужа я вселил в волка, чтобы почувствовал, что такое быть преследуемым. Но за этот поступок я его прощаю и отпускаю его душу.

Женщина попросила Хозяина диких зверей:

— Я не хочу разлучаться с мужем. Соедини нас.

Он ответил:

— Ничем помочь не могу, я не распоряжаюсь человеческими жизнями.

Женщина сказала:

— Я согласна умереть, но только не разлучаться с ним.

Хозяин диких зверей подумал и сказал:

— Хорошо, жизнями людей я не распоряжаюсь, могу только наказать за убийство животных. Но я могу вас превратить в птиц.

И превратил их в белых лебедей. Поэтому у нас нельзя убивать этих птиц, потому что их охраняет Хозяин диких зверей.

ОМРУВЬЕ I

Рассказ Кеутегина Валентина

Мой отец Кеутегин Роман, работает в 6 оленеводческой бригаде. Когда он учился в 5 или 6 классе, у него умерли родители и его отправили далеко, куда-то под Магадан. В советское время там был дом для сирот. А когда отец окончил школу, он вернулся в Канчалан и уехал в тундру, работать оленеводом. Я каждое лето езжу к нему, мы вместе ходим на летовку.

Отец много рассказывает мне, но больше всего мне понравился рассказ о его предке Омрувье.

Послушайте, что отец мне о нем рассказал:

Родился у старика Эйгынли сын, и дал он ему имя — Омрувье.

Когда мальчик подрос, Эйгынли показал ему на небольшой сопке куст и сказал:

— Прыгай через этот куст каждый день и будешь бегать также как я когда-то в молодости.

Если не веришь, в то, что я был бегуном когда-то, спроси у старика Аканто, мы вместе росли.

Пошёл Омрувье к старику Аканто спросил его:

— Правда, что мой отец в молодости быстро бегал?

Старик Аканто ему ответил:

— О-о, он был отличным бегуном. Как-то осенью, в грибное время мы с твоим отцом окарауливали стадо у горы Янранай. И вдруг передние олени помчались в долину, видимо грибы почуяли. Я бежал, стараясь развернуть оленей. Но куда уж там, если олень почуял гриб, его не остановишь, мчится быстрее ветра, ничего округ не замечая и не слыша окриков пастуха. Тогда я свистом послал вдогонку убегающим оленям свою собаку Элгар. Да, хорошая у меня оленегонка была, пожалуй, таких уже нет, у коряков выменял её за двух пятилетних важенок.

Так вот, мчится моя собака за оленями, смотрю и вижу, вслед за собакой бежит твой отец Эйгынли. Поравнялся, а потом и перегнал. Вот это был бегун — закончил свой рассказ старик. Омрувье покачал головой:

— Значит, правда.

Как наказал отец Омрувье, так он и поступил. Каждый день прыгал через кустик. Кустик рос-разрастался, становился выше, но и Омрувье рос, не переставая прыгать. И так прошло 10 лет. Омрувье вырос, благодаря тренировкам возмужал и стал отличным бегуном, как его отец Эйгынли в молодости.

ВРАГИ

Вторая сказка

Как-то вернулся Омрувье со стада. Подходит к ярангам, собака залаяла, но никто не вышел ему на встречу. Встревожился юноша. Быстрым шагом подошёл к яранге, заглянул во внутрь — никого. Пошёл в соседнюю ярангу и там никого. Прошёл Омрувье по стойбищу, видит по следам — чужаки приезжали. Понял, беда случилась, угнали чужаки его сородичей себе в рабство.

«Что же делать? Как быть?» — размышляет Омрувье.

Вспомнил о друге отца Аканто у которого стойбище на Танюрерской стороне у реки Чумьэвээм.

Быстрее ветра помчался Омрувье к другу отца Аканто. К ночи прибежал к реке Чумьэвээм. На другом берегу находилось стойбище Аканто. Не доходя до реки остановили Омрувье два человека, спрашивают:

— Ты кто такой? Зачем пришёл?

Омрувье отвечает им:

— Я сын Эгынли друга Аканто. Люди подпустили его к стойбищу, привели в ярангу Аканто. Аканто встретил Омрувье радушно, накормил, напоил чаем. Когда гость наелся, напился, сказал ему:

— А теперь рассказывай, что случилось? Зачем приехал?

Омрувье выпалил:

— Мне нужна ваша помощь. Кто-то напал на наше стойбище. старик остановил его:

— Не спеши. Расскажи подробно.

Омрувье рассказал, всё что увидел в своём стойбище.

Аканто подозвал одного из юношей и сказал гостю:

— Вот мой старший сын Пэлявье. Они с младшим братом тебе помогут, — и приказал сыновьям, — запрягайте оленей, нужно спешить.

На трёх упряжках поехали юноши в стойбище Омрувье. Доехав, внимательно исследовали следы. Посоветовавшись, поехали по следам пришельцев.

По следам оленьих упряжек незнакомцев, к вечеру доехали до горы Кэмэйырдынэй. Дождались когда стемнеет и напали на стойбище врагов. А их хоть и много было, но нападение было таким внезапным, что трое юношей быстро одолели врагов и забрали сородичей Омрувье.

Старик Йитъэнкеу говорит, что на Танюрерской стороне таких вооруженных стычек в старину много было, — закончил свой рассказ Валентин. Раскачиваясь на стуле из под, из под прищуренных, хитроватых глаз с улыбкой оглядел своих сверстников. А те молча и удивленно смотрели на него.

— Ребята, на ужин,- раздался из коридора голос поварихи интерната Елены Алексеевны. Все задвигали стульями и направились к выходу из комнаты отдыха.

— Кеутегин. Вечером в комнате расскажешь ещё что-нибудь? — схватил за рукав Валентина Лёшка Кеунеут. Валентин засмеялся, увернулся и побежал в сторону столовой по коридору.

Анадырь. 2022 год

ВАЛЕНТИНА ВЭКЭТ-ИТЕВТЕГИНА

БИОГРАФИЯ

Родилась 11 июля 1934 года в древнем селе Уэлен (Чукотский район Чукотского АО). «Почётный гражданин Чукотского автономного округа» (2019), лауреат Литературной премии имени Юрия Рытхэу (1999) — за лучшее произведение в деле воспитания молодёжи, основанное на самобытных традициях коренных народов Чукотки, «Народный мастер Чукотки» — за достижения в декоративноприкладном искусстве и участие в художественных выставках, включена в энциклопедию «Лучшие люди России» (2003) — как неординарная личность, внёсшая вклад в культуру и общественную жизнь.

ЛЮДИ, СПЯЩИЕ НА НЕРПИЧЬИХ ШКУРАХ — ТАНОЙГАЙКОТЛЬАТ МУЖЕСТВЕННАЯ ЖЕНЩИНА

Часть 1

В семье Тынескина не было сыновей и может быть, поэтому все свои знания он пытался передать единственной дочери Тыненны. Она была ему напарницей во всех его начинаниях, даже на прогулку по берегу после шторма он её часто брал с собой. Сначала за компанию, чтобы было веселее, потом как помощницу. После шторма на берегу можно было собирать плавник для костра и морские водоросли, вкусную приправу к мясу.

Тынескин хотел, чтобы дочь выросла крепкой, сильной и выносливой. Хозяйка яран'ы⁵ Омрына, хоть и возмущалась тем, что отец пытается воспитывать их дочь как мальчика, не сильно сопротивлялась, понимая, что мужу тоже нужен последователь в его делах. Сам Тынескин был хорошим охотником. Убегающего зверя догонял и ловко убивал копьём; нерп, вынырнувших из полыньи, тоже добывал копьём. А это считалось верхом совершенства

⁵ Яран'ы — яранга, чукотское жилище каркасного типа в виде полусферы

в охотничьем деле. И когда дочь немного подросла, он занёс в ёрон'ы⁶ камень. Омрына спросила мужа:

— Зачем ты принёс этот камень?

Дочь опередила отца:

— Этот камень нужен мне для тренировок.

Омрына от удивления всплеснула руками и упрекнула мужа:

— Ты хочешь, видимо, научить нашу дочь поднимать тяжести?

— Да, — ответил Тынескин, — я так думаю, наша дочь — наша надежда. Мы стареем, мы не знаем, что её ожидает в будущем. А вдруг у неё не будет детей? А вдруг злые люди будут обижать её? У неё ведь нет братьев, которые могли бы защитить её. Так что пусть тренирует своё тело.

Девочка росла сильной, крепкой и выносливой, во всем старалась подражать отцу. В семье во всем ощущался недостаток, и девочка ни в чём не нуждалась.

Но пришло время дочь выдавать замуж. Родители не хотели отдавать свою дочь в чужую семью, поэтому они решили взять в дом сироту. Юношу звали Алялэйн'ын. Ещё в младенчестве у него умерли родители, и юноша рос в семье тёти. Внешний вид мальчика порой вызывал жалость: кухлянка от солёной воды выглядела как мокрая шкура, из дырявых торбазов торчали травяные стельки, от постоянной сырости пальцы ног скукожились.

Найдя сочувствие в семье Тынескина, Алялэйн'ын стал их часто навещать, помогать по хозяйству. Тынескин учил юношу охотиться, правильно обращаться с собачьей упряжкой. У них были сильные и выносливые собаки. Мужчины со временем стали вместе ходить на охоту, и всегда возвращались с добычей...

Прошёл уже год, как Алялэйн'ын жил в семье Тынескина. Алялэйн'ын превратился в настоящего мужчину, и родители благословили молодых людей на совместную жизнь. Ярангу детям поставили отдельную, и через год у них родился сын. Назвали мальчика Аарон'. Хотя Тыненны и вела отдельное хозяйство, но всё равно две яранги жили сообща. Готовили еду совместно, меховое сырьё, различная хозяйственная утварь были в общем пользовании.

Однажды тихим морозным утром Тынескин и Алялэйн'ын рано вышли на охоту. Море местами ещё не замёрзло, но разводья уже покрылись льдом. Впереди шёл Алялэйн'ын, сзади — Тынескин. Шли не спеша, след в след. Алялэйн'ыну на пути попалось разводье, чуть-чуть припорошенное снегом. Он его не заметил и угодил в воду. Тынескин вначале не понял, куда делся зять, а потом, догадавшись, быстро снял с плеча ак'ын и кинул зятю. Алялэйн'ын ухватился за него и вылез на твёрдый лёд. Мокрую одежду пришлось срочно снимать, так как на морозе она сразу становилась как панцирь. Тынескин снял верхнюю кухлянку, меховые брюки и отдал зятю. Переодевшись в сухую одежду, они быстро пошли к собачьей упряжке. Хорошо обученные и сильные собаки быстро домчали их до дома. Но в результате несчастного случая Алялэйн'ын простудился и слёг. В итоге здоровье зятя было подорвано. Молодой мужчина стал часто и подолгу болеть. Но молодую жену с ребенком надо было кормить. Едва оправившись от очередной болезни, Алялэйн'ын стал выходить на охоту с упряжкой, но уже недалеко от селения.

Люди не живут вечно, так и в семье Тынескина жена заболела и вскоре умерла. У дочери родился второй сын, назвали его Атьёке. Не пережив смерти жены, Тынескин вскоре тоже ушёл вслед за Омрыной. Алялэйн'ын продолжал болеть. Мучительно болели вспухшие суставы рук и ног, сильные боли давала поясница. Несмотря ни на какие невзгоды, семья увеличилась, родился ещё один мальчик. Назвали его Оой. В благополучный период это было бы

⁶ Ёрон'ы — меховой полог, жилое помещение в яранге

хорошим знаком, так как мальчики в будущем становились охотниками, а значит, это сулило благополучие. Но в семье Алялэйн'ына жили впроголодь, кормить троих детей зачастую было нечем. Выручала сохранившаяся собачья упряжка. Тыненны, как и мать, очень любила собак и по возможности варила кровавые похлебки, любимое лакомство для верных друзей.

Прошёл ещё год тяжелой жизни. По слабости здоровья Алялэйн'ын не мог самостоятельно охотиться, поэтому старался выходить в море вместе с другими охотниками, помогал ставить им сети на нерпу. Встав после очередной болезни, Алялэйн'ын, стал ходить на охоту на ближний припай. Только быстро расходилась добыча, кроме еды надо было поддерживать огонь в светильнике и кормить собак. Из-за своей бедности они потеряли друзей-оленоводо-дов. Оленеводы, которые раньше приезжали и останавливались у них, перестали к ним заезжать. Что можно было взять с бедных людей? Тыненны часто одолевала тяжелые мысли о будущем их семьи, о возможности вырастить детей. Ведь дети ещё совсем маленькие. Она тщательно следила за чистотой своей яранги. Но всё равно ёрон'ы, рэтэм⁷, которые при жизни родителей содержались в идеальном состоянии, постепенно ветшали. Со временем им пришлось уменьшить ёрон'ы, а через год и яран'ы уменьшили. Тыненны, которая выросла в достатке, очень переживала такое положение.

«Что же делать? Дети мёрзнут, — эти мысли часто одолевала Тыненны. — Да ещё одни мальчики при нашей-то нищете. А младший сын только встал на ноги...».

С каждым годом яран'ы у Тыненны и Алялэйн'ына ветшала и портилась. Покрышка яранги от дождей и ветра стала рваться. Летом из-за сильных дождей намокали находящиеся в чоттагине⁸ меховые вещи, домашняя утварь. Яранга, такая большая и ухоженная при жизни прежних хозяев, постепенно стала выглядеть жалко. Оленьи шкуры, служащие подстилкой во время сна, истерлись до невозможности. Моржовая шкура, которая служила покрытием пола в ёрон'ы, а также лахтачы⁹ ремни, поддерживающие ярангу, тоже постепенно приходили в негодность. Надо было обновлять и ярангу и полог. Каким образом все это можно сделать? Дети были маленькие и из-за отсутствия меховой одежды всё время находились в яранге.

Жизнь на севере тяжёлая, требует много сил и здоровья. Только сильные, стойкие, здоровые могли обеспечить нормальные условия, чтобы можно было жить в Арктике. А для морских жителей главным условием существования было знание моря, окружающей природы. Если не знаешь море, то охота может закончиться трагедией, что и случилось с Алялэйн'ыным.

После очередной болезни Алялэйн'ын стал потихоньку поправляться. Из-за воспаления суставов он ходил, согнувшись, как старик. И надо было такому случиться, что переживший бедность и одиночество, обделенный вниманием и заботой, молодой мужчина ко всем своим бедам, ещё потерял здоровье. Единственным утешением для него были его дети.

Как только Алялэйн'ын окреп, решил съездить в соседнее селение Кэнискун в поисках какого-нибудь промысла. Видя безуспешные усилия жены, он пытался ей помочь, в силу своих физических возможностей. Отсутствие меха на одежду, постоянная нехватка пищи — все это действовало угнетающе. Узнав о планах мужа жена его напутствовала:

— Пока позволяет здоровье, поезжай! Детей кормить нечем, они совсем стали слабенькими. Да и собаки подкормятся у людей. А мы тебя подождём, может соседи сжалятся над нами, может, дадут чего-нибудь. В селении много добрых людей.

Алялэйн'ын только тяжело вздыхал, слушая жену и молча мямля в руках нерпичью шкуру. Жена в поисках заработка ходила по соседям и иногда брала нерпичьи шкуры на выделку.

⁷ Рэтэм — покрытие яранги из меха оленя или шкур моржа

⁸ Чоттагин — холодная часть яранги (кладовка).

⁹ Лахтак — морской заяц

Сыновья играли в углу полога. Из экономии зажигали только один ээк.

От тяжелых мыслей и безысходности муж все больше молчал. Упорство жены придавало силы, Алялэйн'ын сказал жене:

— Правду ты говоришь. Без помощи людей мы сами не справимся. Как только выпадет снег, я поеду.- А сам размышлял про себя: «Надо попробовать в соседнем селе у людей попросить мяса, может они с осени запасли достаточное количество кымггыт¹⁰. На мне большая ответственность за Тынэнны, за наших сыновей. Я должен оправдать надежды Тынескина, который безродного сироту взял в свою семью. Он ведь мечтал о сыновьях, хотел их научить быть хорошими охотниками, каким он был при жизни. Плохо будет, если я его надежды не оправдаю, и мы не сможем воспитать и вырастить долгожданных мальчиков. Из-за моей слабости они могут умереть от голода...»

Все лето дул северяк¹¹, и лёд у берега держался постоянно, даже соседи не смогли заготовить моржовые рулеты в достаточном количестве. Жили в тревожном беспокойстве, хватит ли запасов на долгую зиму. Жизнь приморских жителей во многом зависела от состояния погоды, возможности выйти в море на охоту. Вот и сейчас давно не было хорошей погоды.

Тыненны тоже была озабочена мыслью, чем накормить детей. Несмотря ни на что, она ходила по ярангам, помогала разделявать нерп и выделявать шкуры. Очищала от жира шкуры, замачивала в моче и сушила на вешалах. За это соседки давали ей немного жира и мяса. По возвращении домой, Тыненны вытапливала жир, заправляла ээк и ставила над огнем кастрюлю с кусочком мяса. В кастрюлю наливала как можно больше воды, чтобы получилось много бульона. Пыталась наполнить желудки детей и таким образом обмануть голод. Мальчишки сидели в углу ёрон'ы, тесно сгрудившись из-за холода. Голодные, дети дрожали от холода, а младший безудержно плакал. Братья успокаивали его, и как могли, согревали своими телами. Сердце Тыненны сжималось от боли, глядя на своих раздетых детей. Меха, пригодного для одежды в их доме не хватало катастрофически. Из того, что находилось, в первую очередь, шло на одежду мужа, и даже этого еле хватало чтобы заштопать дыры. Да и у самой кэркэр обветшал, вся шерсть вылезла.

Погода была изменчивой. Задул восточный ветер, надолго запуржило. В холодной части яранги скопилось много снега, который намело через дымовое отверстие и прорехи рэтэма. Каждый день Тыненны выносила горы снега, но за ночь успевало наместить столько же. Чтобы укрепить крышку яранги обвязывала шкуры ремнями и подвязывала камни. Ёрон'ы отряхивала от снега снеговывивалкой, потом утиными крылышками подметала все углы в яранге. Снег собирала в кучу возле выхода и деревянной лопатой выносила на улицу. Ветер тут же подхватывал снег и уносил от яранги. Такая работа во время пурги была ежедневной.

Во время пурги охотники сидели дома, а их семьи вынуждены были экономить съестные припасы. Те крохи мяса, что давали соседи Тыненны, быстро заканчивались.

Подрастающие дети являлись постоянной заботой родителей. Несмотря на болезнь, Алялэйн'ын мало бывал дома, разъезжал на собачьей упряжке по селениям. Вот и недавно, приехав с Инчоуна, привёз немного моржового мяса. После южака¹², который длится обычно три дня, на улице потеплело. Мясо лежало в кладовке, чуть подтаявшее. В первую очередь Тыненны старалась натопить жира, чтобы заправить ээк. Оставшееся мясо надо было, как можно дольше растянуть, несмотря на то, что и этого не хватало, чтобы утолить голод. Неизвестно было, когда в очередной раз муж привезет продукты. В следующий раз Алялэйн'ын надолго

¹⁰ Кымггытэ — рулеты из моржового мяса.

¹¹ Северяк — северный ветер.

¹² Южак — южный ветер.

задержался в Наукане. Учитывая все это, Тынэнны старалась рассчитать съестные припасы: «Нужно немного мяса оставить для собак, бедные тоже устают, вечно полуголодные».

После утренней уборки Тынэнны пошла помогать соседке. Большая у соседей яранга, во всем чувствуется достаток хозяев. За помощь в разделке добычи они давали бедной женщине немного моржового мяса, а иногда даже делились деликатесом — квашеной оленьей кровью. Возвращаясь, домой мать первым делом кормила детей.

Проснувшись наутро, видела обычную уже картину: вся холодная часть яранги забита снегом. Опять надо сгребать снег, выносить на улицу. И опять одна и та же мысль «Где взять еду?». Мальчишки плачут в пологе от холода и голода. «Что мне делать?» — в сердцах думала мать. Снежная пыль попадала Тынэнны в рукава кэркэра, мёрзли руки, постоянно приходилось согревать их дыханием.

Однажды зимой опять надолго задула пурга. Отец был в отъезде, ездил по селениям. Из экономии ээк днём не зажигали, мальчики в темноте играли в пологе. Целый день ничего не ели, запасы все закончились. Чтобы не вызывать вопросов детей о еде, мать старалась не разговаривать с ними, а у самой сердце разрывалось от жалости к своим плачущим голодным детям. Особенно часто слышно было самого младшего сына, Ооя. Старшие братья как могли его успокаивали. Как-то Тынэнны надоело слушать детский плач, вышла в чоттагин и занесла в полог камень, который лежал в кладовке ещё с тех времён, когда Тынэнны тренировалась и сказала:

— Нате, тренируйтесь, чтобы согреться!

Камень был такой холодный, что от одного прикосновения, пальцы детей прилипали к камню. Через некоторое время камень немного отошел, и, с ним можно было возиться. Только дети даже сдвинуть его не смогли, такой он был тяжёлый. Пока возились с камнем, вроде разогрелись, но всё равно чувство голода давал о себе знать. Тогда старший брат шепнул младшему:

— Скажи маме: «Мама, мы хотим есть!».

Маленький послушно выглянул из ёрон'ы и попросил:

— Мама, мы хотим есть, давай покушаем..

В сердцах Тынэнны вышла в кладовку, нашла кусок моржовой кожи, оставленный для хозяйственных нужд. Она отрезала три кусочка с палец толщиной. Эти кусочки с небольшой прослойкой жира она принесла детям.

— Нате, для чего у вас зубы, грызите, — сказала в сердцах.

Дети были так голодны, что набросились на эти кусочки кожи и начали быстро жевать. Притихли, пытаясь раскусить сырую кожу. Мать незаметно наблюдала за ними, слышно было только чавканье. Старшему был не по вкусу кусок кожи, но голод брал своё. Кусок моржовой шкуры со слоем жира трудно было грызть даже старшим детям, а младший от бессилия заплакал: никак не мог справиться со своей долей. Помучавшись ещё немного, он решил сосать кожу как соску.

Вечером мать стелила в ёрон'ы нерпичьи шкуры ко сну, и мальчики, уставшие после тренировок, мгновенно засыпали. Чтоб хоть как-то согреть детей Тынэнны снимала свой кэркэр и укрывала им детей. На улице по-прежнему бушевала пурга, от ударов ветра становилось страшно за ветхую крышку яранги, вдруг ее унесет при очередном порыве ветра.

Уже несколько дней пурга не стихала. Тревожила мысль за мужа, где он в этот момент может находиться? Проснувшись утром, хозяйка видит, что опять пуржит, в чоттагине так же намело много снега, его надо опять выгребать на улицу. Бедность как будто кричала изо всех прорех крышки яранги, и усугубляла прочие беды многодетной семьи. Тынэнны принялась за ежедневную приборку.

С самого утра мальчики тренируются, поднимают по очереди камень. А к полудню младший выглядывает из ёрон'ы в чоттагин, ищет глазами мать. Тынэнны, убравшая снег, понимает, что дети хотят есть. Она идёт в кладовку и опять отрезает по маленькому кусочку моржовой кожи, подает детям:

— Нате, ешьте!

Дети с неохотой берут поданную пищу. Но мать им в сердцах выговаривает:

— Вкуснятины захотели? Откуда я вам её возьму? Вы сами прекрасно знаете — нет у нас мяса. И отец еще не приехал. Я не знаю, может, он где-то потерялся, а вы всё о вкусах мечтаете.

На некоторое время дети замолкают, слышится только громкое чавканье. Очень трудно грызть моржовую кожу. Шерсть застревает в зубах. Растаявший жир дети сосут, как соску. Младший плачет от бессилия и безысходности. Старший брат начинает ему помогать. Накормив Ооя, Аарон' сам продолжает жевать свой кусок. После еды, чтобы согреться, дети возятся с камнем. Так проходят дни за днями. Младший брат сам уже научился справляться с куском кожи, приноровился к его жесткости. Со временем и камень стал казаться легче. Раньше было не под силу поднимать камень одному. Старший старался приподнять его, а младшие братья его поддерживали. А потом за камень стали браться и младшие. Так незаметно, за тренировками проходили дни. Ко всему привыкает человек. Вскоре дети привыкли к однообразной пище — моржовой коже — она стала их основной едой, даже стала нравиться. Только всё равно жевать кожу было трудным занятием.

Наконец, приехал отец. Привёз мясо. Погода наладилась, стало тихо. Покрышка яранги перестала сотрясаться от ветра. Ветер перестал «свистеть» сквозь щели. Хозяйка яранги тоже успокоилась, перестала ворчать на своих детей. Даже выражение лица поменялось, морщинки разгладились. В первую очередь Тынэнны заправила светильник привезенным жиром, стало тепло и светло. Дети смотрели и радовались, как мать снимает с огня котёл с дымящимся варевом. Тынэнны достала к'эмэн'ы, поставила возле жирника и начала резать на нём нерпичье мясо. Отец смотрел на детей и радовался: «Как вкусно дети едят! На свежей пище поправятся». Съев по рёбрышку, сыновья стали с удовольствием запивать мясо бульоном. За едой дети хотели рассказать отцу о том, как им тяжело жилось без него, но мать так окинула взглядом сыновей, что они тут же замолчали. Мать почти ничего не ела, хотела побольше накормить детей. Она обходилась тем, чем её угощали соседки-родственницы — к'эмэйрыгыт¹³.

Побыв дома с недельку, Алялэйн'ын опять засобирался в соседнее селение. Пока отец находился дома, дети отдыхали от усиленных тренировок. Днём обычно старались экономить жир и зажигали ээк на маленький фитиль, чтобы только чуть-чуть светило. Тепло в ёрон'ы создавалось благодаря присутствию в нем людей. Дети вообще никогда не сидят на месте, всё время находятся в движении. Если уставали тренироваться с камнем, то занимались борьбой между собой. Или старшие братья маленького таскали на себе. Благодаря постоянному движению дети не особенно страдали от холода. Так жили, когда отец был дома. Отец им позволял больше чем мать, может быть, из чувства вины за то, что не мог обеспечить самым необходимым: «Бедные, нет у них одежды. Пусть хоть порезвятся, теплее им от этого будет».

Когда отец был дома, Тынэнны вечерами старалась устраивать ужин, хоть понемногу, но выкладывала мясо на блюдо. Да при отце мать и не выказывала строгости к детям, к которой вынуждена была прибегать в его отсутствие.

¹³ К'эмэйрыгыт — угощение.

Но мясо, которое привозил отец, вскоре заканчивалось, и надо было опять выезжать в другое стойбище в поисках пропитания. Бывало, что из-за непогоды Алялэйн'ын задерживался в пути надолго.

Эти поездки были выгодны и для собак, которых в селениях принимающая сторона кормила, соблюдая обычай холодной земли. А домашним приходилось ждать приезда кормильца, ощущая себя сиротинушками.

Перед уходом к соседям мать давала детям по кусочку моржовой кожи, чтобы отвлечь детей от мыслей о еде, а когда возвращалась домой, то заставляла детей тренирующимися. Ежедневные тренировки братьев начинались с бросания камня друг другу. Когда надоедало играть с камнем, переключались на борьбу. Затем старшие братья тренировались в прыжках. Дети не сидели без движения, постоянно чем-то занимались. Были в их играх и перетягивания на пальцах, вырабатывающие хваткость и силу. Оой не отставал от братьев, тоже старался участвовать с ними в тренировках. Когда мама возвращалась домой, то Аарон' одевал её кэркэр и выходил на улицу потренироваться с копьём. Вокруг яранги бегал, вырабатывая выносливость.

Тынэнны старалась кормить детей на ночь, чтобы легче было засыпать с притупленным чувством голода. И так изо дня в день.

Как только погода налаживалась, семья начинала ждать отца, особенно дети. Хозяйка каждому кусочку из привезенных продуктов была рада, особенно жиру. Первым делом Тынэнны заправляла ээк, в ёрон'ы сразу становилось тепло и светло. С приездом отца появлялась еда: мясо, бульоны. Дети всё время с нетерпением ждали его возвращения. Когда отец дома, мать голос на них не повышала, не заставляет детей бегать вокруг яранги. С каждым приездом отец видел изменения в детях, сыновья постепенно выросли, становились юношами. При этом невзначай спрашивал жену:

— Чем же ты их кормишь в моё отсутствие?

— А чем мне их кормить? Тем, что ты привозишь, и что нам дают соседи. Если бы одни жили, с голоду давно бы умерли...

Отец замолкал.

Прошёл ещё один год. С наступлением тёплых дней отец стал брать с собой старшего сына на рыбалку. Аарон' надевал мамин кэркэр. Оставшихся дома сыновей Тынэнны старалась чем-нибудь занять. Приносила камень чуть больше прежнего и Атьёке с Оойем тренировались дома. Сначала передвигали камень с места на место, потом упражнения усложняли. Младший во всём подражал старшему, старался быть ему помощником:

— А ну-ка постарайся положить камень тебе на колени, я помогу тебе. Старший отвечал:

— Подожди, я устал, вспотел, отдохну сейчас.

А мать, слушая их разговор, вставляла:

— Из-за своей слабости вспотел.

Замечание матери подхлестывало сына, Атьёке с трудом поднимал камень. К вечеру, когда отец возвращался со старшим сыном, мать говорила сыновьям:

— Пока хватит. Уберите камень!

— Сейчас, — стараясь поднять тяжёлый камень, отзывался Атьёке. — Ох, и тяжёлый камень.

Младший приглушенно просил:

— Тихо! А то мама опять нас жилами побьёт!

Дети убирали камень и начинали заниматься борьбой.

Мальчики подрастали. Они становились юношами, только всё время им приходилось сидеть

дома, так как не было одежды. По очереди надевали мамину одежду и бегали вокруг яранги. Тынэнны никого из детей не выделяла, ко всем относилась одинаково требовательно. Если кто из братьев отставал от других, мать замечала:

— Своих братишек бросишь, ото всех отстанешь. Утонешь на речке, червячкам жертвой станешь!...

От таких слов вконец уставший Атьёке прибавлял шаг. Как будто второе дыхание открывалось, бежал легко, без напряжения. Наконец Тынэнны говорила сыну:

— Ну, хватит пока, а то проснутся скоро соседи и увидят тебя в моей одежде!

Атьёке заходил в ярангу и продолжал тренироваться в прыжках с колена. Вскоре в прыжке стал доставать рукой отдушину яранги. Очень ловким и сильным становился средний сын. Чтобы усложнить пробежки вокруг яранги бегал с камнем в руках.

Летом Тынэнны заставляла детей ходить за плавником к морю. Вставали, чуть только начинало светать. Старший сын надевал мамин комбинезон — кэркэр и торбаза. Возвращался с вязанкой дров за спиной поздно вечером. Когда отец был дома, то дети одевали и его одежду.

Самые неожиданные находки можно было обнаружить после шторма, поэтому после того, как утихал шторм на море, Тынэнны поднимала детей рано утром со словами:

— Что, уже забыли, как зимой голодали? Только те, кто мало спит летом, тот не голодает зимой. Сейчас у нас тепло, светло. Забыли, как зимой в темноте жили? Или вы толстокожими стали, не чувствуете холода?

После таких слов юноши вскакивали и выходили в чоттагин, где в холоде остатки сна пропадали. Даже не позавтракав, бежали на берег моря. Иногда на берегу моря находили ритль¹⁴, выброшенного волной во время шторма. У сыновей при себе всегда был нож. Младшего брата отправляли с радостной вестью домой. Вскоре на косу приходила мать с пекулем. Вдвоём со старшим сыном разделявали находку. Тут же делали кымгыты и закапывали на косе, а оставшееся мясо относили домой. Аарон' тащил кымгыт по галечному берегу, было очень трудно идти. Для удобства ходьбы по гальке отец им сделал специальные подошвы-лодочки из лахтачьеi кожи. В удачливые дни, когда находили моржа, отец тоже участвовал в заготовке рулетов.

Родители своим примером учили детей переносить тяготы жизни, поэтому дети росли трудолюбивые, выносливые. Сыновья были ко всему привычные. У детей не возникало вопросов, почему родители заставляли их выполнять самую тяжёлую работу. Они сами не сидели без дела, всё время были в работе.

В свободное время дети в чоттагине тренировались в прыжках. Яранга маленькая, поэтому дети свободно доставали верхние перекладыны. Прыгали не только в высоту, но и в длину.

Наступила осень, похолодало. Полинялый рэтэм совсем побелел, через щели крыши ветер свистел на разные голоса. Как-то вечером, сидя у костра в чоттагине мать в раздумье произнесла:

— Опять долгая зима надвигается. Вроде лето ждали; казалось, с наступлением тепла все проблемы холодной зимы уйдут. Но на её смену приходит другая зима, и, кажется, она будет такая же холодная и голодная как предыдущая.

Юноши молча слушали, что говорила мать. Из лоскутков кожи мать шила летние торбаса. Руки мёрзли от холода, и она периодически согревала их своим дыханием. А отец мял в руках нерпичью шкуру, предназначенную для чижей.

— Хорошо, что ты весной принёс нерпу. Эти торбаза можно одевать осенью и весной, когда проверяешь сети. У детей совсем нет своей одежды. Надежда только на мой кэркэр, который,

¹⁴ Ритль — туша морского зверя.

сколько ни штопай, всё равно рвётся. Посмотри, как дети наши выросли! — продолжала Тынэнны, обращаясь к мужу. Отец только слушал и кивал головой, продолжая мять шкуру.

— Как подмёрзнет земля, — говорила Тынэнны — пойдём в тундру за ветками. Постелем новые ветки в пологе, хоть так утеплимся к зиме. Ёрон'ы такой старый, никакого тепла уже не держит.

— Хорошо, — соглашался с женой Алялэйн'ын.

Тынэнны закончила шить торбаза.

— Пусть по очереди дети носят торбаза. Позже сошью чижи.

Юноши в пологе занимались борьбой. Оой предложил Аарону:

— Эй, ну-ка, давай на меня!

Аарон' легко схватил брата, кинул на лопатки. С каждым разом ему все сложнее становилось опрокидывать младшего брата, силы постепенно уравнивались.

Пока братья меряются в силе, средний брат тренируется в прыжках. Для развития прыгучести к верхней перекладине в яранге привязывали рукавицу, и в прыжке надо было достать до нее рукой, верхом совершенства считалось достать до рукавицы носком ноги. Привязав рукавицу к перекладине, Атьёке прыгает вверх, первый прыжок оказывается неудачным, падает. Всё равно продолжает прыгать, не сдаётся. Вскоре прыжки даются легче и становятся всё выше и выше, а на месте прыжков на земле образуется небольшое углубление.

В летний период отец никуда не выезжал, занимался домашним хозяйством, помогал жене заготавливать траву на зиму для покрытия ёрон'ы. Из травы делали настил в виде циновки. Таким образом, утепляли меховой полог и защищали его от излишней влаги. Траву заготавливали поздней осенью, когда она уже выветривалась, становилась как солома. Её надо было заготовить в достаточном количестве, чтобы хватило на долгую зиму. Мясные ямы в этом году хоть как-то и заполнили, но в преддверии долгой зимы старались беречь заготовленные летом рулеты, ели понемногу.

Перед непогодой у главы семейства как обычно разболелась спина, и он чаще лежал в пологе, даже дети старались вести себя тише. Отец наблюдал за своими сыновьями.

Так в делах проходили дни за днями. Отец никуда не выезжал, помогал матери по хозяйству. Дети тоже отдыхали от усиленных тренировок.

С наступлением зимы начинается новый цикл их нищенского существования. Мясо быстро закончилось, и едва поправив здоровье, отец опять засобиравшись в дорогу. Мать по-прежнему ходила к соседям, помогая им разделять морскую добычу. Если бы не эта помощь, то вряд ли в их яранге горел бы ээк. Дети оставались на попечении матери. Из-за отсутствия меховой одежды они редко выходили на улицу и целыми днями были вынуждены тренироваться в физических упражнениях в яранге. Устав от тренировок, голодные, дети выглядывали в чоттагин, искали глазами маму:

— Мы проголодались.

Мать им отвечала:

— Сейчас, вместе покушаете.

Через некоторое время дети опять за своё:

— Ыммэй¹⁵, мы хотим есть.

Мать отрезает детям по полоске моржовой кожи, даёт сыновьям, сопровождая словами:

— Натэ. Вы уже должны помогать мне, а вы всё маленьких мальчиков из себя разыгрываете! Когда же вы уже вырастаете! И чем мне вас кормить? Только моржовая кожа у нас! Хоть бы вы помощниками побыстрее становились!

¹⁵ Ыммэй — мама, (чук.)

Сыновья молча грызли жесткую моржовую кожу. От такого рациона питания у мальчиков зубы становились крепкими, скулы широкими.

Снежная зима давала о себе знать по утрам наметенными сугробами в чоттагине. Бедный рэтэм, столько лет прослуживший семье, в конец испортился. Никакие латки уже не помогали. В пургу холодная часть яранги быстро наполнялась снегом. Только мать разгребет снег — тут же наматывает новый. Наконец, погода наладилась. Ветер перестал свистеть сквозь щели рэтэма.

Дети всегда с нетерпением ждали хорошей погоды. При очередном затишье младший сын обрадовано заявил:

— Скоро отец приедет.

Тынэнны никак не отреагировала на слова сына, промолчала. И действительно, к вечеру приехал Алялэйн'ын. Привёз всего понемногу. Для продуктов жена застелила в чоттагине моржовую шкуру и больше всего была рада привезенному жиру. Без морского жира невозможно было ни приготовить еду, ни обогреться. Алялэйн'ын начал делиться новостями:

— Хорошо, что хозяйева яранги, где я останавливаюсь, ещё осенью заготовили много жира, поэтому они и поделились с нами. Там тоже, как и здесь, живут в достатке только те, кто удачно охотится, не ленится. Дети, запоминайте мои слова. Пора уже вам помогать взрослым, не будете же всю жизнь сидеть в яранге. Хватит, уже выросли.

Младшие братья, высунув головы из ёрон'ы, слушали отца.

Аарон' тем временем на улице выпрягал собак. Собаки зимой выглядели лучше, чем летом, хотя и работали на износ. Особенно возбуждающе на них действовала обратная дорога, дорога домой. Еще издали можно услышать радостный лай домашних питомцев. Последний год для семьи был более удачным, чем предыдущий. Это отразилось и на состоянии собак. За лето выросла новая шерсть, во время поездок их еще немного подкормили. Собачки выглядели более ухоженными. Даже алыки¹⁶ на них были новые, не рваньё, как прежде.

Отец тем временем рассказывал:

— Мои знакомые в соседнем стойбище добрые люди. Они уже не раз меня принимают. В прошлом году сын хозяина сильно заболел, не жилец был. Единственный мальчик среди девчонок. У них были мальчики, но не выживали, при рождении умирали. Я решил испытать свои силы, полечил с помощью бубна. После уехал и постоянно думал о нем. В этом году решил навестить их и узнать судьбу ребенка. Они очень хорошо меня встретили. Посадили на самое почётное место в ёрон'ы, постелили белую шкуру. Я увидел своего подопечного, он выздоровел, подрос и уже всюду ползает в пологе. У них я гостил, пока погода не наладилась. Мою одежду хозяйка высушила и подлатала.

— Далеко, наверное, ездил, собаки-то дорогу как выдерживают? — спросила Тынэнны, переживая за своих любимцев.

— Да, — продолжает рассказывать Алялэйн'ын, — были в Инчоуне, они добыли белуху. Там меня тоже хорошо приняли. Собак везде кормили, пока я отряхивал одежду от снега. Потом с товарищем ездили в Утэн. Там-то и живут мои новые друзья. Когда зашли в ярангу к ним, то хозяин показал на сына и сказал: «Это твой названный сын — Ятгыргын. В прошлом году сильно болел, не могли узнать от чего. Оказывается, это мой отец «вернулся», «вселился» в него. Как только это сообщили мальчику, то он сразу пошел на поправку».

Алялэйн'ын рассказывал о своей поездке, а жена молча слушала и кивала головой, поддерживая разговор мужа. Ээк горел ярко, и в пологе быстро становилось тепло. Вскоре сварилось мясо. Тынэнны занесла кастрюлю в ёрон'ы. Сначала поели квашенный юн'эв¹⁷ с жиром.

¹⁶ Алыки — собачья упряжь.

¹⁷ Юн'эв — зеленая часть Родиолы розовой (золотой корень).

К однообразной пище квашенный юн'эв был хорошим дополнением. Потом ели белужью кожу и запивали наваристым бульоном. За трапезой отец внимательно наблюдал за своими детьми. С каждым приездом отец видел своих сыновей повзрослевшими, более возмужавшими.

Для экономии жира Тынэнны уменьшила огонь в светильнике и села поближе к огню сушить жилы:

— Хорошо хоть немного погрелись, легче будет засыпать в тепле.

Когда отец бывал дома, дети перед сном просили его спеть под ярар¹⁸. Отец всегда откликался на их просьбу. Алялэйн'ын в некоторой степени чувствовал свою вину перед женой и детьми в том, что не может дать семье всего необходимого в силу своей немощи. Из-за своей болезни он не мог быть добытчиком на море, не мог быть примерным охотником для сыновей. Постоянные поездки по селениям в поисках пищи надолго разлучали его с семьей из-за чего все заботы о доме и детях ложились на плечи жены. Все мысли его были о доме и детях: «Дети растут без меня, я всё время в разъездах, нечему мне их научить. Единственное, что я могу для них сделать сейчас — так это поиграть на бубне и спеть песню». Продолжая размышлять про себя, начал готовить ярар: «Знаю, что во время моих поездок Тынэнны постоянно ищет заработки по соседям. Но, несмотря на отсутствие матери, дети постоянно тренируются, вон какие мускулы у них! Хоть и прячет Тынэнны камни, но я то вижу, что с ними постоянно работают. Предки у моей жены были очень сильными людьми. Свою единственную дочь Тынэскин всему обучил, вырастил её как сына, даже боролся с ней как с мальчиком. Только когда я стал жить у них, Тынэскин прекратил тренировать дочь. Да, наверное, Тынэнны учит наших сыновей всему, чему её когда-то обучали. Она очень умная женщина. Ведь родственники по моей линии силой не отличались, пусть хоть сыновья станут сильными».

К вечеру пурга стала усиливаться. Через щели в покрытии яранги задувал ветер. Хорошо, что во время поездки по селениям не запуржило. Алялэйн'ын заметил:

— Быстро погода установится.

Сыновья улеглись спать, прижались друг к другу на нерпичьей шкуре, завозились, стали друг у друга отбирать кэркэр. Мать прикрикнула на них:

— Давайте, порвите единственный кэркэр!

Дети притихли, слушаются, боятся перечить матери. Ээк потушили. Отец ударил в бубен, раздался звонкий стук. Ветер как будто вторит ярару, стучит крышкой яранги, аккомпанируя солисту семейного вечера. Алялэйн'ын запел, сначала тихо, потом всё громче и громче. Песня, удары бубна перекликаются. У отца мягкий голос, пение то приближается, то удаляется. Очень приятно слышать пение отца под бубен и вой ветра. Любимые песни действуют успокаивающе, дети быстро засыпают, сказывается усталость от ежедневных тренировок. Когда дети засыпают, затихает и голос отца. Отец убирает бубен и тоже ложится спать.

Постепенно ветер стих, погода стала налаживаться. Алялэйн'ын засобирался в дорогу, так как запасы продуктов подходили к концу. Остался только кусок моржовой кожи без жира. Жиром заправляли ээк. Этот кусок кожи мать берегла, оставив его на «чёрный» день. Мальчики опять будут просить еды и Тынэнны уже заранее их жалела, что не сможет накормить досыта.

Все больше и больше родителей беспокоила мысль отсутствия одежды у детей: «Дети растут, помощниками становятся, а одеть их не во что». Сами дети как будто и не замечали отсутствия одежды, привыкшие проводить все время в пологе. Растущий организм детей требовал другого:

— Мама, дай нам чего-нибудь поесть, мы проголодались.

¹⁸ Ярар — ударный музыкальный инструмент (бубен).

Мать отрезала кусок кожи размером в два пальца, поднимала переднюю стенку ёрон'ы и выговаривала детям:

— Нате вам, я вас кормлю, а вы когда сжалитесь надо мной, будете мне помогать?

Юноши принимались молча жевать кусочки жесткой моржовой кожи. Давно привычная обстановка не вызывала вопросов у детей, у них были совсем детские заботы. Старший предложил младшему брату:

— А ну-ка померяемся, чьи челюсти сильнее, кто быстрее откусит кусок. Аарон' сдавил челюсти изо всех сил и откусил кусок кожи как будто ножом отрезал:

— Ик¹⁹, я первый!

Атьёке тоже откусил кожу. Только он в отличие от брата долго жевал свой кусок. Мальчики с предложенной едой расправились быстро.

Пока дети занимались едой, мать в чоттагине прибиралась, выгребала снег. Мехаовой ёрон'ы был настолько мал, что четко было слышно каждое слово детей. Оой говорил старшим братьям:

— Хоть бы ещё немного покушать.

Старшие шикали на него. Трудно было не реагировать на поведение детей. Сама того не замечая Тынэнны, как будто, оправдывалась:

— Устала я всем кланяться, постоянно просить еду у соседей! — а потом сказала старшему: — Аарон', выйди-ка сюда. Вот тренировочный камень деда.

Аарон' выглянул в чоттагин. Ещё раньше он видел в углу большой камень, но не знал его назначения. Так вот, оказывается, чей это камень. А мать думала: «Обманываю детей куском кожи, чтобы желудки у них не просили еды, а они научились зубами её пережевывать. Крепкие зубы стали!»

Аарон' из ёрон'ы смотрит на камень, а мать его подталкивает:

— Чего смотришь? Не сможешь поднять? Как еду просить, так вы не боитесь. А тут не уверенными стали? Я вас кормлю последними кусочками мёрзлой моржовой кожи.

Камень был внушительных размеров и Аарон' засомневался в своих силах, стоит ли вообще за него браться. Чтобы успокоить детские мысли о еде Тынэнны дала им по куску сушеного моржового мяса, а сама удивлялась: «Вроде бы кормила их недавно — уже проголодались. Ведь очень трудно жевать моржовую кожу, а они легко справляются с ней, словно это вяленое лахтачье мясо». Мать смотрит на своих детей с сочувствием. Те быстро справились и с этой едой.

Чтобы отвлечь детей от мыслей о еде мать предложила им:

— Вы легко справляетесь с едой, может так же легко будете поднимать камни и бегать с ними? Давайте-ка посмотрим, — она сняла с вешал старые мужнины торбаза с меховыми штанами и бросила в полог:

— Нате! Если холодно выходить раздетым, одевайте эту одежду.

Мальчишки уже стеснялись выходить из полога раздетыми. Когда они были одни в пологе, то ходили голышом, никого не стеснялись. Аарон' надел торбаза и штаны. Атьёке говорит ему:

— Камень очень тяжёлый, один не поднимешь.

— Да, я знаю. Но ничего не поделаешь, мама так сказала.

— Мы тебе поможем.

Вышел Аарон' в чоттагин. Ещё с осени во время оттепелей камень накрепко примёрз к земле и Аарон' не смог даже сдвинуть его с места. Глядя на усилия старшего сына, Тынэнны произнесла:

¹⁹ Ик — форма восклицания.

— Только когда вы справитесь с этим камнем, я могу сказать, что вы стали сильными! Этот камень вашего деда. В непогоду, когда нельзя было выходить в море, он тренировался дома. Дед был очень сильным. Без посторонней помощи притаскивал добытого лахтака. Вот такой был ваш дед! Я хочу, чтобы вы тоже были похожими на него. Пусть этот камень станет игрушкой для вас!

Мать изо всех сил старалась воспитать своих сыновей сильными и крепкими.

Соседи не видели всех детей Алялэйн'ына и не знали, сколько же их на самом деле. Только летом выходили мальчики на улицу, но вместе никогда не появлялись на люди из-за нехватки одежды. Братья между собой очень различались. Старший сын, Аарон', был крепким по телосложению, он больше всех из братьев тренировался с камнем. Младший Оой — высокий, когда вставал в пологе, доставал до верхней его части, из-за чего он постоянно ходил согнувшись. Атьёке отличался от братьев цветом кожи, был до белого светлым.

Когда мать была дома, Аарон' и Атьёке по очереди одевали её кэркэр и выходили в чоттагин тренироваться.

Вскоре дети втроем перетаскивали камень в ёрон'ы и там продолжали тренировки. Если один из сыновей не мог поднять камень, то говорил своим братьям:

— Ох и тяжёлый мяч!

— Тихо, мать услышит, — предупреждали братья.

Вскоре братья втроем стали легко поднимать дедов камень. Аарон' стал поднимать одной рукой: сначала один раз, а потом и два раза. Мускулы на руках от напряжения сильно вздувались, вот-вот лопнут. Несмотря ни на что мальчики продолжали тренировки. Вскоре Аарон' стал сам справляться с камнем. Он говорил братьям:

— Пока хватит, очень тяжёлый камень. А ну-ка теперь попробуем бегать с камнем в руках. Прекратим тренировки только тогда когда станем падать от усталости.

Так тренировались братья, пока отец был в разъездах. Дни становились длиннее, солнце поднялось выше. С увеличением светового дня и настроение вроде стало улучшаться. Только мать оставалась прежней, не давала спуска сыновьям.

Крепкими становились мускулы на теле у детей, могли подолгу бегать, не уставая. Во время бега ступни как будто не касались песка, даже во время бега по крупным камням. Легко бегали по мягкому снегу, ноги не проваливались. Кроме телесной силы дети приобрели и крепкие челюсти, и острые зубы. Сырую моржовую кожу могли легко прокусывать.

Приехал отец с Кенискуна: добыл на сетку нерп. Да ещё охотники поделились с ним. В эту весну охотничий сезон был более удачным. Не один отец вернулся с добычей домой. Другие тоже помногу привезли.

Тыненны «напоила» нерпу из ковшика, а потом они с мужем затащили добычу в полог. Зажгла ээк. Сыновья прекратили тренировки и убрали камень в сторону.

Мать приступила к разделке добычи. На вешала повесила сушиться кишочки. Легко и быстро отделила жир от шкуры. Мясо разложила в кладовке. Пока разделывала добычу, тут же поставила кастрюлю с мясом над жирником вариться. Ничего у хорошей хозяйки не пропадает: даже кровь собрала и заморозила. Пока убирала и мыла сварилось мясо, достала к'эмэн'ы.

Сыновья молча сидели в ожидании трапезы. В маленьком ёрон'ы стало жарко. Полог сухой и чистый. Тыненны поставила блюдо возле жирника. Сыновья сели вокруг блюда с мясом. Они быстро расправлялись с едой, поев мясо, попили бульон. Отец молча наблюдал за ними. Из-за сытной еды и жары лица и тела братьев заблестели от пота. Только Атьёкэ остался таки же бледным, лишь лицо раскраснелось. Собакам тоже повезло: впервые за многие дни спокойно лежали в чоттагине сытые.

А погода не на шутку испортилась, ветер подул с моря. Охотники каждый день возвращались без добычи, в разводьях совсем не стало нерп. Видимо кеглючин²⁰ всю добычу в окрестностях распугал. В селении опять наступал голод.

После затяжной непогоды, как только распогодилось, охотники решили отправиться в Кенискун на промысел. Взяли с собой сети. Только самым удачливым изредка попадались нерпы, и они делились добычей с другими. Многие возвращались домой, так как дома сидели родные совсем без пищи.

Приехал с промысла отец. Погода надолго испортилась, поэтому он надолго задержался дома. Сыновья реже выходили на улицу, совсем не было одежды и единственный кэркэр стал мал для них.

В один из пурговых вечеров сыновья попросили отца:

— Спой песню.

А отец в ответ им:

— На улице пурга — нельзя.

— А ты потихонечку.

Отец достал ярар, смочил пересушенную пленку. Мать потушила ээк. Алялэйн'ын пел тихо, чуть постукивая в бубен.

Тыненны поддакивала ему:

— И-ик²¹.

Аарон' помогал матери:

— И-ик.

Вскоре голос отца стал громче. Стук бубна тоже усилился. Под громкие удары ярара голос отца стал отдаляться. Создавалось впечатление, как будто ветер усиливался, и в общем шуме голос Алялэйн'ына иногда терялся. Слушать отца становилось интересно и немного страшно. Голос то отдалялся, то опять приближался и порой сливался с шумом пурги и стуком бубна. А потом голос удалился, утих, стал слышен как будто из-под земли. Дети слушали действие отца и природы, затаив дыхание. Всё это время ээк был потушен, в ёрон'ы было темно, только слышался голос отца.

Мать продолжала тихо поддакивать:

— И-ик.

Вскоре голос отца утих, утихли удары бубна. Немного помолчав, он сказал:

— Несмотря на трудности, выживем, и будем жить дальше, — и продолжил пение.

«Что значат его слова?» — подумала Тыненны. В ёрон'ы без жирника стало прохладно. Только старший сын продолжает вторить матери, поддакивает пению отца. Вскоре мать тоже стала подпевать. Вдвоём пели, как будто на санках катались. Отец одну песню споёт, следующую начинает мать. Тыненны все его песни знала. И сыновья их тоже знают. Пение родителей завораживало. Аарон' поддакивал им:

— И-ик.

Тыненны спросила у мужа:

— Должна же быть причина долгого ненастья?

Алелейн'ын замолчал, а потом сказал:

— Пока хватит. Увидел наше селение. Видимо плохие вести будут. Наверное, от наших родственников будут вести. Ярангу видел.

— Кто? — с нетерпением спросила жена.

²⁰ Кеглючин — одинокий морж-убийца.

²¹ Иик — форма подбадривания.

— Не знаю. Может обманулся, да, наверное. Но вести будут.

Легли спать, не зажигая ээк.

Утром, проснувшись, Алялэйн'ын спросил:

— Где вчерашний ветер? Вроде стихло на улице?

Тынэнны ответила мужу:

— Да.- Посмотрела на детей, взяла керкер, торбаза и подала младшему:

— Выйди, посмотри, какая погода.

Оой вскочил, быстро надел мамин комбинезон. Только оделся, как послышались шаги. Кто-то обошел ярангу и подходил ко входу.

— Како²², како! — воскликнул отец. — Кто в такую рань пришел?

Собаки встретили гостя лаем. Слышно было скрип шагов по намерзшему насту. Хозяева приветствовали гостя:

— Етти?

Вошедший ответил:

— И-и, я с вестью.

Алялэйн'ын напомнил жене:

— Вот, я вчера говорил об этом.

Жена ничего не ответила мужу.

— Какие вести? — спросил Алялэйн'ын.

— Старик, который в конце селения жил, умер.

Сообщив скорбную новость, вестник тут же ушёл. Услышав сообщение, младший из сыновей вернулся в ярангу.

— Ты почему вернулся? Всё равно посмотри, какая погода. Потом ты со мной пойдешь, — сказал отец выходящему сыну.

Забеспокоившись, Тынэнны спросила мужа:

— Почему Ооя хочешь взять с собой, пусть лучше Аарон' пойдет с тобой.

— Ну хорошо. Пусть оденет мою нижнюю кухлянку и дай свою обувь.

Мать сняла с вешал латанные-перелатанные торбаза и кухлянку. Аарон' надел отцову кухлянку наизнанку. Мать посмотрела на преобразившегося сына и подумала: «Как он вырос!»

Вернулся Оой, рассказал откуда ветер дует. Отец занёс свою одежду, оделся.

— Будем ходить по очереди. Не сегодня же будут хоронить. Сначала всё подготовят. Если некому там шить, отправлю сына за тобой. Ну, давай, мы пойдем, вдруг там мало людей. Старик долго болел, да и старый уже.

Пришли. Там всё уже было готово к отправке покойника в последний путь. Ещё при жизни всё было подготовлено. Все двоюродные братья пришли помогать, встречали гостей, подносили еду. Сыновья тоже здесь. Все старики селения собрались. Старший сын покойного сказал:

— Завтра будем хоронить. Всё готово: и одежда, и то, что в дорогу необходимо.

Угощение было разнообразным, все были накормлены. Старики между собой тихо беседовали, вспоминали былое. Женщины готовили пищу, подносили на блюдах. Старики сняли верхнюю одежду, расположились в пологе на шкурах. Они останутся здесь ночевать. Один из них сказал:

— Погода, наконец, установилась.

— Да, — поддержал беседу кто-то.

— Хороший был человек, в хорошую погоду будем провожать его.

Старухи готовили еду, которую надо брать с собой на место захоронения. Старики рассказы-

²²Како — форма восклицания аналогичная «ну надо же!».

вали случаи из жизни покойного. Вспоминали детство. Спали по очереди. Одежда была готова, всё белое, сшитое из шкур белого оленя. Посуда, утварь — всё было готово.

Уже светало, когда начали готовить покойного в последний путь. Старика стали облачать в погребальную одежду. Одевали покойного дети. Перед тем как отправить усопшего в последний путь, надо было узнать последнюю волю старика, совершить обряд вопрошания. Для совершения обряда взяли кен'унэн' — специальную палку, на конце которой была приделана петля из лахтачьего ремня, пропущенная под головой умершего. Умершего «спросили», что он возьмет с собой. Старик захотел «взять» собаку, вожака своей упряжки.

— Како! — воскликнул сын, — старик всё время пешком ходил, а сейчас захотел собаку взять.

Спросили насчет одежды и получили согласие отдать ее родственникам, в семью Алялэйн'ына. Всю одежду отдали семье Алялэйн'ына. Люди между собой перешёптывались: «Како, танойгайкотльат пожалел». Наутро старика похоронили. Аарон' тоже ходил на похороны. Провожали старика на нарте. Вечером Алялэйн'ын ходил к родственникам старика, которые после его смерти как будто осиротели. Совершил обряд, чтобы закрепить дальнейшую жизнь родственников покойного. На следующее утро забили вожака собачьей упряжки и тоже похоронили недалеко от селения.

А потом все родственники опять собрались в яранге, поминали покойного. Всюду рядом с отцом был Аарон'. Он впервые видел похоронный обряд. Юноша преобразился в новой одежде, стал как будто выше и крепче. Поев вместе со всеми, Аарон' с отцом пошли домой. Погода устанавливалась солнечная и тёплая. Подходя к своей яранге, Аарон' впервые заметил, что их яранга маленькая. Старый рэтэм во многих местах обветшал и порвался. Грустные мысли начали роиться в голове молодого человека: «Како, оказывается другие хорошо живут. И чоттагин у них гораздо больше, и меховой ёрон'ы может быть большим, даже женщины, сидящие в пологе, кажутся маленькими».

Отец шёл впереди. Его тоже одолевали разные мысли: «Впервые юноша был на обряде. Пойдёт ли ему на пользу увиденное?».

Алялэйн'ын оглядывался на сына. А юноша, который шёл сзади, все рассматривал яранги соседей. Отец нарочно сбавил шаг, зная, что сын не будет обходить отца, будет идти сзади. «Пусть осмотрится, — думал он — может, начнет думать по-другому».

Домой пришли к полудню. Братья выглянули из ёрон'ы. Смотрят на старшего брата и не узнают его: он ли это? Аарон' стоит в новом облачении. Мать тем временем хлопотала по дому, готовила еду. Она вынесла из кладовки плошку из моржовой шкуры.

— Уже пришли? — спросила Тынёны.

Все зашли в ёрон'ы. Мать занесла блюдо с едой: мелко нарубленным юн'эвом и к'опальгыном²³. Достала к'эмэн'ы, нарезала пекулем мясо. Все расселись вокруг. Отец рассказывал о событиях, связанных с похоронами, и ещё о многом другом. Аарон' внимательно слушал отца. Братья тоже молча ели. В семье не принято было перебивать старших. Братья смотрели на Аарона' и не узнавали своего брата. Им казалось, что он изменился, стал серьезней и как будто повзрослел.

Мать тоже любовалась сыном: «Вот старший сын и вырос». После еды отец вышел в чоттагин и позвал Аарон'а:

— Ты уже вырос, стал помощником. Подует южак — порвёт рэтэм. Давай-ка перевежем ярангу.

²³ К'опальгын — моржовое мясо, заквашенное в определенных условиях.

— Ээй²⁴, — отозвался Аарон' и тут же вышел из яранги. Его движения были легки и быстры. Взобравшись на остов яранги, поймал брошенный отцом ремень и стал укреплять покрышку. Смотря на лёгкие движения сына Алялэйн'ын удивился: «Вроде все время в пологе сидел, а какой ловкий. Теперь догадываюсь, почему дети не хилые, не слабые, хотя всё время в пологе находились. Да и дедов камень, который лежал в чоттагине и, который за много лет как будто врос в землю, теперь блестит как новенький. «Иик, погоди, не спеши» — сам себя осёк Алялэйн'ын.

Тем временем братья, оставшиеся в пологе, обсуждали преображения брата:

— Аарон' многое увидел, стал как взрослый — говорил Атьёкэ Оою.

Тыненны сидела в пологе у жирника, который горел ярко. Младшие сыновья занимались борьбой, но уже как-то иначе вели себя, стесняясь ее. Мать догадывалась о причине такого поведения:

— Кыкэ²⁵, вы меня уже стесняетесь? Ну да, из вас уже помощники нам с отцом выросли.

Щадя самолюбие сыновей, мать не смотрит в их сторону, занимается шитьем возле жирника. Бульон остыл, собаки уже накормлены. Уже стемнело, пора готовиться ко сну. Пришли отец с сыном. Аарон' был возбужден последними событиями, никак не хотел заходить в ёрон'ы, так ему понравилось находиться на улице, помогать отцу.

Анадырь

ПРОЗА ЯКУТИЯ

АНГЕЛИНА ВАСИЛЬЕВА-ДАЙЫЫНА

БИОГРАФИЯ

Ангелина Николаевна Васильева-Дайыына (1976), прозаик, публицист, журналист родилась в селе Усун-Кюель Сунтарского улуса. Окончила отделение журналистики филологического факультета Якутского государственного университета имени М. К. Аммосова. Работала корреспондентом, заместителем редактора, редактором газеты «Эдэр саас», приложения «Саха ыала» республиканской газеты «Саха сирэ». В настоящее время — обозреватель, редактор сайта газеты «Саха сирэ» — edersaas.ru. Член Союза писателей России.

ЛОСЁНОК

Перевод Ираиды Поповой

Лосёнок охрип, плача и зовя маму. Глаза застилали слёзы, гнус слетался на солёный запах и набивался в ноздри. Одиноким детёныш уже не понимал, где находится и куда идёт. Просто шёл вперёд. Его гнали страх и страшная беда, в которую он не хотел верить.

Наступило утро. Было голодно. Он подошёл к роднику и выпил столько воды, сколько смог вместить желудок. Немного успокоившись, он сорвал со свисающих веток деревьев несколько листьев и пожевал. Он видел, как делала это мама. Тогда он пил молоко и не нуждался

²⁴ Ээй — форма выражения поддержки.

²⁵ Кыке — форма удивления.

в зелени. О, надёжная защита, вкусно пахнувшая молоком, согревающая теплом и лаской?.. Неужели он больше никогда её не увидит? Неужели есть на свете вечная разлука?.. В глазах его снова возникла та ужасающая картина: гаснущие глаза матери, лежащей в луже крови...

Лосёнок снова заплакал в голос и пошёл дальше. Куда? Что его ждёт? Что ему делать одному в этом жестоком, враждебном мире? Как выжить без мамы?

* * *

Первое, что узнал лосёнок об этом мире после рождения, — это мамин тёплый язык. После знакомства с ним стало не так холодно и страшно, мутный взор прояснился, и новорождённый смог оглядеться вокруг. Яркое светило, слепящее глаза и мерцающее меж деревьев, привлекло его внимание. Между ним и этим светом мелькало что-то большое, тёмное, вкусно пахнущее и ласковое. Это и была его мать — его опора, защита, надежда на жизнь. Он понимал это нутром. Боясь, что мама может уйти, детёныш всеми силами пытался встать, вдыхая её запах и запоминая его на всю жизнь. Непослушные длинные ноги плохо слушались, земля тряслась под ним, но он смог сделать свои первые неуверенные шаги по родной почве...

И, когда мама с нежностью лизнула его в длинный нос, ещё слабый лосёнок чуть не упал, но пошёл на вкусный запах, тыкаясь мордочкой, и нашёл искомое! Он досыта насосался густой вкусной жидкости. Да так напился, что слюна, смешиваясь с молоком, вязкими каплями закапала с уголков его губ.

Насытившись, лосёнок решил изучить мир вокруг. Кроме огромной, как скала, мамы, здесь было ещё много неизвестных предметов. Он направился к чему-то большому и зелёному, больно наткнулся на него, хотел отскочить, но чуть не повредил о ветку ногу. Так он понял, что, несмотря на то что деревья сами по себе не двигаются, если напороться, могут больно ударить. Значит, их надо обходить. Но таких деревьев очень много, неужели придётся обойти их всех? Вот они — жизненные уроки. Как говорится, пока не получишь по носу и не ощутишь своим телом, так и не откроешь всех секретов срединной земли, не научишься правильно проживать эту жизнь.

Лосёнок решил познакомиться с бурундуком, с любопытством разглядывающим его с нижней ветки. Но тот пискнул, поднял хвост трубой и взбежал на дерево. Вот удивительно! В этом мире одни предметы неподвижны, другие — очень даже юркие, дышат, живут, а ещё бывают большими и маленькими. Это было второе важное открытие лосёнка.

Такое счастливое лето прошло! Купаясь в материнской любви, находясь под её постоянной опекой, лосёнок рос с без забот и тревог, постепенно познавая тайны жизни, открывая для себя опасности и учась их обходить. Он свободно бегал по лесу, наедаясь досыта, знакомился с жителями тайги. И в один чёрный день вся эта сказка была разрушена, жизнь лосёнка разделилась на «до» и «после»...

* * *

В тот день они отдыхали среди высоких трав и кустарников вдоль извилистого ручейка, ели. Лосёнок гонялся между кустами за трепетными мотыльками. Бегая за красивой бабочкой, он спускался всё ниже по речке, всё дальше и дальше уходя от матери.

Вдруг послышались неприятные звуки, похожие на твяканье лисы, зашевелились кусты. Лосёнок с испугу бросился в сторону, где ожидала его мать. Потом послышался страшный гром. Всё вокруг было оглушено этим грохотом, в воздухе распространился жуткий терпкий

запах. Лосёнку было страшно, но в поисках матери он приближался к тому месту, откуда грянул гром.

Вдруг между косматых деревьев открылась страшная картина. На поляне, придавив кусты, лежала мама, она дрыгала ногами, пытаясь встать... Наступив на ее широкую высокую грудь, два свирепых зверя, похожие на волков, с рычаньем вживую разрывали горло бедняжки. Окрас их был странный, не волчий, и ростом они были чуть меньше. Мелькая меж деревьев, к страшному месту бежали какие-то двуногие существа, держа длинные палки. Несчастливая мать не отрывала взгляда от опушки леса. Отыскав сыночка выпученными, залитыми кровью глазами, она крикнула ему на их тайном языке: «Беги!»

Испугавшись этой жуткой картины и услышав крик матери, лосёнок оторвал вросшие в землю копытца и ускакал прочь. Прочь от этого ужасного места! Может быть, его заслонили деревья, а может, те твари были поглощены кровожадным деянием, или лосёнок на свое счастье оказался с подветренной стороны, и его никто не заметил.

* * *

Уже пятый день он ходил без цели, не зная, куда идёт и зачем. Он пытался есть жухлую листву кустарников, по ошибке в скудную осеннюю зелень, пробивавшуюся солнечные дни. Ночевал под поваленными деревьями. Последнее, что он помнил — это слово «беги», выкрикнутое матерью. И послушный сын следовал этому приказу. Но, так или иначе, он не понимал, что шёл напрямик к жилищу своего злейшего врага в ловушку, которая должна была вот-вот захлопнуться за ним...

Лосёнок настолько выбился из сил, что пошатнулся и лёг на землю. Перед взором стояли глаза мамы, умоляющие: «Беги!» Но он даже встать не мог. Малышу трудно было насытиться листвой и, тем более, защититься от хищных зверей... В это время по его следу, учуяв, шли преследователи, приближаясь с каждой минутой, с каждой секундой...

С западной стороны, облизываясь, к нему шёл плотный, как набитый землёй мешок, косматый зверь. Это была росомаха. Почему-то запаха матери-лосихи не было, и это особенно радовало её. Ох, и накормит она своих детишек и это досыта!

А с восточной стороны шли смертельные враги лосёнка: человек и его собака. Они пошли подстрелить на ужин зайца, но пёс уловил лосиный запах, и теперь проснувшийся в нем охотничий инстинкт гнал по следу более крупной добычи.

Когда где-то близко хрустнула ветка, лосёнок испуганно вздрогнул. Это означало, что приближается опасность. Раньше в таких случаях он прыгал в сторону мамы. А сейчас защищать ему было некому, да и встать он не смог попытаться, но снова лёг. Маленькое сердце затрепыхало, ощущая близкую смерть.

Сзади него хищный зверь, нагнав лосёнка, принявываясь, стоял за деревьями в сомнениях: нет ли рядом матери? Взбодрившись, что её запаха не было, зверь оскалился и начал осторожно приближаться. Вдруг с лаем на поляну выбежала собака. Не обращая внимания на лосёнка, она кинулась к росомaxe. Но один из самых свирепых хищников тайги не собирался сдаваться без драки. Росомаха — очень нервное животное, гнев вскипел внутри мощного торса, как пенный кумыс, вот-вот готовый вырваться наружу. Росомаха взбесилась. Зубы оскалились, шерсть на загривке вздыбилась, она стала рыть когтями землю. Но разве этим испугаешь собаку-медвежатника? Они смотрели друг на друга и рычали. Росомаха рывком бросилась вперёд, целясь собаке в горло. Если её челюсти сомкнутся где надо, уже больше не отпустят. Но собака вовремя увернулась. Росомаха была более неуклюжей, но злобно нападала на

собаку, уже ничего не видя в неистовстве. Собака же кусала и отскакивала, чем ещё больше разозлила росوماху. Пробить толстую кожу и крепкую плоть росوماхи было не так-то легко. Неизвестно, чем могла закончиться схватка таких разных животных.

Вдруг раздался гром. Росوماха даже не поняла, что случилось, когда в прыжке её отбросила в сторону какая-то неведомая страшная сила. Истекая кровью и хрипя, она закрыла глаза и затихла. Собака победно подошла к ней и, всё ещё не в силах успокоиться, стала кусать и трясти.

А лосёнок лежал с закрытыми глазами и не мог поверить, что после этих страшных событий всё ещё жив. От страха он не мог понять, где он и что вокруг происходит.

* * *

Илья не мог поверить своим глазам. Он не помнил, чтобы его собака когда-либо дралась с росوماхой. А тут ещё обессиленный лосёнок лежит. Откуда он взялся? Однако несколько дней назад он видел вооружённых людей с набитым мясом багажником. Может, тогда он и остался без матери? Что же делать? Если так и оставить, то это верная добыча хищных зверей.

Человек подошёл и попробовал подтолкнуть лосёнка, но тот не в состоянии был встать. Исхудалый, видать, сосунок и давно от матери отстал.

Охотник снял шкуру с росوماхи и решил сходить в летник. Он оставил собаку сторожить лосёнка и вскоре скрылся между деревьями.

* * *

Лосёнок открыл глаза только тогда, когда снова воцарилась тишина. Его злейший враг никуда не делся. Он лежал поодаль, часто дыша, высунув язык и следя за ним. «Наверное, сейчас съест меня», — подумал лосёнок и обречённо закрыл глаза. Он ждал и ждал, но никто к нему не приближался. Вместо этого собака зевнула, потянулась и стала что-то вынюхивать в кустах. Наверное, сыта и думает, что всё равно никуда не денется.

Лосёнок уже устал бояться и уснул. Сквозь сон он почувствовал, как ласково лижет его мама. Как хорошо! Значит, она всё-таки спаслась и пришла за ним! Он открыл глаза, но мамы не было. Его почему-то лизал этот противный зверь... Может, подумал, что он умирает? Фу, как плохо от него пахнет... Лосёнок брезгливо отвернулся, пряча мордочку. Тем временем верхом на лошади приехал Илья. Он завернул в мешковину лосёнка, перекинул поперёк холки коня и закрепил верёвками. Лошади это не понравилось, она всхрапнула, но не стала дыбиться, чуя добрым сердцем, что детёныш совсем выбился из сил и лежал смирно. Вся эта разношёрстная компания медленно двинулась в сторону дома.

* * *

Илья занёс лосёнка в загон для лошадей, подогрел коровьего молока и даже подмешал сухое детское питание, бутылку с соской, сунул в рот лосёнку, но тот вырыгнул всё обратно, молоко потекло из уголков рта. И всё-таки детёныш был настолько голоден, что вскоре начал сосать и заглатывать непривычное на вкус месиво. Как можно было это сравнить с прекрасным молоком самой лучшей на свете мамы? Однако теперь он понял, что эти странные существа не хотят его смерти, а пытаются чем-то помочь. Хоть и говорят, что животные не умеют мыслить,

но всё, что происходит, они чувствуют сердцем, знают и угадывают...

Тёплое молоко, казалось, растекалось по жилам, добавляя силы. С приятным ощущением в животе он прикрыл глаза и уснул. Проснулся лосёнок от чьих-то голосов. Двое, опираясь на забор, глядели на него и о чём-то разговаривали. Он не понимал человеческого языка, поэтому не знал, что сейчас решается его участь.

— Мы не сможем содержать дикого зверя как домашнее животное. Осень на дворе, куда ты его денешь, в коровник, что ли, загонишь? И кормить его надо. Лишнего сена нет, — говорила женщина.

— И что ты предлагаешь? Если отпустим обратно в лес, он там не выживет. Живьём съедят, — отвечал спаситель.

— Отвези в зоопарк.

— А как я его доставлю?

— Скажи, чтоб сами забрали. Лосей у них вроде не было, наверняка нуждаются.

— И то правда.

Вот и решилась его дальнейшая судьба. Илья связался с работниками зоопарка. Они обещали забрать лосёнка, когда земля подмёрзнет.

Лосёнок окреп на коровьем молоке и отогрелся в любви и тёплом отношении людей. Он увидел такие чудеса, о которых лесные жители и знать не знали. Удивительные животные под названием коровы настолько сильно привязывались к людям, что не пытались убежать в лес, предпочитая жить в вонючем коровнике. Когда Анна, жена Ильи, выходила из коровника с ведром парного молока, лосёнок уже подходил к краю изгороди и вытягивал в её сторону морду. Он полюбил её как собственную мать, всё время ходил за ней. Иногда к загону приходила собака, которая тогда облизала его. Кто знает, какие мысли посещают её мохнатую голову? Но ко всем домашним животным собака относилась как к своей собственности. Слово хозяина для нее закон, его имущество объект охраны. Поэтому Следопыт не подпускал других собак к лосёнку, гнал подальше от забора. Поэтому все животные округи вскоре привыкли к тому, что в этом дворе поселился настоящее дитя тайги.

Наступила осень. Облетели жёлтые листья с деревьев, побурела земля, всё вокруг затихло, собираясь лечь в зимнюю спячку. Выпал и растаял первый снег. Для лосёнка это было ново, необычно и удивительно.

Люди как будто ожидали чего-то, хотя пришло время переезжать из летника в зимник. Анна приходила в загон с кусочком хлеба, гладила лосёнка по морде, шее, о чём-то говорила или просто сидела, опустив голову, рядом с ним. Так она прощалась с неожиданно появившимся в её жизни подопечным. Сердце лосёнка судорожно сжималось, когда эта добрая женщина, заменившая ему мать, начинала что-то грустно говорить. Он смутно догадывался, что приближается время расставания. За этот месяц он заметно вытянулся, окреп.

Однажды перед домом остановилась машина, вышли два человека. Они посмотрели на лосёнка, но вошли в дом.

Лосёнок заметался по загону в нехорошем предчувствии. Он понимал, что эти люди могут повлиять на его дальнейшую судьбу.

Вскоре они вышли вместе с Ильёй, подошли к загону. Лосёнка оценивающе оглядывали и о чём-то переговаривались:

— Такой огромный, оказывается. Трудно будет перевезти на кузове — бортики низкие. Если связать, то выбьется из сил, пытаюсь освободиться.

— А если снотворное вколоть?

— Видимо, только так.

Илья подошёл к лосёнку, обнял за шею, и пробормотал, глядя по горбоносой морде:

— Ну что ж, дружок, тебя ожидает дальняя дорога!.. Не огорчайся, зимой дорога встанет, и мы приедем тебя навестить. Там тебе будет лучше...

Он глухо кашлянул. В это время Анна мыла дома посуду. Ей тяжело давалось это расставание. Но, несмотря ни на что, она решила выглянуть из сеней. Работник зоопарка рылся в сумке. Видимо, подбирал ампулу с правильной дозой. Лосёнок вырывался, но Илья, почему-то со сморщенным лицом, схватил его за шею и придержал. Человек подошёл с готовым шприцем.

Лосёнок вздрогнул, вырвался из объятий Ильи и отскочил в сторону. Потом он подошёл к забору, постоял немного, зашатался и повалился наземь.

...Тело стало тяжёлым, всё вокруг исчезало в тумане, ему казалось, что он умирает. Он приподнял голову, оглядел в последний раз место, ставшее ему домом, людей, которые за ним ухаживали, и издал сдавленный звук: «Э-эх!» Так он попрощался с белым светом.

Анна, не выдержав, со слезами на глазах вбежала в дом. Она уже не видела, как трое мужчин связали лосёнка верёвками и по досочкам затащили в кузов для перевозки телят.

* * *

Когда лосёнок очнулся, его сильно качало и подбрасывало на месте. Преследовал постоянный оглушающий звук. На фоне синего неба так и мелькали верхушки деревьев.

Он так и не понял, где находится. Потом разум прояснился, он вспомнил Илью и Анну и догадался, что его увозят от них в другое место. Он попытался встать, но был связан. Но связали всё-таки достаточно мягко, видимо, думали, что до прибытия так и не проснётся.

Лосёнок дрыгал ногами и в конце концов развязался полностью. Он опёрся передними ногами о пол, но машину покачивало и побрасывало, поэтому так и не смог сразу встать.

Работники зоопарка слышали топот, оглянулись и остановили машину. Один из них запрыгнул в кузов с готовым шприцем. Лосёнок, увидев его, собрался с силами, встал и выпрыгнул за борт. Над лесом пронёсся возглас удивлённого человека. А беглец очень быстро скрылся среди деревьев.

Дитя природы вернулось домой...

* * *

Но в родной стихии почему-то ему было тоскливо. То и дело вспоминал усадьбу Ильи. Молоко и хлеб там были очень вкусными, не чета жухлой траве и тальниковой коре. Анна, приговаривая что-то, ласково гладила его. Как же этого не хватает!

Лосёнку казалось, что дом Ильи где-то рядом, ведь он не помнил, что довольно долго спал. Беглец направился в усадьбу наугад. Было слышно, что время от времени проезжали машины, лаяли собаки, значит, человеческое жильё было близко. Он уже не боялся этих звуков. Но скоро лосёнок убедился, что собаки не только защищают человеческое имущество, но и хищно нападают на всех незнакомых.

Когда он собирался переходить широкую дорогу, на него с лаем налетела свора собак. Это были бродяжки, кормящиеся на городской свалке. Свежее мясо само вышло к ним из леса, это призывало одичавших животных на кровавую охоту. Лосёнок, перебирая длинными ногами, бросился вперёд по дороге. Собаки не отставали, не давая ему свернуть к деревьям. Вскоре дорога пошла вниз. Впереди открылась долина, вся сияющая разноцветными огоньками, окружающими высокие каменные дома, с обеих сторон выросли высокие сопки. Де-

лать было нечего, колебалась лосёнок, борясь за свою жизнь, которая теперь на чашах весов, доверившись судьбе, побежал в сторону шумного города.

* * *

... Лосёнок провёл ночь, прячась между гаражами и сараями. Как бы ни было голодно, боясь, что его найдут собаки, даже не пытался выходить отсюда. Всю ночь они гоняли его по городу, даже люди к ним присоединялись. Собаки отстали только тогда, когда он перешёл какую-то узкую протоку. Так и не решившись войти в воду, они остались лаять и метаться по берегу. Но этим домам, машинам, бродячим собакам и людям не было видно конца.

Всё это сильно давило на него, оглушало, он полностью потерял ориентиры. Душа была в смятении. Куда ни сунься — заборы, дома, машины, собаки и люди. Укрыться негде, спасения нет. Видимо, это и есть лосиный ад...

Когда над горизонтом показалось солнце, шум многочисленных машин как будто стал тише. Он пожевал жухлую траву. Дойти бы до кустов, хоть листвой пробавиться. Да и пить хотелось. Вроде никого нет.

Он вышел из-за сарая, подошёл к кустам, и только собрался поесть, как слышались пьяные голоса.

— Гляди, гляди, это же лось!

— Чего стоишь? Это же дар Байаная!

— А что я сделаю? Ружья-то у меня нет!

— Дурак! Хоть на видео сними! По ватсапу отправим...

— Не отпускай, подсекай! Это же детёныш, сейчас руками поймем!..

Двое мужчин, размахивая руками, побежали к лосёнку. Тот стал убегать, но попал в тупик. Он хотел побежать вдоль левой стороны, но оттуда выбежал человек с растопыренными руками. Лосёнок вздыбился, пнул его передними ногами прямо в грудь. Человек упал на спину. Дорога освободилась, и лосёнок поскакал по узенькой дачной дорожке... Но куда ведёт этот путь? Спасёт ли он дитя природы?

Новость о том, что в пригороде бродит лосёнок, быстро обошла город. По ватсапу отправляли видео, как он пнул неудачливого «охотника». Многие говорили, что так ему и надо. Но были и такие, кто втайне захотел получить бесплатную грудку мяса. Если бы не было так много свидетелей, то лосёнка действительно могли где-нибудь втихаря забить.

Его искали долго. Он тяжело дышал от усталости и страха. Прицелились и выстрелили капсулой со снотворным. Лосёнок вздрогнул от укола в бедро, попытался бежать, но в глазах стало темнеть, тело налилось внезапной усталостью и бессилием. «Ма-ма!» — мучительно промычал он перед забытьём.

Заснувшего лосёнка погрузили в открытую машину и отвезли к месту назначения в зоопарк, который стоял среди леса. За очень короткое время для него сделали клетку, где он должен был выдержать около недели карантина. Рядом с клеткой не было других животных, но то и дело до него доносились мычание овцебыка, крики изюбра и павлина, крикание и клёкот водоплавающих птиц. Иногда раздавался душераздирающий рык, после которого все звери в зоопарке испуганно замолкали.

В тот день лосёнок проснулся только под утро. Голова сильно болела. Поначалу он даже не понял, что проголодался и хочет пить. Бедняга даже не понимал, где он находится. Тяжёлые стоны вырывались из его груди. Вскоре пришли люди, они точно так же, как Анна, накормили его молоком из соски. Оно растекалось по его телу тёплыми ручейками. Лосёнок помнил,

что это уже было в его жизни, поэтому ел и пил, что давали, даже перестал сопротивляться уколам. Пациент пошёл на поправку. Вскоре его перевели в обширный вольтер. Здесь всё было как в родном лесу, но удобнее. Был навес, где он мог укрыться от дождя и снега.

Выпал снег. Новый снег — чистые, благородные мысли, надежда на новое, он очищает всё плохое, грязное, тёмное. «Успокойтесь, я уже с вами», — как будто говорил снег, заключая в свои белые объятия всё, что попадётся на его пути...

2017 г.

ЕВДОКИЯ ИРИНЦЕЕВА-ОГДО

БИОГРАФИЯ

Евдокия Семеновна Иринцеева-Огдо (1962) прозаик, детский писатель, журналист, редактор, родилась в селе Тыайа Кобяйского улуса. В 1985 году окончила факультет иностранных языков, затем отделение журналистики филологического факультета Якутского государственного университета имени М. К. Аммосова. Прошла путь от простого корреспондента до главного редактора республиканских детских газет «Кэскил», «Юность Севера». Лауреат Государственной премии Республики Саха (Якутия) в области журналистики, премии имени Марии Шуваловой в V международном литературном фестивале «Открытая Евразия»-2016, в 2018 году занесена в список Почета Международного Совета по детской литературе в Швейцарии.

ЗЕМЛЯНИЧКИ НА ЧАШКЕ

Перевод Аиты Шапошниковой

На селе самое важное место — крыльцо магазина. Прогресс на месте не стоит, на дворе — семидесятые! По новой моде торговые точки принято перестраивать, украшать, снабжать нарядными вывесками, чтобы привлечь внимание покупателей. На них аршинными буквами начертано: «Универмаг», «Продмаг», «Сельмаг», «Винный», «Хлебный», «Хозяйственный».

В деревне Сасааннах, узнав, что на прошлой неделе на местный склад поступили товары осеннего сезона, взбудораженные женщины и старухи в полном составе собрались около «нярмаха». Так потешно прозвала только что открывшийся давным-давно универмаг бабушка Марына, у которой язык не повернулся выговорить новое слово, а сельчане, посмеявшись, быстро подхватили смешное словечко и более не признавали другого названия для храма коммерции.

Обычно «нямах» осенью торгует школьной формой и детской обувью. Этого добра в прошлый раз привезли вдоволь, так что хватило всем, хотя народ по привычке с утра давился в костоломной очереди. Когда очередь рассосалась, силач Джегоркан, работающий в пекарне хлебопёком, заскочил туда за носками и увидел, что товар не закончился. Говорят, он удивлённо оглядел полки и припёр продавщицу вопросами к стенке:

— Ничего себе, сказывали, что покупательницы тут себе рёбра ломают, а на самом деле товара здесь больше, чем смогла поглотить женская жадность? Или им не по вкусу пришлось эти сокровища?

Но нынче всё иначе. Первая поставка пришла в хозмаг. Обещали начать продажу товара

послезавтра, как только завершится приёмка. Зоя Балынка, известная всем проныра и балагурка, раньше всех разузнала, что давать будут чашки.

— А какая посуда, высокие кружки или чашки с блюдцами? — спросил старик Ньюкулас.

— А тебе-то какая забота? Сноха же пойдёт добывать! Если достанет большую вместительную кружку, выкинешь наконец древнюю свою пузатую посудину, оплетённую проволокой, — встрял сосед Агапыч.

— Э-э, дед, вечно ты над пузом моей кружки насмехаешься. Я бы предпочёл чашку с блюдцем. А то остужать Ньюкулас, чай в суповой тарелке как-то несподручно, Ньюкулас, которому не понравилось замечание соседа, сообщил о своей заветной мечте и прошёл мимо.

Балынка осталась кричать вослед уходящему:

— Что ты там бормочешь, дед, кто услышит-то?! Так и будешь гулять, заложив руки за спину? Придётся тебе постоять со снохой в очереди, а то, сказывали, по одной штуке на руки дадут!

Так всех угораздило ещё за два дня до продажи начать толкаться в очереди. Согласно решению сельсовета, без лишних слов велели вечером завести список очередников. Запись взялась вести сама Балынка.

— Давай пригони коров. После ужина я пойду занимать очередь, — сказала Саргы, разбудив супруга, прилёгшего отдыхать.

— Поскорей уложим детей. Мне надо вовремя поспеть к записи в очередь. Если скажут, что надо ночевать, сменишь меня. Оденешься потеплее, — Харитина, чей дом стоит на окраине села возле сепараторной, предупредила старшую дочь Агу.

И такие беседы в каждом доме. Заботы, вызванные великой очередью, в эти дни вызвали в деревне Сасаннах небывалое оживление.

Телефонной связи в селении нет. Свежие вести обыкновенно расходятся по утрам и вечерам благодаря старичкам, выходящим к санным скирдам баграми дёргать корм ско-ту, да бабкам, выбегающим хватать охапки сена. В эти минуты они перекрикиваются через ограды скотных дворов, сообщая соседям скудные последние новости. Так что деревня снабжается вполне правдивыми сведениями, если не брать во внимание выдумки живых свидетелей и торбозного радио. Естественно, люди склонны преувеличивать их. Так что некоторое время по домам гулял слух, что стоять в очереди придётся не двое, а трое суток. А истины никто не знал. Такие новости никогда не исходят из сельсовета или конторы райпо. Откуда же им братья тогда? Остаётся предположить, что мы обязаны ими досужим пересудам с участием Балынки, Джегоркана или даже старика Ньюкуласа.

Темень осеннего вечера черна, как вар. Идёшь по улице, ногами нащупывая дорогу. Где взять лампы для каждого уличного столба? Не всё тут бывает по хотению человека. В Сасаннахе большой, как полная луна, фонарь включают в разгар зимы только у «нярмаха». Второй такой горит очень далеко, за амбаром тётки Лизы, на развилке дорог, чтобы путники не пропустили въезда в село.

По совету матери Ага натянула на себя все тёплые вещи и пошла по тропе, неся под мышкой старый дедовский камзол из драпа. Чтобы отстоять очередь. По этой ухабистой дорожке она пройдёт и с закрытыми глазами. Летом была засуха, так что грязь, намешанная весенними ливнями, засохла и превратилась в твёрдые бугры да колеи. Но девушку это не смущает. Она храбро идёт вперёд. Ноги ее проворно стучат по сухой земле. И сердце громко колотится в унисон.

Ох, слышны чьи-то шаги... Где? Впереди или сзади? Если идут впереди, то ничего. А если

вослед, то плохо. Лучше ускориться. Чтоб не догнали. Девушка подвернула край вязаной шапки и заложила за ухо. Прислушалась не дыша.

Ой, навстречу же идут. Она слышит впереди чьи-то приглушённые голоса. У забора тётки Аныс девушка легла на землю и накрылась камзолом. «В таком мраке им не разглядеть, кто под забором лежит», — подумала она. Лишняя встреча ей ни к чему.

Ага затаилась. Одежда на ней слишком тёплая. Ей стало душно и жарко. Значит, ночной мороз ей не страшен. Приоткрыв край камзола, девушка присмотрелась к идущим. Как медленно плетутся... Оказывается, это идёт Маша, старшая дочка семьи, которая живёт у озера, и с ней провожатый... Он накинул на плечи девушки пиджак и крепко обнял её правой рукой. Вроде беседуют о чём-то. Ага не разглядела парня как следует. От напряжения её прошиб пот и чуть дыхание не прервалось от духоты.

Прошли. Девушка поднялась. Шапкой вытерла капельки пота на лбу и засунула её в карман пальто. Опять скомкала камзол, сунула под мышку и потопала дальше. Идти долго не пришлось. Вот и здание хозмага старинной постройки с покосившейся крышей, обмазанное глиной и запертое на замок с поперечной железной накладкой на всю дверь. Ни души. Тишина. «Ой, неужели обманули?» — встревожилась девушка. Она слегка испугалась.

Нет, обмана не должно быть. Год назад она ночевала около «нярмаха». Было так холодно, что ночь перетерпели в тамбуре столовой, еле упросив тамошнего сторожа впустить туда. Под утро, ещё до рассвета, сторож выгнал их. Очередники тряслись от стужи у порога «нярмаха», как вдруг пришла мать Аги с горячим чаем в бутылке из-под «Гымзы» и бутербродами с маслом, заслужив благодарность всех женщин, стерёгших очередь. В награду за доброту её с мамой пропустили в магазин первыми, в виде исключения. Агина мать тогда смогла купить десять метров ситца и сшила всем дочерям по платью. Бывает и такое.

Что ждёт их теперь? «Нярмах» нарядный, справный. А вот хозмаг выглядит... не очень. Неуютно здесь. Стоит на самой грязной улице, похоже, за лето тут не проехала ни одна техника. Весной здесь гоняли, увязая в лужах, а летом месиво засохло непроходимыми рытвинами. Эти буераки уже нипочём не разровнять. Темь, бездорожье и ночная стужа нагоняют тоску.

— Девонька, очередь пришла занять? — откуда-то донёсся не то хриплый шёпот, не то жуткое бормотание, и Ага от ужаса громко завизжала. — Тихо, ишь какая горячая! — голос обрёл обычный тон, и Ага успокоилась.

Ох, от испуга чуть не убежала обратно. Похоже, бабка Балынка хотела подшутить?! Но пока она очухивалась, вокруг загалдели и захохотали какие-то невидимые люди, главным образом старушки и дети.

— Так я... В очередь за чашками... — растерянно выдавила Ага.

— За чашками, говоришь... Не за чушками же. Не бойсь, купим их за свои кровные, — ночную тишину нарушил начальственный голос всё ещё невидимой Балынки, которая вдобавок пыхтит, сиюсь выбраться откуда-то.

Девушка оробела. Людей, тут, кажись, немало. Смотрят, поди, отовсюду на неё. О, да они сидят на штабеле тары, которая громоздится сбоку магазина! Первой подошла тётка Зоя. Пошарив в кармане, вытащила прямоугольный фонарик. Покопавшись еще, выудила кусок толстого картона. «Снарядилась-то как, — отметила Ага. — В прошлом году всё было проще».

— Девка, спрашиваю тебя, кто ты такая? Запишу. Ты одиннадцатая...

— Да? И все прочие тут? — девушка с недоверием огляделась, но никто не подал голоса.

— Конечно. Попрытались. А ты нынче сильно вытянулась, Агаша. Платонова твоя фамилия? — с расположением ответила Балынка.

— Нет, Быллахова. Платоновы — это дедушка с бабушкой.

— А-а. Вот оно как. Агаша, сегодня первая ночь. Список есть только у меня. Сегодня ещё можно обойтись без ночёвки. Поэтому некоторые ушли домой.

— Мама мне велела ночевать.

— Всё верно. Тогда завтра днём выплывай и к вечеру придёшь. Эх, девонька, послезавтра такая предстоит давка... Мне самой страшно... — Балынка достала из кармана папиросу и задымила ею, набивая цену своим сведениям.

— Чашки, говорят, будут. Какие они?

— Откуда мне знать? Иди бери себе ящик и ляг рядом со мной. Мне, старой, ох как важно вздремнуть, — и бабка поковыляла к ящикам с опилками.

Девушка послушно пошла за ней.

— Балынка, ты не посеешь список? Будешь утром вычёркивать тех, кто не придёт? — спросил откуда-то голосок Марыны, по прозвищу Мотуроскалах.

— А чего это я его потеряю, всё задираете меня... Лучше укажите Аге место, где ей лучше прилечь.

— Эй, там ещё не остались фанерные коробка? Пускай она возьмёт один.

Глаза Аги наконец привыкли к темноте, и она разглядела светлеющие в сумраке продолговатые фанерные тары, наполненные опилками, сходилла туда и приволокла одну.

— Клади набок и заползай в неё сбоку. А то я поставила отверстием кверху, и теперь меня сдавило с боков, — советует Мотуроскалах.

Больше никто голоса не подал. «Наверное, уснули» — думает Ага.

— А ну, доча, потяни-ка, я хочу встать, — из большого ящика замаячила рука в варежке.

«Ой, если бы молча рукой помахала... какой-нибудь прохожий от страха бы тут окочился». Девушка тянет бабку за руку, но не может поднять.

— Накрени, накрени-ка ящик... Эх, чертовка, влезть- то влезла легко, а вот выбраться хрен тебе... — Бабка, еле сдерживая ругань, с оханьем-аханьем казнит себя за ошибку. Раздосадованная Ага, собрав все силы, раскачала фанерную тару и рывком почти развернула её, однако изнутри раздался предсмертный вопль старушки Мотуроскалах:

— Нет, девка! Тем концом накрени! Как я могу опускаться вниз головой?

— Бабуля, темно... я же не вижу, как ты лежишь...

— Разве?... У молодёжи глаза должны быть зорче! Стало быть, не глядя чуть ключицу мне не выломала? Ты ж держала меня за руку?! — начала та препираться.

«О-о, ещё поврежу ей чего-нибудь... заругает тогда». Хоть и боязно Аге, но она изловчилась и наклонила указанный конец ящика. Бабка оказалась проворной и кувырком скатилась на землю.

— Ух ты, поглядите-ка на Мотуроскалах! Выпросталась махом, словно телёнок из утробы моей белой коровы! — весело вскричала Зоя Балынка, и в тот же миг из ящиков грянул дружный смех.

— Аю-ая!! Я старая... застряла там, а ты, молодайка, издеваешься!

— Да что ты... Я уже много раз ночевала в очереди, так что приспособилась. Что ни говори, а грузить себя в тару на ночь научили, — зубоскалит Балынка.

Ага выгребла часть опилок и выбросила подальше, положила ящик набок, забралась внутрь и накрылась камзолом.

— Как ты, детка, устроилась? — спросонок слышит она давно знакомый голос.

— Зоя... расскажи что-нибудь, — просят какие-то люди, но Ага уже спит, не слыша ответа...

А Балынка им говорит:

— Спите, завтра будем всю ночь бодрствовать. Сегодня обойдётесь...

На другой вечер картина поменялась. Бдительных стало больше. Итого до утра дотянули два

десятка женщин, которые иногда по-быстрому отлучались домой, дабы согреться. После двух сверок Ага с радостью узнала, что стала восьмой. Мама придёт утром. Но ночью пришло странное известие. Сообщили, что чашек будет совсем мало. И, чтобы хватило всем, решено отпускать... по половине чашки на человека.

— Что за беда... Тогда мне с дочкой одна, что ли, достанется?!

— А можно повторно занять очередь?

— Откуда?! Не слыхала что ли слова — чашек всем не хватит? Думаешь, к твоему второму подходу к прилавку посуда останется?

— Эх, вконец дело запуталось, волынка вышла с этой посудой. Я ведь одинокая, откуда возьму мужика, чтобы очереди показать?

— Кто там посмел сказать, что «Балынка запутала очередь»? Разве не я привела вашу очередь в приличный вид?! Тоже мне, нашли крайнюю...

— Нет-нет, тётя Зоя! Никто не говорит «Балынка запутала», сказали — «волынка вышла с посудой»...

— А-а, вот как. А мне послышалось... Да ну, пёс их дери... Лучше бы на нос по одной чашке, как их по половинке покупать-то?

То, что волнение бдящих имело под собой почву, выяснилось в день продажи. К открытию магазина — в десять часов утра — на крыльце в три ступеньки собралась большая толпа.

— Эй, силач Джегоркан, чего пришёл? Ты же очередь не занимал?

— Получается, только вам чаи распивать положено? Я жестяной посудой пользуюсь. Хлеб-то, небось, каждый день лопаєте, да не знаете, из чего ваш пекарь ест и пьёт, узнаете — плохо вам будет, — шутливо отвечает пекарь.

— Паря, это не хлебная очередь. Тут чашки дают. Отойди.

— Я бы купил моей Аннушке одну, разрешите... Скоро тесто поднимется. Надо будет буханки в печь совать. У меня времени нет с вами валандаться. Или без хлеба хотите остаться?

— Не дадим тебе одну. На нос дают по половинке чашки, понял? — кричит кто-то сзади.

Вдруг запертая изнутри дверь распахнулась, и очередь разом хлынула в помещение. Пока заново строились и пихались, кто-то из заднего ряда (наверное, он стоял на пороге) воскликнул:

— Ого, гляньте, там высокие фарфоровые кружки что ли? До чего красивы рисунки на них!

— Где?

— Видишь ту полку? Это совсем не чашки...

— Нет, чайные пары тоже есть. На прилавке стоят.

— Никто не знает, что припрятано под прилавком...

Восторг, шутки-прибаутки, сопровождающие толкотню, усилились.

— Товарищи покупатели, внимание! Если отпускать по стольку, сколько вам хочется, товара всем не достанется. Поэтому поступим так: три человека получают по две посудыны. Причём одна из них — высокая кружка. Согласны?

— Правильно! Хорошо, что не половинка чашки...

— Всё равно же достаётся по полторы?

— О-о, наказание. Тогда мне что, долю свою отдать кому-то?

— Можно!

Началась продажа. Стоявшие впереди с учётом всех членов семей в очереди купили по три-четыре разных посудинки. Ага продвигается за спиной матери. Они дико вспотели. По плану, отпросившись с работы, к ним подойдёт отец и приведёт двух сыновей и младшую дочку. Тогда им достанется хотя бы четыре.

- Дай мне вон ту, со смородиной!
- Нет, кружки с домиками закончились...

Крайние в очереди чутко ловят разговоры покупателей, чтобы не упустить сведения о товарах. Они не в состоянии последовать за счастливыми, которые с покупками вышли за дверь и теперь с наслаждением созерцают вожделенные предметы. Как можно допустить, чтобы очередь прошла, и вместо них купил кто-то другой? Нет, нельзя так...

- Что берёте? Сколько вас? — тихо спрашивает продавщица у матери Аги.
- Шестеро, это моя старшая дочь, и там у двери стоит муж с тремя младшими.
- Ладно-ладно...
- Мне... две чашки с блюдцами и две большие чайные кружки.
- Гляди, выбери из этих с рисунками...
- Отпускают строго по порядку. Покупает Быллахова, она восьмая по списку, — провозглашает Зоя Балынка, которая теперь упивается властью над сельчанами.

— Зоя, ты близко стоишь, доложи нам. Есть там ещё что-нибудь? — слышится голос с хвоста очереди.

— А-а, чуть не забыла... Пойдите. Поступили ёлочные игрушки. Видите эти? Отпустим их без ограничений, кому сколько надо... — продавщица извлекла снизу разные коробки и выставила на прилавок.

Вместе с игрушками нашлись также удивительно красивые чашечки. Быллаховы просияли от радости.

- Ух ты, а почему их не показали первым покупателям?!

— Успокойтесь, игрушек полно. До самого Нового года торговать будем, — замечание продавца вмиг утихомирило зарождающиеся споры.

- Агаша, вот таких игрушек мало, гляди-ка, — продавщица вдруг перешла на шёпот.

Аге с мамой улыбнулась удача. Наряду с двумя изящными чайными парами они приобрели крупный сосуд с ручкой, похожий на кружку. Также им достались разноцветные стеклянные цепи для ёлки и множество чудесных шаров.

Сколько времени прошло с тех пор, повзрослевшая Ага давно сама стала мамой и даже бабушкой большой семьи! Теперь мало кто поверит моим словам о том, как шла торговля в старину. Но я вам говорю жгучую правду!

А вот ту самую чашечку, расписанную милыми земляничками, бабушка Ага бережёт по сей день. Ёлочные игрушки старшие Быллаховы в тот же вечер разложили на столе и равными долями распределили между четверыми детишками; ныне они стали вечными домашними реликвиями нескольких семей. Тогда всем им перепало по одной блестящей цепи и по четыре ярких шара.

Время течёт неумолимо, но дутые из тонкого цветного стекла старые ёлочные игрушки под самый Новый год в каждом из четырёх семейств бережно извлекаются из коробок и торжественно вывешиваются на видном месте любой ели или сосны, занесённой в дом с мороза. А сочинение внучки младшего брата Аги Василия Быллахова об этой традиции сперва победило в улусном конкурсе, а затем получило премию и на республиканском фестивале.

Агафье эти прославленные племянкой ёлочные игрушки правда дороги: как тёплое воспоминание о детстве и как свидетельство особых вех её судьбы. Она как сейчас помнит, как две ночи коротала в ящике с опилками, как отстояла небывалую очередь и стала владелицей заветной чашечки с земляничками, при виде которой у неё и поныне в груди ёкает сердце...

МИХАИЛ СИВАНКОВ

БИОГРАФИЯ

Михаил Семёнович Сиванков — член Союза писателей России. Родился 12 ноября 1969 года в городе Якутске. Выпускник Якутского командного речного училища 1990 г. В 1990-м призван на Тихоокеанский военно-морской флот. С 1993-го по 2009 годы проходил службу в Уголовно-исполнительной системе. Член Русского географического общества, автор литературно-патриотического проекта «Вечный огонь» экспедиции школьников г. Ленска по местам боевой славы г. Старый Оскол, посвящённой памяти Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Публиковался в российских и республиканских журналах, таких, как: «Российский колокол» (г. Москва), «Дальний восток» (г. Хабаровск), «Полярная звезда» (г. Якутск), «Байанай» (г. Якутск), «Родная Кубань» (г. Краснодар), «Подъём» (г. Воронеж), «Сибирь» (г. Иркутск), «Крылья» (г. Луганск), Роман-газета (г. Москва). Является автором художественного романа «По ту сторону», мистического рассказа о шаманах «Долган», повести «Степной ковыль». Живет в г. Ленске Республики Саха (Якутия).

КОГДА ВСКРОЮТСЯ РЕКИ

Нестерпимое чувство жажды окончательно лишило сна. Игнат с трудом приоткрыл отёкшие веки и пришёл в замешательство, когда взгляд его упёрся в бетонную стену с облупившимся слоем тёмно-зелёной краски. Он не понимал, где находится, и совершенно не помнил, как оказался в этом странном месте. Игната Семёновича охватило недоброе предчувствие. Он откинул старую куртку, небрежно брошенную на него сверху и, присев на железные полаты, огляделся. Мрачное небольшое помещение без окон, пропитанное удушливым кислым запахом и табачным угаром, освещалось блёклой от никотиновой копоти лампочкой. Её жёлто-серый свет едва пробивался из узкой ниши над железной дверью, рассеиваясь по стенам и каменному полу. Сверху монолитной плитой зловеще нависал потолок. Опустив взгляд, Игнат заметил большие красно-коричневые пятна на своих светлых брюках.

Мужчина оторопел. Он ощупал лицо, но ни отёков, ни запёкшейся крови, ни ссадин не обнаружил. Данилов принялся осматривать одежду, в спешке стягивал её и трясущимися руками подносил к свету. Его бросило в жар, когда такие же пятна он увидел на рубаше и футболке. Разум Игната прояснился, теперь стало понятно, где он находится. От хмеля не осталось и следа! Безудержная паника охватила Игната, он подорвался и, забыв про дикую жажду, заметался от одной стены к другой, судорожно перебирая в памяти события, произошедшие накануне. Мысли путались, лезли одна на другую, но всякий раз обрывались на воспоминании о весёлом застолье.

В замке провернулся ключ, стальные двери распахнулись, свежий воздух спасительным сквозняком ворвался в камеру.

— Данилов, на выход!.. — сухо бросил молодой милиционер.

Игнат Семёнович вышел в коридор и, щурясь от яркого света, сделал попытку заговорить с сотрудником:

— Здравствуйте! А который час?

— Лицом — к стене, руки — за спину, — стальным голосом потребовал сержант, застегнул за спиной Данилова наручники и взял его за локоть. — Вперёд.

Они прошли по узкому коридору с полукруглым сводом, затем вверх по крутым ступеням. Через закрытый решётками двор поднялись на второй этаж. Данилов шёл молча, стараясь

не смотреть по сторонам. Он всё ещё надеялся, что оказался здесь по воле какой-то нелепой случайности, которая сейчас разрешится, и его отпустят домой.

Однако его надежды разбились, когда у двери с табличкой «Старший следователь Топорков А. С.» он увидел опухшее от слёз лицо жены и заплаканную дочь.

— Папа, папочка, родненький! — сквозь рыдания повторяла она. — Что же ты наделал, папа?!

Данилова опять бросило в жар. Он осознал, что произошло что-то страшное, непоправимое.

— Мы с тобой, Игнат! — вдруг тихо произнесла супруга. — Что бы ни случилось,.. мы всегда с тобой!

В кабинете с Данилова сняли наручники. Молодой человек приятной внешности учтиво предложил сесть на стул и подал стакан воды.

— Здравствуйте, — начал он вежливо, изучающе заглядывая в глаза задержанного. — Я веду ваше дело, фамилия моя Топорков, зовут Александр Степанович. Как вы себя чувствуете, Игнат Семёнович?! Мы можем начать допрос? Если вы не совсем здоровы или вам необходимо защитника, то...

— Нет — нет... — заверил следователя Данилов, хотя его потряхивало после похмелья, — давайте начнем. Делайте, что там у вас положено...

— Ну что же, как скажете, — ответил Топорков и открыл папку с надписью «Уголовное дело № ». — Начнем, Игнат Семёнович. Вам знаком некто Алексеев Василий Васильевич?

— Да, конечно, это же мой сосед — Баска.

— И как давно вы знакомы с ним?

— С самой армии...

— Какие отношения у вас с Алексеевым?

— Дружим мы шибко, помогаем друг другу, на охоту, на рыбалку — так это всегда вместе; жёны наши — подруги, а дети с ранних лет — приятели...

— Понятно, — не поднимая глаз, щёлкал тонкими пальцами по клавишам старой «Ятрани» следователь. — Можете рассказать, что произошло вчера, 23 февраля, примерно между шестью и десятью часами вечера?

— Постараюсь! — изо всех сил напрягся Данилов. — Около трёх он — Василий, значит, друг мой — ко мне зашёл. Мы каждый год с ним собираемся на 23-е! Ну, выпьем малость, поговорим по душам, армию вспомним, сослуживцев... — После короткой паузы Игнат Семёнович опустил голову: — Потом ничего не помню, как отрубил! А что случилось? Скажите, не томите!

Следователь, будто не расслышав вопроса, извлёк из ящика в столе прозрачный пакет с вещдоком и положил на стол перед Даниловым.

— Вам знаком этот нож, Игнат Семенович?

— Да это мне Баска в день 55-летия подарил...

— Хорошо подумайте. Посмотрите внимательно: может, просто похож?

— Не-ет! — утвердительно протянул Данилов. — Этот нож Баска ковал для меня, я его среди сотни узнаю! Мой нож! Точно мой!

— Так и запишем, — выдохнул следователь, продолжая щёлкать клавишами. — Нож обвиняемый признал...

— Простите, — не сдержался Данилов, — в чём меня обвиняют? Расскажите, пожалуйста, что всё-таки произошло?

Следователь вынул листок из каретки печатной машинки и с недоверием взглянул на Игната Семёновича:

— А вы и вправду ничего не помните?

Данилов помотал головой и стыдливо опустил взгляд:

— Ничего!

Топорков достал из своей папки листок и монотонно зачитал:

— *23 февраля 1995 года после совместного распития спиртных напитков между гр. Даниловым И. С. и Алексеевым В. В. возникли разногласия, в результате которых гр. Данилов И. С. нанес гостю Алексееву В. В. удар якутским ножом в бедренную артерию...*

Данилов почувствовал, как кровь хлынула в голову, и, едва прозвучало «от полученных ранений гр. Алексеев В. В. скончался в поселковой больнице», потерял сознание.

Резкий запах нашатыря привел Данилова в чувство, он осипшим голосом попросил воды и, жадно осушив почти весь графин, что стоял у следователя, вытянул вперёд руки:

— Я преступник, отведите меня в тюрьму прямо сейчас! Пожалуйста, я вас прошу, гражданин следователь!

— Присядьте, Игнат Семёнович, — поспешил успокоить обвиняемого следователь и положил на край стола несколько бумаг. — Распишитесь в протоколе допроса и ...

— И? — переспросил следователя Данилов. — В тюрьму?

— Пока — в камеру, — с уверенностью ответил следователь. — До утра посидите, подумаете, успокоитесь, а завтра утром продолжим.

В коридоре к Данилову бросилась супруга Вера:

— Игнатушка, как же так? Как ты, как сердце? Следователь разрешил тебе таблетки передать!

— Не надо, ничего не надо, — как отрезал мужчина и отвёл взгляд. — Простите меня, простите, родные, пожалуйста!

В камере, тщетно пытаясь заснуть, Данилов то вдруг вскакивал как сумасшедший и метался от стены к стене, то забивался в угол и, не моргая, задумчиво смотрел в потолок. Когда чувство полной безысходности овладевало его воспаленным сознанием и жизнь теряла всякий смысл, безумный взгляд Игната останавливался на стальной решетке над дверью. Однако эти мимолетные приступы душевной агонии внезапно озарялись светлым образом жены с дочерью, и тогда ему становилось невыносимо больно и стыдно за свои суицидные мысли. Он сжимал руками голову и, чтобы не завывать в голос, до скрежета стискивал зубы.

Спутались утро, день, ночь. Казалось, этот кошмар не закончится никогда, и внезапный окрик милиционера «На выход!» уже не встревожил, а напротив, стал для Данилова спасением от сводящего с ума одиночества. И опять — узкие коридоры КПЗ, решётки, наручники и кабинет следователя, который на сей раз Данилову удалось рассмотреть, пока Топорков с озабоченным видом корпел над какими-то бумагами: посередь кабинета стоял массивный стол, оставшийся, вероятно, в наследство ещё от дознавателей НКВД, на нём старинный графин, печатная машинка, настольная лампа, литровая банка с кипятильником и мятая пачка индийского чая; рядом вышорканное кожаное кресло, литой из стали сейф у стены, а над ним — портрет, с которого строго взирает Феликс Дзержинский.

Завершив свои дела, Топорков разложил перед задержанным документы.

— Игнат Семёнович, у следствия нет вопросов по этому делу. Ни вы, ни свидетели не отрицаете вашей вины. К тому же правление совхоза и сельского Совета предоставило на вас положительную характеристику как на добросовестного работника, честного и порядочного гражданина, а также ходатайство. Учитывая то, что вы не представляете общественной опасности, имеете хронические заболевания, до суда я отпускаю вас под подписку о невыезде! Подпишитесь — и свободны.

— Нет, так нельзя! — возмутился Игнат Семёнович. — Я не могу это подписать, это неправильно! Пожалуйста, отведите меня в камеру...

— Здесь, здесь и здесь! — с настойчивой категоричностью потребовал следователь. — Подписывайтесь, Игнат Семёнович, не отнимайте ни моё время, ни своё! Вина ваша полностью доказана, я свою работу сделал!

Данилов перевёл дыхание и трясущейся рукой вывел свою фамилию под печатным текстом. Отложив ручку, он поднялся и смиренно убрал руки за спину:

— Всё, теперь меня можно в камеру?

— Игнат Семёнович! Ещё раз объясняю, — закрывая в сейфе папку с документами, повторил следователь, — в отношении вас избрана мера пресечения в виде подписки о невыезде! Советую вам находиться дома и за пределы района до окончания следствия не выезжать, а пока вы свободны!

— А дальше? Как же... — сбивчиво пытался уточнить Данилов.

— А дальше как суд решит! — желая прекратить этот бессмысленный для себя разговор, с усталой небрежностью проговорил Топорков и кивнул на выход. — Более я вас не задерживаю. До свидания!

Игнат Семёнович вышел из дверей ПОМа совершенно потерянным. Он опустил на заśnieженное крыльцо и, бесцельно всматриваясь куда-то, погрузился в раздумья.

— Игнат! — окликнула Данилова супруга. — Поехали домой, председатель машину дал, чтобы тебя забрать.

Пряча глаза, Данилов кивнул водителю и сел на заднее сиденье совхозного УАЗа. Вера села рядом, обняла, шептала что-то и нежно гладила по седой шевелюре. Но Игнат ничего не слышал, безучастным взглядом смотрел на мелькающие улицы сквозь небольшой просвет затянутого морозом окошка и понимал, что жизнь его уже никогда не будет прежней.

Дома Игнат первым делом истопил баню. Он с упорством натирал себя жесткой вехоткой, стегал берёзовым веником, плескал кипятком на раскалённую каменку, лишь бы избавиться от ощущения грязи, которое, подобно кислоте, разъедало плоть.

Укутавшись простынёй, Игнат вышел в предбанник, толкнул ногой дверь и уселся на порожек. Взор его упал на невысокий забор, за которым виднелся добротный дом Алексева. Данилову стало дурно, он облокотился на дверной блок и, взявшись за грудь, стал по-рыбьи хватать воздух ртом. Боль хоть и не сразу, но отступила, и Игнат, несмотря на запрет врачей, закурил. Дом товарищу и эту изгородь они ставили вместе ещё накануне рождения сына Василия.

Да, хорошие были времена! И жизнь была какая-то полная, насыщенная: если оглянуться, так ни дня даром не проходило: охота, рыбалка, вечерние посиделки семьями, колхозные будни и праздники! А ведь их — Игната и Васькины — дети вот прямо тут голопузыми по двору носились, в школу пошли, потом старшего в армию проводили, дочку Игнатову замуж выдали, и всё это вместе с Василием! Нет, не товарищем он был Игнату, а братом, самым что ни на есть настоящим братом!

Данилов вспомнил, как в юности с распределительного пункта в Якутске его направили в Хабаровский учебный центр сержантского состава.

— Пацаны! Есть кто с Якутии? — доставал Игнат бесконечными расспросами новобранцев, но среди его роты не оказалось ни одного земляка. Игнат было уже отчаялся, но как-то после марш-броска к нему подсел запыхавшийся паренёк и, отложив автомат, протянул руку:

— Здорова! Я Василий. Это ты искал земляков с Якутии?

— Ну я, — вглядываясь в восточное лицо сослуживца и ожидая подвоха, нарочно растягивал слова Данилов. — А что?

- Ты якут?
- Ну, якут, а ты? Бурят, киргиз или казах?
- Нее, я тоже якут!

— Земляк, значит! — пытаюсь придать встрече некую значимость, прищурился Игнат, но, не сдержав эмоций, расплылся в улыбке. — Сахалы белянда бырыат?²⁶ По-якутски говоришь, брат?

— Нет, по-якутски не понимаю, — смущённо улыбнулся Василий и в оправдание добавил: — Родители с Якутска меня ещё совсем маленьким увезли, я среди русских рос, да и предки на своём не общались...

- А хочешь, научу?
- А точно научишь?
- У меня по якутскому языку всегда отлично было, даже учителя хвалили!
- А как моё имя по-нашему будет?
- Бааска! Я тебя так и буду звать, ты не возражаешь?
- Называй! — воодушевлённо откликнулся Васька. — Баска, значит!

Родной якутский давался Василию на редкость легко, и уже через пару месяцев он свободно общался на нём, чем был несказанно доволен. Так между земляками завязалась крепкая мужская дружба. Но полгода строевой подготовки на плацу и часовая муштра перед присягой пролетели как один день, до распределения по воинским частям оставалось не больше недели, а там, кто его знает, в какую тмутаракань призовет Родина? Советский Союз огромный! Горькое чувство скорого расставания с Василием сильно расстраивало Игната, он привязался к скромному пареньку и не хотел терять такого товарища. Помнилось, отец часто рассказывал про своего друга, с которым служил на сторожевом корабле «Бесстрашный». Столько лет минуло, а он не мог забыть, как крепко они дружили, как после службы много лет переписывались, а потом... потерялись. Жизнь раскидала да мирские заботы. Вспоминал это отец с огромным сожалением, и в комнате на столе его стояла фотография, где они — в бескозырках у оружейной башни. Рассказ отца был для Игната уроком, он долго обдумывал, как вернее будет завести разговор, и решился наконец-то сделать это на перекуре.

— Слушай, Баска! Давай адресами обменяемся, если что — через родоков спишемся! И ещё, слушай, ты никогда не думал на родину переехать, в Якутию? Всё ж земля предков! Неужели не тянет? Не ёкает вот тут? — Данилов приложил к сердцу ладонь.

— На родину, Якутию? — улыбнулся Василий, и глаза его заискрились по-особенному. — Если честно, тянет, я всегда мечтал вернуться, только у меня там родных не осталось! Ехать не к кому.

- А я? Я что не в счёт!?
- Ты?

— Да, я! — вскинулся Игнат. — Твой друг, Данилов, — якутский якут! А тебе кого ещё нужно? Поедем ко мне, председатель совхоза у нас мужик — во! — Игнат поднял вверх большой палец. — Если в совхоз работать пойдём, то и участок выделит, и дом построить поможет! Поселок наш на берегу Лены стоит. Ты и не представляешь, какая это богатая река! И, самое главное, когда вскроются реки и пойдёт лёд, мы с отцом выбираемся на охоту в протоки, а там — утка, гусь!!! Да ты такой охоты с роду не видал!!

— Когда вскроются реки! — загорелся Василий и тут же расхохотался. — Эй, якутский якут! Сам-то не передумаешь?

- За меня не беспокойся! Я кремень, главное, ты не спасуй!

День распределения свалился как снег на голову, ранним осенним утром командир поднял

²⁶ По-якутски говоришь, брат? (якутск.)

роту по тревоге и объявил общее построение у штаба воинской части. Спустя час началось распределение.

— Город Уссурийск, воинская часть № ... — прозвучало из громкоговорителя. — Рядовые... В конце длинного списка фамилий прозвучало:

— Данилов И. С., Алексеев В. В.

* * *

— Игнатушка! — выхватил из воспоминаний звонкий голос супруги. — Председатель пришёл, поговорить с тобой хочет...

Данилов наспех влез в трико, набросил на плечи шубейку и прошёл в дом. Председатель в распахнутой дорогой дублёнке угощался домашними оладьями, запивая их чаем с молоком.

— Ты, Игнат Семёныч, — по-деловому обратился он к Данилову, — впустую себя изводишь. Что случилось, то случилось — человека не вернёшь, а жизнь... она дальше идёт! И поверь мне, старому бобылю: раны душевные только семья и работа лечат! Сам знаешь, не мне тебе рассказывать, народу в совхозе не хватает: молодежь в город бежит за лёгкой деньгой, мужики спиваются. Работать на земле стало некому! Выходи на ферму, там сейчас полный завал! Коровы — в навозе, доярки не справляются, грозятся заявлением подать на увольнение!

Игнат, потупив взгляд, уставился в пол. Прав был во всём председатель: и Ваську не вернуть, и не дело ему, крепкому мужику, на бабьей шее сидеть. Понимал умом всё это Данилов, а вот сердцем не принимал; силился изо всех сил, но не мог.

— Прости, Фёдор Капитонович! — подняв на председателя глаза, полные слёз, проговорил он дрожащим голосом и ударил себя в грудь. — Душит меня воздух, понимаешь, Капитоныч, душит! Задыхаюсь я, людям в глаза смотреть совестно. Как жить дальше — не знаю, Капитоныч...

— Ладно, понял я тебя! — собирался уже уходить председатель, но у двери неожиданно задержался. — Слушай, а если в ночь — на коровник? Скотником! Уходить можешь раньше, как справишься!

— В ночь? В ночь, пожалуй, пойду! — уцепился за предложение Данилов.

— Вот и договорились! Вот это правильно. Ты давай отходи понемногу, а с понедельника — на работу...

Супруга налила Игнату чай с молоком и придвинула к оладьям блюдо со сметаной.

— Ты поешь, поешь немного! Исхудал, почернел весь, нельзя так, Игнат! Прав председатель, дело говорит!

Данилов взглянул на жену и со стыдом отметил, что прежде не обращал внимания, как за эти несколько дней она осунулась, как сошёл с её прекрасного лица здоровый румянец, каким утомлённым стал её взгляд! У самой, небось, на душе кошки скребут, а она виду не подаёт! Наверняка у себя в телятнике, оставшись одна, повоет по-бабьи, а потом отдышится, приведёт себя в порядок и спешит домой, мужа утешить! И каково Верке сейчас — даже не представить, её-то утешать некому! Женщины — народ терпеливый, где-то характером покрепче мужика будут, и боль свою напоказ не выставляют. Как ни крути, а выходит, что Верка эту ношу в одиночку тянет!

* * *

Суд по делу Данилова назначили на середину апреля. Измученный душевными терзаниями, он ждал этого суда с болезненным нетерпением. По утрам первым делом отрывал листок

календаря, затем перебирал и старательно укладывал в большую китайскую сумку свои вещи, которые намеревался взять с собой в колонию.

В день судебного заседания Данилов сходил в баню, надел чистое бельё и собрался было в дом, но у крыльца вдруг остановился и поднял вверх голову. Бездонное синее небо дышало весенней свежестью. Игнат Семёнович смотрел в него долго, не отрываясь, будто видел в последний раз.

В суд приехали за полчаса до начала заседания. Игнат всё время был задумчив и спокоен, даже когда высокий милиционер велел ему пройти в зал и закрыть в клетку. Однако всё изменилось с момента, когда в дверях появилась семья Василия. Сахаяна, что скрывала лицо за чёрным платком, даже не взглянула в сторону Игната, а её младшая дочь, не удержавшись, бросила взгляд, полный глубокого душевного презрения и жалости. Данилова охватило внезапное смятение, он не вникал в суть речей, что произносили выступавшие, а когда ему задавали вопросы, растерянно смотрел на судью, потом быстро поднимался, кивал и частил невпопад: я согласен, согласен, не отрицаю, признаю вину. Адвокат то и дело поправлял подзащитного, а иногда и вовсе отвечал за него. Судья был раздражён и недоволен, сурово поглядывал то на защитника, то на поручителей, а те, сконфуженно переглядываясь, пожимали плечами. Лишь когда после короткого совещания судья вернулся в зал и перед вынесением приговора громыхнул молотком по столу, Игнат Семёнович вздрогнул и поднялся с места. Он напрягся, нахлынувшее волнение мешало сосредоточиться. Разобрав среди нагромождения юридических терминов и статей УК слова «признать виновным», Игнат с облегчением выдохнул и с благодарностью посмотрел на председательствующего. Люди оживились, шумно покидая зал заседания. Высокий милиционер, что весь процесс стоял, вытянувшись, у решетки с подсудимым, отворил дверцу. Пожилой мужчина решительно шагнул ему навстречу и протянул запястья, ожидая, что тот немедленно застегнёт наручники. Но сержант в некотором недоумении учтиво отошел в сторону. Сбитый с толку Игнат так и стоял, вытянув руки, не понимая, что происходит.

— Дорогой! — негромко проговорила супруга Данилова. — Пошли, дорогой! Домой, домой, Игнат!

— Домой? — в исступлении повторил Игнат и взглянул на супругу. — А как же «признать виновным», «лишение свободы»? Я же сам слышал!

— Условно! — пыталась донести до мужа Вера, но вместо радости в его глазах выразилось глубочайшее разочарование.

— А где мои вещи, сумка? — словно одержимый, повторил он несколько раз в полной уверенности, что милиционер сейчас отведёт его на задний двор, где томится в ожидании строгий конвой. Но сержант будто прочёл мысли Данилова и, не желая более смущать своим присутствием странного осуждённого, покинул помещение.

— Как же это, почему так несправедливо?! — полный протестующего негодования шептал Игнат. — Как это возможно — условно за убийство?!

— Непредумышленное! — тихо, но доходчиво говорила Вера. — Ты не специально это сделал, это вышло...

— По пьянке! — не дал закончить Игнат и тут словно прозрел. Вид его сделался бледен, губы приняли синеватый оттенок и стали судорожно подёргиваться.

— Игнатушка! — вскрикнула Вера и полезла в сумочку. — Сейчас, дорогой, потерпи, — дрожащим голосом говорила она, спешно шаря по кармашкам, — сейчас, сейчас... А, вот, нашла! — с облегчением воскликнула она и вложила в рот мужа таблетку. — Сейчас отпустит, сердце у тебя совсем ни к чёрту стало!

Минут через 20 боль отлегла. Цепляясь за супругу, Игнат вышел на улицу, но здесь его поджидало новое, более страшное испытание. На крыльце стояла Сахаяна. Игнат приготовился смиренно выслушать и стерпеть всё что угодно, но дело приняло совершенно неожиданный оборот. Женщина подошла почти вплотную к нему и какое-то время стояла в нерешительности, потом, собравшись духом, заглянула прямо в глаза Игнату. В её взгляде не читалось ненависти, злобы или угрозы, напротив, он был открытым и ясным.

— Игнат! — сдержанно начала Сахаяна. — Мне трудно сейчас это говорить, но ты должен знать, — в её голосе почувствовалась дрожь волнения, — Василий простил тебя! Он сказал это там, в больнице.

Данилов опустился на колени и зарыдал. Он искренне желал повиниться, но слёзы душили его, слова вязли на языке, вместо них вырывались лишь обрывки бессвязных исковерканных фраз.

После суда Данилов сильно изменился: стал хмур, неразговорчив и замкнут. Тайком ходил на кладбище и часами просиживал у могилы Василия.

Теперь это был глубоко несчастный человек, полный разочарования, обративший свою жизнь в жалкое существование затворника. Он силился забыть всё и начать сначала, но вновь и вновь упирался в стену, которую сам и выстроил.

В тот вечер Игнат Семёнович задержался дома. По обыкновению в такое время он уже спешил на коровник, а тут позвонил председатель, чтобы посоветоваться по важному делу. Так и проболтали около получаса. Игнат уже выходил и в дверях столкнулся с младшей дочерью Алексеевых — Маришкой. Та при виде соседа обмерла, захлопала ресницами, будто увидела привидение, и, едва не вскрикнув, бросилась вон. Данилов шарахнулся в сторону и, рухнув на колени, схватился за голову.

— Айкы-ы-ы, как дальше-то жить! — глухо и протяжно завывал он в прихожей. Он готов был сгнуться, провалиться на месте, только бы всё вернулось назад, но, увы, ни молитвы, ни его раскаяние не в силах были это сотворить. Оставалось свыкнуться с клеймом убийцы, носить его, как кандалы, при лязге которых каждый прохожий будет тыкать в тебя пальцем. Игнат Семёнович ощутил, как сдавило сердце, стал задыхаться, завалился на пол и захрипел.

Очнулся Игнат в постели, рядом сидела старшая дочь Варя, точнее, Варвара Игнатовна, терапевт местной больницы. Женщина легонько гладила Данилова по плечу.

— Папа, папочка, тебе обязательно надо в больницу! — говорила она успокаивающе тихим голосом.

— Варя! — взял дочь за руку Данилов. — Скажи мне, только честно, что случилось в тот день? Я хочу знать, понимаешь, мне очень надо знать! Всю правду хочу, до крупницы! А больница подождет, обещаю, как река пройдёт, лягу!

Варвара на минуту замолчала, обдумывая просьбу отца, и, всё ещё сомневаясь, заметила:

— А раньше ты и слышать не хотел об этом...

— Верно, — ответил Игнат — раньше не хотел, боялся.

— Может, отложим этот разговор? Тем более на суде...

Нет, Варенька, нет, — перебил её отец. — А на суде я ничего не слышал! Всё было как в тумане!

— Хорошо, — сдалась, наконец, Варя, — только обещай, что ляжешь в больницу, как лёд с реки сойдет!

Данилов кивнул в ответ, лицо его стало задумчиво серьёзным, он поднял глаза к потолку и тихо произнёс:

— Когда вскроются реки!

— Дядя Вася пришел около трёх, — неторопливо завела разговор Варя, — как всегда,

весёлый, шутил, смеялся, меня с 23-м поздравил, с тобой за стол уселся и бутылочку рядом со строганиной поставил. Мама ещё на ферме была, а меня в тот день отпустили пораньше. Уж и не знаю, где дядя Вася эту поллитровку прикупил, но точно не в магазине. Скорее, у тётки Зухи — в «пьяной ограде» она этой палёной дрянью из-под полы торгует! Говорили вы громко, спорили, потом Маришка пришла, в кухне присела, хоть я и звала её к себе, чтоб девчонка ваших пьяных разговоров не слышала, а она всё возле отца! Сам же знаешь — папина доча! Потом слышу — крик! Маришка кричит и ревет как благая. Я — на кухню! Гляжу, дядя Вася лежит на полу, кровь вокруг, а ты... на стуле — ни жив ни мертв! Маришка ручонками за папу хватается, кровью испачкалась, оттого, видать, ей ещё страшнее стало. Плачет взахлёб, а дядя Вася гладит её, успокаивает. Я к нему, смотрю — кровь хлещет из артерии, перетягиваю, а сама ору: «Скорую» вызывайте! Да кому кричу? Девчонка в полной истерике, ты глазами хлопаешь, а в них полная пустота! Уж, как увезли его, в подробностях объяснять не стану. Маришку насилу успокоила да тебя в соседней комнате уложила, понять ничего не могу, что случилось, как произошло! Девочка одна всему свидетелем была, она и рассказала: поначалу сидели, про службу толковали, после очередной стопки заспорили, какие войска сильнее, а там и до борьбы дошло, приёмы показывать начали! Дядя Вася хвастал, что все приёмы знает, тут ты... — Варя взяла паузу, — из бочки со льдом выхватил нож, тот, которым лёд колом, мол, ну-ка покажи, как отобьёшь! Ты снизу ударил... Василий пропустил... Так ты ему артерию и...

Варя недоговорила и отвернулась.

— Мариша и следовательно так рассказала, когда опергруппа приехала!

— А Сахаяна? Что Сахаяна? — упавшим голосом спросил Игнат. Варя помолчала какое-то время, но всё же ответила:

— Тётя Сахаяна, как узнала, на молоковозе в больницу тотчас сорвалась (председатель отпустил). Дядя Вася, говорят, ещё жив был, в себя приходил раз или два на несколько секунд. Так и отошёл.

— Ты иди, Варенька, иди, мне теперь одному побыть надо, — моляще проговорил Данилов и повернул голову к стене. — За меня не беспокойся, ступай.

Варя хотела было возразить, но осеклась. Понимающе улыбнувшись, она поднялась и покинула комнату, оставив Игната наедине со своими мыслями.

* * *

В конце мая с севера внезапно потянуло холодом, налетел порывистый ветер, и снег накрыл русло и берега реки. Игнат долго ждал дня, когда могучая, неукротимая Лена понесёт льды к северу, в холодное солёное море. Он заторопился, наспех собрал рюкзак, нырнул незаметно на задний двор, а оттуда — напрямик к протокам. Многочисленные протоки с островками, поросшими высоким тальником, были излюбленным местом перелётной птицы, но во время ледохода они превращались в смертельную западню, и даже выдавшие виды охотники обходили их стороной.

Колкий снег хлестал в лицо и забивался за ворот. Игнат поднял воротник лётной куртки и невзирая на опасность направился к реке по узкой полоске длинного изогнутого перешейка между протоками к небольшому острову.

Данилов присел на край пологого берега, достал из рюкзака фляжку, две стопки, наполнил их до краёв:

— Ну, с новой водой тебя, брат Баска! Первый ледоход за 40 лет без тебя встречаю. — Игнат, шурясь, обратился к небу: — Ты как там, брат? Ты, это, прости меня, брат, если сможешь!

Я ведь не в тебя, Баска, а в себя тот нож воткнул, так что скоро встретимся! Какая мне без тебя охота?

Мужчина залпом осушил стопку, вторую плеснул в воду и, прислушиваясь к мелодии, которую наигрывал ветер на струнах тальника, впервые за долгие месяцы улыбнулся. Ему вспомнились часть в Уссурийске, куда их перекинули после учебки, придирчивый и наглый до беспредела старослужащий сержант Гусейнов (Гусь) и ночь, когда им крепко перепало от подвыпивших дембелей из его компании. Как, утирая разбитый нос, Алексеев задумался, искоса глянул на Игната, и на лице его блеснула злобная ухмылка:

— Значит, говоришь, охота у вас на гуся знатная?

— Так и есть! — сплюнув сгусток крови, подтвердил Игнат.

— Когда вскроются реки! — расплылся в улыбке Василий, кивая на совковые лопаты, что стояли у входа в каптерку.

— Самое время для гуся! — повеселел Данилов и, сообразив, что задумал однополчанин, утвердительно кивнул в ответ. — Когда вскроются реки!

* * *

У входа в протоку река выстроила огромную плотину из ледяных глыб, она гудела под натиском стихии, крепилась, но вскоре сдалась, рухнула, и чёрная вода бурным пенящимся потоком хлынула в пойму. Сметая тальник, течение потащило льды. Гонимые ветром, они, будто корабли, устремились к изогнутому перешейку и, прорезав его, соединились с соседней протокой.

*Ленск
Декабрь 2020 г.*

КОНСТАНТИН ЭВЕРСТОВ

БИОГРАФИЯ

Константин Семенович Эверстов (1968), прозаик, родился в селе Чагда Кобяйского улуса. После окончания в 1933 году Якутского государственного университета работал научным сотрудником в Литературном музее имени П. А. Ойунского, учителем якутского языка в Чурапчинском и Кобяйском улусах. С 2005 года работает в Ниджилинской средней школе Кобяйского улуса психологом и учителем национальной культуры. Член Союза писателей России.

ПЛАЧ ЛОШАДЕЙ

Перевод Альбины Борисовой-Слепцовой

Безоблачное июльское небо. Солнце щедро льёт с вышины жаркие лучи. С востока временами веет лёгкий ветерок, обдавая тёплым воздухом.

Наметав почти три десятка стогов сена, старик Бётур с внуком Кириске, окончившим в этом году четвёртый класс, пошли обедать. Дождавшись, когда заварится чай, сенокосчики шумной гурьбой сели за стол. Вдруг со стороны дороги, тянущейся из леса, послышалось тархтенье мотоцикла.

— И кто это нашёл время разъезжать в сенокосную страду? — удивился Бётур.

— Мотоцикл «Минск». Кажется, бригадир Банё едет.

Ждали недолго, мотоциклист выскочил из-за поворота и напрямик направился к ним. Прислонив мотоцикл к дереву, бригадир, рослый, крупного сложения человек, широко ступая, подошёл к сенокосчикам.

— Здравствуйте! Ну как вы тут, много накосили? — Он пожал каждому руку, снял с себя куртку и стал её отряхивать.

— Много не много, времечко-то наше прошло, — Бётур налил гостю чаю. — Садись, Банё, попей чайку. Какие новости в посёлке?

— Да рассказывать-то особо нечего. Разве что, говорят, скоро надо ждать дождя.

— Давно не было дождя. А коль придёт, дней на десять зарядит — сказал Бётур, с шумом прихлёбывая горячий чай.

Банё, кряхтя, поднял тяжёлый обрубок дерева, поставил возле сенокосчиков, сел.

— Лошадь у сенокосчиков с аласа Бёр сломала ногу. Вот, еду оттуда.

— Тюнюку ногу сломали? Считай, убили беднягу. Обезноженная коняга уже не лошадь. И кто это на такое сподобился? — с досадой воскликнул Бётур.

— Да этот шалопай Мелэрис Мисе наехал задним ходом трактора «Беларусь». Лежит, бедняга, не двигается. Слезы из глаз текут и текут, — с жалостью сказал Банё.

— Лошадь разве плачет? — недоверчиво спросил Кириске.

— Детка, лошадь умная, как человек, всё понимает, только говорить не может.

— Наступил век техники, лошадь уходит в забвение, скоро и вовсе не нужны станут, — сказал бригадир, намазывая на хлеб масло.

— Да уж, нынче и со стороны руководства не стало никакого внимания к лошади. А ведь все знаем, какое вкусное мясо у якутской лошади, как она стойко переносит и зной-жару, и лютые морозы, круглый год находясь на подножном корму. Ни одно домашнее животное не сравнится в этом с ней. И мы не можем пользоваться этим добром, как это делали бы рачительные хозяева.

Бётур встал, подошёл к костровищу, подправил дрова, вернулся, сел на место. Закурил.

— Как плачут лошади — мне довелось видеть на войне...

Кириске поставил чашку с недопитым чаем на землю и повернулся к деду. Бётур посидел, задумавшись о своём, потом слегка прокашлялся и начал рассказ:

— Это случилось осенью сорок первого года, когда уже шла война. Однажды нашей части было приказано остановиться у пашни, поросшей густой пшеницей, и закрепиться там. Мы с моим хорошим другом Гуляндиным Серёгой из Иркутска, с которым очень ладили, решили передохнуть и заодно перекурить. И вот только начали говорить о любимой нами осенней и весенней охоте, как нам приказали явиться к комбату. Мы пришли в командный пункт, где увидели капитана с красными, отекавшими от бессонной ночи глазами. Он спросил, кто мы, потом сказал: «Доставьте боеприпасы для станкового пулемёта роты, находящейся на правом фланге. Пулемётный расчёт расположился перед конюшней. Это надо сделать быстро. Враг готовится к наступлению».

Увешанные с ног до головы пулемётными лентами, мы решили пробираться к расчёту по низине. Когда переходили глубокий овраг, заросший редким кустарником, вдруг прямо над нашими головами с воем пронёсся снаряд. Я шёл, не снижая взятого темпа, сразу упал лицом вниз в застоявшуюся зелёную жижу вонючего болота. Потом вскочил со стекающей с плеч грязью, смешанной с комками земли, взрытой взорвавшимся снарядом. Серёга мой уже неживой лежал весь в крови. Наверное, не успел пригнуться, упасть ничком... Во мне вскипала ярость, но что я мог сделать, война она и есть война. Я снял с погибшего друга боеприпасы и продолжил двигаться к пулемётному расчёту. Вскоре лог сменился открытой равниной.

Справа поодаль виднелся небольшой хутор с редкими покосившимися домами. Поближе от меня громоздилось строение, похожее на конюшню. Возле него несколько бойцов пытались запрячь лошадь. Перед конюшней на бруствере окопа застыл пулемёт «Максим» с дулом, повёрнутым в сторону вражеских позиций. За ним показалась широченная спина солдата.

Спереди от меня, довольно близко, был виден неглубокий, выкопанный наспех окоп. Там лежали наши бойцы, которые не сводили глаз с прицелов винтовок. В версте от них, растянувшись на всю ширину равнины, вытянувшись в полный рост, плотной цепью шли немцы.

Через несколько минут должно было начаться большое сражение. Мне нельзя было терять ни секунды. Прячась за кустами и травой, петляя и передвигаясь короткими перебежками, я добежал до наших бойцов и спрыгнул к ним в окоп. Тут же надо мной просвистели припоздавшие пули. Пулемётчики с чёрными от пороха лицами кинулись ко мне и вмиг разобрали принесённые мной боеприпасы. Я едва пристроился к месту в окопе, как прозвучала команда «Огонь!» Заглушая выстрелы винтовок, застрочил пулемёт «Максим». Немцы падали, словно скошенная трава. Но это их не остановило, они будто безумные шли напролом сквозь огонь, непрерывно стреляя из автоматов.

«Приготовить гранаты к бою!» — прозвучала команда бойцам. Не успели фрицы подойти к нашим окопам, мы стали вскакивать один за другим и бросать в них «лимонки». Как только гранаты начали взрываться в рядах врага, мы с криками «Ура-а-а!» бросились в атаку. Но немцы не дрогнули, уверенные в своей превосходящей силе, и продолжали наступать. Началась рукопашная. В ход пошли приклады, штыки, всё, что было в руке и под рукой, порой приходилось биться и голыми руками... Хрипы, стоны, крики брань — битва не на жизнь, а на смерть. А когда опомнились, то увидели, что уцелевшие немцы бегут, спасая свои шкуры. Но и с нашей стороны полегло не так уж мало. Мы подбирали раненых, когда пришёл приказ отступать. Только стали выбираться из окопов, как немецкая артиллерия открыла сумасшедший настильный огонь. Немцы не ограничились этим, в небе послышался гул самолётов, и в нас полетели бомбы. В одно мгновение мы оказались посреди бушующего огня. Перебираясь от воронки к воронке, выбитыми разрывами снарядов, я пробежал мимо конюшни, когда услышал свист снаряда. Я даже сам не понял как в один миг очутился внутри конюшни. Как только задрожала и взметнулась земля от разорвавшейся бомбы, я вскочил на ноги и осмотрелся.

Противоположная сторона довольно большой конюшни была вся разрушена. Крепкие большие брёвна насмерть придавили лошадей, которые оказались у той стены. Казалось, их туда насильно напихали, они лежали буквально друг на друге. Погибли все. Лишь одна ещё живая кобылица, волоча вываливающиеся внутренности, издавая жалобное ржание, пыталась подняться на ноги... Возле более-менее уцелевшей стены, которая была поближе ко мне, стояло около двадцати коней. Они были накрепко привязаны, чтобы не убежали. За конюшней бушевала война, громыхали орудия, свистели пули, взрывались бомбы, снаряды — здесь же тихо, безропотно опустив головы, стояли лошади, покорно ожидая своей участи у стены, которой они были прикованы. И лишь из глаз их безостановочно текли безмолвные слёзы. Лошади будто знали, что они здесь погибнут. Но ни одна из них не вырывалась, не металась, не слышно было даже всхрапыванья. Стояли неподвижно, молча. И плакали.

Меня сразило невыразимое смирение и вместе с тем необыкновенная стойкость этих божьих созданий. На какое-то время и я застыл на месте. Просто стоял и смотрел на них. «Надо спасать!» — вспыхнуло в голове. Тут же бросился к стоявшей поблизости от меня лошади, попытался отвязать её. Но верёвка из пеньки была так крепко завязана в узел, что никак не удавалось её развязать. Продолжая попытки освободить лошадь, я заметил, что стоявшие рядом с ней лошади заметно оживились, подняли головы и даже тихонько всхрапнули. Вдруг

чья-то сильная рука легла на моё плечо и заставила повернуться. Передо мной стоял лейтенант, мой командир взвода. Он был в бешенстве и прерывающимся от гнева голосом закричал: «Жить надоело?!» «Товарищ лейтенант! Здесь лошади...» «Товарищ боец! — лейтенант не дал мне договорить. — К пулемёту, быстро!» — закричал он, вытаскивая пистолет.

Мне ничего не оставалось, как подчиниться приказу.

Добежав до края пашни, я оглянулся назад. На месте конюшни уже ничего не было, разве что сквозь пелену дыма и пыли кое-где едва можно было различить одиноко торчащие столбы...

Сенокосчики долго сидели, не в силах произнести ни слова. Потом медленно встал старик Бётур. Он не спеша размял затёкшую спину, взял чайник, вылил из него оставшийся чай в догорающий костёр.

— О, засиделись, оказывается. А ну вставайте, работа заждалась. Идёмте!

Послышался рокот отъезжающего мотоцикла. Сенокосчики закинули на плечи грабли и неторопливым шагом пошли к раскинувшемуся неподалёку лугу.

1998 г.

ЧАСТЬ 3

ДРАМАТУРГИЯ

ДРАМАТУРГИЯ ХАКАСИИ

ИЛЬЯ ТОПОЕВ

БИОГРАФИЯ

Хакасский прозаик, драматург, переводчик. Член Союза журналистов России. Член Союза драматургов России. Член Союза писателей России. Народный писатель Республики Хакасия. Заслуженный работник культуры Республики Хакасия. Родился 13 августа 1954 года в селе Бырганы Аскизского района Хакасии. Образование: хакаское отделение филологического факультета Абаканского государственного педагогического института, Литературный институт имени А. М. Горького. Автор 20 сборников прозы и поэзии для детей и 15 поставленных в театрах Хакасии пьес. Пьеса «Ахол» отмечена премией фонда М. Прохорова, пьеса «Хароол и Воронок» получила Первую премию на Республиканском конкурсе им. А. М. Топанова. Сборник «Родные люди» переведён на турецкий язык и издан в Турции. Является первым переводчиком Евангелия на хакасский язык. В 2018 году был удостоен Благодарности Президента Российской Федерации. В 2019 году стал лауреатом Литературной премии Главы Республики Хакасия — Председателя Правительства Республики Хакасия имени Н. Г. Доможакова.

ВОЛШЕБНЫЙ ЧАТХАН

Сказка для детей в шести действиях

Перевод Юрия Черчинского

Действующие лица:

Хосточах — молодой охотник.

Уранча — отец Хосточаха.

Торгайях — мать Хосточаха.

Харам — крупный бай.

Аяна — дочь Харам-бая, возлюбленная Хосточаха.

Хара Моос и Хара Кюдес — чудовища чилбегены¹.

Старик Чатхан.

Мужик.

1-я женщина.

2-я женщина.

Стражники, мужчины и женщины.

Действие первое

Бедная хакасская юрта. За стенами юрты слышится вой ветра. У костра сидит женщина лет сорока и чинит одежду. Это Торгаях — мать молодого охотника Хосточаха. Тени от пламени костра тревожно мечутся по стенам юрты. На лице женщины тревога. Торгаях поёт песню.

¹ Чилбеген — демоническое существо, персонаж хакаского демонологического пантеона.

Иду я по снежному полю,
Жуткий ветер сбивает с ног.
Отняли у бедных волю,
В нищете умирает народ.

Иду я по белому полю,
Злая выюга пощёчину бьёт.
У бедных такая вот доля,
Сердце слезами поёт.

Открывается дверь юрты. Врывается ветер со снегом. Входит Уранча — отец молодого охотника Хосточаха. Уранча одет в рваный тулуп. Мужчина подсаживается к очагу, греет озябшие руки.

У р а н ч а. Зима нынче злая. Шибко замёрз. Тулуп вовсе не греет. Метель голодным волком по степи рыщет. Совсем темно скоро будет, а сыночка нашего Хосточаха до сих пор нет. Как утром ушёл искать байский табун — так и нет. Не заблудился бы — ветер глаза слепит, метель следы заносит. С пути собьётся, по степи закружит.

Т о р г о я х. Хосточах хоть и молод, но охотник опытный. Всех больше дичи добывает. Не только нас — родителей кормит, но и соседям остаётся.

У р а н ч а. Смелое и доброе у Хосточаха сердце. Всё лето мы на жадного бая работали, себе сена мало заготовили. Сгинет наша единственная коровёнка-кормилица. Будет на сыночка одна надежда. Зачем пошёл в степь?

Т о р г о я х. Жадный Харам-бай пригрозил — не найдём его табун, он у всех жителей аала отнимет коней, коров и овец. Вот Хосточах и вызвался помочь бедным людям.

Открывается дверь и в юрту входит красивая девушка. Это Аяна — дочь бая Харамы. На девушке богатая одежда.

А я н а. Здравствуйте, Торгаях. Здравствуйте, Уранча. Извините, что зашла в поздний час. Хосточах ещё не вернулся?

Т о р г а я х (*сердито*). Отец тебя послал? Хочет узнать — нашли его коней или нет? Ох, и жаден твой отец бай Харам! Готов всех погубить ради выгоды. Коней ему жаль, а людей — нет!

У р а н ч а. Торгаях, зачем несправедливо упрекаешь девушку. Разве она виновата, что родилась в юрте бая? Аяна к нам с добром пришла — о нашем сыночке волнуется.

Т о р г а я х. Прости, Аяна. Злое слово у меня вырвалось. Переживаю я за сына. Не сердись.

А я н а. Я не сержусь, иче. Я боюсь за Хосточаха. Знаю — он смелый, сильный, всякое зло пересилит, но сердце бьётся. Как испуганный птенец в гнезде.

В это время в юрту заходит старик. В руках он бережно несёт музыкальный инструмент — чатхан. Старик одет в хакасскую национальную одежду.

С т а р и к. Здравствуйте, добрые люди. Можно войти? У домашнего очага погреться.

У р а н ч а (*вскочив навстречу старику*). Проходите, дедушка, садитесь ближе к огню. Торгаях, скорее подай гостю горячего чаю.

Старик не спеша снимает свой малахай — мохнатую шапку, садится у костра. Торгаях преподносит ему чашку с горячим чаем. Старик, поблагодарив её кивком головы, медленно попивает чай.

У р а н ч а. Дедушка, далеко ли путь держите? Что за нужда вас заставила в такую лютую зиму выйти из дома?

С т а р и к. Я пришёл из далёких мест, куда простому человеку не добраться. Зовут меня Чатханом. Хожу я по земле и утешаю людей, попавших в беду.

Т о р г а я х. Ой, дедушка, у нас беда! Вот мой муж Уранча пасет табуны лошадей у Харам-бая. В прошедшую ночь эти проклятые кони взломали изгородь и умчались в степь. Вчера мой муж целый день искал и не нашёл. Сегодня, наш сыночек ушёл за ними, и до сих пор его нет.

У р а н ч а. Торгаях, ты зачем беспокоишь гостя нашими заботами? Дедушка не сможет найти пропавших коней!

С т а р и к. Не говори так, добрый человек. Свои беды не надо держать в сердце. Я смогу помочь в вашей беде.

Старик взял в руки чатхан и положил его на колени.

У р а н ч а (*обрадовано*). Дедушка, как вы сможете нам помочь?

С т а р и к. Я сыграю на музыкальным инструменте. Я сам его сделал и вложил в него свою душу. Я хожу из аала в аал и играю людям. Музыкой утешаю их сердца. Помогаю им в беде. Люди называли инструмент моим именем — чатханом.

У р а н ч а. Мне никогда не доводилось слышать голос чатхана. Вы сыграете на нём?

Старик начинает пальцами трогать струны чатхана, затем перебирает струны всё быстрее и быстрее. Звучит чудесная музыка. Старик запел горловым пением. В тот же миг утихла вьюга. Послышались нежные пения жаворонка, скворца и затем, как бы издалека начавшись, стали приближаться ржание коней, мычания коров и блеяние овец. Уранча и Торгаях с великим удивлением слушают музыку чатхана и горловое пение² старика.

Старик прекратил играть и петь. Уранча с женой долгое время сидят неподвижно, завороженные волшебными звуками чатхана и пением старика.

У р а н ч а. Дедушка! Как ты чудесно играешь и поёшь! Много лет прожил, такого никогда не слышал! Сколько живу и не думал, что такое может быть! Мне показалось, что лютая зима сменилась тёплой весной, запели жаворонки. Я слышал весёлое ржание коней, почуявших сочную траву. Мычание коров, вернувшихся с лугов.

Т о р г а я х. А у меня на душе так стало легко, будто крылья выросли за спиной. Все мои беды, все мои страхи исчезли!

У р а н ч а. Дедушка! Где вы так научились играть и петь?

С т а р и к. Это я пел хаем. За мою игру и пение люди называют меня Хайджи Чатхан.

В юрту вбегает Хосточах. Юноша одет в охотничий костюм. Хосточах радостно обнимает мать, отца, девушку Аяну.

² Горловое пение — техника пения со специфической артикуляцией в глотке или гортани.

У р а н ч а. Сынок вернулся!

Т о р г а я х. Хосточах, сыночек!

А я н а (*смущаясь своих чувств*). Милый Хосточах, я так беспокоилась за тебя.

Х о с т о ч а х. Аяна! (*Крепко обнимает девушку, но, увидев старика, смущается открытости своих чувств*). О-о, у нас гости! Здравствуйте, дедушка!

С т а р и к. Будь здоров, сынок!

Х о с т о ч а х. Я видел! Я видел такое чудо! Я заблудился в пургу... начал замерзать. Коней нигде не видно в такую пургу! Уже ни рук, ни ног не чувствую от жуткого холода... Думаю, всё конец мне... и вдруг! Не поверите, я услышал чудесную мелодию! И всё вокруг затихло и... зима исчезла!

Т о р г а й а х. Как исчезла?!

Х о с т о ч а х. Да-да! Выйдите и посмотрите! Удивительно, и пропавшие кони к нашей юрте прибежали!

Хосточах распахивает дверь юрты. В юрту врываются солнечные лучи. Слышится радостное пение птиц. Удивлённые крики людей: «Чудо! Чудо! Посреди зимы лето вернулось! Смотрите! Табуны Харам-бая нашлись, сами в загон вернулись!»

У р а н ч а. Я начинаю догадываться... дедушка! Эти чудеса появились из-за игры твоего волшебного чатхана!

С т а р и к. Это ты правильно заметил. Когда я начинаю играть на чатхане, то все беды людей исчезают, как зимняя стужа, и на душе становится тепло и весело, как в весёлые летние дни. Даже у злых людей сердца смягчаются.

У р а н ч а. Будь у нас такой чатхан, народ в аале зажил бы счастливо. Да что в аале, во всех землях зажил бы счастливо!

С т а р и к. Я вижу — ты человек со светлой душой. Не только о себе, о всех людях думаешь. Возьми, я дарю тебе этот чатхан.

У р а н ч а. Мне дарите? Нет, нет! Как можно дарить такой чудесный чатхан.

С т а р и к. Я очень стар, силы мои иссякают. Я давно приглядываюсь к людям, кому из них оставить свой волшебный чатхан. Ты заботишься не о себе, а обо всём народе.

У р а н ч а. Дедушка, спасибо за подарок, но я разве смогу играть на вашем чатхане?

С т а р и к. Этот чатхан сам играет в руках доброго человека. Музыка научит тебя петь. Играй и пой, добрый человек, на счастье и радость людям. А мне пора возвращаться туда, откуда я пришел. (Старик отдает чатхан Уранче.)

У р а н ч а. Спасибо тебе, дедушка! Я буду выполнять твои наказы.

Все провожают старика Чатхана.

Действие второе

Зимний пейзаж. Сугробы вокруг юрты Уранчи. Мимо юрты проходят, пробегают люди. У всех озабоченный и грустный вид. Из юрты выходит радостный Уранча с чатханом в руках.

У р а н ч а. Люди, идите скорее ко мне! Я вам сыграю на чатхане. Помогу избавиться от ваших бед и забот.

М у ж ч и н а (*проходя мимо*). Некогда мне слушать твои песни. Я взял в долг у Харам-бая одну овцу, а отдавать мне нужно десять.

1-я ж е н щ и н а (*пробегая мимо*). Я спешу на дойку коров Харам-бая, а он здесь хочет нас развлекать нас какими-то песнями!

2-я ж е н щ и н а (*подойдя к Уранче*). Не обижайся на них, Уранча! Все люди аала работают на Харам-бая, им не то, что отдохнуть, присесть некогда. А я нищенка, мне некуда спешить.

Уранча начинает играть и петь горловым пением. Серое зимнее небо становится голубым, из-под снега вырастают цветы. Радостно поют птицы. Люди застывают в изумлении. Внимательно слушают. Постепенно на хмурых лицах появляются улыбки, сгорбленные тяжёлой работой спины выпрямляются. Когда Уранча закончил играть и петь, вокруг него собрались почти все жители аала. Зима сменилась летом.

М у ж ч и н а (*занявший у бая овцу*). На чем ты играл, Уранча? Я такую музыку никогда не слышал. (*Потом в удивлении оглядывается вокруг.*) Посмотрите, какое ясное солнце! Кру-гом растут цветы! Зима сменилась летом! Какими красивыми стали все люди!

1-я ж е н щ и н а (*обращаясь к мужчине и показывая рукой в конец улицы*). У твоей юрты пасётся отара овец. Теперь ты сможешь отдать долг баю!

2-я ж е н щ и н а. И-эй! Мне хочется петь и сплясать, будто с моих плеч упал тяжёлый груз забот. Эй, люди! Чего вы застыли как брёвна? Давайте петь и плясать! Играй, Уранча!

Уранча заиграл на чатхане. Люди начинают петь и плясать.

Возле озера — на лугу
Выросла трава.
Возьмём косы в руки
И пошла косьба!

Косим, косим дружно,
Косим, косим дружно!
Мы душистую траву
Граблями сгребаем,

Граблями сгребаем,
В копны собираем.
Собираем дружно!
Собираем дружно!

На телеги копны грузим,
Возим, возим, возим.
Зимой будет сытым скот,
И народ весёлым!

Чтобы весело нам жить,
Нужно крепко нам дружить!

Из-за юрты Уранчи выходит Харам-бай с двумя стражниками. Он с удивлением смотрит на веселящийся народ.

Х а р а м — б а й. С чего это голытьба так распрыгалась? Ещё песни орут! Весело им! Надо больше их работой загружать. *(Кричит людям.)* Эй, вы! Чего вы расшумелись? Наверное, украли моего бычка и теперь веселитесь! О-о, здесь оказывается лето! А я сразу и не заметил. Что за колдовство! И скотина у них жирная. *(Угрожающе надвигается на людей.)* Вы мне за всё ответите!

М у ж ч и н а *(лебезя перед баем)*. Это не мы... Это всё Уранча. Это он играл на своем волшебном чатхане. Это он чудеса натворил.

Х а р а м — б а й. Чатхан? Слышал я про этот волшебный инструмент. Ну-ка сыграй! Хочу послушать.

Уранча заиграл на чатхане. Харам бай, не выдержав, пустился в пляс, распевая громко:

Крепкую плётку возьму,
Глупый народ хлестать!
Ведь у меня есть власть
Нищий народ избивать!

Тяжёлую палку возьму
Покорный народ бить!
Ведь у меня есть власть
Жалкий народ избивать!

Х а р а м — б а й. Ой, внутри меня жалость к людям появилась. Никогда такого не было... Чатхан действительно чудесный. Дайте мне его сюда. Он мне в хозяйстве пригодится. Будет всегда лето. Скотина будет пастись круглый год. Сено заготавливать не надо... Ну, кому говорят, давай сюда чатхан *(протягивает руки)*.

У р а н ч а. Нет, нельзя. Старик Чатхан мне волшебный инструмент подарил. Сказал, чтобы я помогал людям.

Х а р а м — б а й. Что?! Какие люди?! Здесь только один человек, это я. А все остальные — быдло, скотина для работы! А добром не отдашь — я тебя плетью до смерти забью! *(Сердито кричит стражникам)*. Эй, вы, чего мух ртом ловите! Отнимите волшебный чатхан у этого голодранца!

Стражники кинулись выполнять приказ, но люди преградили им путь. Стражники нерешительно остановились, отступили назад.

Х а р а м — б а й. Как вы посмели, голодранцы?! Мне, вашему кормильцу, благодете-

лю угрожать! Да я вас всех запорю, собаками затравлю! *(Он хочет сам отобрать чатхан, но люди опять преграждают дорогу.)* Та-ак? Бунт! Я сейчас пойду к Чёрным скалам и вызову чилбегенов. Они вас в цепи закуют, в тюрьму посадят! Вот увидите, как против бая выступать!

Харам бай уходит. Стражники убегают за ним. Люди стоят молча. Они растеряны, испуганы.

М у ж ч и н а. Он и вправду позовёт чилбегенов. Мы про них слышали. Если они придут сюда, то никого не пожалеют. Спасаться надо *(убегает)*.

1-я ж е н щ и н а. Ой, халах! У меня дети маленькие, надо скорее их спрятать!

2-я ж е н щ и н а. Ау меня никого нет! В тюрьме хоть кормить будут, и в сугробе не замёрзну.

У р а н ч а. Стойте! Послушайте! Раньше мы жили рабами. День и ночь работали на бая, не смели глаз поднять! Но теперь у нас появился волшебный чатхан, он поможет нам! Друзья! Дадим отпор жадному баю! Дадим отпор чилбегенам!

1-я ж е н щ и н а. Правильно говорит Уранча. Почему мы должны всех бояться? Почему наши дети должны жить рабами!? У меня муж сгинул в рабстве у Харам-бая. Дайте мне вилы или косу! Попорчу я шкуры чилбегенам.

2-я ж е н щ и н а. Не хочу больше жить в нищете! Сколько лет трудилась. А ломаного гроша на старость не заработала! Наберу полный подол камней, буду в глаза чилбегенам кидать!

У р а н ч а. За нашу свободную жизнь, за счастье наших детей не пожалеем жизни! Давайте готовиться к битве!

Люди, готовясь к битве, точат косы и ножи. Для поднятия боевого духа поют песню:

Из-за чёрных гор придут
Страшные злодеи,
Злющие, хитрющие,
Жаднее чес сам бай.
Но себя мы защитим —
Вилы, косы точим!

Не страшны нам чилбегены,
С них мы шкуры снимем.
Со злющих, с хитрющих
Шкуры быстро снимем!
Ножи остро точим,
Позор врагам пророчим!
Действие третье

Высятся чёрные скалы. У подножия крутой скалы виднеется страшный зев пещеры. Перед входом в пещеру сидят два громадных чилбегена. Они жарят на костре мясо. Вокруг разбросаны кости. Высокого, с большим горбатым носом, быстрого в движениях, зовут Хара Моос. Невысокого, толстого, сонно-ленивого, зовут Хара Кюдес.

Х а р а К ю д е с. Ох! Нажрался я. Боюсь, живот лопнет!

Х а р а М о о с. А я всегда голоден. Готов всех съесть!

Х а р а К ю д е с (*смеётся, шлёпая толстыми губами*). Тебе только бы пожрать! Всё грызешь да грызешь...

Х а р а М о о с. Да всё скотина попадает худая! Одни мослы. Люди совсем обленились. Не хотят кормить скотину, ухаживать за ней.

Х а р а К ю д е с. Совсем никчемные пошли людишки. Во всей округе мы скотину съели, теперь что есть будем?

В это время появляется Харам-бай. Видно, что он боится великанов. Угодливо сгибает спину в низком поклоне.

Х а р а м — б а й. Я! Я знаю, где вам добычу искать, уважаемые чилбегены!

Чилбегены вострепнулись и схватились за свои дубины.

Х а р а К ю д е с. Ты кто такой?

Х а р а М о о с. Откуда ты явился?

Х а р а м — б а й (*заискивающе*). Хе-хе, про вас, великих чилбегенов, многие знают — и люди, и звери. С почтением и страхом о вас отзываются. А меня зовут Харам-бай. Пришёл донести вам, где пасётся жирная скотина. Да я вам сам подарю целый табун. Кони у меня жирные. (*Про себя.*) Потом с людишек два табуна потребую.

Х а р а М о о с. Целый табун подаришь? И кони все жирные, вкусные? Люблю конину.

Х а р а м — б а й. И жирные! И вкусные!

Х а р а К ю д е с (*с подозрением*). А ты с чего такой добренький? И нас не боишься, если пришёл.

Х а р а м — б а й. У меня к вам маленькая просьба. У меня был чатхан — такой длинный ящик со струнами. А жалкие людишки, голодранцы, отобрали у меня чатхан. И вам грозились! Кричали, что вы воры, злодеи, что надо с вас шкуры снять! Вы пойдите к людям, отнимите у них мой чатхан. За это я вам подарю целый табун жирных, вкусных коней. И у бедняков скотину отберите. У них коровы и овцы жирные!

Х а р а К ю д е с. Хм, жирные говоришь? Я вижу — ты хитришь, но раз там пасутся жирные стада, то мы выполним твою просьбу.

Х а р а М о о с. У-у, я за такой добычей хоть на край света пойду. К тому же охота дубиной помахать. Давненько я не дрался! (*Поёт.*)

По степи скакун летит,

Грива шёлком вьётся.

Хара Моос в седле сидит,

Народ он быстро победит!

Х а р а К ю д е с (*подхватывает песню*).

Быстрый конь

По полю мчится!

Хара Моос в седле сидит
Он всех алыпов победит!
Поют вместе:

У нас дубины крепкие!
Всех мы одолеем!
Хара Моос, Хара Кюдес!
Славные злодеи!

Х а р а К ю д е с. Эй, ты, Харам-бай, не стой столбом, спой нам и спляши!
Х а р а М о о с. Да, да! Давненько меня никто не веселил. Давай пой!
Х а р а м — б а й. Я всегда рад услужить славным чилбегенам. Спою вам свою любимую песню.

Мой сундук железом кован,
Мои деньги в нём звенят!
Только золоту служу,
Только им я дорожу!
Табуны моих коней
Топчут ковыли степей.
Мои отары и стада
Меня радуют всегда!
Я богатый, я могучий,
Выше неба, выше тучи!
Я хозяин там и тут,
Харам-бай меня зовут!

Х а р а М о о с. Богатый и могучий? Тогда с тебя два табуна коней — самых жирных и вкусных.

Х а р а К ю д е с. Сундук железом кован, и в нём денежки звенят? И нам золота полную шапку отсыпь. Мы денежки любим.

Х а р а м — б а й (*прикусил язык, увидев, что теперь придётся платить два табуна и шапку золота*). Уважаемые чилбегены, это просто весёлая песенка. Я старался вас развеселить.

Х а р а К ю д е с. Ну, хватит языком трепать. Веди нас к жирным табунам!

Х а р а М о о с. Пошли быстрее. Мне уже жрать охота!

Х а р а м — б а й. Да, да, пошлите! Я вам дорогу покажу!

Они шумно уходят.

Действие четвертое

Возле юрты Уранча стоят вооружённые косами, вилами, цепами, просто палками жители аала. Некоторые мужчины прощаются с семьями. Уранча разговаривает с Торгаях.

У р а н ч а. Торгаях, ты почему здесь? Скоро битва будет. Чилбегены придут и никого не пожалеют. Где Хосточах?

Т о р г а я х. Сынок молодых парней собирает. Хотят с горы на чилбегенов большие камни скатить. А я к тебе на подмогу пришла.

У р а н ч а. Пусть женщины детей в лесу спрячут. За меня не беспокойся. Всё будет хорошо.

Прибегает испуганный мужчина.

М у ж ч и н а. Чилбегены идут! Их Харам-бай ведёт!

У р а н ч а. Торгаях, уводи с женщинами детей! Прячьтесь в лесу!

Т о р г а я х *(со слезами)*. Уранча! Береги себя! *(Она убегает.)*

В это время чилбегены и Харам-бай входят в аал. В руках у чилбегенов огромные дубины. Люди становятся плечом к плечу и угрожающе поднимают оружие.

Х а р а м — б а й *(кричит)*. Вот они! Бейте их!

Х а р а М о о с *(с опаской глядя на людей, готовых к битве не на жизнь, а на смерть)*. Мы бьём только тех, кто стоит перед нами на коленях.

Х а р а К ю д е с *(трусливо пятась назад)*. Людей дружных и сильных мы боимся.

Х а р а м — б а й. А кто пел, что всех алыпов победит?! Испугались жалкую кучку людей! Но я умный бай, и послал стражников следить за детьми и женщинами. Сейчас они их поймают и сюда приведут.

Слышится плач. Стражники ведут женщин и детей, связанных за шеи длинной верёвкой.

Х а р а м — б а й. Ага, попались! *(Обращается к мужчинам)*. Бросайте оружие! А то чилбегены ваших детей сожрут!

Х а р а М о о с *(видя, что сила на их стороне)*. И сожрём! И женщин, и детей!

Х а р а К ю д е с. У детей и женщин вкусное мясо!

М у ж ч и н а *(бросая палку)*. Люди, бросайте оружие, просите у Харам-бая прощения. Он милостив, он простит нас!

Трусливый мужчина бежит в юрту Уранчи и выносит волшебный чатхан. Отдаёт его Харам-баю.

Х а р а м — б а й *(трусливому мужчине)*. Прощаю тебя и за твои преданность мне, дарю десять, нет одну овцу. Но через десять дней отдашь мне десять.

У р а н ч а. Не трогай чатхан своими грязными руками! Лучше убей меня!

Х а р а м — б а й. Теперь волшебный чатхан мой! А тебя, бунтовщика, я в тюрьме сгною!

Х а р а К ю д е с *(жадными глазами глядя на чатхан)*. Подай сюда этот ящик. Посмотрю поближе на диковинку. Чем она так хороша, если за неё жизни не жалко этому человеку *(показывает на Уранчу)*.

Харам бай неохотно отдаёт чатхан. Хара Кюдес, взяв чатхан, внимательно осмотрел его, потом подаёт Уранче.

Х а р а К ю д е с. Играй! Хочу посмотреть на волшебную силу этого ящика. Если жадному Хара-баю за него не жалко два табуна коней, значит, он поистине чудесен.

Уранча берёт чатхан и начинает играть. От мелодии чатхана рассеялись тёмные тучи. Появилось ясное синее небо. Птица запели. Хара Моос, не выдержав, начинает рыдать.

Х а р а М о о с. Хватит! Перестань! У меня от музыки сердце добрым становится.

Уранча продолжает едва слышно играть на чатхане.

Х а р а К ю д е с. То-то, я чувствую мне людей жалко! Истинно, этот чатхан чудесный. Но в нём наша смерть.

Х а р а М о о с (*удивлённо*). Ты почему так говоришь? Чем страшен этот деревянный ящичек?

Х а р а К ю д е с. Ты же сам сейчас ревел от жалости к людям. Подумай своей каменной башкой, если мы будем слушать музыку волшебного чатхана, то на кого будем похожи?

Х а р а М о о с. На кого?

Х а р а м — б а й. Да, да, мы на кого будем похожи?

Х а р а К ю д е с. А вот, на кота, который ко всем ластится. Если у нас сердца станут мягкими, а сами мы станем добрыми, мы же никому не сможем сделать зло! Нас никто не будет бояться и уважать. Над нами будут смеяться. Тебе это надо?

Х а р а М о о с. Нет. Мне этого не надо. Если люди нас перестанут бояться, то кто нас кормить будет?

Х а р а К ю д е с. Вот, даже ты, каменная башка, начал соображать. Поэтому мы возьмём волшебный чатхан и спрячем его далеко-далеко в горах.

Х а р а м — б а й. Как спрячете? А я? Это же мой чатхан. Мы же договорились, вам — коней, а мне — чатхан?

Х а р а К ю д е с. Не ври, бай, это не твой чатхан. А вон того человека. Он за него жизнь хотел отдать. Да ты, бай, ещё и глупый. Мы же тебе хорошо делаем. Если ты будешь играть на волшебном чатхане, то станешь добрым.

Х а р а м — б а й. Нет, я не такой! Меня ничем не проймешь, мне нужен волшебный чатхан. Я этим чатханом уберу зимние холода, круглый год будет лето! Мой скот будет день и ночь пастись на зелёных полях. У меня будет много-много коней, овец, коров! Много золота — много власти! Отдайте чатхан!

Х а р а К ю д е с (Хара Моосу). Вот видишь, какой Харам-бай жадный, а попадёт в его руки волшебный чатхан, он станет богаче чем мы! Наймёт большое войско, придёт к нам горы и отнимет у нас золото.

Х а р а М о о с. Да вижу. Ишь чего захотел! Отдай ему чатхан.

Х а р а м — б а й. Тогда я вам не отдам два табуна своих коней!

Х а р а М о о с. Ха! Да мы и спрашивать у тебя не будем. Мы все твои табуны и стада угоним

Х а р а К ю д е с. Верно говоришь! Какой хитрый бай! Мы за тебя заступились, теперь расплачиваться надо.

Х а р а м б а й. Возьмите лучше скот и коней у бедняков, и детей прихватите. Вы же сами говорили — мясо у них вкусное!

Х а р а К ю д е с (глядя на людей, которые вновь взяли за оружие). Нет, бай. С тобой уговор был, ты и платить будешь. А дети и женщины нам не нужны. Пошли, Хара Моос. До захода солнца надо успеть до Чёрных гор добраться.

Х а р а М о о с. Да, поспешим. У меня уже в животе заурчало. Кушать просит (показывает на Уранчу). А с этим героем что делать?

Х а р а К ю д е с. Захвати его с собой. Может, пригодится.

Люди недовольно зашумели. Трусливый мужчина, глядя на чилбегенов и бая, гневно кричит.

М у ж ч и н а. Это Уранча во всём виноват! Без волшебного чатхана мы жили тихо и мирно. Вы хотите, чтобы великаны забрали наших детей? А бай отнял весь наш скот?

Люди виновато отвели взгляды от Уранчи и стали расходиться по своим домам. Хара Моос связал Уранчу и повёл за собой. Хара Кюдес понёс чатхан. Чилбегены уходят. Харам-бай скулит как обиженная собака и бежит вслед за великанами.

Х а р а м — б а й. Отдайте чатхан, отдайте коней. Вы же обещали помочь, а вместо этого ограбили меня!

На сцене появляется Таргаях. Она со страхом оглядывается по сторонам. Машет рукой. К ней подбегают две испуганные девочки и дочь Харам-бая Аяна. Из юрты Уранчи выходит женщина-нищенка.

Т о р г а й а х (*обращаясь к женщине*). Где чилбегены? Стражники бая напали на женщин и детей. Меня оглушили, хотели сбросить в пропасть, спасибо Аяне — не дала меня тронуть. Угнали всех женщин и детей, только вот двум девочкам удалось убежать.

Ж е н щ и н а. Чилбегены ушли. Забрали волшебный чатхан и Уранчу увели с собой. Люди прячутся по домам. Все живы. И мужчины, и женщины, и дети. Только вот Харам-бай теперь лютовать будет — чилбегены у него всех коней увели.

Т о р г а й а х. А где мой сын Хосточах!?

На сцену вбегает Хосточах. Голова у него забинтована, одежда порвана.

Х о с т о ч а х. Мама, Аяна! Что здесь случилось? Где отец?

А я н а. Хосточах, милый, ты ранен?!

Х о с т о ч а х. До свадьбы заживёт. Я забрался на вершину горы, хотел сбросить на великанов большие камни. Вдруг кто-то подкрался ко мне со спины, ударил дубинкой по голове и толкнул с горы. Очнулся, побежал домой.

Т о р г а я х. Пришли из-за Чёрных скал страшные чилбегены, люди приготовились дать им отпор, то Харам-бай предал нас — его стражники схватили женщин и детей.

Х о с т о ч а х. Харам-бай предал свою родину, чтобы выслужиться перед великанами?! Неужели он не понимает — сначала чилбегены погубят народ, а потом сделают его нищим и съедят? Или он думает спрятаться в чужих землях?

Т о р г а я х. Харам-бая обуяла жадность. Он захотел отобрать у народа волшебный чатхан. Но люди не отдали ему чатхан. Тогда бай привел чилбегенов. Они забрали чатхан и увели твоего отца в Чёрные горы.

Х о с т о ч а х. Я пойду за ними. Я освобожу отца и верну людям волшебный чатхан!

В это время появляется Харам-бай со своими стражниками.

Х а р а м — б а й. А вот ты где? Аяна, быстро иди домой! Как ты смеешь общаться с этими голодранцами! В кого ты такая уродилась? Вся в свою мать! А ну иди отсюда! Живо!

А я н а. Из-за тебя моя мама рано ушла из жизни...

Х а р а м — б а й. Молчать! Не смей на отца голос повышать! Иди домой, а то прикажу

Хосточаха в тюрьму бросить. *(Аяна уходит.)* Теперь вы, бунтари за всё ответите! Выбирай, Хосточах, или ты пойдёшь в Чёрные горы и принесёшь мне волшебный чатхан, или я прикажу бросить в тюрьму всех жителей аала, а детей продам в рабство. *(Как бы сменяя гнев на милость.)* Там и отца своего освободишь. А за чатхан я подарю тебе отару овец, самого быстрого коня, и выдам за тебя свою дочь Аяну. *(Обращаясь в сторону зрителей.)* Пусть верит, дурачок. А как вернётся, прикажу утопить его, а дочь Аяну выдам замуж за Урун-бая. Он богатый калым даст. Хосточах преграждает им путь.

Х о с т о ч а х. Я пойду к чилбегенам и верну волшебный чатхан. *(В сторону зрителей.)* Только не тебе — жадный бай, а народу. Знаю, хочет бай меня обмануть, только по моему выйдет.

Т о р г а я х. Ой, сынок, не верь сладким речам бая. Обманет он тебя.

Х а р а м — б а й. Молчи старуха! Как дам плёткой!

Х о с т о ч а х. Только попрбуй тронуть мою мать!

Х а р а м — б а й. Не трону я твою мать. И жителей аала не трону. Даже долги всем прощу!

Х о с т о ч а х. Не бойся за меня, мама. Я вернусь! *(Он убегает.)*

Т о р г а я х. Стой, сынок! Хосточах, родной, не уходи! Пойду я за ним. Материнская любовь лучшая защита для детей. *(Уходит.)*

Харам-бай, довольный своей хитростью, уходит. За ним уходят стражники. На селение опускается ночь.

Действие пятое

Чёрные скалы. Логово чилбегенов. Великаны сидят рядом с большим сундуком и считают золотые монеты.

Х а р а М о о с. Хорошо мы сегодня поработали! Много золотых монет награбили. Сто сундуков с золотом у нас в пещере спрятаны. Только вот скучно мне. Кто бы развеселил меня. Э-э, у нас же есть волшебный чатхан!

Х а р а К ю д е с. Опять? Я сколько раз тебе говорить, каменная башка, нельзя трогать чатхан! От его звуков с твоей глупой башкой совсем худо будет! И мне... так же худо будет. Станем добренькими и пропадём! Мы не сможем грабить людей, заставлять их платить нам дань. Не сможем обманывать, хитрить! Как представлю такое — кишки холодом обдаёт.

Х а р а М о о с. Не сердись. Не подумавши, брякнул. Скучно мне! Выть от скуки хочется! Давай сами споём? От наших песен точно добренькими не станем!

Х а р а К ю д е с. Это точно! У нас такие песни, как запоёшь, так хочется кого-нибудь побить, кости ему переломать. Начинай!

Х а р а М о о с.

Черным-черно моё лицо,
Чернее, чем котёл.
Дубиной буду я махать,
Кости буду всем ломать!

А не хочешь битым быть,
Надо денежки платить!

Х а р а К ю д е с.

Лоб мой крепче, чем скала,
Ноги из железа!
Пышет пламя из ноздрей,
Всех побью богатырей!
А не хочешь битым быть,
Надо денежки платить!

Поют вместе.

Мы чилбегены–великаны,
Мы всех сильней, мы всех хитрей!
Зовут меня — Хара Кюдес!
Зовут меня — Хара Моос!
(надвигаются на зрителей)
Падай ниц, проси пощады!
Всех сожрать всегда мы рады!

Из-за дерева осторожно выглядывает Хосточах.

Х о с т о ч а х (обращаясь к зрителям). Как мне победить чилбегенов? (Задумывается, обрадовано улыбается) Если хочешь победить своих врагов, надо их рассорить. Посмотрим, какие они дружные — эти великаны.

Дождается, когда великаны уснут, берёт из сундука две горсти золота. Одну горсть золотых монет кладёт в сумку Хара Мооса, другую — в сумку Харадес. Осторожно прячется за дерево и бросает одну монету в лицо Хара Мооса, другую — в лицо Хара Кюдеса.

Х а р а М о о с. Проклятье! Опять белки шишками кидаются? (Видит золотую монету.) А-а-а! Кто-то украл из сундука золото! (Смотрит на сумку Хара Кюдеса и видит там блеск монет.) Хотел меня обокрасть!

Хара Моос, тычет кулаком в живот Хара Кюдес. Тот просыпается и не может понять в чём дело.

Х а р а К ю д е с. Что случилось? Кто меня ударил? (Хватает дубинку.)

Х а р а М о о с. Ты, жирная морда, ты зачем золото из сундука украл?! Думал, я не замечу?

Вот кто ворует из сундуков золото! Вон, какой жирный отъелся на ворованные деньги! А сам мне врал, что это бурундуки деньги таскают.

Х а р а К ю д е с. Тыфу, на тебя! *(Но тут видит, что в сундуке не хватает двух горстей золотых монет, замечает монеты в сумке Хара Мооса.)* Да ты в свою сумку загляни! Сам деньги ворует! А я, дурак, думал, где ты золотые перстни взял?!

Х а р а М о о с. Ты на меня не плюйся! Отдавай золото!

Х а р а К ю д е с. Сам отдай золото! Вор! Да в твоей каменной башке нет мозгов, я всегда за тебя думаю! Сила есть — ума не надо!

Х а р а М о о с. Да ты умный только деньги воровать! *(Бьёт Хара Кюдес дубиной.)*

Х а р а К ю д е с: *(вскакивает и бьёт дубиной Хара Мооса.)* Ты меня достал! Вот тебе, вот тебе!

Чилбегены начинают яростно бить друг друга. В это время на сцену выходит Харам-бай.

Х а р а м — б а й. Стойте! Стойте! *(Чилбегены прекращают драку.)* Я знаю, кто украл ваши деньги!

Чилбегены *(вместе)*. Кто? Кто взял?!

Х а р а м — б а й. Это сделал молодой охотник Хосточах! Вы забрали чатхан и увели с собой его отца Уранчу. Дерзкий Хосточах при мне обещал отомстить вам. Так и сказал: «Я чилбегенов уничтожу и всё их золото себе заберу!» Я бежал к вам, запыхался. Хотел вас предупредить!

Х а р а К ю д е с. Где он прячется?

Х а р а М о о с. Выходи, Хорочах! Будем драться!

Х а р а м — б а й. Он домой убежал. Бегите скорее. Догоняйте его! *(Говорит в сторону зрителей.)* Пока они бегают, а найду волшебный чатхан и заберу сундук с золотом. А потом скажу, что Хосточах всё украл.

Харам бай убегает за скалу, там слышится ржание коней. Бай появляется с мешками в руках. Скрывается в пещере. Хосточах выходит из-за укрытия.

Х о с т о ч а х. Чилбегены разрушат все юрты в аале. Схватят женщин и детей. Надо что-то придумать.

Из пещеры выходит Уранча с чатханом в руках. Уранча щурится от дневного света глаза. Вокруг его шеи и туловища обмотаны верёвки, разрезанные в нескольких местах.

Х о с т о ч а х. Отец! Ты жив!

У р а н ч а *(обнимается с сыном)*. Хосточах! Сынок! Ты пришёл. Где чилбегены? Мне посчастливилось найти на полу пещеры золотую монету. Я заточил её о камень и перерезал верёвку.

Х о с т о ч а х. Чилбегены опять пошли в наш аал. Харам-бай обманул их. Он сказал, что это я украл их золото и спрятал в юрте.

У р а н ч а. Харам-бай? Какой злодей! Отольются ему наши слёзы. Побежали скорее в аал. Я знаю короткий путь. Мы опередим великанов.

Х о с т о ч а х. Стой, отец. Я придумал хитрость. Пока мы не избавимся от великанов, нам не видать мирной жизни. Они всегда будут нас грабить, обращать в рабство наших детей.

Снимай скорее с себя верёвки. Видишь, над входом нависает огромный камень? Его подпирают два деревянных столба. Если столбы убрать, камень рухнет и завалит вход в пещеру.

У р а н ч а. Сынок, у нас не хватит сил.

Х о с т о ч а х. За скалой пасутся кони Харам-бая. Он пригнал их, чтобы увезти золото чилбегенов.

У р а н ч а. Но как мы заставим великанов вернуться?

Х о с т о ч а х. Играй на волшебном чатхане. Великану услышат и вернутся. Как только они войдут в пещеру, я хлестну коней, они дернут верёвки и камень завалит вход.

Хосточах связывает верёвки, привязывает их к столбам. Маскирует верёвки травой. Другой конец привязывает к коням. Уранча громко играет на чатхане. Слышатся громкие шаги великанов. Уранча и Хосточах прячутся за деревом.

Х а р а К ю д е с. Кто-то здесь играл на волшебном чатхане?

Х а р а М о о с. Это Хосточах! Он вернулся за нашим золотом! Мы схватим его в пещере!

Чилбегены вбегают в пещеру. Слышится громкое ржание коней. Веревка натягивается, вырывает столбы. Камень падает и заваливает вход в пещеру.

Действие шестое

Юрта Уранчи. Вокруг неё толпится народ. У всех печальные лица.

М у ж ч и н а. Говорил я вам — не надо связываться с богатыми. У них власть и сила. Надо выгнать из села Хосточаха! Сколько горя мы из-за него натерпелись. На сцену выходят Хосточах и Уранча. Они несут тяжёлые мешки. Бросают. Слышно, как зазвенели монеты.

Т о р г а я х. Сынок вернулся! Люди, Уранча вернулся! Живые, здоровые! А где бай, где чилбегены?

У р а н ч а. Нет больше жадного бая! Нет страшных чилбегенов. Вход в пещеру завалило огромным тяжёлым камнем. Великанам и баю не выбраться из пещеры. Они, по справедливости, наказаны за жадность и зло!

М у ж ч и н а. Слава великим батырам Хосточаху и Уранче! А когда деньги делить будем? Вы же честные, справедливые, всё золото себе не заберёте?

У р а н ч а. Это золото народное. Оно принадлежит всем нам. С его помощью мы построим новую, счастливую для всего народа жизнь.

М у ж ч и н а. Давайте праздновать победу! Давайте петь и плясать!

1-я ж е н щ и н а. Да-да, давайте гулять. Я хочу плясать.

2-я ж е н щ и н а. Чатхан здесь, играй Уранча!

Уранча играет на чатхане. Люди пляшут и поют.

Под чистым небом голубым
Играют наши дети.
Народ труда непобедим
На вольном, белом свете.
Под ясным солнцем на земле
Играют наши дети.
Если дружно будем жить,
Не будет зла на свете!

Уранча подзывает сына и подает ему чатхан.

У р а н ч а. Хосточах, сынок, возьми волшебный чатхан в свои крепкие руки. Играй на нём, будь народным хайджи. Своей игрой и песней помогай людям в их радостях и бедах.

Хосточах, взяв чатхан, начинает играть на нём. К юноше подходит Аяна и кладёт ему руку на плечо. В глазах Хосточаха вспыхивает радость. Он видит, что девушка любит его

Х о с т о ч а х *(поёт)*.

С чёрной горы лисицу
Конь мой гнедой догонит.
Лечу я на крыльях счастья,
Солнце снежную зиму гонит.
С жёлтой горы лисицу
Конь мой соловый догонит.
В руки мои невеста
Девичий венок свой уронит.

А я н а *(поёт)*.

С чёрной горы лисицу
Не каждый сумеет поймать.
В юрту мою приходите,
Там надо невесту искать.
С жёлтой горы лисицу,
Мой любимый сумеет поймать.
В юрту я к мужу уеду,
Там буду его целовать.

Занавес закрывается.